

Институт славяноведения РАН

**Центральноевропейские
исследования**

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES RAS

**CENTRAL-EUROPEAN
STUDIES**

**2023
Issue 6**

Nestor-History
Moscow • St. Petersburg
2023

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**2023
Выпуск 6**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2023

УДК 94 (367+436)
ББК 63.3(0)6
Ц382

Издание основано в 1999 году
Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН

Ц382 Центральноевропейские исследования = Central-European Studies. 2023. — Выпуск 6 / главн. ред. О. В. Хаванова. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2023. — 432 с.

ISSN 2619-0877

DOI: 10.31168/2619-0877 (ежегодник)

DOI: 10.31168/2619-0877.2023.6 (выпуск)

«Центральноевропейские исследования» — междисциплинарный ежегодник о Центральной Европе и сопредельных регионах в сравнительной перспективе.

Периодичность: один раз в год
Тираж: 500 экз.
Почтовый адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А,
Институт славяноведения РАН
Электронный адрес: cestudiesjournal@gmail.com
Сайт: <https://cesjournal.ru>

© Коллектив авторов, 2023
© Институт славяноведения РАН, 2023
© Донской П. К. (обложка и логотип), 2023
© Издательство «Нестор-История», 2023

Главный редактор

Ольга Владимировна Хаванова, д.и.н., проф. РАН, зам. директора ИСл РАН

Заместители главного редактора

Анна Романовна Лагно, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Дарья Юрьевна Ващенко, к. филол. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Ответственный секретарь

Людмила Константиновна Новосельцева, мл. научн. сотр. ИСл РАН

Редколлегия

Лариса Михайловна Аржакова, д. и. н., вед. научн. сотр. ИСл РАН

Юлия Евгеньевна Бут, к. и. н.,

доцент, департамент «Исторический факультет», УрФУ (Екатеринбург)

Кирилл Александрович Кочегаров, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Арина Владимировна Лазарева, к. и. н., доцент,

исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова

Мария Олеговна Новак, д. филол. н., вед. научн. сотр.,

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН

Лариса Николаевна Полубояринова, д. филол. н., проф., филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

Александр Сергеевич Стыкалин, к. и. н., вед. научн. сотр. ИСл РАН

Международный редакционный совет

Катрин Бёк, PhD, научный сотрудник, Институт Восточной и Юго-Восточной Европы имени Лейбница (Регенсбург)

Иван Бертени-мл., PhD, старший научный сотрудник,

Институт истории, Центр гуманитарных исследований,

Венгерская исследовательская сеть HUN-REN (Будапешт)

Майя Борисовна Лавринович, к. и. н., независимый исследователь (Хайфа)

Ивана Хорбец, PhD, научный сотрудник,

Институт хорватской истории (Загреб)

Искра Шварц, PhD, доцент, Институт восточноевропейской истории, Венский университет (Вена)

Михаэль Шиттан, PhD,

член Берлинского научного общества имени Лейбница (Берлин)

Редактор-корректор (русский язык)

Лариса Альфредовна Авакова, ИСл РАН

Редактор-корректор (английский язык)

Мелани Гертхайнрих

Editor

Olga Khavanova, DSc, Professor of the RAS, Deputy Director,
Institute of Slavic Studies RAS

Managing Editors

Anna Lagno, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS

Daria Vashchenko, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies RAS

Editor Assistant

Liudmila Novoseltseva, Junior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS

Editorial board

Larisa Arzhakova, DSc, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS

Yulia But, PhD, Associate Professor,

Department “History Faculty”, Ural Federal University (Yekaterinburg)

Kirill Kochegarov, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS

Arina Lazareva, PhD, Associate Professor,

History Faculty, Moscow Lomonosov State University

Maria Novak, DSc, Leading Research Fellow,

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS

Larisa Poluboyarinova, DSc, Professor, Filological Faculty,

St. Petersburg State University

Aleksandr Stykalin, PhD, Leading Research Fellow,

Institute of Slavic Studies RAS

International advisory board

Iván Bertényi, Jr., PhD, Senior Research Fellow, Institute of History,

Centre for the Humanities, Hungarian Research Network HUN-REN

(Budapest)

Katrin Boeckh, PhD, Research Fellow,

Leibnitz Institute of South- and South-Eastern Europe (Regensburg)

Ivana Horbec, PhD, Research Fellow, Croatian Institute of History (Zagreb)

Maya Lavrinovich, PhD, Independent Researcher (Haifa)

Michael Schippan, PhD,

Member of the Leibnitz Society of Sciences to Berlin e.V. (Berlin)

Iskra Schwarcz, PhD, Associate Professor,

Institute of East-European History, University of Vienna (Vienna)

Russian Language Copy-Editor

Larisa Avakova, Institute of Slavic Studies RAS

English Language Copy-Editor

Melanie Gertheimrich

Содержание

К читателю 11

СТАТЬИ

«Дети разных народов»

Шандор Бене

Семейное сходство: идентичности братьев Зрини 15

Филип Новосел

Новые материалы об адмирале русской службы Матии Змаевиче
в Государственном архиве в Задаре 37

Габор Вадерна

Шандор Петёфи: история литературной карьеры в Венгрии XIX в. 63

Женщины и дело их жизни

Ксения Валерьевна Мельчакова

Аделина Паулина Ирби и ее путь к сердцу Боснии 89

Милана Живанович

Основательница «Второго Смольного» в Королевстве сербов,
хорватов и словенцев Наталия Корнелиевна Эрдели 116

Николай Николаевич Станков

Вера Оливова: историк и время. 129

Формы коллективной самоорганизации

Виктор Викторович Котов

Сокольское движение, сокольская культура и гендерные отношения
в Богемии и Моравии в 1860-е — начале 1870-х годов 163

Людмила Константиновна Новосельцева

Движение сербских женщин в Австро-Венгрии во второй половине
XIX — начале XX в.: идеология, организации, лидеры 208

Язык всех и каждого

Артем Юрьевич Перетяtko, Мария Антоновна Селезнева

Образ романтической возлюбленной между двумя культурами: попытки перевода любовной лирики Адама Мицкевича казачьим офицером Иваном Ульяновым 245

Ирина Евгеньевна Адельгейм

«Человек — это душа, тело и повествователь»: нарративная стратегия Ольги Токарчук 273

Татьяна Владимировна Шалаева

Славянские феминативные суффиксы в лингвогеографическом представлении 296

Чисто символически?

Кочукова Ольга Викторовна, Кочуков Сергей Анатольевич

Феминные этнонациональные персонификации в австрийской политической карикатуре периода Великого восточного кризиса (1875–1878) 319

Борис Сергеевич Новосельцев

Тонкости дипломатического протокола. Подготовка визитов в Югославию Яноша Кадара в 1973 и 1977 гг. 336

Биография и творческое наследие

Сергей Георгиевич Яковенко

Павел Пирлинг (1840–1922): его работы и архив. 363

РЕЦЕНЗИИ

Александр Александрович Силкин

После войны: «вирулентные» национализмы и травмы коллективной памяти в Центрально-Восточной Европе. Рец. на: Nationalisms in Action: The Great War and its Aftermath in East-Central Europe / eds L. Szarka, A. Pok. Komarom; J. Selye University, 2023. 269 p. 411

Contents

Ad lectorem 11

ARTICLES

“Children of Different Nations”

Sándor Bene

Family Resemblance: The Zrínyi brothers identities 15

Filip Novosel

New materials about the Russian Admiral Matija Zmajević in the State
Archives in Zadar 37

Gábor Vaderna

Sándor Petőfi: a literary career in nineteenth-century Hungary 63

Women and Their Life’s Work

Kseniia V. Mel’chakova

Adelina Irby and her way to the heart of Bosnia 89

Milana Živanović

The founder of the “Second Smolny” in the Kingdom of Serbs, Croats
and Slovenes Nataliia Kornelievna Erdeli 116

Nikolai N. Stankov

Vera Olivová: historian and time 129

Forms of Social Self-Organisation

Viktor V. Kotov

The Sokol movement, Sokol culture, and gender relations in Bohemia
and Moravia in the 1860s and in the early 1870s 163

Liudmila K. Novoseltseva

Serbian women’s movement in Austria-Hungary from the second half
of the nineteenth to the early twentieth centuries: ideology, organisations,
and leaders 208

Everyone's Language

Artiom Yu. Peretiat'ko, Mariia A. Selezneva

The image of a romantic female-beloved between two cultures:
The attempts at translating of Adam Mickiewicz' love lyrics
by Cossack officer Ivan Ul'ianov245

Irina Je. Adel'geim

"Man is soul, body, and narrator": Olga Tokarczuk's narrative strategy273

Tatiana V. Shalaeva

Slavic feminative suffixes in linguistic geography presentation296

Just Symbolically?

Olga V Kochukova, Sergei A. Kochukov

Female ethno-national personifications in the Austrian political caricature
of the period of the Great Eastern Crisis (1875–1878)319

Boris S. Novoseltsev

The intricacies of diplomatic protocol. Preparations for János Kádár's
visits to Yugoslavia in 1973 and 1977336

Biography and Heritage

Serguei G. Yakovenko

Pavel Pierling (1840–1922), his work and his archives363

REVIEW ARTICLES

Alexander A. Silkin

After the war: "Virulent" nationalisms and traumas of collective memory
in East-Central Europe. Review of Szarka L., Pók, A., eds, 2023. *Nationalisms
in Action: The Great War and Its Aftermath in East-Central Europe*.
Komárom: J. Selye University, 269 p.411

К читателю

2023 год — время подвести промежуточные итоги работы редакции «Центральноевропейских исследований». Пять лет назад монографическая серия с неопределенной периодичностью была преобразована в ежегодник и стала печатным органом Междисциплинарного центральноевропейского семинара Института славяноведения РАН. Были сформированы редакция, редакционная коллегия и международный редакционный совет, куда вошли коллеги историки и филологи из России, Австрии, Венгрии, Германии, Польши, Словакии и Хорватии. Выпуски ежегодника получали двойную нумерацию: 1(10), 2(11), 3(12) и т.д., что отражало сочетание новой формы периодического издания с преемственностью сборникам статей, которые издавали наши предшественники начиная с 1999 г.

Ежегодник, постепенно завоевавший известность под аббревиатурой ЦЕИ, был задуман как сборник материалов конференций Междисциплинарного центральноевропейского семинара, с уникальными тематическими рубриками. Таким вышел выпуск 1(10) — «День в календаре», однако в последующих выпусках мы отказались от тематического подзаголовка, стали дополнять материалы конференций статьями приглашенных авторов, задумались о регулярных рубриках. Вскоре такие появились: «Язык всех и каждого», «Формы коллективной самоорганизации», «В память о коллеге» и др. В 2021 г. в дополнение к ежегодной конференции Междисциплинарного центральноевропейского семинара стали проводиться международные круглые столы, посвященные Дунаю как европейской водной артерии, пантеонам национальных героев, Бургенланду как вымышленному региону и федеральной земле. Лучшие статьи круглых столов включались в выпуски ЦЕИ. В том же году у нас появился сайт в русской и английской версии, где можно ознакомиться с архивом всех выпусков и метаданными на русском и английском языках.

К 2023 г. оформилась концепция ежегодника, предполагающая сочетание статей по материалам конференций, круглых столов и семинаров, статей приглашенных авторов и авторов, приславших статьи в редакцию. Началась публикация рецензий на книги по центральноевропейской тематике, прежде всего, вышедшие в странах и о странах региона. За прошедшие годы была разработана и доказала свою эффективность практика двойного слепого рецензирования поступающих в редакцию материалов. Пользуясь случаем, благодарим всех, кто уделил время рецензированию статей, которые благодаря рекомендациям и критике вышли в свет в более совершенном, законченном виде. Издание получило электронный ISSN; на обложке выпуска 6 впервые появилось название ежегодника на английском языке.

Изменения, накопившиеся за шесть лет работы, отход от первоначально заданных параметров при сохранении целей и задач побудили нас принять решение отказаться от двойной нумерации на обложке и титуле, отсылающей к первым томам серии, когда она еще была монографической. Ежегодник с 2023 г. выходит в свет под названием «Центральноевропейские исследования = *Central-European Studies*» и с номером выпуска, отсчитываемым от 2019 г.

«ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ»

Шандор Бене

PhD, доцент, кафедра ранней и классической венгерской литературы — институт лингвистики, литературоведения и культурологии, факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Реформатской церкви Венгрии имени Гашпара Кароли, Будапешт, Венгрия. Dózsa György utca, 25–27, Budapest, 1146. E-mail: bene.sandor@kre.hu / доцент, кафедра хунгарологии, факультет гуманитарных и социальных наук, Загребский университет, Загреб, Хорватия. Ul. Ivana Lučića 3, Zagreb. E-mail: sbene@ffzg.hr

Семейное сходство: идентичности братьев Зрини

Братья Миклош и Петер Зрини — два значительных политика и поэта Венгерского королевства раннего Нового времени. Они не только друг за другом занимали одну из высших должностей — пост бана Хорватии, но и считаются представителями особой страницы в истории европейской барочной литературы: оба написали героические эпосы об истории осады крепости Сигетвар в 1566 г. и трагической гибели своего прадеда Миклоша Зрини. В XIX в. фигуры братьев стали предметом дискурсов об их идентичности как в Хорватии, так и в Венгрии. В статье внимание сфокусировано на интерпретациях генеалогии семьи в этих двух историко-культурных традициях и лингвистических и идеологических различиях между двумя эпическими поэмами. С течением времени изначально единая программа братьев изменилась. Петер Зрини отказался от идеи перевести эпос на венгерский язык (что во многом повторяло бы версию брата), и в окончательном хорватском варианте произведения отразилась новая лингвопоэтическая повестка, нацеленная на унификацию и стандартизацию хорватских диалектов. Кроме того, после гибели Миклоша младший брат заменил легенды о северном происхождении рода (которых придерживался брат) на иллирскую версию. Обе ревизии служили одной цели: вместо реформирования венгерской политической системы они были направлены на формирование воображаемой иллирской общности. Поэтому литературные генеалогии эпохи барокко и эпические поэмы можно рассматривать как предшественников национальных идеологий XIX в.

Ключевые слова: род Зрини, Венгерское королевство в раннее Новое время, барочные литературные генеалогии, национальные идентичности раннего Нового времени

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта факультета гуманитарных и социальных наук Университета Реформатской церкви Венгрии имени Гашпара Кароли «Стоическая традиция в венгерской литературе» (№ 20700B800).

Цитирование: Бене Ш. Семейное сходство: идентичности братьев Зрини // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 15–36. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.1>.

Венгерское королевство раннего Нового времени, которое в силу исторических обстоятельств было полиэтничным, с 1102 г. состояло в личной унии с Хорватским королевством. После победы султана Сулеймана (1520–1566 гг.) над венгерским войском в битве при Мохаче (1526 г.) и ослабления средневекового венгерского государства венгерскую корону носили представители династии Габсбургов. После надора (наместника, или палатина) и государственного (верховного) судьи третьим лицом в королевстве был бан (наместник) Хорватии. В XVII в. этот пост друг за другом, идя по стопам предков, занимали видные представители венгерско-хорватской аристократии братья Миклош Зрини (Никола Зринский, 1620–1664) и Петер Зрини (Петар Зринский, 1621–1671)¹. Семья бережно хранила не только память о хорватском происхождении, но и верность венгерской короне: Зрини сражались в битве при Мохаче, прадед братьев, хорватский бан Миклош Зрини (1508–1566) совершил восхитивший многих подвиг: в 1566 г. месяц держал оборону от войск султана Сулеймана крепости Сигетвар в комитате Бараня в южной Венгрии. Крепость пала, и почти все ее венгерско-хорватские защитники, включая Зрини, погибли как герои, но и престарелый султан не достиг цели и отказался от массированного броска на Вену. Венгерско-хорватская двойная лояльность также была характерна для последующих поколений и проявлялась как в покровительстве культуре, так и в матримониальной политике². Родственные связи Зрини простирались до Австрии и Штирии, Чехии и Моравии, а через близких родственников Франгепанов (Франкопанов) до Фриуля и Венеции. Баны Миклош и Петер родились в семье отца-хорвата (Юрая Зринского, 1599–1622) и матери-венгерки (Магдолны Сечи, ?–1621). Их

¹ О биографии и идентичности, включая обзор более ранних работ по теме см.: Бене 2016.

² Pálffy 2012.

эпистолярное наследие свидетельствует, что в XVI в. Зрини в семейной переписке предпочитали использовать венгерский язык, но также читали литературу на хорватском, и хорватские гуманисты, отдавая должное образованности Зринских, посвящали им значимые сочинения³. Династия Зрини была идеальным примером сложно переплетенных языковой, культурной и политической идентичностей раннего Нового времени⁴. В статье я задаюсь вопросом: была ли композитарная идентичность неким синтезом, или ее отдельные элементы изначально конфликтовали друг с другом? И поскольку в вопросе содержится положительный ответ на вторую его часть, я пытаюсь понять, что значит решение этой проблемы для современной науки.

Оба брата, политики и литераторы XVII в., представляют славную главу в истории европейской барочной литературы: Миклош — эпосом о героической обороне Сигетвара на венгерском, Петер — о нем же на хорватском языке. Венгерский и хорватский эпосы вышли из печати с разницей в девять лет: «Сирена Адриатических морей» (*Adriai tengernek Syrenaia*, Вена, 1651) и «Сирена Адриатического моря» (*Adriaszögő mora Sirena*, Вена, 1660)⁵. Политическая карьера Миклоша ничем не отличалась от карьеры предков: вторая жена, мать его детей, штирийка Мария София Лёбль (?–1676), была дочерью председателя грацского военного совета, сам он, наряду с должностью хорватского бана, имел чин генерал-фельдвахтмейстера императорской габсбургской армии, занимал должность тайного советника. Хотя в конце жизни Миклош был крайне недоволен политикой Габсбургов, до открытого разрыва дело не дошло: в ноябре 1664 г. он погиб на охоте, растерзанный кабаном. Его брат Петер вместе с первыми лицами Венгерского королевства (надором

³ Дубровницкий поэт Доминко Златарич (1558–1613) посвятил перевод «Электры» (1584) Софокла сыну героя сигетварской битвы Дёрдю, см.: *Zlatarić D. Prsvjetlomu i priizvrtnomu gospodinu Đurđu knezu Zrinskomu // Tragedije XVI stoljeća / ur. S. Prosperov Novak. Zagreb: Matica hrvatska, 2006. S. 540–542. (Stoljeća hrvatske književnosti)*. Тот же Дёрдь Зрини стал адресатом малого эпоса Брне Карнаутича (1515–1574) *Vazetje Sigeta grada* («Взятие крепости Сигет», 1584), см.: *Matić 1968*.

⁴ Pálffy 2022.

⁵ Современного перевода всего тома нет; см. эпос: *Zrínyi M. The siege of Sziget / transl. by L. Körössi; introd. G. Gömöri. Washington, D. C.: Catholic University of America Press, 2011; Zrínyi M. La Zrinyiade ou Le Péril de Sziget / trad. par J.-L. Vallin. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2015. Новейшие работы для анализа тома см.: *Bene 2016*.*

и государственным судьей) вступил в заговор против Вены; в 1670 г. их бросили в тюрьму, в 1671 г. казнили по обвинению в государственной измене⁶.

Такова, если быть кратким, «подлинная история». В недоброй памяти XIX в. дух национальной романтики ее искажил, прикрываясь взаимным «проклятием памяти» (*damnatio memoriae*), связями между разными языками и литературными традициями, разрушил многогранную, мирно сосуществовавшую систему лояльностей и идентичностей. Миклош стал столпом венгерского, Петер — хорватского «национального канона». Приведу лишь несколько примеров.

В начале XIX в. венгерская литература переживала период обновления и модернизации: Миклошу Зрини, как предтече и образцу для подражания, отводилась решающая роль. Поэты и историки литературы — Ференц Казинци (1759–1831), Ференц Кёлчеи (1790–1838), позднее Михай Вёрёшмарти (1800–1855), Янош Арань (1817–1882), Ференц Толди (1805–1875) — понятия не имели о «Сирене» на хорватском языке⁷. В политическом каноне Миклош Зрини присутствует исключительно как инициатор венгерских национальных антигабсбургских движений, предполагаемая или приписываемая ему антигабсбургская политика стала едва ли не важнее, чем борьба с османами.

Вольное обращение с историческим наследием продолжилось и в XX в., в том числе при социализме (венгерская Военная академия долгое время носила имя Зрини)⁸. В Хорватии во второй половине XIX в. сформировался национальный культ Зрини: в 1866 г. по случаю 300-летия битвы при Сигетваре драму Теодора Кёрнера (1791–1813) «Граф Никлос Зрини, или осада Сигета» (*Niklos Graf von Zriny oder die Belagerung von Sigeth*, 1812) на немецком языке играли с эпилогом, в котором подчеркивалось хорватское происхождение Зрини (венгерские имена в пьесе изменили на хорватский лад еще раньше)⁹. Два года спустя, в 1868 г. вышла в свет первая история хорватской литературы авторства Ивана Кукулевича-Сакцинского (1816–1889), который назвал омадьяренного поэта Миклоша Зрини предателем

⁶ См. давно ставшие классическими работы: Pauler 1876; Лукьяненко 1911; Šišić 1926; Šidak 1972; об их значении для современной науки см.: Tusor 2021.

⁷ О венгерской рецепции см.: Bene 2022.

⁸ Bene 2009; Hermann 2017.

⁹ Főrizs 2014: 93–94; Kovács 2017; ср.: Bobinac 2012: 68–71.

славянских предков¹⁰, в то время как брата Петера восславил как «патриота с трагической судьбой», мученика хорватского народа¹¹. В 1893 г. появился снискавший популярность роман Евгения Кумичича (1850–1904) о национальном движении Петера Зрини и его борьбе за независимость «Заговор Зринских и Франкопанов»¹². Позднеромантический национальный дух романа причудливо дополнился, что, скорее, характерно для нон-фикшн XX в., тенденциозно отобранными, но порой дословно цитируемыми историческими источниками, на которых он основан. Влияние романа на образование и общественную мысль в последующие десятилетия трудно переоценить. Героев «Заговора Зринских и Франкопанов» вплоть до 1990-х годов считали борцами за хорватскую национальную независимость, перенос их тел из австрийского Винернойштадта на родину (1921) и повторная траурная панихида в кафедральном соборе Загреба (1971) символизировали усиление национальных движений¹³.

Если бы историческая наука занималась только сохранением истинного знания, все было бы гораздо проще. И венгерский, и хорватский национальные культы подменили подлинные цели братьев Зрини: эти ошибки можно исправить, и их нужно исправить. Но можно ли провести объективный анализ прошлого, будучи полностью уверенными в его рациональности? Складывается впечатление, что множественные идентичности ни в жизни индивида, ни у группы не являются чем-то статичным, а в крайнем случае элементы различных дискурсов идентичности (часто конфликтующие друг с другом) могут мирно сосуществовать как временные, ситуативные утопии. Они, конечно, всегда опираются на какую-то реальность, но не стоит забывать, что опора весьма условна и являет собой продукт морального выбора, одобренного общественным мнением и определяемого на какой-то период времени политическим консенсусом. Именно таким была связь хорватского и венгерского и дворянства, она покоилась на имевшем давнюю традицию консенсусе, но и он не оставался неизменен.

¹⁰ Kukuljević Sakcinski 1869: 266–267.

¹¹ Kukuljević Sakcinski 1869: 62–75, 330–331.

¹² См.: *Kumičić E. Urota zrinško-frankopanska*. Zagreb: Nakl. Zavod Matice Hrvatske, 1965. 522 s. Ср.: Šicel 1971.

¹³ См. труд с богатым документальным приложением: Mijatović 1999; современный обзор хорватской рецепции Зрини см.: Štefanec 2009.

Для воспитанного на книжной латыни дворянства общим местом (и неоспариваемой истиной) было цицероновское противопоставление родины как места рождения (*patria germana, patria nativa*) и родины в политико-правовом смысле (*patria iuris*) как гражданства¹⁴. В Средние века и большую часть раннего Нового времени любой хорватский дворянин мог считать себя также частью венгерской нации, воплощением чего выступала венгерская святая корона. Эта идиллическая картина, по моему мнению, начала меняться не в эпоху романтизма, первые трещины появились на рубеже XVI–XVII вв. и повлияли на детские годы братьев Зрини. Признаки *национального* чувства нового типа, соединившего воедино происхождение, язык, культуру и политическую идентичность, проявлялись в столкновении церковных институтов по вопросам юрисдикции, во внутренних раздорах университетских «наций» и во многих других областях, например, дебатах государственно-правового характера в Государственных собраниях¹⁵. Миклош и Петер Зрини воспитывались в венгерском окружении, их мать была венгеркой, хорватские семьи из узкого аристократического круга (например Драшковичи) в устной речи и на письме использовали венгерский язык. После смерти матери брата Зрини переписывались с опекуншей, супругой Ференца Баттяни (1573–1625), одной из образованных женщин эпохи, Эвой Поппель (1585–1640) на венгерском языке¹⁶.

Эта тенденция к омадьяриванию уже тогда воспринималась хорватской сословной и интеллектуальной элитой как предательство¹⁷. «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (1652) Юрая Раткая (1612–1666) и его перевод королевского зеркала на хорватский, лексикографическая работа так называемого Озальского кружка (по названию города Озаль), вылившаяся в создание словаря, усилия хорватских епископов по сбору хорватских исторических источников для Ватикана, — все эти инициативы

¹⁴ Дословно: «У всех членов муниципиев, по моему мнению, две родины: одна по рождению, другая по гражданству» см: Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. С. 110. О толковании этого места см.: Bene 2010: 355–360, 372.

¹⁵ Наиболее полный анализ проблемы в историографии см.: Molnár 2019.

¹⁶ Данные об этом собраны в: Takáts 1929. Современный анализ национального самосознания Зрини см.: Bitskey 2009.

¹⁷ Ср.: Bene 2021: 100–103.

зародились именно в культурном, языковом и религиозном пространстве и появлением были обязаны Зрини и их кругу¹⁸.

Отвлекаясь от примеров, сосредоточусь на самом главном тезисе. Сам факт, что братья-аристократы сознательно поделили между собой венгерский и хорватский языки, показывает, что они понимали проблему и по-своему искали приемлемое для обоих решение. Миклош дал традиционный ответ, когда решил развивать венгерско-хорватское сотрудничество в рамках венгерского сословного государства. Его героический эпос на венгерском языке символически вернул права на историческое место действия, Сигетвар, в пространстве поэзии. Первое литературное сочинение на эту тему — малый эпос Брне Карнарутича (1515–1573) — был написан в 1584 г. по-хорватски, и венгры не играли в нем заметной роли. Этот символический национально-этнически-культурный поступок был в самом широком смысле слова сделан для и ради венгров. Миклош Зрини мечтал не о монолингвальной стране. Его политическая программа покоилась на двух основаниях: в ней соединялись реформа венгерского государства, модернизация Королевства св. Стефана и освобождение Балкан от османского влияния, и второе, в случае успеха, открывало путь к интеграции хорватских, сербских и боснийских территорий. Ради этого Зрини был готов на сотрудничество с Габсбургами, но решительно отвергал поддержку сторонних держав (французов или русских)¹⁹.

В том же политическом ключе написаны заключительные строки «Сигетского бедствия»: защитник крепости Миклош Зрини сам убивает султана Сулеймана. Согласно новейшим исследованиям, здесь мы имеем дело не с классической фикцией, но с прямой исторической аналогией. Сцена отсылает читателя к битве на Косовом поле 1389 г., к большой балканской трагедии, когда сербское войско потерпело сокрушительное поражение от турецких захватчиков, но в конце

¹⁸ Подробнее см.: Bene 2001; ср.: Bene 2021: 242–248. Словарь: *Bellosztenecz J. Gazophylacium seu Latino-Illyricorum onomatum aerarium*. Zagrabiae: Joannes Batista Weitz, 1740. Об Озальском кружке см.: Vončina 1979.

¹⁹ В более поздних сочинениях («Средство от турецкого дурмана», 1661) Зрини писал о французах: «Француз, если побеждает, нестерпим, в беде же никудышен». О русских: «На московитов я бы не рассчитывал <...>, их страна далеко, <...> их политика глупая, власть — тиранская, и кому нужна их помощь?». См.: *Zrínyi M. Török áfium ellen való orvosság // Zrínyi M. Összes művei / kiad. T. Klaniczay, Cs. Csapodi. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1958. 1 köt. 647–648. old.*

сражения наступил апофеоз павших мучеников: сербский герой Милош Обилич (1350–1389) убил султана Мурада I (1362–1389 гг.)²⁰. Проводя такую параллель, можно сказать, что эпос Зрини соединял южнославянскую историческую мифологию с недавней венгерской историей, постулировал единение символического прошлого, а значит, и будущего южнославянских территорий с Венгерским королевством²¹.

Та же программа была сформулирована в генеалогическом труде, написанном по заказу Миклоша Зрини в 1660-е годы²². Автор — ирландский монах, «придворный теолог» хорватского бана Марк Форстолл (?–1683). Его «Стемматография»²³ (*Stemmatographia*) — типично барочная литературная генеалогия: средневековая часть — основанная на источниках более-менее достоверная историческая работа, но глава о том, откуда пошел род Зрини — не что иное, как вольный пересказ теорий происхождения, но при этом и очень важный элемент дискурса об идентичности, футурологическая картина, обращенная в прошлое. Ценность сочинения в том, что автор пытался отрицать существовавшую в семейном предании память о происхождении Зрини от Шубичей и привязал династию к другой линии южнославянской исторической традиции — северной, скандинавской (точнее, восточнототской). Здесь Форстолл исходил из того, что в Средние века Зрини носили титул графов Островицы. В качестве мифического предка он приписал им готского правителя Островия, братом которого был реальный персонаж, король Тотила. Живший в VI в. и сражавшийся с Византией, Тотила ненадолго покорил Италию. Почему он был так интересен Зрини? Не только именем, созвучным имени предводителя гуннов Аттилы, но и политической карьерой и всем габитусом. Аттила занимал исключительно важное место в венгерской исторической памяти как основатель государства, поэтому Зрини виртуально связывал хорватское семейное прошлое

²⁰ Об источниках и их толковании см.: Redep 1991; Pešep 2010; Popović 2007.

²¹ Подробнее см.: Bene 2017.

²² Hrvatski državni arhiv, Zagreb. Fond Zrinski. Fasc. 280. Conv. E 1–152. *Stemmatographia Marvortiae familiae comitum a Zrin* (1665). Критического издания оригинального латинского текста пока нет; см. перевод на венгерский язык с примечаниями и комментариями: *Forstall M. A Zrínyi grófok hősi családjának története / ford. S. Bene // A Zrínyiek a magyar és a horvát történelmében / szerk. S. Bene, G. Hausner, Budapest: Zrínyi Kiadó, 2007. 321–378. old.*

²³ *Стема* — изображение генеалогического дерева.

с венгерской политической идентичностью²⁴. Таким образом, можно сказать, что произошедшая в XIX в. венгерская «экспроприация», национальная «приватизация» истории Зрини (в том числе литературного и политического наследия Миклоша Зрини) лишь отчасти была неоправданной: национальная романтика забыла о южнославянских связях, но акцент на венгерскую идентичность был заложен уже в изначальной политической и литературной программе Зрини. Неслучайно он посвятил сборник стихов на венгерском языке — как и свою кровь «до последней капли» — «венгерскому дворянству» и почтил эпиграммой основателя государства (завещавшего венграм в качестве политической программы завоевание, «доблесть») гуннского предводителя Аттилу²⁵.

Здесь имеет смысл рассмотреть более широкие или, можно сказать, более глубокие исторические параллели. Генеалогическая концепция Зрини была основательнее и осмысленнее, чем простое сходство имен (Тотила и Аттила) или вымышленная этимология Островий — [графы] Островицкие. Сами Зрини считали себя потомками Шубичей, в то время как Форстолл посвятил особую главу своего генеалогического сочинения опровержению этих представлений²⁶. Генеалогия Шубичей (Сульпициев), как показано ниже, сочеталась с тезисом об автохтонном, иллирско-хорватском происхождении. Связав происхождение Зринских — этого старейшего хорватского рода — с готами, Форстолл и его патрон Миклош Зрини отказались от южного, (римско-)иллирского цикла преданий и обратили взор, как уже упоминалось, на северный, готско-германский мир. «Готицизм» в ту эпоху был не менее распространенным генеалогическим дискурсом с политическими коннотациями, чем «иллиризм», и подобно последнему, имел многочисленные вариации²⁷. Форстолл последовательно выстроил эту

²⁴ О Форстолле и его сочинении подробнее см.: Bene 2012.

²⁵ *Zrínyi M. Adriaí tengernek Syrenaia. Dedicatio // Zrínyi M. Összes művei. 1. köt. 8. old.; Idem. Attila // Zrínyi M. Összes művei. 1. köt. 390. old.*

²⁶ *Stemmatographia. Fol. 107–108.*

²⁷ См.: Johannesson 1991; Neville 2009. Из сказанного выше видно, что я придаю большее значение готскому происхождению хорватов, чем Зринка Блажевич, которая затронула готский вопрос только в связи с источниками Мауро Орбини, см.: Blažević 2008: 181. На мой взгляд, то, что Миклош Зрини обратился к самому древнему племени хорватского этногенеза (более древнему, чем тезис об иллирско-славянской преемственности), было результатом осознанного идеологического выбора.

систему в «Стемматографии»²⁸. Он связал представления о готском родстве в далматинской летописной традиции («Летопись попа Дуклянина») с гуманистической историографией (Леонардо Бруни), а затем с более поздней скандинавской историографией («История всех королей готов и шведов» Иоганна Магнуса (1488–1544)), включил в нее элементы конкурирующей ирландской историографии, на которую мог опираться (Мауро Орбини (1550–1614), Ю. Раткай). Форстолл использовал устные источники: в «Стемматографии» приведены сведения, полученные от датского посланника в Вене о том, что потомки Островиев якобы жили в современной Дании XVII в.²⁹ Тем самым автор переориентировал династию Зрини, а вместе с ней и хорватскую национальную историю на северную, германо-скандинавскую генеалогическую традицию. И это — в соответствии с практикой того времени — означало историческую легитимацию габсбургской политики, что определило будущее Венгерского королевства и его свободу маневра. Однако в рамках готицизма была и другая линия, которая включала в этногенез северных народов историю скифов, Аттилу и всю гуннскую традицию³⁰. Тотила и Аттила не просто олицетворяли героические судьбы, не только давали пример исторической аналогии, но воплощали родство готов и гуннов (иными словами, хорватов и мадьяр).

Как относится к этому вопросу, к проблеме происхождения, хорватская историческая память? Здесь тоже имеет смысл обратиться к самим братьям Зрини. Поначалу представления Петера ничем не отличались от старшего брата, можно вести речь об их общей программе. Вскоре после венского издания в 1651 г. «Сирены» на венгерском Петер Зрини приступил к переводу эпоса на хорватский язык, формально сохраняя размер стиха. В середине 50-х годов XVI в. что-то изменилось, и он забросил перевод на полпути, дойдя до 8-й песни. Затем он возобновил работу, но уже на совершенно иных

²⁸ Подробнее об источниках, которыми пользовался Форстолл, см.: Бене 2012: 283–285.

²⁹ *Stemmatographia*. Fol. 70.

³⁰ См. основополагающий труд с перечислением источников (Аблабий, Альберт Кранций, Иордан) о готском происхождении гуннов: *Johannes Magnus*. *Historia de omnibus Gothorum Sueuorumque regibus qui unquam ab initio nationis extitere, eorumque memorabilibus bellis late varieque per orbem gestis*. Romae: De Viottis, 1554. P. 220–222 (Lib. VI. Cap. 24–25).

поэтических принципах. Хорватская версия эпоса оказалась гораздо ближе к традиции южнославянского фольклора. Исчезли настойчивые отсылки к венгерскому присутствию при защите Сигетвара, географические и личные имена стали хорватскими (вместо Кешмарка появился Велебит³¹, вместо «ста молодцев» — «сто хорватов» и т. д.). Новый перевод метрически существенно отличался от венгерского образца, и подражал далматинскому классику Марко Маруличу (1450–1524). О причинах идеологической и поэтической смены направления можно лишь гадать. Не исключено, что Петера Зрини больше, чем фольклор, привлекал хорватский политический мир. Именно тогда, в 1655 г., в Вене была создана копия большого антитурецкого эпоса «Осман» поэта Ивана Гундулича (1589–1638) из Дубровника, принесящая этому шедевру широкую славу. В печатном виде он появился спустя века, но ходил в списках уже тогда. Изданный в Венеции том «Сирены» на хорватском языке и в лингвопоэтическом смысле, и с точки зрения идеологического послания указывал на южное направление, на Балканы, и в духе идеологии раннего иллиризма не Косово поле сдвигал на север, а Сигетвар — на юг³².

Конечно, помогло поэту современное ему научное знание XVII в. После гибели брата Петер Зрини нанял Марка Форстолла воспитателем сына и заказал монаху новую версию семейной истории, в которой версия готского происхождения была заменена «иллирской» (южнославянской) линией Шубичей³³. Все это дополнялось модной в эпоху барокко версией римского происхождения. Якобы Шубичи были на самом деле смешанного происхождения: в эпоху обретения родины хорватская династия породнилась с жившими на далматинском побережье и дожившими до Средневековья древнеримскими Сульпициями и взяла их имя. Со временем народ искажил имя Сульпициев, и они превратились в Шубичей. Отец Форстолл усердно собирал все новые свидетельства, когда его заказчик познакомился с программой живших тогда в Риме хорватских ученых Ивана Лучича (1604–1679)

³¹ Речь идет о замене топонима, относящегося к северной Венгрии, города Кешмарк (ныне Кежмарок в Словакии), на название горного хребта Велебит в современной Хорватии (*прим. перев.*).

³² Bene 2021: 480–490.

³³ Hrvatski državni arhiv. Fond Zrinski. Fasc. 280. Conv. B 71–78; в венгерском переводе с комментариями см.: A Zrínyiek a magyar és a horvát históriában / szerk. S. Bene, G. Hausner. Budapest: Zrínyi Kiadó, 2007. 379–385. old.

и Степана Градича (1613–1683). В результате при посредничестве Лучича в 1668 г. в Амстердаме была издана карта *Illyricum hodiernum* («Современная Иллирия») с посвящением хорватскому бану Петеру Зрини, на которой изображались желаемые территории после возможной балканской освободительной войны. Единым цветом были закрашены территории политического объединения, включавшего помимо Далмации и Боснии также Сербию, Истрию и северные хорватские территории вместе с принадлежавшим Зрини Меджимурьем (Муракёзом)³⁴. Эта мечта исполнилась спустя века, после Первой мировой войны, а объединение просуществовало до начала 1990-х годов. Не в последнюю очередь причиной краха опосредованно стало то обстоятельство, что сами авторы программы не видели разницы между претензиями хорватских сословий и в более широком смысле слова югославянскими (иллирскими) политическими утопиями. Жившие и творившие в Риме хорватские ученые, когда речь шла о размещении студентов в паломническом доме св. Иеронима, отстаивали перед папским трибуналом концепцию «малой Иллирии», которая наряду с собственно Хорватией и Славонией включала в себя католические территории Далмации и Боснии, хотя большая часть Далмации находилась под властью Венеции, Босния же была включена во владения султана. Но когда они переносили на карту свои амбициозные политические проекты, то объединяли населенные православными области с римско-католическими хорватскими и далматинскими землями³⁵.

В современной историографии предпринято немало попыток типологизации и хронологизации различных «иллиризмов». Несомненно, интересной аналитической задачей является решение вопроса о том, ближе к какой его версии³⁶ относится идея, разработанная Петером Зрини вместе с Иваном Лучичем — межконфессиональной, францисканской, ватиканско-габсбургской, «далматинской» или некоей их комбинации. Но гораздо важнее отметить принципиальное отличие: о каком бы направлении иллиризма ни шла речь, он порывал все связи с Центральной Европой и ее государственно-политическими образованиями, будь то Габсбургская монархия или Венгерское королевство³⁷.

³⁴ Kurelac 1994: 97–107; Mlinarić, Faričić, Mirošević 2012.

³⁵ Bene 2021: 489–490.

³⁶ Blažević 2008: 152–157.

³⁷ К исключениям можно отнести «сословный иллиризм» или «паннонский иллиризм», как эту версию называют в новейшей историографии. Он зародился в 30-е

Упомянутые выше исторические события подтверждают интеллектуальный разворот в южнославянском направлении. Петер Зрини в период подготовки антигабсбургского заговора параллельно работал над двумя политическими программами. Наряду с союзом с венграми он все больше склонялся в пользу югославянского решения — некоему варианту Иллирии. И это подтверждает, что движение иллиризма в XIX в. не просто так видело свои истоки в литературном творчестве Петера Зрини и его мученической смерти. В период Австро-Венгерской монархии и авторы более узких, собственно хорватских, проектов, и архитекторы более широких, югославянских, политических концепций были заинтересованы в ославянивании рода Зрини. Именно тогда герой Сигетварской битвы окончательно стал «Николой Шубич-Зринским», и повод к тому дал не только и не столько эпос Петера Зрини, сколько его младший современник, хорватский ученый и поэт Павао Витезович с его поэтическим эпосом «Гарнизон Сигетской крепости» (*Odihyenje Sigeta grada*, 1686 г.?) и историческими сочинениями³⁸. Не случайно, что в эпоху дуализма хорватская интеллигенция без труда расшифровала кодированное послание, помещенное Миклошем Зрини в конце «Сигетского бедствия». Поняли, но истолковали не так, как того хотел бы автор³⁹.

В период между двумя мировыми войнами с новой силой возродились споры о генеалогии Зрини. Италия хотела присоединить отошедшие к Югославии далматинские территории, что неизбежно вело к культурно-политической напряженности. Ответом на ревизионистские настроения стало обнаружение изначальной, антишубичской версии «Стематографии». В жилах предков Зрини, графов Брибирских, текла, говоря современным языком, смесь латинской и венгерской крови⁴⁰. Но споры не прекратились и привели к тому,

годы XVII в. на северных хорватских территориях, прежде всего в Загребской епархии. Его представителями были Иван Зайц и Ю. Рагткай, но он сошел со сцены под напором нового, эволюционировавшего в панславистском направлении иллиризма XVIII в. (Павел Риттер-Витезович (1652–1713)). См.: Molnár 2023.

³⁸ Prosperov Novak 1999: 404–408; Bene 2010: 384–396.

³⁹ В конце сочинения Владислава Вежича (1825–1894) «Сигетский герой Никола Зринский» (*Sigetski junak Nikola Zrinski*, 1866) султан Сулейман за спиной приготовившего его убить Миклоша Зрини видит фигуру Милоша Обилича. Источник вдохновения находился в современной автору литературе, предисловии Велимира Галя (1845–1902) к новому изданию 1861 г. эпоса Б. Карнарутича. См.: Antoljak 1986.

⁴⁰ Banfi 1934: 607–620; Banfi 1935: 128–140.

что существовавшая и ранее узкая «национальная» хорватская идея после 1990-х годов стала политической реальностью в этой стране. Хорватское происхождение Зрини из научно-исторического курьеза идеологически превратилось в важный элемент национальной идеологии⁴¹. Тем временем ученые, сохраняя беспристрастность, продолжают исследования, наука, основывающая выводы на анализе источников, движется вперед⁴², но мы редко осознаем, что в нашей профессиональной деятельности есть очень важный эмоциональный и моральный фактор, который влияет на нас с начального этапа исследования, при выборе темы, при постановке рабочих гипотез.

Например, я не знаю никого, кто бы в последнее время решил исследовать ту часть истории Зрини, которая включена в набор вариантов, и если и не является фактологически обоснованной, то не лишена интереса с точки зрения истории идей. Отец Форсталл так и не опубликовал «Семматографию», но — готовый к любому развитию событий — нарисовал себе в красивых стеммах генеалогическую версию, согласно которой его заказчики братья Миклош и Петер Зрини были родственниками по дочерней линии сербского князя Лазаря, геройски погибшего на Косовом поле, и чья дочь была женой выжившего в битве Вука Бранковича. Поскольку вторая из двух дочерей Лазаря еще ранее вышла замуж за сына султана Мурада, Баязида, Зрини, защищавшего островную крепость, и султана Сулеймана, осаждавшего крепость, можно считать дальними родственниками. Удивительная правда, и Миклош Зрини, написавший эпос о городе, должен был знать ее, поскольку он предоставил Форстоллу источники, подтверждающие ее⁴³. Однако по какой-то причине тот не использовал этот элемент ни в эпосе, ни в семейной генеалогии⁴⁴.

Урок из рассказанной выше истории (часто в форме аллюзий, с неизбежными упрощениями) сформулировать нетрудно: историческая наука — не юриспруденция, не может, как многим хотелось бы, раз и навсегда сформулировать вечную истину. Прошлое — это

⁴¹ Полный обзор рецепции см.: Blažević, Čoha 2008.

⁴² Помимо процитированных выше значительных работ, см. самое новое обобщающее исследование: Petrić 2022.

⁴³ Самый важный из них: *Orbini M. Il regno de gli slavi*. Pesaro: Concordia, 1601. P. 342.

⁴⁴ О контексте см.: Bene 2017: 761–763.

не статичный образ, который можно препарировать и изучать под микроскопом. Все ее составные части находятся в постоянном движении. Мы не выбираем между вариантами (в данном случае, дискурсами идентичности, предлагаемыми нам прошлым) на основе чисто научных критериев, так же, как реальные исторические персонажи адаптировали знания о прошлом (например, о прошлом своей семьи) к представлениям о будущем. Наше желание видеть в прошлом мир параллельных, множественных идентичностей является результатом иллюзий относительно будущего. История во многом движима такими иллюзиями; но если мы считаем их объективными сущностями, если мы отказываемся от их изучения, если нас не интересуют желания и моральный выбор, которые ими движут и которые иногда конфликтуют друг с другом, мы также отказываемся от идеальной «Иллирии» (вне зависимости, является Венгрия ее частью или нет), где различные идентичности не стремятся уничтожить друг друга. И если, вопреки всем ожиданиям, вероятностям и историческим законам, мы все-таки достигнем ее берегов, мы будем стоять там, недоумевая, и спрашивать вместе с шекспировской Виолой: «Но для чего в Иллирии мне жить?»⁴⁵.

Перевод с венгерского О. В. Хавановой

Список сокращений

HAZU — Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti

Литература

- Лукьяненко 1911 — *Лукьяненко А. М.* Политическая и литературная деятельность братьев Зринских и Франца Франкопана // Из истории политической и экономической жизни хорватов XVII в. и из истории развития у хорватов литературы и выработки литературного языка. Киев: б.и., 1911. Т. 1. 853 с.
- Ређеп 2010 — *Ређеп Ј.* О Житију кнеза Лазара, познатом као Прича о боју косовском. Предговор // *Ређеп Ј.* Житије кнеза Лазара. Нови Сад: Прометеј, 2010. С. 5–39.
- Antoljak 1986 — *Antoljak S.* Velimir Gaj, izdavač i tumač Karnarutičeva Vazetja Sigeta grada // *Sigetska epopeja od Karnarutića do Vitezovića (1584–1684) / ur. N. Kolumbić, Zadar: Hrvatsko filološko društvo, 1986. S. 101–111.*

⁴⁵ У. Шекспир, «Двенадцатая ночь», акт I, сцена 2.

- Banfi 1934 — *Banfi F.* L'origine della famiglia Zrinyi // Archivio storico per la Dalmazia. 1934. Vol. 17. P. 607–620.
- Banfi 1935 — *Banfi F.* L'origine della famiglia Zrinyi // Archivio storico per la Dalmazia. 1935. Vol. 18. P. 128–140.
- Bene 2001 — *Bene S.* Ideološke koncepcije o staleškoj državi zagrebačkoga kanonika // *Rattkay J.* Spomen na kraljeve i banove Kraljevstva Dalmacije, Hrvatske i Slavonije / prir. M. Korade, M. Valentić. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2001. S. 4–103 (Biblioteka Hrvatska povjesnica. Knj. 5).
- Bene 2009 — *Bene S.* Miklós Zrínyi in post-World War II scholarly literature in Hungary: The past and present of interdisciplinary research // *Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa* / hrsg. von W. Kühlmann, G. Tüskés; Mitarb. S. Bene. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009. S. 411–430 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext. Bd. 141).
- Bene 2010 — *Bene S.* Illyria, or what you will: Luigi Ferdinando Marsigli's and Pavao Ritter Vitezovic's "Mapping" of the borderlands recaptured from the Ottomans // *Whose love of which country: Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe* / ed. by B. Trencsényi, M. Zászkaliczky. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 351–404 (Studies in the history of political thought. Vol. 3).
- Bene 2012 — *Bene S.* Povijest jedne obiteljske povijesti: Rađanje i žanrovska pozadina genealogije Zrinskih // *Susreti dviju kultura: Obitelj Zrinski u hrvatskoj i mađarskoj povijesti* / ur. S. Bene, G. Hauser, Z. Ladić. Zagreb: Matica Hrvatska, 2012. S. 251–302 (Biblioteka zbornici. Knj. 4).
- Bene 2016 — *Bene S.* Miklós Zrínyi, the poet // *Zrínyi-album* / szerk. G. Hauser. Budapest: Hadtörténeti Múzeum; Zrínyi Katonai Kiadó, 2016. 174–249. old.
- Bene 2017 — *Bene S.* Szulejmán halála a Zrínyi-eposzokban: Történeti poétikai megközelítés // *Irodalomtörténeti Közlemények*. 2017. 121. sz. 746–779. old.
- Bene 2021 — *Bene S.* A harmadik szirén: Zrínyi Miklós költészete. Budapest: Osiris Kiadó; Gondolat Kiadó, 2021. 1068 old. (Osiris irodalomtörténet: Monográfiák).
- Bene 2022 — *Bene S.* Baroque tradition in early Romanticism: Grounding the modern literary canon in Hungary // *Hungarian Studies*. 2022. Vol. 36. № 1–2. 36–45. old.
- Bitskey 2009 — *Bitskey I.* Die Topoi des nationalen Selbstverständnisses bei Zrínyi // *Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa* / hrsg. von W. Kühlmann, G. Tüskés; Mitarb. S. Bene. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009. S. 159–173 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext. Bd. 141).
- Blažević 2008 — *Blažević Z.* Ilirizam prije ilirizma. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga, 2008. 400 s.

- Blažević, Coha 2008 – *Blažević Z., Coha S.* Zrinski i Frankopani: Strategije i modeli heroizacije u književnom diskursu // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 2008. Vol. 40. S. 91–117.
- Bobinac 2012 – *Bobinac M.* Theodor Körner im kroatischen Theater // Zagreber Germanistische Beiträge. 2012. Jg. 11. S. 59–96.
- Fórizs 2014 – *Fórizs G.* Egy Zrínyi-dráma sikere a 19. században // Irodalmi Magazin. 2014. 2. évf. 93–94. old.
- Hermann 2017 – *Hermann R.* Zrínyi Miklós emléke: A polgári átalakulás és az 1848–49-es forradalom és szabadságharc nemzedéke // Határok fölött: Tanulmányok a költő, katoná, államférfi Zrínyi Miklósról / szerk. S. Bene, P. Fodor, G. Hausner, J. Padányi. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóintézet, 2017. 139–151. old.
- Johannesson 1991 – *Johannesson K.* The Renaissance of the Goths in sixteenth-century Sweden: Johannes and Olaus Magnus as politicians and historians. Berkeley: University of California Press, 1991. 298 p. (Uppsala Studies in History of Science. Vol. 9).
- Kovács 2017 – *Kovács K.* Die Rezeption von Theodor Körner mit und ohne Zriny // Dialogische Erinnerung / hrsg. von A. Horváth, K. Kovács, E. Pabis. Debrecen: Debrecen University Press, 2017. S. 39–78 (Arbeiten zur deutschen Philologie. Bd. 30).
- Kukuljević Sakcinski 1869 – *Kukuljević Sakcinski I.* Književnici u Hrvatah s ove strane Velebita, živiši u prvoj polovini XVII. vieka. Zagreb: Štamparija Dragutina Albrechta, 1869. 414 s.
- Kurelac 1994 – *Kurelac M.* Ivan Lucius-Lučić, otac hrvatske historiografije. Clio Croatica. Zagreb: Školska knjiga, 1994. 179 s.
- Matić 1968 – *Matić T.* Karnarutićevo Vazetje Sigeta grada // Grada za povijest književnosti Hrvatske. 1968. Knj. 29. S. 5–39.
- Mijatović 1999 – *Mijatović A.* Zrinsko-frankopanska urota. Zagreb: Alfa, 1999. 246 s. (Biblioteka posebna izdanja).
- Mlinarić Faričić, Mirošević 2012 – *Mlinarić D., Faričić J., Mirošević L.* Historijsko-geografski kontekst nastanka Lučićeve karte Illyricum hodiernum / The historic-geographic context pertaining to the origin of Lučić's map Illyricum Hodiernum // Geoadrija. 2012. Vol. 17. № 2. P. 145–176.
- Molnár 2019 – *Molnár A.* Magyar hódoltság, horvát hódoltság: Magyar és horvát katolikus egyházi intézmények az oszmán uralom alatt. Budapest: Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 2019. 509 old. (Magyar történelmi emlékek: Értekezések).
- Molnár 2023 – *Molnár A.* Zsinatok háborújától a pannon illírizmushoz: A magyar-horvát viszony újrafogalmazása a zágrábi zsinaton és Zaicz János pálos szerzetes emlékiratában, 1634–1635. Budapest: Reciti, 2023. 223 old. (Irodalomtörténeti füzetek, 188).

- Neville 2009 — *Neville K.* Gothicism and Early Modern Historical Ethnography // Journal of the History of Ideas. 2009. Vol. 70. P. 213–234.
- Pauler 1876 — *Pauler Gy.* Wesselényi Ferencz nádor és társainak összeesküvése. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1876. 1–2. köt. 862 old.
- Pálffy 2012 — *Pálffy G.* Prekograniczna povezanost Nikole IV. i Nikole VII. Zrinskog: Hrvatsko-mađarska plemićka obitelj u aristokraciji Ugarsko-hrvatskog Kraljevstva i u Habsburškoj Monarhiji // Susreti dviju kultura: Obitelj Zrinski u hrvatskoj i mađarskoj povijesti / ur. S. Bene, G. Hausner, Z. Ladić. Zagreb: Matica Hrvatska, 2012. S. 117–163 (Biblioteka zbornici. Knj. 4).
- Pálffy 2022 — *Pálffy G.* Több ország szolgálatában: Zrínyi Miklós lojalitásai és identitásai // Zrínyi Miklós emlékkönyv / szerk. A. Bódvai. Budapest: Bethlen Gábor Alapkezelő Zrt, 2022. 12–31. old.
- Petrić 2022 — *Petrić H.* Nemo me impune lacesset — Sors bona nihil aliud: O životu i radu Nikole VII. Zrinskog (1620–1664) // Rad HAZU — Razred za društvene znanosti. 2022. Sv. 55. S. 37–138.
- Popović 2007 — *Popović M.* Vidovdan i časni krst: Ogled iz književne arheologije. Beograd: Biblioteka XX vek, 2007. 269 s.
- Prosperov Novak 1999 — *Prosperov Novak S.* Od Gundulićeva “poroda od tmine” do Kačićeva “Razgovora ugodnog naroda slovinskoga” iz 1756. Zagreb: Antibarbarus, 1999. 943 s. (Povijest hrvatske književnosti. Sv. 3).
- Redep 1991 — *Redep J.* The legend of Kosovo // Oral Tradition. 1991. Vol. 6. P. 253–265.
- Šicel 1971 — *Šicel M.* Povijesni romani Eugena Kumičića // Croatica: Časopis za hrvatski jezik, književnost i kulturu. 1971. Sv. 2. S. 177–200.
- Šidak 1972 — *Šidak J.* Urota Zrinsko-frankopanska kao historiografski problem // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu. 1972. Sv. 2. S. 5–21.
- Šišić 1926 — *Šišić F.* Zavjera Zrinsko-Frankopanska (1664–1671). Zagreb: s. ed., 1926. 137 s.
- Štefanec 2009 — *Štefanec N.* Zrinski family in the Croatian historiographic discourse: A case-study of the construction in national identity // Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa / hrsg. von W. Kühlmann, G. Tüskés; Mitarb. S. Bene. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009. S. 391–410 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext. Bd. 141).
- Takáts 1929 — *Takáts S.* A Zrínyiek magyarsága // *Takáts S.* Magyar küzdelmek. Budapest: Genius, 1929. 39–54. old.
- Tusor 2021 — *Tusor P.* Forráskritikai megjegyzések a Wesselényi-összeesküvés történetéhez // Századok. 2021. 155. évf. 1233–1277. old.
- Vončina 1979 — *Vončina J.* Ožaljski jezično-književni krug // *Vončina J.* Jezično-povijesne rasprave. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1979. S. 197–212.

References

- Antoljak, S., 1986. Velimir Gaj, izdavač i tumač Karnarutićeva Vazetja Sigeta grada. In: Kolumbić, N., ed. *Sigetska epopeja od Karnarutića do Vitezovića (1584–1684)*. Zadar: Hrvatsko filološko društvo, pp. 101–111.
- Banfi, F., 1934. L'origine della famiglia Zrinyi. *Archivio storico per la Dalmazia*, 17, pp. 607–620.
- Banfi, F., 1935. L'origine della famiglia Zrinyi. *Archivio storico per la Dalmazia*, 18, pp. 128–140.
- Bene, S., 2001. Ideološke koncepcije o staleškoj državi zagrebačkoga kanonika. In: Rattkay J.; Korade, M., Valentić, M., eds. *Spomen na kraljeve i banove Krajevstava Dalmacije, Hrvatske i Slavonije*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, pp. 4–103 (Biblioteka Hrvatska povjesnica, 5).
- Bene, S., 2009. Miklós Zrínyi in post-World War II scholarly literature in Hungary: The past and present of interdisciplinary research. In: Kühlmann, W., Tüskés, G., Bene, S., eds. *Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, pp. 411–430 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext, 141).
- Bene, S., 2010. Illyria, or what you will: Luigi Ferdinando Marsigli's and Pavao Ritter Vitezovic's "Mapping" of the borderlands recaptured from the Ottomans. In: Trencsényi, B., Zászkaliczky, M., eds. *Whose love of which country: Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe*. Leiden; Boston: Brill, pp. 351–404 (Studies in the history of political thought, 3).
- Bene, S. 2012. Povijest jedne obiteljske povijesti: Rađanje i žanrovska pozadina genealogije Zrinskih. In: Bene, S., Hauser, G., Ladić, Z. *Susreti dvoju kultura: Obitelj Zrinski u hrvatskoj i mađarskoj povijesti*. Zagreb: Matica Hrvatska, pp. 251–302 (Biblioteka zbornici, 4).
- Bene, S., 2016. Miklós Zrínyi, the poet. In: Hauser, G., ed. *Zrínyi-album*. Budapest: Hadtörténeti Múzeum; Zrínyi Katonai Kiadó, pp. 174–249.
- Bene, S., 2017. Szulejmán halála a Zrínyi-eposzokban: Történeti poétikai megközelítés. *Irodalomtörténeti Közlemények*, 121, pp. 746–779.
- Bene, S., 2021. *A harmadik szirén: Zrínyi Miklós költészete*. Budapest: Osiris Kiadó; Gondolat Kiadó, 1068 p. (Osiris irodalomtörténet: Monográfiák).
- Bene, S., 2022. Baroque tradition in early Romanticism: Grounding the modern literary canon in Hungary. *Hungarian Studies*, 33, 1–2, pp. 36–45.
- Bitskey, L., 2009. Die Topoi des nationalen Selbstverständnisses bei Zrínyi. In: Kühlmann, W., Tüskés, G., Bene, S. *Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, pp. 159–173 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext, 141).

- Blažević, Z., 2008. *Ilirizam prije ilirizma*. Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga, 400 p.
- Blažević, Z., Coha, S., 2008. Zrinski i Frankopani: Strategije i modeli heroizacije u književnom diskursu. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*, 40, pp. 91–117.
- Bobinac, M., 2012. Theodor Körner im kroatischen Theater. *Zagreber Germanistische Beiträge*, 11, pp. 59–96.
- Fórizs, G., 2014. Egy Zrínyi-dráma sikere a 19. században. *Irodalmi Magazin*, 2, pp. 93–94.
- Hermann, R., 2017. Zrínyi Miklós emléke: A polgári átalakulás és az 1848–49-es forradalom és szabadságharc nemzedéke. In: Bene, S., Fodor, P., Hausner, G., Padányi, J., eds. *Határok fölött: Tanulmányok a költő, katona, államférfi Zrínyi Miklósról*. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóintézet, pp. 139–151.
- Johannesson, K., 1991 *The Renaissance of the Goths in sixteenth-century Sweden: Johannes and Olaus Magnus as politicians and historians*. Berkeley: University of California Press, 298 p. (Uppsala Studies in History of Science, 9).
- Kovács, K., 2017. Die Rezeption von Theodor Körner mit und ohne Zriny. In: Horváth, A., Kovács, K., Pabis, E., eds. *Dialogische Erinnerung*. Debrecen: Debrecen University Press, pp. 39–78 (Arbeiten zur deutschen Philologie, 30).
- Kukuljević Sakcinski, I., 1869. *Književnici u Hrvatah s ove strane Velebita, živiši u prvoj polovini XVII. veka*. Zagreb: Štamparija Dragutina Albrechta, 414 p.
- Kurelac, M., 1994 *Ivan Lucius-Lučić, otac hrvatske historiografije*. *Clio Croatica*. Zagreb: Školska knjiga, 179 p.
- Luk'ianenko, A. M., 1911. *Politicheskaia i literaturnaia deiatel'nost' brat'ev Zrinskikh i Frantsa Frankopana / Iz istorii politicheskoi i ekonomicheskoi zhizni khorvatov XVII v. i iz istorii razvitiia u khorvatov literatury i vyrabotki literaturnogo iazyka*, 1. Kiev: s. n., 1911. 853 p. (In Rus.)
- Matić, T., 1968. Karnarutićevo Vazetje Sigeta grada. *Grada za povijest književnosti Hrvatske*, 29, pp. 5–39.
- Mijatović, A., 1999. *Zrinski-frankopanska urota*. Zagreb: Alfa, 1999. 246 p. (Biblioteka posebna izdanja).
- Mlinarić, D., Faričić, J., Mirošević, L., 2012. Historijsko-geografski kontekst nastanka Lučićeve karte Illyricum hodiernum / The historic-geographic context pertaining to the origin of Lučić's map Illyricum Hodiernum. *Geoadrija*, 17, 2, pp. 145–176.
- Molnár, A., 2019. *Magyar hódoltság, horvát hódoltság: Magyar és horvát katolikus egyházi intézmények az oszmán uralom alatt*. Budapest: Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 509 p. (Magyar történelmi emlékek: Értekezések).
- Molnár, A., [2023]. *Zsinatok háborújától a pannon illírizmussig: A magyar–horvát viszony újrafogalmazása a zágrábi zsinaton és Zaicz János pálos szerzetes emlékiratában, 1634–1635*. Budapest: Reciti, 223 p. (Irodalomtörténeti füzetek, 188).

- Neville, K., 2009. Gothicism and Early Modern Historical Ethnography. *Journal of the History of Ideas*, 70, pp. 213–234.
- Pauler, Gy., 1876. *Wesselényi Ferencz nádor és társainak összeesküvése*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1–2, 862 p.
- Pálffy, G., 2012. Prekogranična povezanost Nikole IV. i Nikole VII. Zrinskog: Hrvatsko-mađarska plemićka obitelj u aristokraciji Ugarsko-hrvatskog Kraljevstva i u Habsburškoj Monarhiji. In: Bene, S., Hausner, G., Ladić, Z., eds. *Susreti dviju kultura: Obitelj Zrinski u hrvatskoj i mađarskoj povijesti*. Zagreb: Matica Hrvatska, pp. 117–163 (Biblioteka zbornici, 4).
- Pálffy, G., 2022. Több ország szolgálatában: Zrínyi Miklós lojalitásai és identitásai. In: Bódvai, A., ed. *Zrínyi Miklós emlékkönyv*. Budapest: Bethlen Gábor Alapkezelő Zrt, pp. 12–31.
- Petrić, H., 2022. Nemo me impune lacesset — Sors bona nihil aliud: O životu i radu Nikole VII. Zrinskog (1620–1664). *Rad HAZU — Razred za društvene znanosti*, 55, pp. 37–138.
- Popović, M., 2007. *Vidovdan i časni krst: Ogled iz književne arheologije*. Beograd: Biblioteka XX vek, 269 p.
- Prosperov Novak, S., 1999. *Od Gundulićeva “poroda od tmine” do Kačićeva “Razgovora ugodnog naroda slovinskoga” iz 1756*. Zagreb: Antibarbarus, 943 p. (Povijest hrvatske književnosti, 3).
- Ređep, J., 1991. The legend of Kosovo. *Oral Tradition*, 6, pp. 253–265.
- Ređep, J., 2010. Žitiju kneza Lazara, poznatom kao Priča o boju kosovskom. Predgovor. In: Ređep, J., *Žitije kneza Lazara*. Novi Sad: Prometej, pp. 5–39. (In Serb.)
- Šicel, M., 1971. Povijesni romani Eugena Kumičića. *Croatica: Časopis za hrvatski jezik, književnost i kulturu*, 2, pp. 177–200.
- Šidak, J., 1972. Urota Zrinsko-frankopanska kao historiografski problem. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu*, 2, pp. 5–21.
- Šišić, F., 1926. *Zavjera Zrinsko-Frankopanska (1664–1671)*. Zagreb: s. ed., 137 p.
- Štefanec, N., 2009. Zrinski family in the Croatian historiographic discourse: A case-study of the construction in national identity. In: Kühlmann, W., Tüskés, G., Bene, S., eds. *Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, pp. 391–410 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext, 141).
- Takáts, S., 1929. A Zrínyiek magyarsága. In: Takáts, S. *Magyar küzdelmek*. Budapest: Genius, pp. 39–54.
- Tusor, P., 2021. Forráskritikai megjegyzések a Wesselényi-összeesküvés történetéhez. *Századok*, 155, pp. 1233–1277.
- Vončina, J., 1979. Ozaljski jezično-književni krug. In: Vončina, J. *Jezičnopovijesne rasprave*. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, pp. 197–212.

Sándor Bene

PhD., Associate Professor, Department of Early and Classical Hungarian Literature – Institute of Hungarian Linguistic, Literary and Cultural Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary, Budapest, Hungary. Dózsa György utca, 25–27, 1146. E-mail: bene.sandor@kre.hu / Associate Professor, Department of Hungarian Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb, Zagreb, Croatia. Ul. Ivana Lučića 3, 10000. E-mail: sbene@ffzg.hr

Family Resemblance: The Zrínyi Brothers Identities

Brothers Miklós Zrínyi (1620–1664) and Péter Zrínyi (1621–1671) were two significant politicians and poets of the early modern Kingdom of Hungary. They not only succeeded each other as Bans of Croatia (one of the highest positions in the Kingdom), but represent a peculiar chapter in the history of European Baroque literature. Both authors wrote a heroic epic about the history of the siege of Szigetvár in 1566, and the tragic death of their great-grandfather, Miklós Zrínyi. In the nineteenth century, they turned into important figures of the identity discourses in both Croatia and Hungary. This article focuses on two areas where different visions manifested and where the changes in the visions can be documented: the different versions of the genealogy of the family and the linguistic and ideological differences between the two epic poems. Their originally common agendas diverged over time. Péter abandoned his first attempt at translating the epic (which would have closely followed the Hungarian version in many respects), and instead his finished version reflects his new linguistic-poetic agenda, which aimed at the unification and standardization of Croatian dialects. After the death of Miklós, he replaced the legends of Northern descent (propagated by his brother), with those of Illyria. Both revisions served the same aim. Instead of reforming the Hungarian political system, they aimed at establishing an imagined Illyrian community, which shows how these seventeenth-century baroque literary genealogies and epic poems can be seen as precursors to nineteenth century national ideologies.

Keywords: Zrínyi family, early modern Kingdom of Hungary, baroque literary genealogies, early modern national identities

Financing: The study was carried out as part of the project “The Stoic Tradition in Hungarian Literature” of the Faculty of the Humanities and Social Sciences of the Gáspár Károly Reformed Church University of Hungary (No 20700B800).

How to cite: Bene, S., 2023. Semeinoe skhodstvo: identichnosti brat'ev Zri-ni. *Central-European Studies*, 6. pp. 15–36. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.1>.

Филип Новосел

PhD, научный сотрудник, Хорватский институт истории, Загреб, Хорватия. Opatička, 10, Zagreb, 10000.
E-mail: fnovosel1@gmail.com

Новые материалы об адмирале русской службы Матии Змаевиче в Государственном архиве в Задаре

В правление Петра I Российская империя и Венецианская республика поддерживали связи в различных сферах деятельности. В первую очередь они строили отношения на взаимодействии в морском деле, причем подданные Серениссимы сыграли большую роль в создании современного русского флота, передавая свои знания и опыт. Из этих венецианских подданных особо проявили себя выходцы с восточного побережья Адриатики, среди которых особенно выделялся моряк Матия Змаевич (1680–1735), представитель влиятельной семьи мореходов из Пераста в Которском заливе. Матия находился на службе в России в эпоху Петра Великого и его преемников и достиг чина адмирала, заложив фундамент для последующего строительства русского черноморского флота. Статья вводит в научный оборот новые архивные сведения об этой интересной и неординарной личности. Речь идет о документах, хранящихся в фонде «Семейство Караман», находящемся в Государственном архиве в Задаре. Члены семьи Караман были связаны с Змаевичем, причем особенно крепкие отношения Матия и его брат Вицко Змаевич поддерживали с Матеем Караманом, который сам какое-то время проживал в России и оставил о том периоде жизни ценные письменные свидетельства. Анализ историографии по данной теме и материалов из вышеупомянутого фонда в данной статье имеет целью побудить историков к дальнейшим исследованиям жизни и трудов адмирала Матии Змаевича.

Статья представляет собой расширенный вариант доклада «Венецианский подданный, русский адмирал — Матия Змаевич и архивные источники, хранящиеся в Государственном архиве в Задаре, для исследования венецианско-русско-габсбургских отношений в первой половине XVIII в.» на конференции «Сила традиции и потенциал обновления в политической культуре Габсбургской монархии и Российской империи в XVIII — начале XX в.», проходившей 28–29 апреля 2022 г. в Екатеринбурге.

Ключевые слова: Венецианская республика, Российская империя, восточная Адриатика, XVIII век, мореплавание, архивные источники, историография

Благодарности: Автор выражает благодарность Д. Г. Полонскому и И. Шварц за помощь в работе над статьей.

Цитирование: Новосел Ф. Новые материалы об адмирале русской службы Матии Змаевиче в Государственном архиве в Задаре // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 37–62. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.2>.

Статья посвящена проблеме сохранности и доступности архивного наследия моряка из восточноадриатического города Пераст, дослужившегося в России до звания адмирала, Матии Змаевича (1680–1735), чей жизненный путь олицетворяет связь венецианской традиции мореплавания с Россией как зарождающейся морской державой. На основании анализа ранее не привлекавшихся к изучению его биографии архивных фондов в статье представлены некоторые перспективы исследования венецианско-российских отношений периода правления Петра I. Матия Змаевич — это небезызвестная фигура в историографии. Его жизнь и деятельность уже привлекали ученых. Поэтому в первой части статьи представлен обзор как работ, в которых реконструировалась биография Змаевича, так и публикаций архивных документов, сделавших источники доступнее широкому кругу исследователей. Во второй части статьи я покажу дальнейшие возможности для исследования на основании ранее не привлекавшихся материалов.

подавляющее большинство документов для изучения темы венецианско-российских отношений находится в архивах Российской Федерации и Государственном архиве Венеции (*Archivio di Stato di Venezia*)¹. Однако не менее полезны могут оказаться и архивы государств, которые в прошлом хотя бы частично входили в состав Серениссимы². Статья основана на материалах, хранящихся в одном из архивов на территории бывших венецианских «морских владений» (*Stato da mar*) — Государственного архива в Задаре. Основное внимание уделено фонду «Семья Караман»³, содержащему наследие

¹ О некоторых возможностях см., например: Longworth 1986: 380–400; Ястребов 2021: 172–190.

² *Серениссима* — от венецианск. *La Serenissima Repubblica di Venezia* (Пресветлейшая Венецианская республика), имя, под которым была известна Венецианская республика (*прим. перев.*).

³ HR-DAZD-495. Obitelj Karaman.

этой семьи, отдельные представители которой были тесно связаны со Змаевичами, в том числе с Матией. По какой-то причине фонд остался незамеченным историками, которые ранее искали информацию о Матии Змаевиче в Государственном архиве в Задаре. Новые материалы позволят определить направление дальнейшего изучения этой чрезвычайно сложной личности, а также обратить внимание на важность более широкого пространственно-временного контекста, в котором Матия Змаевич жил и трудился.

Матия Змаевич и связи Венецианской республики с Россией

Связи между подданными венецианских дождей и русских великих князей/царей существовали издревле. Эти контакты, не будучи слишком крепкими и регулярными, берут начало в XV в., тогда как во второй половине XVII в. они усилились, особенно в рамках совместной борьбы против Османской империи⁴. Время правления Петра I — в контексте его путешествий по Европе и колоссальных усилий по созданию русского флота — стало периодом, когда Серениссима, государство с давними традициями мореходства и господством на Средиземном море, оказалось весьма полезным для русского царя⁵. Венецианские власти были открыты для сотрудничества и выражали готовность взять на себя труд помочь русским освоить навигацию. Однако помимо собственно знаний, которые имелись и у других европейских морских держав, этнически пестрая Венецианская республика могла легче преодолеть языковой барьер благодаря славянским подданным с восточного побережья Адриатики. Поэтому для такой работы привлекались уроженцы провинции Далмация и Албания, а среди них наиболее заметную роль играли моряки из Которского залива, в первую очередь из небольшого, но развитого морского центра Пераста, откуда был родом и Матия Змаевич⁶.

Считается, что которские моряки играли роль наставников будущих русских мореплавателей уже в конце XVII в., в период правления Петра I⁷. Начальный период контактов русских с венецианскими

⁴ Подробнее см.: Florinsky 1961: 264–265; Longworth 1986: 380; Lane: 2007: 438; Arbel 2013: 180–181.

⁵ Alexander 1997: 92; Norwich 1989: 572; Scarabello 2007: 621.

⁶ Kovačević 1984: 123–139.

⁷ Fisković 1975: 13–18; Milošević 2008: 225–227; Kovačević 2013: 84.

подданными из Которского залива нашел отражение в работе Марко Мартиновича (1663–1716)⁸. Этот капитан и математик из Пераста отвечал за обучение 17 русских воспитанников, отправленных в Венецию для изучения навигации. После пребывания там он отвез их в Пераст, где они продолжили образование в местной, предположительно частной, школе, а в рамках практической части обучения ходили вместе с капитаном по Адриатике⁹. Деятельность Мартиновича не была единственным эпизодом в контексте венецианско-русских отношений. Без всякого преувеличения можно сказать, что он фактически заложил основы связей России с восточной Адриатикой. С тех пор они развивались на протяжении всего XVIII в. С появлением россиян многие венецианские подданные из восточной Адриатики, среди которых важную роль продолжали играть которцы, отправлялись в Россию и участвовали в деятельности, связанной с развитием торгового и военного мореплавания, хотя в дополнение к военному и морскому аспектам не следует упускать из вида купцов, ученых или миссионеров¹⁰. Но если говорить о мореплавании, судьбу переселенцев довольно сложно отследить, поскольку имена их по большей части неизвестны: они служили на кораблях моряками или на верфях простыми рабочими¹¹. Тем не менее некоторым удалось сделать примечательную карьеру и не только пассивно участвовать в реализации планов российских государей ввести Россию в круг европейских морских держав, но и самим, обладая знаниями и навыками, полученными в родном краю, активно способствовать развитию русского флота. Среди них прямым преемником Марко Мартиновича, безусловно, является еще один уроженец Пераста — Матия Змаевич.

Родившись в 1680 г. в Перасте, в известной семье с мореходными традициями, Матия с раннего возраста обучался навыкам

⁸ Хотя речь здесь идет исключительно о венецианских подданных из Которского залива, в целом Россия раньше имела связи и с черногорцами. Подробнее на сербохорватском, например, см.: Јовановић 1949: 120–133; Kovačević 1984: 64–68.

⁹ О Марке Мартиновиче, например, см.: Milošević 1957, 113–114; Лалашевић 1974: 25–38; Milošević 2008: 227–245. О нем как наставнике воспитанников из России см.: Brajković 1973: 115–119.

¹⁰ Например, см.: Foretić 1962: 305–310; Mijušković 1972: 156–164; Мартиновић 1975: 41; Kovačević 2013: 88–92. О людях, не имевших отношения к мореходной деятельности, см.: Дучић 1969; Stipetić 1980: 539–546; Milošević 2008: 251–260; Zlodi 2013: 499–500.

¹¹ Kovačević 2013: 88.

навигации — ходил с отцом на его торговых судах¹². Но в 1709 г. произошёл инцидент, наложивший отпечаток на дальнейший жизненный путь Матии: он принял участие в неудачном заговоре против городского капитана Вицко Буйовича (1660–1709) — в историю он вошел как крайне авторитарный правитель — за что был приговорен к смертной казни¹³. Спасаясь, сначала он бежал на территорию Дубровницкой республики, а затем — в Стамбул, где попросил защиты у русского консула Петра Андреевича Толстого (1645–1729), с которым ранее познакомился в родном городе. Однако события приняли весьма неблагоприятный оборот: из-за русско-турецкой войны (1710–1711) Змаевич и Толстой в конце 1711 г. попали в тюрьму по обвинению в шпионаже и провели там год. Хорошо узнав его за период совместного заключения, Толстой рекомендовал Змаевича царю Петру, который пригласил Матию к себе на службу, на что тот согласился, не имея, в сущности, иного выбора. 1714 год и битва при Гангуте¹⁴ стали вехой в карьере Матии Змаевича на русской службе. С тех пор Змаевич играл важную роль в Северной войне (1700–1721) как успешный военачальник, быстро продвигавшийся по службе. Вскоре после войны, в 1723 г., ему была отведена ведущая роль в создании флота на Дону, что он успешно реализовал. Благодаря талантам организатора и навыкам мореплавателя Змаевич вошел в русскую придворную элиту. Ему была оказана честь нести Казанскую корону на похоронах Петра Великого в 1725 г., а Екатерина I назначила его адмиралом и наградила орденом Святого Александра Невского. Но после смерти Екатерины Змаевич, по-видимому, впал в немилость, был обвинен в растрате государственных денег и второй раз в жизни осужден на казнь. Тем не менее, позднее был помилован и сначала назначен губернатором Астрахани, а затем отправлен в Воронеж и, наконец, в Тавров¹⁵, где руководил новым крупным проектом — организацией русского черноморского флота. В Таврове он и умер в 1735 г., оставив работу незавершенной, и был похоронен в Москве в католической церкви Св. Людовика. Его брат Вицко (1670–1745), архиепископ Задара, построил усыпальницу рядом

¹² На русском языке см.: Берх 1832: 1–48; Веселаго (сост.) 1885: 153–155.

¹³ О Вицко Буйовиче и заговоре против него подробнее см.: Milošević 1935: 315–317; Butoras 1952: 361–381; Moravec 1958: 72.

¹⁴ Об участии Змаевича в сражении см.: Кротов 1996: 137–141.

¹⁵ *Тавров* — город близ Воронежа, ныне микрорайон в его черте (*прим. перев.*).

со своей в пресвитерии церкви Богоматери Здравия в Задаре, но так и не смог перенести туда останки брата.

Западная историография проявляла определенный интерес к роли Венецианской республики в реализации планов Петра Великого по модернизации государства¹⁶, поэтому данные о Матии Змаевиче (*Ismaitz, Smaiewitz*) встречаются в документальных изданиях, подобных мемуарам Джона Дена¹⁷ или Питера Генри Брюса¹⁸. Российская историография существенно лучше знакома с темой¹⁹. Тем не менее именно югославские, а после распада Югославии сначала черногорские, а затем сербские и хорватские историки оценили Матию Змаевича по достоинству. Значительная часть оригинальных архивных исследований была проведена в период между двумя мировыми войнами, при этом наряду с Антуном Милошевичем наибольший вклад внес Павао Буторац, и впоследствии историки в значительной степени опирались на результаты их исследований²⁰. Таким образом, хотя югославские и постъюгославские историки второй половины XX — начала XXI в. изучали личность и жизненный путь Матии Змаевича, они редко выходили за рамки стандартных биографических штудий, притом часто опирались на устаревшие данные. Помимо этого своего рода рекапитуляций его биографии в работах Милоша Милошевича, Новака

¹⁶ См., например: Hughes 1998: 84, 170, 443.

¹⁷ В 1897 г., на два года ранее публикации оригинала, на русском языке увидела свет книга: История Российского флота в царствование Петра Великого / перевел с неизданной английской рукописи гр. Е. Путятин. СПб.: склад у В. А. Березовского, 1897. 108 с. Ср.: History of the Russian fleet during the reign of Peter the Great by contemporary Englishman (1724) / ed. by C. A. G. Bridge. London: Navy Records Society, 1899. 161 p. Имя английского моряка — Джон Ден — было установлено в 1936 г., а критическое переиздание мемуаров на русском языке увидело свет в конце прошлого столетия, см.: Д. Ден. История Российского флота в царствование Петра Великого / пер. с англ. Е. Е. Путятин; вст. ст., науч. редакция и уточнение перевода, примеч. П. А. Кротова. СПб.: Историческая иллюстрация, 1999. Ден характеризовал Змаевича как «человека благородного и хорошего солдата» (С. 111).

¹⁸ См. изданные посмертно мемуары П. Г. Брюса: Memoirs of Peter Henry Bruce a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain... Dublin, 1783. P. 150.

¹⁹ Здесь я опираюсь на работы иностранных историков, которые использовали и цитировали российскую историографию, см.: Злокович 1952: 58; Foretić 1962: 306; Мильанић 1972: 145, 148–149; Hughes 1998: 84. Из публикаций биографического характера на русском языке см., например: Скрицкий 1998; Антошина 2013.

²⁰ Butorac 1928a: 111–113; Butorac 1928b: 133–137; Butorac 1928c: 35–62; Butorac 1934: 241–254; Milošević 1935a: 315–319; Milošević 1935b: 368–372. О еще более ранних упоминаниях Матии Змаевича в историографии (за период XIX в.) см.: Butorac 1934: 254.

Р. Милянчица, Предрага Ковачевича, Йована Мартиновича и ряда других историков, которые в большей или меньшей степени касались биографии Змаевича, в тематическом блоке сборника Которской секции Общества историков Черногории²¹, а также исследователей, лишь мимоходом упоминавших его имя в работах, посвященных другим членам семьи Змаевич²², стоит отдельно выделить труд М. Милошевича. Хотя он не привлек архивный материал, но критически подошел к сложившейся историографической традиции изучения феномена Матии Змаевича и поставил вопросы, некоторые из которых указали на недостаточную степень изученности богатых архивных материалов²³.

Помимо собственно реконструкции биографии Матии Змаевича, периодически публиковались важные архивные документы. Наряду с письменным наследием самого Змаевича, например перепиской, меньшую часть которой опубликовал Августин Тайнер (1804–1874), а большую впоследствии заново издал П. Буторац, были критически обработаны и напечатаны его завещание вместе с кодициллом²⁴ и материалы, вышедшие из-под пера современников, — сообщения из России Матея²⁵ Карамана (1700–1771) и Вицко Змаевича²⁶. Кроме того, днев-

²¹ Ивошевић 1985: 111–112; Мариновић 1985: 113–119; Брајковић 1985: 121–134; Ковачевић 1985: 135–143; Матовић 1985: 145–152; Форетић 1985: 153–164; Бољевић-Вулековић 1985: 165–176; Лалошевић 1985: 177–187; Луетић 1985: 189–191. Кроме того, был издан и отдельный сборник с теми же самыми текстами: Бољевић-Вулековић (ред.) 1985.

²² См., напр.: Ковијанић 1962: 65–78; Babić 2016: 300–303; Ćoralić 2004: 238; Ćoralić 2018: 23–24; Dundović 2021: 59–60.

²³ Milošević 2008: 245–250.

²⁴ В римском праве кодицилл, подтвержденный в завещании (*codicillus testamento confirmatus*), представлял собой приложение к завещанию в форме простого письма к наследнику; он имел силу, даже если был составлен до завещания, лишь бы в этом последнем завещатель подтвердил кодицилл (*прим. перев.*).

²⁵ В историографии закрепилось разное написание имен этих, по сути, тезок: *Матия* Змаевич, но *Матей* Караман.

²⁶ О корреспонденции Матии Змаевича см.: *Vetera monumenta Slavorum meridionalium* / ed. A. Theiner. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1875. Vol. 2. P. 246–247; Butorac 1948a: 61–83. Четыре года спустя Игнатие Злокович привел перевод одного из писем, опубликованных Буторацем (см.: Злоковић 1952: 52–58). О завещании Матии Змаевича см.: Milošević 1948: 101–109. Выборка из других материалов, связанных с Матией Змаевичем, см.: Zmajević V. Lettera Politico Morale di Monsignore Vincenzo Antonio Zmajevich fu Arcivescovo di Zara in Dalmazia scritta ad un suo fratello capitano nella flotta al servizio della S. R. M. di Pietro I. Il grande Czar delle Russie. Yverdon: Niccolo Alberto Piazza, 1778. 39 p.; Butorac 1948b: 85–99.

ник Петра Андреевича Толстого (1645–1729) о путешествиях по Венецианской республике, хотя он относится только к периоду до 1699 г. и в нем нет упоминаний о Матии Змаевиче, также является ценным источником о том времени, поэтому его не следует упускать из виду²⁷.

Сколько же архивных материалов было использовано до сих пор для изучения Матии Змаевича и его времени? Похоже, что на самом деле только небольшая часть, что подтверждает детальный обзор российских архивов, выполненный и опубликованный Й. Мартиновичем после поездки в Москву и Ленинград в 1975 г.²⁸ Он насчитал более 40 описей бесценного и тематически разнообразного архивного материала, который касается не только Матии, но и ряда других моряков из Восточной Адриатики, служивших в России. Хотя Мартинович упомянул в отчете, что он сделал микрофильмы части просмотренных им документов, к сожалению, почти ничего из этого не было использовано ни самим Мартиновичем в его более поздних исследованиях, ни последующими поколениями историков, а материалы из тех архивов до сих пор не опубликованы. Также, конечно, следует помнить и про шведские архивы, которые, по мнению некоторых историков, могут хранить сведения об участии Змаевича в Северной войне²⁹. Наконец, нужно сказать, что Матия Змаевич, помимо письменных свидетельств, оставил и некоторые ценные предметы, включая свой портрет, но до нашего времени дошла только часть этих предметов, хранящаяся в музеях³⁰.

В общем, основные эпизоды жизни Матии Змаевича характеризуют его как весьма интересного и сложного человека с неоднозначной репутацией (обвинения в убийстве, растрата казенных денег). Жизненный путь Змаевича не только рассказывает об истории русского мореплавания, но и раскрывает географическую и социальную

²⁷ В статье использован английский перевод и русское издание 1992 г., см.: The travel diary of Peter Tolstoi. A Muscovite in early modern Europe / trans. M. J. Okenfuss. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1987. 359 p.; Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699 / под ред. Л. А. Ольшевской, С. Н. Травникова. Москва: Наука, 1992. 380 с. Комментарии югославской историографии о Толстом и его дневнике, см.: Ковачевић 1974: 43–51; Foretić 1974: 53–63; Kovačević 1984: 69–75.

²⁸ Мартиновић 1975: 31–47. Как пример анализа российских источников см.: Мартиновић 1977: 25–35; Kovačević 1984: 130–135.

²⁹ Матовић 1985: 145–152.

³⁰ Подробнее об упомянутых предметах см.: Брајковић 1985: 132–133; Milošević 2008: 250–251. О портрете см.: Butorac 2011: 670; Babić 2016: 300–301.

мобильность человека раннего Нового времени, связи России с Венецианской республикой и, наконец, дает информацию об отношениях православной и католической церквей³¹, а также об идеях славянского единства. Современная историография признала это, уделяя внимание непосредственно Матии Змаевичу. Но, как подчеркнул М. Милошевич, все еще остается большое количество неизученных материалов, имеющих отношение к перастскому капитану³². Поэтому, в связи с тем, что значение Матии Змаевича в контексте венецианско-русских отношений еще далеко не полностью исследовано, следующая часть работы посвящена как раз проблеме неизученного архивного материала, связанного с этим выдающимся человеком.

О фонде «Семья Караман» в Государственном архиве в Задаре

До сих пор основными материалами венецианского происхождения к биографии Матии Змаевича служили архивы в Перасте и в Которе, а также частные собрания. Хотя занимавшиеся семьей Змаевич историки наряду с которскими и другими архивами также исследовали материалы в Государственном архиве и Научной библиотеке Задара (в каждой из этих институций хранится по копии завещания Матии Змаевича), фонд, которому далее уделено внимание, по какой-то причине оставался вне поля зрения.

Фонд «Семья Караман» является частью более крупного собрания материалов, которое хранится в Государственном архиве в Задаре под названием «Семейные архивные фонды». Его материалы относятся к истории известной семьи Караман из Сплита и по большей части состоят из сочинений Матея Карамана³³, его племянника Антуна и, в гораздо меньшей степени, некоторых из их наследников. Всего фонд содержит 17 описей довольно разнообразных материалов, хронологически охвативших период с начала XVII в. до конца XIX в. Сохранившиеся документы написаны на латинском, итальянском и хорватском языках. Создание фонда связано с Матеем Караманом, который завещал свои сочинения племяннику Антуну, а тот

³¹ См., например: Самыловская 2016: 61–62, 69, 75, 84, 110.

³² Milošević 2008: 248–249.

³³ На русском языке см.: Немировский 2005: 23–24; Самыловская 2016: 27–28.

присоединил к ним свои собственные и семейные сочинения, в то время как более поздние материалы, по-видимому, были добавлены к наследию Матея и Антуна современными архивистами³⁴. Непосредственно относящаяся к Матии Змаевичу часть принадлежит Матею Караману — ученому, священнику, а позже задарскому архиепископу.

Но какое отношение все это имеет к Матии Змаевичу? Помимо того, что Матей Караман был современником Змаевича (родился в Сплите в 1700 г.), он был связан по церковной линии с братом Змаевича — Вицко³⁵, сменившим в должности задарского архиепископа в 1745 г. Важно подчеркнуть, что Караман провел часть жизни в России в период, когда Змаевич уже находился в составе малочисленной группы проживавших в России венецианских подданных из Восточной Адриатики, не связанных с морской службой. Так, по настоянию Вицко Змаевича Конгрегация пропаганды веры отправила Карамана с миссией в Россию в 1732 г.³⁶, где он и познакомился с Матией Змаевичем и до самой смерти адмирала был его духовником. В России он находился до 1738 г., а затем вернулся в Далмацию, где и умер в 1771 г.³⁷ О том, насколько они были связаны, свидетельствует тот факт, что Змаевич оставил духовнику имущество по завещанию (легат) и назначил его, как следует из кодицилла³⁸, душеприказчиком. Эти материалы, возможно, не вызвали бы столько интереса, если бы существовал отдельный фонд семьи Змаевич. Именно поэтому наследие семьи Караман и особенно Матея приобретает особое значение.

Часть фонда «Семья Караман», относящаяся к Матею Караману, занимает первые четыре с половиной описи документов различного содержания, написанных на латинском и итальянском языке, хорошо сохранившихся без серьезных повреждений. Первая

³⁴ Kolanović (ur.), 2014b: 556–559.

³⁵ Письмо М. Змаевича от 2 мая 1714 г., адресованное Святому Престолу, где Вицко упомянут как брат, см.: *Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome: Imprimerie du Vatican, 1859. P. 468.*

³⁶ Е. А. Самыловская предположила, что М. Караман прибыл в Россию в 1730 г. Этот вопрос нуждается в дальнейшем прояснении. См.: Самыловская 2016: 27.

³⁷ Подробнее о биографии Матея Карамана см.: Japundžić 1961; Čošković 2009: 75–77.

³⁸ Milošević 1935: 371; Milošević 1948: 102.

опись содержит личные документы: в первую очередь, церковной тематики, затем всевозможные квитанции (расписки) и перечни расходов, и, наконец, документы о миссии в России и рукописи работ о православных³⁹. Тем не менее, большую часть его наследия составляет обширная служебная и частная переписка с различными лицами, насчитывающая примерно 170 писем, написанных Караманом или полученных им от других лиц⁴⁰. Из писем становятся ясны тесные связи Карамана с разными церковными деятелями на территории всей Венецианской республики, а также со Святым престолом в Риме, хотя нет недостатка и в корреспонденции с представителями светских элит. Кроме того, неполный отчет о его миссии в России и отдельный расширенный текст о «рутенах из Польши» также содержат сведения о религиозных событиях⁴¹. К сожалению для биографов М. Змаевича, большая часть наследия Матея Карамана относится к периоду после смерти адмирала.

Следов переписки Матии Змаевича с Матеем Караманом в фонде нет. Хотя Караман был духовником адмирала, их личные встречи в силу служебных обязанностей, требовавших частых разъездов, были редки, и вопрос о возможном обмене письмами не представляется праздным. Змаевич все-таки косвенно упоминается в письме Караману на латинском языке от францисканца отца Фабиана, отправленном из Москвы и датированном 1 декабря 1735 г.⁴² В нем сообщается о смерти и погребении Матии Змаевича. Хотя автор не привел подробностей, таких как точное место захоронения, все-таки подчеркнул, что «его превосходительство господин вице-адмирал Змаевич» (*Excellentissimo Domino Vice Admiralī Ismajeviz*) (!) был похоронен в католической церкви в Москве по католическому обряду, а затем хвалил его достоинства, особо выделяя при этом приверженность католической вере, что, очевидно, было важно для католического священника, находившегося в преимущественно православной среде. Некоторые подробности можно также найти в других работах

³⁹ HR-DAZD-495-OK. Kut. 1.

⁴⁰ Ibid. Kut. 2–5.

⁴¹ Полный отчет Матея Карамана из России, по свидетельству о. Павла Пирлинга (1840–1922), находится в Архиве Конгрегации пропаганды веры (*Archivio Storico de Propaganda Fide*). Пирлинг опубликовал в своей транскрипции фрагменты этого источника, отсутствующие в задарской версии. См.: Pierling 1883: 95–113.

⁴² HR-DAZD-495. OK. Kut. 2. Dok. 1.6.1.12.

Карамана. Так, он оставил личные заметки, которые, вполне возможно, были сделаны в ходе подготовки к написанию своего рода автобиографии. В анализируемом фонде они разделены на три дела⁴³ и написаны на итальянском языке, при этом только первое дело имеет датировку — 22 января 1743 г. В первом деле, помимо указания места рождения, Караман, по сути, не дает никакой существенной информации, но в манере вступительного текста к более крупной работе почти на двух страницах широко прославляет католическую церковь и Венецианскую республику. В третьем деле он лишь в кратких намеках в записке приводит информацию о своей жизни, почти в форме современного формата *curriculum vitae*. Во втором, наиболее обширном, деле рассказывает о пребывании в России. Как и первая, эта часть также разбита на страницы архивистом и содержит всего шесть листов, по большей части исписанных с двух сторон. В самом начале Караман рассказал, что его к миссионерству в России, наряду с Конгрегацией пропаганды веры, побуждал и Вицко Змаевич, брат адмирала русского флота (*proprio fratello Kavaliere Admiraglio della flotta Moscovita*)⁴⁴. Сразу в продолжении Матей подчеркнул, что после смерти Матии Змаевича он остался без особой поддержки миссионерской работы в России, и считал это обстоятельство одним из важных факторов, из-за которых в 1737 г. он решился вернуться на родину. В дальнейшем имя Змаевича более не упоминается, Караман же продолжил рассказ, уделяя больше внимания важным для себя религиозным вопросам и литургическому языку.

Возможно, наиболее интересной оказывается другая часть фонда, которая не относится непосредственно к наследию Матея Карамана. Речь идет о деле, названном «Литературные и религиозные трактаты», в котором в отдельной папке находится сборник памятных стихов, связанных с кончиной Матии Змаевича. Этот сборник состоит из четырех листов, которые и в данном случае были разбиты на страницы архивистом⁴⁵. Вышеупомянутый сборник состоит из девяти коротких текстов, разделенных на одну эпитафию, три эпиграммы и пять сонетов, написанных на латинском, итальянском и французском языках. Автор или авторы не подписаны, хотя рукописный

⁴³ HR-DAZD-495. OK. Kut. 1. Dok. 1.1.1; 1.1.2; 1.1.3.

⁴⁴ Ibid. Dok. 1.1.2. Fol. 1r.

⁴⁵ Ibid. Kut. 13. Dok. 4.11.

текст во всем сборнике одинаков. В то же время нет информации о точной датировке, можно только с уверенностью утверждать, что они были созданы сразу после смерти Матии Змаевича, потому что из различных кратких предисловий к отдельным стихам говорится, что они были прочитаны в соборе Сплита во время поминаения почившего адмирала, которое состоялось, скорее всего, когда известие о его смерти и похоронах, проведенных в Москве, дошло до Далмации (*Celebrandosi nella Chiesa Metropolitana di Spalato la solenne commemorazione della morte di Illustrissimo Eccellentissimo Signor Matteo Zmajevich Amiraglio dell'Armata sottile di Moscovia*)⁴⁶. Если же стихи не посвящены непосредственно самому покойному, то они написаны для его брата — задарского архиепископа Вицко Змаевича (*Dedicato all'Illustrissimo, e Reuerendissimo Monsignore Zmajevich Arcivescovo di Zara, Commisario Apostolico nell'Albania etc., Fratello degnissimo del Defunto*)⁴⁷. Как и следовало ожидать от такого типа текстов, все стихи в одной и той же манере восхваляют и превозносят человеческие качества и труды Матии Змаевича. В них звучат панегирики, подчеркивающие его знания и опыт, исключительную храбрость и многочисленные заслуги перед Россией как в военное, так и в мирное время: именуют «ужасом шведов» (*Casus Svecorum Terror*)⁴⁸, но также упоминают и его вклад в развитие окраин империи (*Les armées, les Provinces qu'il en scût gouverner, / Font l'éclat de Sa Glorie, et le font vénérable*)⁴⁹. При этом в каждом стихе подчеркивается его далматинское и славянское (или иллирское — *Natione Illyrico*)⁵⁰ происхождение, что понятно, учитывая, что такая выдающаяся личность являлась гордостью для местного населения восточного побережья Адриатического моря.

К сожалению, представленный здесь материал — это все, что можно найти о Матии Змаевиче в довольно обширном собрании работ его современника и духовника Матая Карамана, как и в целом в архиве

⁴⁶ HR-DAZD-495. OK. Fol. 2r. Ср.: *En occasion du Funeral fait par Monseigneur Archevique de Spalato dans l'Eglise Cattedrale pour la Mort de Son Excellence Monsieur le Cavalier Matthieu Zmajevich, Admirail de la Flotte subtile, Intendant General des Finances, Surintendant des Arsenaux, et Gouverneur de trois Provinces dans le Vaste Empire de la Moscovie* (Ibid. Fol. 3r.) Практически идентичный текст на итальянском языке, без упоминания архиепископа, находится на листе 4r.

⁴⁷ Ibid. Fol. 2v.

⁴⁸ Ibid. Fol. 1r.

⁴⁹ Ibid. Fol. 3v.

⁵⁰ Ibid. Fol. 1v.

семьи Караман. Невозможно сказать, существуют ли еще какие-либо документы, которые связывали бы этих двух венецианских подданных, проживавших в России: возможно, они ждут своего часа в других коллекциях или архивах. Не следует исключать, что когда-нибудь будут найдены новые материалы, которые дополнят те, что хранятся в фонде «Семья Караман» в Государственном архиве в Задаре. Тем временем следует руководствоваться мыслью известного французского историка Арлетт Фарж, автора книги «Вкус архива», о том, что как наличие, так и отсутствие определенной информации в архивных материалах одинаково ценны, и этот факт может послужить лучшему пониманию исследуемой темы⁵¹.

Наконец, следует сказать о материалах, которые наряду с рассмотренным здесь фондом также находятся в Задаре и связаны с Матией Змаевичем. Так, была найдена еще одна версия завещания Матии, о которой до сих пор не упоминал ни один автор, занимавшийся данной темой⁵². Несмотря на то, что завещание не содержит новой информации, после анализа рукописи этой версии и известного кодцилла становится ясно: это и есть оригинал завещания, а тот текст, который до сих пор использовался в исследованиях — его точная копия, выполненная задарским нотариусом Томассо де Франчески.

Заключение

Архивный фонд «Семья Караман» дает мало сведений к биографии Матии Змаевича как центральной темы исследования. Рассмотренное собрание документов может сказать несравнимо больше о своем создателе, чем о теме, которой посвящена статья. Сам Матей Караман как один из ряда лишь пунктирно упомянутых в статье венецианских подданных с восточного побережья Адриатики, которые по какой-то причине решили уехать в Россию, безусловно, заслуживает особого внимания, и это собрание документов нуждается в более детальной проработке. Они не позволяют сделать какие-либо эпохальные открытия, но проливают свет на некоторые детали, связанные с жизнью М. Змаевича, и еще раз подтверждают ранее известные

⁵¹ Farge 2013: 71.

⁵² HR-DAZD-31, Bilježnici Zadra, Tomasso de Franceschi 1722.–1762. Busta VII. Fasc. 7. Testamento 32.

сведения о его положении как в России, так и в венецианской провинции Далмация и Албания (на его родине, где он, очевидно, не был забыт), а также раскрывает восприятие современниками его качеств, которые обеспечили ему хорошую репутацию. Поэтому, если учесть, что любая информация, полученная в результате архивных исследований, полезна и ценна, этот фонд, конечно, заслуживает того, чтобы его использовали в дальнейших исследованиях, которые будут касаться проблематики Матии Змаевича.

Далее, следует отметить, что в Государственном архиве в Задаре и в ряде других фондов хранятся материалы, важные для изучения венецианско-русских отношений. Ведь связи между Венецианской республикой и Российской империей, очевидно, не основывались исключительно на отмеченном здесь привлечении которцев на службу. При этом уже только первоначальное «прочесывание» архивного материала, хранящегося в указанном архиве, открывает его потенциал для исследования взаимоотношений Восточной Адриатики и России на протяжении всего XVIII в. В доказательство этого утверждения можно упомянуть, например, фонд «Генеральные проведиторы»⁵³ Далмации и Албании». Уже отрывок из наследия генерального проведитора Доменико Кондулмера, в котором подробно рассказывается о русских кораблях на Адриатике в 1770 г. под командованием «русского генерала Орлова» (*Generale Moscouita Orlof*)⁵⁴ в разгар русско-турецкой войны 1768–1774 гг., показывает, что в этом огромном фонде⁵⁵ можно найти разнообразные сведения для изучения венецианско-русских отношений. В этом смысле ни в коем случае нельзя пройти мимо фонда «Венецианский драгоман», потому что в нем даже при беглом знакомстве обнаруживаются интересные и ценные материалы: такие как наблюдения за русско-османскими отношениями из написанного в 1761 г. дневника венецианского драгомана Козимо Калавро-Имберти во время его пребывания в Стамбуле или

⁵³ *Генеральный проведитор* — назначаемый руководитель крупной административно-территориальной единицы в Венецианской республике, соответствовавший генерал-губернатору или наместнику (*прим. перев.*).

⁵⁴ HR-DAZD-1. Generalni providuri za Dalmaciju i Albaniju. Domenico Condulmer 1769.–1771. Kut. 170. Dok. 80. Fil. 244г. Это сообщение также упоминает и Винко Фореич в одной из его уже цитированных здесь работ и указывает, что подобные сведения также встречаются и в других источниках, но не уточняет, в каких. См.: Foretić 1962: 307.

⁵⁵ Фонд содержит 237 описей и занимает 26 погонных метров, см.: Kolanović (ur.) 2014a: 55.

различные отчеты о русско-пруско-османских отношениях, составленные в конце столетия⁵⁶. Можно предположить, что при более детальном изучении как этих, так и других фондов, определенно будет найден ценный материал.

В заключение к представленной краткой заметке к исследованию истории венецианско-русских отношений следует немного сказать и об этой теме в контексте более широких историографических вопросов и проблем. Несомненно, и Матия Змаевич, и Матей Караман, как в целом и все остальные жители восточно-адриатического побережья под властью Серениссимы в России, представляют собой исторические феномены гораздо более масштабные и сложные, чем их образы в отдельных или коллективных биографиях. Эти биографии в большей или меньшей степени известных венецианских подданных, которые в какой-то момент XVIII в. оказались в России, очень наглядно показывают мобильность человека того времени, а также его понимание и (не)принятие реалий тогдашней принадлежности к различным этническим, конфессиональным и политическим энтитетам, таким образом создавая многослойные идентичности. Матия Змаевич, представитель местной которской элиты, венецианский, а затем русский подданный, который в далекой стране не терял связи со своей малой родиной и имел возможность сохранить религиозную принадлежность, которому в новой среде все же удалось далеко отойти от статуса «аутсайдера», в этом смысле, конечно, представляет один из многих подобных. Наконец, все эти биографии вместе говорят и о политических сдвигах на Средиземном море, отражая отношения стагнирующей Венецианской республики и Российской империи как набирающей силы державы в более широком контексте появления новых факторов, прежде всего Австрии, в Средиземноморье. Если не лично Матия Змаевич, то подобные ему люди, не принадлежавшие к высшим политическим и дипломатическим кругам, непосредственно создавали динамику вышеупомянутых исторических процессов и становились свидетелями тектонических изменений, которые происходили в Средиземноморье в конце Старого порядка (*ancien régime*).

Перевод с хорватского А. М. Дронова

⁵⁶ О драгомане Козимо Калавро-Имберти см.: HR-DAZD-2. Mletački dragoman. Kut. 30. Fil. 109. О разных сообщениях, связанных с Россией, см.: Ibid. Kut. 46. Fil. 131.

Список сокращений

HR-DAZD – Državni arhiv u Zadru

OK – Obitelj Karaman

Литература

- Антошина 2013 – *Антошина Н.В.* Адмирал Матия Змаевич в Воронеже // Берегиня 777 Сова. 2013. № 4(19). С. 24–31.
- Берх 1832 – *Берх В.Н.* Жизнеописание первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. СПб.: Морская типография, 1832. Ч. 2. 405 с.
- Бољевић-Вулековић 1985 – *Бољевић-Вулековић В.* Андрија Змајевић и његов црквени летопис // Зборник Которске секције Друштва историчара Црне Горе. 1985. № 3. С. 165–176.
- Бољевић-Вулековић (ред.) 1985 – Споменица Матије Змајевића / под ред. В. Бољевић-Вулековић. Котор: Институт за поморство и туризам Котор – Которска секција историчара. 1985. 84 с.
- Брајковић 1985 – *Брајковић Г.* Адмирал Матија Змајевић и његово доба (о 300-годишњици рођења) // Зборник Которске секције Друштва историчара Црне Горе. 1985. № 3. С. 121–134.
- Веселаго (сост.) 1885 – Общий морской список / сост. Ф.Ф. Веселаго. СПб.: Типография В. Демакова, 1885. Ч. I. От основания флота до кончины Петра Великого. 528 с.
- Дучић 1969 – *Дучић Ј.* Гроф Сава Владиславић: један Србин дипломат на двору Петра Великог и Катарине I. Сарајево: Свјетлост, издавачко подuzeће; Просвета, издавачко подuzeће, Београд, 1969. 387 с.
- Злоковић 1952 – *Злоковић И.* Из преписке адмирала Матије Змајевића // Годишњак Поморског музеја у Котору. 1952. № 1. С. 52–58.
- Ивошевић 1985 – *Ивошевић Б.* Уводна ријеч // Зборник Которске секције Друштва историчара Црне Горе. 1985. № 3. С. 111–112.
- Јовановић 1949 – *Јовановић Ј.* Везе Црне Горе са Русијом од друге половине XVI. вијека до данас // Историјски записи. 1949. Год. II. № 3–4. С. 120–133.
- Ковачевић 1974 – *Ковачевић П.В.* Дневник Петра Андрејевича Толстоја у вези са школовањем руских питомца у Перасту 1698. године // Zbornik Više pomorske škole u Kotoru. 1974. № 1. С. 43–51.
- Ковачевић 1985 – *Ковачевић П.* Матија Змајевић – руски адмирал // Зборник Которске секције Друштва историчара Црне Горе. 1985. № 3. С. 135–143.
- Ковијанић 1962 – *Ковијанић Р.* Преци адмирала Матије Змајевића // Годишњак Поморског музеја у Котору. 1962. № X. С. 65–78.

- Кротов 1996 — *Кротов П.А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб.: Лики России, 1996. 247 с.
- Лалошевић 1974 — *Лалошевић А.* Живот и дјело поморског педагога капетана Марка Мартиновића // *Zbornik Više pomorske škole u Kotoru*. 1974. № 1. С. 25–38.
- Лалошевић 1985 — *Лалошевић А.* Неки подаци из перашког и которског архива о перашком градском капетану Крсту Змајевићу (1640–1698) // *Зборник Которске секције Друштва историчара Црне Горе*. 1985. № 3. С. 177–187.
- Луетић 1985 — *Луетић Ј.* Бокељски и дубровачки морнари на једрењацима Републике Дубровачке // *Зборник Которске секције Друштва историчара Црне Горе*. 1985. № 3. С. 189–191.
- Мариновић 1985 — *Мариновић А.* Кратки приказ историје Боке которске до Матије Змајевића и у његово доба // *Зборник Которске секције Друштва историчара Црне Горе*. 1985. № 3. С. 113–119.
- Мартиновић 1975 — *Мартиновић Ј.* Списи војно-походне канцеларије вице-адмирала Матије Змајевића у Централном државном архиву ратне морнарице СССР у Лењинграду // *Годишњак Поморског музеја у Котору*. 1975. № XXIII. С. 31–47.
- Мартиновић 1977 — *Мартиновић Ј.* Припреме и ток Гангутске битке 1714. год // *Годишњак Поморског музеја у Котору*. 1977. № XXV. С. 25–35.
- Матовић 1985 — *Матовић М.* Неки шведски извори о учешћу Матије Змајевића у поморском рату Шведске и Русије // *Зборник Которске секције Друштва историчара Црне Горе*. 1985. № 3. С. 145–152.
- Миљанић 1972 — *Миљанић Н.Р.* Руски адмирал из Боке которске // *Годишњак Поморског музеја у Котору*. 1972. № XX. С. 145–159.
- Немировский 2005 — *Немировский Е.Л.* История славянского кирилловского книгопечатания XV — начала XVII века. М.: Наука, 2005. [Кн.] II. Начало книгопечатания у южных славян. Ч. 1: Источники и историография. Предпосылки. 475 с.
- Самыловская 2016 — *Самыловская Е.А.* Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 206 с. (рукопись).
- Скрицкий 1998 — *Скрицкий Н.В.* Матия Змаевич — российский адмирал // *Славяноведение*. 1998. № 1. С. 33–37.
- Форетић 1985 — *Форетић В.* Змајевићи и Дубровник // *Зборник Которске секције Друштва историчара Црне Горе*. 1985. № 3. С. 153–164.
- Ястребов 2021 — *Ястребов А.О.* Венецианское направление внешней политики Петра I и Прутский поход // *Вестник МГИМО-Университета*. 2021. № 14(6). С. 172–190.
- Alexander 1997 — *Alexander J.T.* The Petrine Era and After, 1682–1740 // *Russia. A History* / ed. by G.L. Freeze. Oxford; New York: Oxford University Press, 1997. P. 87–113.

- Arbel 2013 — *Arbel B.* Venice's maritime empire in the early modern period // *A Companion to Venetian History, 1400–1797* / ed. by E. R. Dursteler. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 125–253.
- Babić 2016 — *Babić V.* Zmajevići — prilog kulturnoj povijesti Mediterana // *Историјски записи*. 2016. God. LXXXIX. Br. 3–4. S. 287–303.
- Brajković 1973 — *Brajković G.* Učitelj ruskih knezova. U povodu proslave 275. godišnjice pomorskog pedagoga kap. Marka Martinovića // *Dubrovnik*. 1973. God. 2. Br. 5. S. 115–119.
- Butorac 1928a — *Butorac P.* Matija Zmajević // *Hrvatska prosvjeta*. 1928. God. 15. Br. 5. S. 111–113.
- Butorac 1928b — *Butorac P.* Matija Zmajević // *Hrvatska prosvjeta*. 1928. God. 15. Br. 6. S. 130–137.
- Butorac 1928c — *Butorac P.* Zmajevići (ogledi). Zagreb: Zaklada tiskare Narodnih novina, 1928. 62 s.
- Butorac 1934 — *Butorac P.* Matija Zmajević Peraštanin. Organizator i admiral ruske flote (1680.–1735.) // *Руски архив*. 1934. № XXVI–XXVII. S. 241–254.
- Butorac 1948 — *Butorac P.* Četiri pisma nadbiskupa Vicka Zmajevića // *Starine*. 1948. Vol. 41. S. 85–99.
- Butorac 1948b cc *Butorac P.* Pisma ruskog admirala Matije Zmajevića // *Starine*. 1948. Vol. 41. S. 61–83.
- Butorac 1952 — *Butorac P.* Dva nepoznata rukopisa Marka Martinovića // *Anali Historijskog instituta u Dubrovniku*. 1952. Vol. 1. S. 359–384.
- Butorac 2011 — *Butorac P.* Kulturna povijest grada Perasta. Zagreb: Durieux, 2011. 814 s.
- Carr 2004 — *Carr E. H.* Što je povijest? Zagreb: Srednja Europa, 2004. 147 s.
- Čoralić 2004 — *Čoralić L.* Prilog životopisu barskog nadbiskupa Andrije Zmajevića // *Croatica Christiana periodica*. 2004. God. XXVIII. Br. 53. S. 235–251.
- Čoralić 2018 — *Čoralić L.* Iz prošlosti Boke — Peraški rod Zmajevića // *Hrvatska revija*. 2018. God. XVIII. Br. 2. S. 19–24.
- Ćošković 2009 — *Ćošković P.* Matej Karaman // *Hrvatski biografski leksikon* / gl. ur. T. Macan. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža, 2009. Sv. 7. S. 75–77.
- Dundović 2021 — *Dundović Z.* Prilog poznavanju arhivskog gradiva o zadarskom nadbiskupu Vicku Zmajeviću // *Croatica Christiana periodica*. 2021. God. XLV. Br. 88. S. 57–76.
- Farge 2013 — *Farge A.* The allure of the archives. New Haven; London: Yale University Press, 2013. 131 p.
- Fisković 1975 — *Fisković C.* Prva vijest o dolasku Rusa u Perast na izučavanje pomorskih vještina // *Годишњак Поморског музеја у Котору*. 1975. № XXIII. C. 13–18.
- Florinsky 1961 — *Florinsky M.* Russia. A history and an interpretation. New York: MacMillan Company, 1961. Vol. I. 628 p.

- Foretić 1962 — *Foretić V.* Udio naših ljudi u stranim mornaricama i općim pomorskim zbivanjima kroz stoljeća // Pomorski zbornik. Povodom 20-godišnjice Dana mornarice i pomorstva Jugoslavije 1942.–1962. / gl. ur. G. Novak, V. Maštrović. Zagreb: Institut za historijske i ekonomske nauke — Zadar, 1962. Sv. I. S. 289–339.
- Foretić 1974 — *Foretić V.* Praktično školovanje ruskog boljara Petra Tolstoja u pomorskoj vještini 1697. i 1698. godine na brodovima Ivana Lazarevića i Ivana Krstelja // Zbornik Više pomorske škole u Kotoru. 1974. God. 1. S. 53–63.
- Hughes 1998 — *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; London: Yale University Press, 1998. 602 p.
- Japundžić 1961 — *Japundžić M.* Matteo Karaman (1700–1771). Arcivescovo di Zara. Romae: Pontificium Institutum orientalium studiorum, 1961. 108 s.
- Kolanović (ur.) 2014a — Vodič Državnoga arhiva u Zadru / ur. J. Kolanović. Zadar: Državni arhiv u Zadru, 2014. Sv. 1. 788 s.
- Kolanović (ur.) 2014b — Vodič Državnoga arhiva u Zadru / ur. J. Kolanović. Zadar: Državni arhiv u Zadru, 2014. Sv. 2. 704 s.
- Kovačević 1984 — *Kovačević P. V.* Istorija bokeljskog pomorstva. Kotor: Institut za pomorstvo — Kotor, 1984. 191 s.
- Kovačević 2013 — *Kovačević P. V.* Učesća Bokelja u razvoju ruske mornarice // 12 vjekova bokeljske mornarice / ur. M. Milošević. Kotor: Bokeljska mornarica, 2013. S. 84–99.
- Lane 2007 — *Lane F. C.* Povijest Mletačke Republike. Zagreb: Golden marketing, 2007. 550 s.
- Longworth 1986 — *Longworth Ph.* Russian-Venetian relations in the reign of Tsar Aleksey Mikhailovich // The Slavonic and East European Review. 1986. Vol. 64. № 3. P. 380–400.
- Mijušković 1972 — *Mijušković S.* Učesće Bokelja u ruskoj floti na Mediteranu (1769–1774) // 12 vjekova bokeljske mornarice / gl. ur. D. Kalezić. Beograd: Monos, 1972. S. 156–164.
- Milošević 1935a — *Milošević A.* Ruski admiral Mato Zmajević (I) // Jadranska straža. Glasnik udruženja Jadranske straže. 1935. God. XIII. Br. 8. S. 315–319.
- Milošević 1935b — *Milošević A.* Ruski admiral Mato Zmajević (II) // Jadranska straža. Glasnik udruženja Jadranske straže. 1935. God. XIII, br. 9. S. 368–372.
- Milošević 1957 — *Milošević A.* Peraštanin Marko Martinović i ruski knezovi i bojlari // Naše more: znanstveni časopis za more i pomorstvo. 1957. Vol. 4. № 2. S. 113–114.
- Milošević 1948 — *Milošević A.* Prilog povijesti admirala Mata Zmajevića // Starine. 1948. Vol. 41. S. 101–109.
- Milošević 2008 — *Milošević M.* Iz prošlosti Boke kotorske. Zagreb: Matica hrvatska, 2008. 283 s.
- Moravec 1958 — *Moravec B.* Novi prilozi monografiji o Vicku Bujoviću // Годишњак Поморског музеја у Котору. 1958. № VII. S. 55–72.

- Norwich 1989 — *Norwich J.J.* A History of Venice. New York: Vintage Books, 1989. 673 p.
- Pierling 1883 — *Pierling P.* Izvještaji Splječanina Mate Karamana o Rusiji // *Starine*. 1883. Vol. 15. S. 96–113.
- Scarabello 2007 — *Scarabello G.* Osamnaesto stoljeće // *Povijest Venecije / ur. G. Cozzi, M. Cnapton, G. Scarabello*. Zagreb: Antibarbarus, 2007. Sv. 2. S. 589–724.
- Stipetić 1980 — *Stipetić V.* [Rec.] N. Pavlenko: Sava Lukić Vladislavić Raguzinski “Sibirskije ognji”, broj 3, god. 1978. // *Anali Zavoda istraživačkog centra Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Dubrovniku*. 1980. Vol. 18. S. 539–546.
- Zlodi 2013 — *Zlodi Z.* Slavenski svijet // U potrazi za mirom i blagostanjem. Hrvatske zemlje u 18. stoljeću / ur. L- Čoralić. Zagreb: Matica hrvatska, 2013. S. 491–503.

Reference

- Alexander, J. T., 1997. The Petrine era and after, 1682–1740. In: Freeze, G. L., ed. *Russia. A history*. Oxford; New York: Oxford University Press, pp. 87–113.
- Antoshina, N. V., 2013. Admiral Matiiia Zmaevich v Voronezhe [Russian naval commander M. Zmajević in Voronezh]. *Bereginiia 777 Sova*, № 4(19), pp. 24–31. (In Rus.)
- Arbel, B., 2013. Venice’s maritime empire in the early modern period. In: Dursteler, E. R., ed. *A companion to Venetian history, 1400 –1797*. Leiden; Boston: Brill, pp. 125–253.
- Babić, V., 2016. Zmajevići – prilog kulturnoj povijesti Mediterana. *Istorijski zapisi*, LXXXIX, 3–4, pp. 287–303.
- Berkh, V. N., 1832. *Zhizneopisaniia pervykh rossiiskikh admiralov, ili opyt istorii rossiiskogo flota* [Biographies of the first Russian admirals, or experience of the history of the Russian navy]. Saint Petersburg: Morskaia tipografiia, 2, 405 p. (In Rus.)
- Boljević-Vuleković, V., 1985. Andrija Zmajević i njegov crkveni ljetopis [Andrija Zmajević and his Church chronicle]. *Zbornik Kotorske sekcije Društva istoričara Crne Gore*, 3, pp. 165–176. (in Serb.-Cro.)
- Brajković, G., 1973. Učitelj ruskih knezova. U povodu proslave 275. godišnjice pomorskog pedagoga kap. Marka Martinovića. *Dubrovnik*, 2, 5, pp. 115–119.
- Brajković, G., 1985. Admiral Matija Zmajević i njegovo doba (o 300-godišnjici rođenja) [The Admiral Matija Zmajević and his Time (for 300th anniversary of his birth)]. *Zbornik Kotorske sekcije Društva istoričara Crne Gore*, 3, pp. 121–134. (in Serb.-Cro.)
- Butorac, P., 1928. Matija Zmajević. *Hrvatska prosvjeta*, 15, 5, pp. 111–113.
- Butorac, P., 1928. Matija Zmajević. *Hrvatska prosvjeta*, 15, 6, pp. 130–137.

- Butorac, P., 1928. *Zmajevići (ogledi)*. Zagreb: Zaklada tiskare Narodnih novina, 62 p.
- Butorac, P., 1934. Matija Zmajević Peraštanin. Organizator i admiral ruske flote (1680.–1735.). *Ruski arhiv*, XXVI–XXVII, pp. 241–254.
- Butorac, P., 1948. Četiri pisma nadbiskupa Vicka. *Starine*, 41, pp. 85–99.
- Butorac, P., 1948. Pisma ruskog admirala Matije Zmajevića. *Starine*, 41, pp. 61–83.
- Butorac, P., 1952. Dva nepoznata rukopisa Marka Martinovića. *Anali Historijskog instituta u Dubrovniku*, 1, pp. 359–384.
- Butorac, P., 2011. *Kulturna povijest grada Perasta*. Zagreb: Durieux, 814 p.
- Carr, E. H., 2004. *Što je povijest?* Zagreb: Srednja Europa, 147 p.
- Čoralić, L., 2004. Prilog životopisu barskog nadbiskupa Andrije Zmajevića. *Croatica Christiana periodica*, XXVIII, 53, pp. 235–251.
- Čoralić, L., 2018. Iz prošlosti Boke — Peraški rod Zmajevića. *Hrvatska revija*, XVI–II, 2, pp. 19–24.
- Ćošković, P., 2009. Matej Karaman. In: Macan, T., ed. *Hrvatski biografski leksikon*, 7. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža, pp. 75–77.
- Dukić, J., 1969. *Grof Sava Vladislavić: jedan Srbin diplomat na dvoru Petra Velikog i Katarine I.* [Count Sava Vladislavić: one Serbian diplomat at the court of Peter the Great and Catherine I.]. Sarajevo: “Svjetlost”, izdavačko poduzeće; Beograd: “Prosveta”, izdavačko poduzeće, 387 p. (in Serb.)
- Dundović, Z., 2021. Prilog poznavanju arhivskog gradiva u zadarskom nadbiskupu Vicku Zmajeviću. *Croatica Christiana periodica*, XLV, 88, pp. 57–76.
- Farge, A., 2013. *The allure of the archives*. New Haven; London: Yale University Press, 131 p.
- Fisković, C., 1975. Prva vijest o dolasku Rusa u Perast na izučavanje pomorskih vještina. *Godišnjak Pomorskog muzeja u Kotoru*, XXIII, pp. 13–18.
- Florinsky, M., 1961. *Russia. A history and an Interpretation*, I. New York: MacMillan Company, 628 p.
- Foretić, V., 1962. Udio naših ljudi u stranim mornaricama i općim pomorskim zbivanjima kroz stoljeća. In: Novak, G., Maštrović, V., eds. *Pomorski zbornik. Povodom 20-godišnjice Dana mornarice i pomorstva Jugoslavije 1942.–1962.*, I. Zagreb; Zadar: Institut za historijske i ekonomske nauke, pp. 289–339.
- Foretić, V., 1974. Praktično školovanje ruskog boljara Petra Tolstoja u pomorskoj vještini 1697. i 1698. godine na brodovima Ivana Lazarevića i Ivana Krstelja. *Zbornik Više pomorske škole u Kotoru*, 1, pp. 53–63.
- Foretić, V., 1985. Zmajevići i Dubrovnik [Zmajevićs and Dubrovnik]. *Zbornik Kottorske sekcije Društva istoričara Crne Gore*, 3, pp. 153–164. (in Serb.-Cro.)
- Hughes, L., 1998. *Russia in the age of Peter the Great*. New Haven; London: Yale University Press, 602 p.
- Iastrebov, A. O., 2021. Venetsianskoe napravlenie vneshnei politiki Petra I i Prutskii pokhod [Peter the Great’s Venetian policy and the Prut campaign]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 14(6), pp. 172–190. (in Rus.)

- Ivošević, B., 1985. Uvodna riječ [Introductory words]. *Zbornik Kotorske sekcije Društva istoričara Crne Gore*, 3, pp. 111–112 (in Serb.-Cro.)
- Japundžić, M., 1961. *Matteo Karaman (1700–1771)*. *Arcivescovo di Zara*. Romae: Pontificium Institutum orientalium studiorum, 108 p.
- Jovanović, J., 1949. Veze Crne Gore sa Rusijom od druge polovice 16. vijeka do Danas [Connections of Monte Negro and Russia from the second half of the sixteenth century till today]. *Istorijski zapisi*, 3–4, pp. 120–133 (in Serb.-Cro.)
- Kolanović, J., ed., 2014. *Vodič Državnoga arhiva u Zadru*, 1. Zadar: Državni arhiv u Zadru, 788 p.
- Kolanović, J., ed., 2014. *Vodič Državnoga arhiva u Zadru*, 2. Zadar: Državni arhiv u Zadru, 704 p.
- Kovačević, P., 1985. Matija Zmajević — ruski admiral [Matija Zmajević — Russian admiral]. *Zbornik Kotorske sekcije Društva istoričara Crne Gore*, 3, pp. 135–143. (in Serb.-Cro.)
- Kovačević, P.V., 1974. Dnevnik Petra Andrejeviča Tolstoja u vezi sa školovanjem ruskih pitomaca u Perastu 1698. godine [The Diary of P.A. Tolstoy]. *Zbornik Više pomorske škole u Kotoru*, 1, pp. 43–51. (in Serb.)
- Kovačević, P.V., 1984. *Istorija bokeljskog pomorstva*. Kotor: Institut za pomorstvo — Kotor, 191 p.
- Kovačević, P.V., 2013. Učešća Bokelja u razvoju ruske mornarice. In: Milošević, M., ed. *12 vjekova bokeljske mornarice*. Kotor: Bokeljska mornarica, pp. 84–99.
- Kovijanić, R., 1962. Preci admirala Matije Zmajevića [Admiral Matija Zmajević's Ancestors]. *Godišnjak Pomorskog muzeja u Kotoru*, X, pp. 65–78. (in Serb.)
- Krotov, P.A., 1996. *Gangutskaia bataliia 1714 goda* [The battle of Gangut of 1714]. Saint Petersburg: Liki Rossii, 247 p. (In Rus.)
- Lalošević, A., 1974. Život i djelo pomorskog pedagoga kapetana Marka Martinovića [Life and Work of Maritime Pedagogue and Sea Captain Marko Martinović]. *Zbornik Više pomorske škole u Kotoru*, 1, pp. 25–38. (in Serb.-Cro.)
- Lalošević, A., 1985. Neki podaci iz peraškog i kotorskog arhiva o peraškom gradskom kapetanu Krstu Zmajeviću (1640.–1698.) [Some notes from the archives in Perast and Kotor on the city captain Krsto Zmajević (1640–1698)]. *Zbornik Kotorske sekcije Društva istoričara Crne Gore*, 3, pp. 177–187. (in Serb.-Cro.)
- Lane, F.C., 2007. *Povijest Mletačke Republike*. Zagreb: Golden marketing, 550 p.
- Longworth Ph., 1986. Russian-Venetian Relations in the Reign of Tsar Aleksey Mikhailovich. *The Slavonic and East European Review*, 64, 3, pp. 380–400.
- Luetić, J., 1985. Bokeljski i dubrovački mornari na jedrenjacima Republike Dubrovačke [Mariners from Boka and Dubrovnik on sailing ships of the Republic of Dubrovnik]. *Zbornik Kotorske sekcije Društva istoričara Crne Gore*, 3, pp. 189–191. (in Serb.-Cro.)
- Marinović, A., 1985. Kratki prikaz historije Boke kotorske do Matije Zmajevića i u njegovo doba [A short overview of history of Boka kotorska until and

- during Matija Zmajević's time]. *Zbornik Kotorske sekcije Društva istoričara Crne Gore*, 3, pp. 113–119. (in Serb.-Cro.)
- Martinović, J., 1975. Spisi vojno-pohodne kancelarije viceadmirala Matije Zmajevića u centralnom državnom arhivu ratne mornarice SSSR u Lenjingradu [Records of the Military Office of the Vice-Admiral Matija Zmajević in the Central State Archives of the Soviet Navy in Leningrad]. *Godišnjak Pomorskog muzeja u Kotoru*, XXIII, pp. 31–47. (in Serb.)
- Martinović, J., 1977. Pripreme i tok Gangutske bitke 1714. god. [The Preparations and the Development of the Battle at Gangut, 1714]. *Godišnjak Pomorskog muzeja u Kotoru*, XXV, pp. 25–35. (in Serb.-Cro.)
- Matović, M., 1985. Neki švedski izvori o učešću Matije Zmajevića u pomorskom ratu Švedske i Rusije [Some Swedish Sources about the Participation of Matija Zmajević in the Swedish-Russian naval War]. *Zbornik Kotorske sekcije Društva istoričara Crne Gore*, 3, pp. 145–152. (in Serb.-Cro.)
- Mijušković, S., 1972. Učešće Bokelja u ruskoj floti na Mediteranu (1769.–1774.). In: Kalezić, D., ed. *12 vjekova bokeljske mornarice*. Beograd: Monos, pp. 156–164.
- Miljanić, N. R., 1972. Ruski admirali iz Boke kotorske [The Russian Admirals from Boka Kotorska]. *Godišnjak Pomorskog muzeja u Kotoru*, XX, pp. 145–159. (in Serb.-Cro.)
- Milošević, A., 1935a. *Ruski admiral Mato Zmajević (I). Jadranska straža. Glasnik udruženja Jadranske straže*, XIII, 8, pp. 315–319.
- Milošević, A., 1935b. *Ruski admiral Mato Zmajević (II). Jadranska straža. Glasnik udruženja Jadranske straže*, XIII, 9, pp. 368–372.
- Milošević, A., 1948. Prilog povijesti admirala Mata Zmajevića. *Starine*, 41, pp. 101–109.
- Milošević, A., 1957. Peraštanin Marko Martinović i ruski knezovi i boljari. *Naše more: znanstveni časopis za more i pomorstvo*, 4, 2, pp. 113–114.
- Milošević, M., 2008. *Iz prošlosti Boke kotorske*. Zagreb: Matica hrvatska, 283 p.
- Moravec, B., 1958. Novi prilozi monografiji o Vicku Bujoviću. *Godišnjak Pomorskog muzeja u Kotoru*, VII, pp. 55–72.
- Nemirovskii, E. L., 2005. *Istoriia slavianskogo kirillovskogo knigopechataniia XV – nachala XVII veka* [History of Slavic Cyrillic book printing from the fifteenth to the early seventeenth century], II, *Nachalo knigopechataniia u iuzhnykh slavian* [The beginning of book printing in the South Slavs], 1, *Istochniki i istoriografii. Predposylki* [Sources and historiography. Prerequisites], Moscow: Nauka, 475 p. (In Rus.)
- Norwich, J. J., 1989. *A History of Venice*. New York: Vintage Books, 673 p.
- Pierling, P., 1883. Izvještaji Splječanina Mate Karamana o Rusiji. *Starine*, 15, pp. 96–113.
- Samylovskaja, E. A., 2016. *Katolicheskaia obshchina Sankt-Peterburga v pervoi polovine XVIII veka: dis. ... kand. ist. nauk.* [The Catholic community of St.

- Petersburg in the first half of the eighteenth century. PhD thesis]. Saint Petersburg, 206 p. (manuscript). (in Rus.)
- Scarabello, G., 2007. Osamnaesto stoljeće. In: Cozzi, G., Cnapton, M., Scarabello G., eds. *Povijest Venecije*, 2. Zagreb: Antibarbarus, pp. 589–724.
- Skritskii, N. V., 1998. Matiiia Zmaevich – rossiiskii admiral [Matija Zmajević, the Russian admiral]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 33–37 (In Rus.)
- Stipetić, V., 1980. [Rec.] N. Pavlenko: Sava Lukić Vladislavić Raguzinski “Sibirskije ognji”, broj 3, god. 1978. *Anali Zavoda istraživačkog centra Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti u Dubrovniku*, 18, pp. 539–546.
- Veselago, F. F., ed., 1885. *Obshchii morskoi spisok* [General maritime list], 1, *Ot osnovaniia flota do konchini Petra Velikogo* [From the foundation of the fleet to the demise of Peter the Great]. Saint Petersburg: Tipografiiia V. Demakova, 528 p. (In Rus.)
- Zlodi, Z., 2013. Slavenski svijet. In: Čoralić, L. *U potrazi za mirom i blagostanjem. Hrvatske zemlje u 18. stoljeću*. Zagreb: Matica hrvatska, pp. 491–503.
- Zloković, I., 1952. Iz prepiske admirala Matije Zmajevića [From Correspondence of the Admiral Matija Zmajević]. *Godišnjak Pomorskog muzeja u Kotoru*, 1, pp. 52–58. (in Serb.-Cro.)

PhD, Research Fellow, Croatian Institute of History, Zagreb, Croatia. Opatička, 10, 10000. E-mail: fnovosel1@gmail.com

New Materials about the Russian Admiral Matija Zmajević in the State Archives in Zadar

During the reign of Peter I, the Republic of Venice and the Russian Empire cooperated in various fields. Primarily, however, they fortified their maritime relations, with subjects of Serenissima playing a major role in the creation of the modern Russian navy, passing on their knowledge and experience. Of these Venetian subjects, those from the eastern Adriatic coast were the most prominent, among whom was Matija Zmajević (1680–1735), a representative of an influential seafaring family from Perast in the Bay of Kotor. Matija served in Russia during the reign of Peter the Great and his successors, reaching the rank of admiral and laying the foundation for the subsequent establishment of the Russian Black Sea fleet. The article introduces new archival information about his interesting and controversial personality, based on documents from the Karaman family's collection in the State Archives in Zadar. Members of the Karaman family were related to Zmajević, with especially close relations between Matija and his brother Vicko Zmajević with Matej Karaman, who himself lived in Russia for some time and left valuable written testimony about that period. The review of the works on this topic and analysis of materials from the aforementioned collection aims at encouraging historians to conduct further research into the life and works of Admiral Matija Zmajević.

Keywords: Republic of Venice, Russian Empire, Eastern Adriatic, eighteenth century, navigation, archival sources, historiography

Acknowledgements: The author thanks Dmitry G. Polonsky and Iskra Schwartz for their help with this article.

How to cite: Novosel, F., 2023. Novye materialy ob admirale russkoi sluzhby Matii Zmaeviche v Gosudarstvennom arkhive v Zadare. *Central-European Studies*, 6, pp. 37–62. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.2>.

Габор Вадерна

PhD, доцент, заместитель директора, Институт венгерской литературы и истории культуры, Университет имени Лоранда Этвеша, Будапешт, Венгрия. 1088, Múzeum krt. 4/A.
E-mail: vaderna.gabor@btk.elte.hu

Шандор Петёфи: история литературной карьеры в Венгрии XIX в.

Шандор Петёфи (1823–1849) — самый известный венгерский поэт, двухсотлетие со дня рождения которого в свое время широко отмечалось в Венгрии. В центре внимания современников были не только его новаторские поэтические приемы, но и радикальные политические взгляды. В последние десятилетия в венгерском литературоведении наметились три направления исследований. Анализ литературного наследия Петёфи показывает, как в ходе его смелых экспериментов создавался современный язык венгерской поэзии. В центре второго направления находится личность Петёфи: изучается ее значение в формировании политики национальной памяти. Третье направление рассматривает биографию поэта в социально-историческом контексте. Анализ писательской карьеры Петёфи позволяет выявить действие различных механизмов социальной мобильности для людей интеллектуального труда. В статье карьера Петёфи рассмотрена прежде всего в социо-исторической перспективе, автор также обращается к вопросам истории создания культа поэта в истории венгерской поэзии.

Ключевые слова: поэтическая карьера, буржуазное общество, социальная мобильность, романтизм, эпоха реформ, революция 1848 г. буржуазное общество

Цитирование: Вадерна Г. Шандор Петёфи: история литературной карьеры в Венгрии XIX в. // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 63–86. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.3>.

Каждый венгр знает, кто такой Шандор Петёфи. Дети в детском саду помнят, что он носил усы и был революционером, школьники учат наизусть его стихи и рассказывают о наиболее важных событиях его жизни, и если спросить, кто самый значительный венгерский поэт, большинство венгров назовет имя Петёфи. Почему так случилось? Как поэт, живший в XIX в., стал культовой

фигурой венгерской национальной культуры? Трудно сказать, является ли этот культ следствием ряда удачных исторических совпадений или, скорее, результатом удивительной способности гения моментально улавливать суть происходящего. В самом деле, никто не оказал такого колоссального влияния на венгерскую литературу, как Шандор Петёфи. В год двухсотлетия со дня его рождения, возможно, имеет смысл подвести итоги наиболее важных связанных с ним исторических дилемм и обозначить направления исследования его личности и поэзии¹. В современной истории литературы можно выделить три направления исследований личности и творчества Петёфи.

Трудно не согласиться, что Петёфи идеально подходит на роль культовой фигуры национального пантеона. В связи с этим одно из направлений исследований сосредоточено на анализе природы культа поэта и особенностей венгерской политики национальной памяти. Историческая память конструирует идентичность, и, возможно, имеет смысл рассмотреть, с использованием каких культурных практик формировался культ поэта в памяти нации.

В данном случае объектом исследования становится не столько сам Петёфи, сколько то, как формируется венгерское «я» (если использовать термин *self-fashioning*, введенный историком ренессансной литературы Стивенем Гринблатом)². Например, после окончания Первой мировой войны среди венгров распространилась (и до сих пор имеет хождение) легенда, что на самом деле Петёфи не пал в битве при Шегешваре, но был пленен русской армией и жил в Сибири (там он женился на русской женщине и даже писал стихи на русском языке в стиле Н. А. Некрасова). Эта легенда не имеет ничего общего с действительностью, но многие воспринимают ее всерьез (некоторые приверженцы легенды отправлялись в Баргузин, а кто-то даже откопал там скелет, утверждая, что это не что иное, как останки Петёфи). История культа показывает, сколь силен в венгерском историческом воображении страх перед русскими интервентами: число сторонников легенды о Петёфи в Сибири росло, когда Венгрия вступала в вооруженный конфликт с Россией/Советским Союзом и сотни военнопленных отправлялись в Сибирь после Первой и Второй

¹ Биографию Ш. Петёфи см.: Kerényi 2008; Szilágyi 2021.

² См.: Dávidházi 1990; Margócsy 2011a; Kerényi 2022a; Greenblatt 1980.

мировых войн. Очередной всплеск интереса к легенде совпал с выводом с территории Венгрии советских войск в 1989–1991 гг.³

Впрочем, биографию можно исследовать разными путями. Петёфи не был типичной фигурой своего времени. После его смерти современники собрали бесчисленное множество свидетельств о том, что он делал, где и когда бывал. Это позволяет через реконструкцию биографии поэта в категориях «исключительной нормальности» приблизиться к пониманию социальной истории середины XIX в. Речь идет об исследовательском методе из арсенала микроистории, при котором изучается не то, что было характерно для исторического периода, а на основе особых случаев описывается, как аномалия способствует выявлению неочевидных реалий, не отраженных в традиционных источниках. В настоящей статье я применил этот метод, чтобы показать, что несмотря на атипичность некоторых поступков Петёфи, его жизненный путь помогает выявить механизмы культурных и политических институтов, действовавшие в середине XIX в.⁴

Наконец, нельзя игнорировать факт, что Петёфи был блестящим поэтом. Внимательное прочтение его стихов позволяет понять, как создавался современный язык венгерской литературы. По вкладу в венгерскую культуру Петёфи сопоставим с Гёте для немцев и Пушкиным для русских. Причина этого коренится, естественно, в поэтическом новаторстве. Петёфи создал поэтический язык с таким изяществом, что современная поэзия до сих пор находится, говоря словами Х. Блума, под «страхом влияния» национального гения⁵.

Шандор Петёфи родился 1 января 1823 г. в городке Кишкёрёш на юге Венгрии и при рождении получил имя Александр Пётрович. Родители — мещане в первом поколении, этнические словаки, избравшие путь ассимиляции в мадьярскую среду. Из-за того, что имя «Петрович» наводит на мысль о южнославянском происхождении, ошибочное мнение о сербском происхождении поэта долгое время и до сих пор встречается в популярной и даже научной литературе. Оснований считать Петёфи сербом нет. Скорее всего, в XVII в. его словацкие

³ См.: Kiss 1990; Kovács 2003.

⁴ См. наиболее авторитетное исследование в рамках этого направления: Kerényi 2008. Подробнее о концепции «исключительной нормальности» см.: Magnússon, Szigártó 2013: 19–20.

⁵ См.: Margócsy (szerk.) 2022. О теории «страха влияния» см.: Bloom 1973; на русском языке: Блум 1998.

предки переселились на юг королевства, где их имена были переделаны на южнославянский лад. Отец будущего поэта содержал скотобойню, затем получил право открыть питейное заведение и перебрался в город. В раннем детстве Петёфи дела отца шли в гору. Когда мальчик пошел в школу, родители, у которых были словацкие корни, осознанно перешли на венгерский язык. Маленький Александр сменил не одну школу. Непродолжительное время он посещал немецко-словацкую школу, но затем родители отдали предпочтение венгерской школе, понимая, что высокий уровень владения венгерским языком является одним из самых важных средств социальной мобильности в Венгрии. В школе он уже называл себя Шандором, что было венгерским эквивалентом имени Александр, и вступил в кружок самообразования, организованный венгерскими студентами. В то же время он не прижился ни в одной из школ: учеба шла плохо, финансовое положение родителей ухудшилось, часто причиной смены школы становились непомерные амбиции подростка. Несколько раз он сбегал, чтобы стать актером, что крайне не нравилось родителям; затем подался в солдаты, но его здоровье не выдержало тягот военной жизни; наконец, он сосредоточился на сочинении стихов. Тексты публиковались в литературных журналах того времени, и в 1842 г. он взял фамилию Петёфи. Поэт так и не окончил школы и не получил диплома.

Чтобы оценить значение личности и творчества Петёфи для венгерской культуры, необходимо совершить экскурс в историю. Поэт жил во времена великих перемен, которые в венгерской историографии известны как «эпоха реформ». Королевством Венгрия и великим княжеством Трансильвания управлял император Фердинанд I Габсбург (1835–1848 гг., как венгерский король — Фердинанд V). Австрийская империя состояла из отдельных автономных земель. Монарх хотел политически и административно объединить свои владения, но провинции держались за собственные политические традиции. Полиэтническое венгерское государство тоже не было единым: Хорватия обладала автономией в рамках Венгерского королевства, а великое княжество Трансильвания, где политическая элита была венгерской, со времен османского владычества XVI–XVII вв. имело собственную администрацию и государственное собрание, но управлялась напрямую из Вены⁶. Венгры хотели политического объединения

⁶ Kecskeméti 1989; Evans 2006; King 2001.

территориально разобщенного Венгерского королевства в рамках Австрийской империи, требовали для мадьяр обеспечения ведущей роли в королевстве и мечтали о коренных социальных реформах (например, об отмене неотчуждаемости дворянской земельной собственности). Начиная с 1830-х годов страна демонстрировала впечатляющие достижения: была основана Венгерская академия наук, призванная развивать венгерский язык (не только в сфере изящной словесности, но и для нужд науки, управления, армии), в 1844 г. венгерский язык заменил латынь в качестве государственного языка, народное образование и администрация перешли на венгерский, новый тип городской культуры ускорил процессы массовой ассимиляции в стране. Тем временем политика тоже изменилась. Если прежде парламент был узким и закрытым пространством коммуникации дворянского сословия (требование владеть латынью изначально ограничивало доступ в эту сферу), благодаря венгерскому языку и современной политической прессе обсуждение публичных вопросов практиковалось повсеместно, было доступно всякому, кто знал венгерский⁷.

Петёфи стал заметной фигурой венгерской культуры и политики как раз в эти годы великих изменений. Как говорилось выше, его родители приняли новые общественные реалии, выбрав для сына образование на венгерском, и он сознательно примкнул к когорте реформаторов венгерской национальной культуры. При этом его поэзия обладала мощным потенциалом, поскольку он не только комментировал современные культурные политические дебаты, но определял их направление. Как ему это удавалось?

Имя Петёфи могло быть знакомо тем, кто следил за литературными новинками, но в 1844 г. поэт буквально ворвался в венгерскую публичную сферу. Важно отметить, что как раз тогда он переехал в Пешт. В то время Буда и Пешт были двумя самостоятельными городами, вместе образуя столицу Венгрии. Здесь действовали важнейшие культурные институции: академия, университет, музей, театр, библиотеки, издательства и редакции газет. Как раз в то время немецкое население обоих городов стало постепенно переходить на венгерский язык, началась урбанизация, в результате которой Будапешт к началу XX в. превратился в один из крупнейших городов Европы⁸.

⁷ См.: Vermes 2014: 247–288.

⁸ О проблеме урбанизации и литературы см.: Vaderna 2020.

Петёфи стал помощником редактора модного журнала *Pesti Divatlap* («Пештский модный журнал»). В то время это был важный орган современной прессы. В каждом выпуске печатались так называемые модные картинки: на цветных гравюрах изображалось, как должны одеваться дамы и господа, чтобы не отстать от европейской моды. В журнале также печатались стихи, рассказы, путевые заметки и статьи информационного характера. Текстами и иллюстрациями модный журнал транслировал читателям обоих полов буржуазный образ жизни. Он был доступен далеко не всем, но публикации помогали составить представление о стиле, которому следует соответствовать. Неслучайно популярной темой модных журналов стала новая форма городской культуры, «прогулка по городу», когда человек бродит («фланирует») по городу и получает удовольствие от созерцания культурных объектов⁹. Современный горожанин не только создавал новую, урбанистическую культуру, его опытный взор искал и находил ее буквально во всем. Как редактор, Петёфи активно вступал в дискуссии по вопросам, волновавшим читателей: его редакционные сообщения были остроумными, статьи — захватывающими, стихи звучали по-новому.

Петёфи по-новому, профессионально, подошел к использованию, говоря современным языком, средств массовой информации. Он постоянно находился в центре событий; его публикации были на слуху; на критику он реагировал сразу и беспощадно (некоторым грозил вызовом на дуэль). Представление о нем складывалось из этой вездесущести, и вскоре в глазах аудитории его фигура приобрела культовый характер. Это требовало от Петёфи подпитки созданного имиджа, поэтому он, помимо прочего, внимательно следил за тем, как его лицо изображали на рисунках и гравюрах¹⁰. Наконец, поэтическое творчество стало для Петёфи разновидностью предпринимательской деятельности. Он был первым венгерским поэтом, кто (в отсутствие доходов с поместий, что было привилегией дворян) жил на гонорары от писательского труда и даже создал семью, где оба супруга зарабатывали литературой. Петёфи рассматривал создание произведений искусства как современное капиталистическое предприятие: он получал доход, инвестировал знания, подписывал договоры на стихи

⁹ О фланировании как новом явлении городской культуры см.: Benjamin 1982.

¹⁰ См.: Adrovitz, Kalla (szerk.) 2012.

(в том числе еще не написанные). Он стал зачинщиком и лидером первой забастовки венгерских писателей: в 1846 г. десять ведущих венгерских авторов во главе с Петёфи заявили, что отныне будут публиковаться в модных журналах только за достойный гонорар¹¹.

Внешний облик и имидж Петёфи был тесно связан с тенденциями, господствовавшими в его творчестве. Самые популярные стихи в первом сборнике¹² были написаны в фольклорных жанрах. В них лирическим героем является даже не сам поэт, но фольклорный персонаж, который предстает перед читателями в необычной ситуации. Рассказчик в стихотворении «Клин клином»¹³ (*Szeget szeggel*) — маленький мальчик, который украл грушу из соседского сада, в других — пьяницы, готовые все отдать за чарку вина: поэма «Сельский молот» (*A helység kalapácsa*) живописует драку в корчме¹⁴. Эти тексты удивляли современников по ряду причин. С одной стороны, темы и содержание стихов часто могли показаться фривольными: о пьянстве, прелюбодеянии, самоубийстве и насилии в стихах говорилось так, как если бы эти явления, нарушающие социальные нормы, были чем-то обыденным. С другой стороны, в языковом отношении стихи были близки к народной речи и в сравнении с поэтическими практиками того времени почти лишены пафоса. К тому же Петёфи обладал странным, часто болезненным воображением, его метафоры шокировали не только содержанием, но и образным потенциалом. Наконец, Петёфи первым взглянул по-новому на культуру неграмотного простонародья.

В начале XIX в. интерес к культуре простого народа был в Европе повсеместным. Народная культура (популярные, всем известные песни) включала древние тексты, восходящие к фольклорной традиции. В то время она считалась подлинной и сильной, только если основывалась на устном народном творчестве¹⁵. Многие пытались реконструировать древнюю устную поэзию, считавшуюся утерянной, и были те, кто дерзал создавать современную национальную культуру

¹¹ О Петёфи как литературном предпринимателе см.: Margócsy 2011b.

¹² *Petőfi S. Versek 1842–1844*. Buda: A Magyar Kir[ályi]. Egyetem betűivel, 1844. 189 old.

¹³ *Петёфи Ш. Клин клином* / перев. Л. Мартынова // *Собрание сочинений: в 3-х т / сост. А. Кун. Будапешт: Корвина, 1961. Т. 1. Стихи 1842–1847 гг. С. 111–113.*

¹⁴ *Петёфи Ш. Сельский молот* / перев. Л. Мартынова // *Петёфи Ш. Собрание сочинений: в 3-х т / сост. А. Кун. Будапешт: Корвина, 1961. Т. 2. Стихи 1848–1849 гг. Поэмы. С. 177–216.*

¹⁵ Об этом типе национализма см.: Adler 1990.

на осколках этой традиции¹⁶. Петёфи выбрал совершенно иной путь: его стихи были написаны так, как если бы современный поэт говорил утерянным древним фольклорным языком менестрелей. (Например, поэма «Витязь Янош» (*János vitéz*) напоминает народные сказания)¹⁷. Он был одновременно капиталистом от литературы в жизни и менестрелем в мире народной поэзии, который, не испытывая тени сомнения, смешивал в поэзии разные культурные традиции¹⁸. Возможно, в этом кроется причина, почему стихотворения Петёфи пели по всей стране, подбирая к ним разные народные мелодии¹⁹.

Использованный Петёфи поэтический прием состоял в сочетании простонародного языка со сложной метафорикой. Рассмотрим это на конкретном примере. Стихотворение «Раз на кухню залетел я» (*Befordultam a konyhára...*)²⁰ начинается с повседневной ситуации: некто (мужчина) зашел на кухню, чтобы раскурить трубку: во времена, когда еще не было спичек, прикуривали от огня в печи, поэтому в этом поступке нет ничего необычного. Но от этого нейтрального заявления он отказывается уже в первой строфе, заявляя, что трубка уже была раскурена. Речь передана в стихах, но выражения использованы отнюдь не поэтические. Вторая строфа объясняет, почему рассказчик лукавил: на самом деле он всего лишь хотел посмотреть на хорошенькую девушку. Здесь начинается особая поэтическая техника Петёфи: черед метафор, следующих одна из другой. Девушка развела огонь, и в ее глазах вспыхнуло жаркое пламя:

Jaj, de hát még szeme párja,	А глаза-то — словно свечи,
Annak volt ám nagy a lángja!	Обжигали жарче печи!

Так огонь в печи метафорически становится огнем женской красоты. Если девушка — «огонь», она красива и сексуально привлекательна. В последней строфе смешиваются два слоя стихотворения: бытовая сценка и метафорический уровень: в то время как трубка потухла, огонь в глазах девушки зажигает сердце мужчины (он влюбляется).

¹⁶ См.: McDowell 2017: 229–250.

¹⁷ *Петёфи Ш.* Витязь Янош / перев. Б. Пастернака // *Петёфи Ш.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 217–271.

¹⁸ См.: Csörsz 2014.

¹⁹ См.: Kerényi 2022b.

²⁰ *Петёфи Ш.* Раз на кухню залетел я / перев. В. Левина // *Петёфи Ш.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 117.

Én beléptem, ő rám nézett,
Aligha meg nem igézett!
Égő pipám kialudott,
Alvó szívem meggyűladott.

Я вошел, она взглянула,
Душу мне перевернула.
В трубке жар погас недаром:
Сердце вспыхнуло пожаром.

В поэзии Петёфи живописуются будни сельской местности. Поэт так свыкся с ролью, что в 1844 г. выходил на прогулки по городу в народном костюме, чтобы подчеркнуть свое происхождение. При виде его жители Пешта, возможно, думали: вот плоть от плоти дитя народа, в стихах которого звучат народные голоса. Однако Петёфи также манило новое пространство современной культуры — город. Следующий поэтический опыт, новый сборник стихов «Жемчужины любви» (*Szerelem gyöngyei*)²¹, вышел в свет в 1845 г. и стал хроникой одной конкретной любви. Лирический герой — мужчина — обращается к женщине, здесь нет вымышленных персонажей, ситуации не так разнообразны, как ранее. Более того, влюбленную пару, о которой идет речь, трудно представить в сельской местности, только в городе. Мужчина слагает одно за другим 39 любовных стихотворений: он мечтает то об эротическом приключении, то о браке, то тоскует по возлюбленной, которой нет рядом, то обожествляет ее, то сердится. Все вместе это похоже на перечисление возможных вариантов одной поэтической темы. Тем не менее, как и в ранних стихах Петёфи, неизменными остались наивный поэтический голос и метафорические связи, возникавшие из неожиданных поэтических ассоциаций. Рассмотрим, как метафорические структуры перетекают одна в другую в поэме «Если ты цветок» (*Fa leszek, ha...*)²².

Fa leszek, ha fának vagy virága.
Ha harmat vagy: én virág leszek.
Harmat leszek, ha te napsugár vagy...
Csakhogy lényink egyesüljenek.

Если ты цветок — я буду стеблем,
Если ты роса — цветами ввысь
Потянусь, росинками колеблем, —
Только души наши бы слились.

Ha, leányka, te vagy a mennyország:
Akkor én csillaggá változom.
Ha, leányka, te vagy a pokol: (hogyan)
Egyesüljünk) én elkárhozom.

Если ты, души моей отрада,
Ввысь небес — я превращусь в звезду.
Если ж ты, мой ангел, бездна ада —
Согрешу и в бездну попаду.

²¹ *Petőfi S. Szerelem gyöngyei*. Pest: Nyom. Landerer és Heckenastnál, 1845. 70 old.

²² *Петёфи Ш. Если ты цветок* / перев. Б. Пастернака // *Петёфи Ш. Собрание сочинений*. Т. 1. С. 266.

Женщина всегда метафора, и мужчина пытается ей подражать. Если женщина цветок, мужчина — дерево, если женщина роса, мужчина — цветок, если женщина луч солнца²³, мужчина — роса. Кажется, мужчина хочет догнать женщину, но она все время меняется и ни в одной из метафор не просматриваются ее реальные черты. Конечно, «единение» невозможно. Вторая строфа открывает более широкие горизонты. Сначала женщина — это рай, затем — ад, то есть две крайности верха и низа. Мужчина следует за ней сначала в рай, потом в ад, кульминация поэмы: мужчина проклинает себя, впадает в грех, чтобы воссоединиться с возлюбленной. Это можно понимать двояко: или мы остаемся на метафорическом уровне, как и раньше, мужчина следует за женской метафорой, или любовная связь между обоими героями сама по себе грех, из-за чего оба попадают в ад. Является ли сексуальный контакт раем (поскольку несет высочайшее счастье) или адом (поскольку христианство осуждает любовь вне брака), остается в поэме открытым.

Петёфи был не только народным и буржуазным поэтом, его третья ипостась — это романтическая поэзия. Его влекло одно из направлений европейского романтизма, которое воспевало все, что было страшным и ужасным. Критики Петёфи также не обошли вниманием увлечение поэта готической литературой: прорыв внутреннего мира инстинктов, искушения зла и соблазн плотских желаний, привнесение в мир искусства безумия, сна, апокалипсиса, видений; изображение многолюдного мира ведьм и призраков, расплодившихся на кладбищах и в могилах. Одна из основных особенностей поэзии Петёфи — эпатаж и непредсказуемость, причем зачастую не только в изобразительных решениях, но и в тематике.

25 декабря 1844 г. на рождественском ужине Петёфи познакомился с 15-летней Этелке Чапо. Когда спустя полторы недели поэт вернулся с рождественских каникул, он узнал, что девушка скоропостижно скончалась. Петёфи стал одержим этой трагедией: он присутствовал на погребении, навещал могилу и даже переехал жить в комнату умершей девушки. Так в 1845 г. появилось одно из самых странных произведений венгерской литературы — сборник «Ветви кипариса для гробницы Этелке» (*Cipruslombok Etelke sírjáról*)²⁴.

²³ Эта метафора в переводе Б. Пастернака опущена.

²⁴ *Petőfi S. Cipruslombok Etelke sírjáról*. Buda: Beimer József Betűivel, 1845.

Стихи о любви за гробовой доской возвышают любовь над земным бытием и придают ей метафизическое значение, в то время как поэт, оставшийся в реальном мире, регулярно переживает полученную травму.

Романтическое искусство всегда интересовалось отношениями между земным бытием и inferнальным духовным миром. Лишь сумасшедшие, визионеры и одержимые художники могут внутренним взором проникать в метафизический мир и общаться с потусторонними силами²⁵. Специальным местом перехода между двумя мирами служило кладбище, где по ночам бродят призраки и посвященные могут их встретить. Петёфи увидел в Этелке желанную, идеальную любовь или, по крайней мере, представил себе любовь в ее призрачном облике. Конечно, воспаленное воображение рисовало гипертрафированные, почти болезненные образы:

Ha életében nem szerettem volna	О, если бы не так в нее, в живую,
A szőke fürtök kedves gyermekét:	В светловолосую влюблен я был,
Ővé leendett életem, szerelmem,	Я мог бы в мертвую влюбиться, я бы
Midőn halotti ágyon feküvék.	Ее на смертном ложе полюбил.

Mi szép, mi szép volt a halotti ágyon!	Она лежала там, на смертном ложе,
Mint hajnalban ha fényes hattyu száll,	Прекрасная, как лебедь на заре,
Mint tiszta hó a téli rózsaszálon:	Как чистый белый снег на зимней розе,
Lengett fölötte a fehér halál.	В убранстве смерти, словно в серебре ²⁶ .

В стихотворении подчеркивается, что традиционно мертвое тело не считается красивым. Рассвет, лебедь, чистый снег, роза — все это метафоры, эстетизирующие чистоту и невинность девушки. В то же время образ в последней строке («белая смерть») заставляет задаться вопросом, может ли смерть быть невинной в том же смысле, что и девушка (белый цвет здесь — цвет невинности). Образы красоты спутаны: чистый снег прекрасен; роза прекрасна. Возможно, дело в том, что в конце лета 1844 г. в *Pesti Divatlap* была опубликована заметка о цветах, и в ней были такие слова: «Зимняя роза цветет лишь в теплой оранжерее, подобно карнавальная любви, начинающейся в танцевальной зале и там же угасающей»²⁷.

²⁵ О романтическом воображении см.: Brewer 1997: 56–123.

²⁶ *Петёфи Ш.* О, если бы не так в нее, в живую / перев. Н. Чуковского // *Петёфи Ш.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 228.

²⁷ *Pesti Divatlap*. 1844. VIII 25. № 8.

Однако зимняя роза Петёфи расцветает на снегу, чего не бывает в Центральной Европе.

Другим излюбленным мотивом романтизма XIX в. был фрагмент. Когда читатель, зритель, слушатель знакомится с произведением искусства, он обычно представляет себе нечто целое. Фрагмент осознанно не является целым, поскольку заставляет домыслить целое произведение. В 1846 г. Петёфи опубликовал сборник «Облака» (*Felhők*)²⁸, в который вошли 66 коротких мыслей и афоризмов. Облака находятся высоко в небе, поэтому они могут быть идеями (они высоки и, следовательно, благородны), но они также бесформенны, каждый, подобно Гамлету, дразнившему Полония, видит в них, что захочет. Поэт смотрит вокруг себя и видит метафорические, лингвистические ассоциации, но они постоянно меняются, принимая все новые причудливые формы.

Annyit sem ér az élet,
Mint egy eltört fazék, mit a konyhából
Kidobtak, s melynek oldaláról
Vén koldus nyalja a rászáradt ételt!

Жизнь не стоит даже столько,
Сколько битая кастрюлька,
С дна которой старый нищий
Слизывает крошки пищи²⁹.

В этом стихотворении, помимо прочего, описан парадокс: для рассказчика жизнь ничего не стоит, но в то же время, на другом конце сравнения, для нищего остатки еды, последняя крошка, может быть бесценна. Стоимость жизни оказывается вопросом приоритетов.

Обращение к популярной форме европейского романтизма, в которой короткие предложения и фрагменты текста без заголовков громоздятся одно на другое, свидетельствует о гениальности поэта, их создавшего.

Хотя эти тексты ставят под сомнение саму возможность счастья и успеха (они предельно пессимистичны), именно гениальность, проявившаяся в фрагментах, открывает путь для поэтических новаций. Прием, используемый Петёфи — яркие образы, мышление радикальными противоречиями и парадоксами, шокирующие повороты.

²⁸ *Petőfi S. Felhők.* [Pest]: [s.n.], 1846. 70 old.

²⁹ *Петёфи Ш.* Жизнь не стоит даже столько... / перев. Л. Мартынова // *Петёфи Ш.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 325

имела давнюю патриотическую традицию: поэт говорил от имени и в интересах нации, иногда увещевая соотечественников, иногда передавая желания нации метафизическим силам, другое дело, что далеко не всегда понятно, о чем может просить нация. Петёфи открыто придерживался радикальных взглядов. Образцом для подражания ему служили французские якобинцы, и он объяснял в стихах, что свобода, которая придет на смену рабству, может сделать мир лучше. В стихотворении «Одно меня тревожит...»³² (*Egy gondolat bánt engemet*), например, поработенные народы восстали против угнетения, и лирический герой отдает жизнь в великой войне за свободу всего мира. Война, описанная в стихотворении, глобальная битва, после которой павшие герои похоронены с почестями в братской могиле.

Когда ранней весной 1848 г. по Европе прокатилась волна революций, Петёфи был духовно к ней готов³³. В его стихах уже звучали разные версии революционных идей, и когда народ вышел на улицы Пешт-Буды, поэт был готов к тому, чтобы взять на себя роль лидера. 15 марта 1848 г. революционная толпа ворвалась в одну из типографий, где тут же было напечатано стихотворение Петёфи «Национальная песня»³⁴ (*Nemzeti dal*). Оно стало лейтмотивом революции, его декламировали на улицах и площадях, а вечером родилась мелодия, на которую его можно было петь. Поэт стал героем дня, и на какое-то время показалось, что наконец он сможет осуществить свою политическую программу. Но этого не произошло. Петёфи участвовал в парламентских выборах, но потерпел поражение; действующее Государственное собрание вотирует так называемые «апрельские законы», которые легализовали большинство чаяний эпохи реформ, но отношения между императором-королем и венграми оставались напряженными. Вскоре в стране началась гражданская война: хорваты, сербы, словаки и румыны обратились против мадьяр, и в страну вступила австрийская армия. По примеру венгров в Вене 6 октября 1848 г. разразилось восстание, император Фердинанд бежал в Ольмюц, имперские войска овладели австрийской столицей только

³² Петёфи Ш. Одно меня тревожит... / перев. Л. Мартынова // Петёфи Ш. Собрание сочинений. Т. 1. С. 398–399.

³³ Об истории венгерской революции 1848 г. и ее последствиях см.: Deák 1979.

³⁴ Петёфи Ш. Национальная песня / перев. Л. Мартынова // Петёфи Ш. Собрание сочинений. Т. 2. С. 35–37.

к концу месяца. Обороной Вены руководил польский генерал Юзеф Бем (1794–1850). 2 декабря 1848 г. Фердинанд I отрекся от престола в пользу племянника Франца Иосифа (1848–1916 гг.). Венгры не признали нового короля, который даже не был коронован, и продолжили адресовать парламентские резолюции Фердинанду. В то время как в Венгрии бушевала война, Франц Иосиф в ответ на сопротивление октроировал (принял в обход парламентских процедур) так называемую мартовскую конституцию, которая низвела Венгрию до ранга обычной имперской провинции. Наконец, 19 апреля 1849 г. венгерский парламент низложил династию Габсбургов.

Для Петёфи выбор был невелик. Его доходы во время войны сократились, к тому же в семье родился сын. Хотя поэт располагал действующими договорами с издателями на публикацию стихов, газеты и журналы либо прекратили существование во время войны, либо не платили гонораров, и возможности зарабатывать денег писательским трудом не стало. В дни национально-освободительной войны Петёфи служил в армии простым солдатом и продолжал писать воодушевляющие песни для венгерских войск. Он пытался продать военные песни и таким образом конвертировать прежнюю роль символа революции в политические преимущества, как в дни войны. Дело осложнялось тем, что Петёфи с трудом приспособился к армейской жизни. Он не соблюдал воинскую дисциплину, не носил постоянно униформу, оставлял расположение части без разрешения, и когда командиры просили дать отчет о проступках, писал жалобы в газеты. Наконец, в начале 1849 г. Петёфи попросил перевести его в части под командованием Бема³⁵. Этот генерал имел международное признание, ранее сражался за свободу поляков, командовал обороной революционной Вены и помогал венграм в Трансильвании. Поскольку Бем не знал венгерского и плохо говорил по-немецки (это был командный язык армии), ему требовался секретарь для ведения рутинного делопроизводства. Петёфи стал переводчиком Бема, составлял для него проекты писем, переводил его распоряжения.

Австрийская имперская армия не смогла одержать победу над венгерскими гонведами³⁶, Бем отеснил ее в Трансильванию. В апреле

³⁵ О личности Ю. Бема подробнее см.: Kovács 2009.

³⁶ *Гонвед* (венг. *honvéd*) — солдат революционной национальной гвардии, буквально «защитник отечества».

1849 г. российский император Николай I в ответ на просьбу венского двора принял решение о направлении войск на помощь Австрийской империи³⁷. В кратчайшие сроки около 200 тыс. солдат пересекли границу Венгрии. Обе империи уже сотрудничали в 1846 г., когда совместными усилиями подавили восстание в Галиции, и царь опасался, что революция может перебраться на другие регионы, в том числе в его собственной империи. В 1848 г. он вторгся в Молдавию и Валахию по приглашению молдавского господаря Михаила Стурдзы (1794–1884). Османская империя была слишком слаба, чтобы подавить румынскую революцию. Оттуда российские войска были переброшены дальше на запад, в Трансильванию. Революция в Вене также разожгла страхи царя (даже если Габсбурги быстро справились с ситуацией); его особенно заботило, что венгерская армия, в которой не хватало кадровых офицеров, пригласила в свои ряды польских эмигрантов, не только Бема, но и Юзефа Высоцкого (1809–1873) и Мечислава Вороневского (1825–1849) и др. Российский самодержец опасался, что из-за вновь охваченной революцией Галиции и в случае победы венгров войска под командованием польских генералов повернут оружие против русских. Поэтому он решил действовать на опережение³⁸.

Хотя численное преимущество австрийцев и русских могло показаться большим, венгры не теряли надежды на победу. 21 мая 1849 г. два императора, Франц Иосиф и Николай I встретились в Варшаве, но не смогли договориться по вопросу об объединенном командовании войсками. Русская армия под командованием генерал-фельдмаршала князя Ивана Федоровича Паскевича (1782–1856) действовала независимо от австрийцев³⁹. Интервенция фактически началась 17 июня 1849 г., и венгры сложили оружие перед русскими (чтобы не признавать поражение от австрийцев) 13 августа после поражения при Вилагоше.

В одном из последних военных стихотворений «На священную войну!» (*Föl szent háborúra!*) Петёфи создал апокалиптическую картину последней войны и призвал всех к оружию.

³⁷ См.: Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность / по изданным источникам составил Генерального штаба генерал-майор князь А. П. Щербатов. СПб.: Типография, литография Р. Голике, 1888; Roberts 1991; Рошонци И., Стыкалин 2022.

³⁸ См.: Roberts 1991: 8–35.

³⁹ Рошонци 2018.

Itt a próba, az utolsó	Это испытание, последнее
Nagy próba;	Большое испытание.
Jön az orosz, jön az orosz,	Идет русский, идет русский
Itt is van már valóba'.	Теперь он уже действительно здесь.
Eljött tehát az utolsó	Приходит, следовательно,
Itélet,	Последний суд,
De én attól sem magamért,	Но я оттого ни за себя,
Sem hazámért nem félek.	Ни за свою родину не боюсь ⁴⁰ .

В последнем стихотворении «Ужаснейшие времена»⁴¹ (*Szörnyű idő*) Петёфи как будто говорит о собственной ранней патриотической лирике: если кто-то выживет в войне и сможет рассказать, как все было на самом деле, его слова сочтут бредом умалишенного, испуганного, сбитого с толку человека.

S ha elbeszéli úgy, amint	А если хватит слов, так все ж
Megértük ezeket mi mind:	Ему ответят: “Это ложь!
Akad-e majd,	Ведь это бред,
Ki ennyi bajt	Чтоб столько бед
Higgyen, hogy ez történet?	Наваливалось разом!”
És e beszédet nem veszi	И, выслушав рассказ такой,
Egy örült, rémülésteli,	Подумают, махнув рукой,
Zavart ész meséjének?	Что помутился разум!

В стихах Петёфи не раз использовал апокалиптические образы, но здесь он сомневается, способна ли поэзия рассказать о полном разрушении.

Петёфи участвовал в одном из последних сражений, проигранных гонведной армией — 31 июля 1849 г. при Шегешваре. Бем приказал ему покинуть поле боя, но поэт вновь не подчинился, поскольку хотел все видеть собственными глазами. Не исключено, что он прикнул к отступавшим венгерским частям и был убит русским солдатом. Тело поэта так и не было найдено (вероятно, его похоронили в братской могиле). Это стало основой его культа во второй половине XIX в. Возвращения Петёфи ждали годами, и время от времени объявлялись самозванцы, называвшие себя его именем. Однако через некоторое время стало ясно, что один из зачинателей революции ушел

⁴⁰ Цит. по: <https://pulemjotov.livejournal.com/475383.html>.

⁴¹ *Петёфи Ш. Ужаснейшие времена* / перев. Л. Мартынова // *Петёфи Ш. Собрание сочинений*. Т. 2. С. 172–173.

вместе с войной. Так родилась максима: судьба Петёфи — это судьба венгерской нации.

Выше говорилось о том, сколь успешно поэт использовал средства общения с читательской аудиторией, как он сознательно строил поэтический образ, как поразительные художественные приемы его лирики работали на образ гения, не подчиняющегося социальным нормам. Петёфи возник на культурном горизонте, когда открылись новые возможности, и воспользовался ими в полной мере. Он сознательно формировал свой имидж и создал образ пламенного революционера, но трагедия его жизни заключалась в том, что ее оборвало историческое событие, которое он так страстно призывал.

Литературная биография Петёфи выдает в нем нетипичного представителя своего времени, и все-таки он стал фигурой, определившей эпоху. В чем парадокс? Может ли писатель сочетать в себе нетипичные и типичные черты? В XIX в. литература была важнейшей формой художественного творчества. Когда судьба нации оказывалась в опасности, писатели обращались к традициям народной культуры в силу широко распространенного в Центральной Европе мнения, что нация сильна только если чтит культурные традиции, уходящие корнями в прошлое. Современники Петёфи жарко спорили, как литература может приспособить древнюю народную традицию для создания на ее основе великой нации. Старшие современники Петёфи, в том числе наставник молодого поэта, делавшего первые шаги в литературе, Михай Вёрёшмарти (1800–1855), полагали, что венгерская народная традиция погибла в ходе драматических событий национальной истории, но ее можно воссоздать с помощью романтического воображения. Его великая поэма «Бегство Залана» (*Zalán futása*) стала самой значимой попыткой воплотить в жизнь эту программу. С другой стороны, Янош Арань (1817–1822), друг Петёфи, считал, что усилиями лингвистов можно возродить национальный эпос из уцелевших фрагментов. Для него было исключительно важно сохранить филологическую аутентичность собственных стихов. При всех различиях, однако, и Вёрёшмарти, и Арань были озабочены реконструкцией прошлого.

Нетипичность Петёфи видится в том, что ему чужды любые проявления историзма. Он был революционером, мечтавшим о строительстве нового общества: в стихах он обращался к поэтической традиции, но не придерживался ее. Неясно, что поэт имел в виду, когда

писал о «народе». Можно ли дать социологическое определение этому «народу»? Состоял ли он из крестьян? Или из венгров? Народная культура для Петёфи была сырьем, источником бесчисленного множества тем и мотивов. Его смелые поэтические инновации захватывали дух, и ему удалось создать принципиально новую модель национальной поэзии. Этот безоглядный поэтический кураж убеждал современников в том, что Петёфи *не осмысляет* традицию, но «естественным образом» *использует* ее.

Безграничный пиетет, с которым современники относились к Петёфи, превратил его фигуру в культовую. Он стал символом и воплощением судьбы нации. Хотя в первой половине XIX в. поэт был противоречивой, взрывной личностью, культ сотворил из него героя на пьедестале — всегда честного, всегда действовавшего в интересах нации и встречавшего поддержку в обществе. Так сложился историографический парадокс: Петёфи мало походил на современных ему поэтов, но именно он стал типичным венгерским поэтом XIX в.

Перевод с английского О. В. Хавановой

Список исторических географических названий

- Вилагош — ныне Ширия в Румынии
Ольмюц (нем.) — ныне Оломоуц в Чехии
Пешт-Буда — ныне Будапешт
Шегешвар — ныне Сигишоара в Румынии

Литература

- Блум 1998 — *Блум Х.* Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. 354 с.
- Рошонци 2018 — *Рошонци И.* Роль железнодорожного сообщения в оказании Россией военной помощи Австрии в мае 1849 г. // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2018. Т. 13. № 3–4. С. 32–49.
- Рошонци, Стыкалин 2022 — *Рошонци И., Стыкалин А. С.* Венгерская кампания русской армии 1849 года: Диалог о проблемах и исследованиях. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. 104 с.
- Adler 1990 — *Adler H.* Die Prägnanz des Dunklen: Gnoseologie, Ästhetik, Geschichtsphilosophie bei J. G. Herder. Hamburg: F. Meiner, 1990. 188 S.
- Adrovitz, Kalla (szerk.) 2012 — *Arc poetica. Petőfi Sándor életében készült képmásai / szerk. A. Adrovitz, Zs. Kalla.* Budapest: Petőfi Irodalmi Múzeum, 2012. 123 old.

- Benjamin 1982 – *Benjamin W.* Paris, die Hauptstadt des XIX. Jahrhunderts // *Benjamin W.* Gesammelte Schriften / hrsg. von R. Tiedemann. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. Bd. 5. T. 1. S. 45–59.
- Bloom 1973 – *Bloom H.* The anxiety of influence. A theory of poetry. New York: Oxford University Press, 1973. 208 p.
- Brewer 1997 – *Brewer J.* The pleasures of the imagination. English culture in the eighteenth century. New York: Farrar Straus and Giroux, 1997. 576 p.
- Csörsz 2014 – *Csörsz R. I.* Pönögei Kis Pál, avagy Petőfi és a közköltészet // Ki vagyok én? Nem mondom meg. Tanulmányok Petőfiről / szerk. M. Szilágyi. Budapest: Petőfi Irodalmi Múzeum, 2014. 203–226. old.
- Dávidházi 1990 – *Dávidházi P.* A hatalom eredetmondái Petőfi utóéletében // Irodalomtörténeti Közlemények. 94. köt. 3. sz. 341–359. old. 15–51.
- Deák 1979 – *Deák I.* The lawful revolution. Louis Kossuth and the Hungarians, 1848–1849. New York: Columbia University Press, 1979. 415 p.
- Evans 2006 – *Evans R. J. W.* Empire and Kingdoms. Hungary and Bohemia in the Monarchy, 1741–1871 // *Evans R. J. W.* Austria, Hungary, and the Habsburgs. Essays on Central Europe, c. 1683–1867. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 193–208.
- Greenblatt 1980 – *Greenblatt S.* Renaissance self-fashioning. From More to Shakespeare. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 332 p.
- Kecskeméti 1989 – *Kecskeméti Ch.* La Hongrie et le réformisme libéral. Problèmes politiques et sociaux (1790–1848). Roma: Il Centro di Ricerca, 1989. 414 p.
- Kerényi 2008 – *Kerényi F.* Petőfi Sándor élete és költészete. Kritikai életrajz. Budapest: Osiris, 2008. 535 old.
- Kerényi 2022a – *Kerényi F.* A Petőfi-kultusz korai szakaszának szociológiájából (1844–1867) // *Kerényi F.* Vörösmarty – Petőfi – Madách. Tanulmányok / szerk. T. Császtvay, J. Gyurgyák, M. Szilágyi. Budapest: Osiris, 2022. 169–188. old.
- Kerényi 2022b – *Kerényi F.* A Petőfi-kultusz korai szakaszának szociológiájából (1844–1867) // *Kerényi F.* Vörösmarty – Petőfi – Madách. Tanulmányok / szerk. T. Császtvay, J. Gyurgyák, M. Szilágyi. Budapest: Osiris, 2022. 189–194. old.
- King 2001 – *King J.* The nationalization of East Central Europe. ethnicism, ethnicity, and beyond // Staging the past. The politics of commemoration in Habsburg Central Europe, 1848 to the present / ed. by M. Bucur, N. M. Wingfield. W Lafayette (IN): Purdue University Press, 2001. P. 112–152.
- Kiss 1990 – *Kiss J.* “A szibériai legenda mint a naiv népi Petőfi-kultusz terméke” // Irodalomtörténeti Közlemények. 1990. 93. évf. 3. sz. 323–340 old.
- Kovács 2009 – *Kovács I.* József Bem. Bohater wiecznych nadziei. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2009. 304 s.
- Kovács 2003 – *Kovács L.* Csalóka lidércfény nyomában. A szibériai Petőfi-kutatás csődje. Budapest: Argumentum, 2003. 568 old.

- Magnússon, Szijártó 2013 — *Magnússon S. G., Szijártó I. M.* What is microhistory? Theory and practice. London; New York: Routledge, 2013. 192 p.
- Margócsy 2011a — *Margócsy I.* A Petőfi-kultusz határtalanságáról // *Margócsy I.* Petőfi-kísérletek — Tanulmányok Petőfi Sándor életművéről. Pozsony [Bratislava]: Kalligram, 2011. 15–51. old.
- Margócsy 2011b — *Margócsy I.* Petőfi és az irodalmi gépezet. Petőfi mint modern polgári író // *Margócsy I.* Petőfi-kísérletek — Tanulmányok Petőfi Sándor életművéről. Pozsony [Bratislava]: Kalligram, 2011. S. 52–79. old.
- Margócsy (szerk.) 2022 — Petőfi Sándor emlékezete / szerk. I. Margócsy. Budapest: Osiris, 2022. 644 p.
- McDowell 2017 — *McDowell P.* The Invention of the Oral: Print Commerce and Fugitive Voices in Eighteenth-Century Britain. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017, 368 p.
- Roberts 1991 — *Roberts I. W.* Nicholas I and the Russian Intervention in Hungary. London: Palgrave Macmillan, 1991. 301 p.
- Szilágyi 2021 — *Szilágyi M.* “Petőfi, a polgár” // *Szilágyi M.* A Magyar romantika ikercsillagai. Jókai Mór és Petőfi Sándor. Budapest: Osiris, 2021. 25–36. old.
- Vaderna 2020 — *Vaderna G.* Budapest as a product of the Biedermeier imagination // *The Palgrave encyclopedia of urban literary studies* / ed. by J. Tambling. Cham: Springer-Verlag, 2020. Vol. 1. P. 303–312.
- Vermes 2014 — *Vermes G.* Hungarian culture and politics in the Habsburg Monarchy 1711–1848. Budapest; New York: CEU Press, 2014. 396 p.

References

- Adler, H., 1990. *Die Prägnanz des Dunklen: Gnoseologie, Ästhetik, Geschichtsphilosophie bei J. G. Herder.* Hamburg: F. Meiner, 188 p.
- Adrovitz, A., Kalla, Zs., eds, 2012 *Arc poetica. Petőfi Sándor életében készült képmásai* Budapest: Petőfi Irodalmi Múzeum, 123 p.
- Benjamin, W., 1982. Paris, die Hauptstadt des XIX. Jahrhunderts. In: Benjamin, W.; Tiedemann, R., ed. *Gesammelte Schriften.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 5, 1, pp. 45–59.
- Bloom, H., 1973. *The anxiety of influence. A theory of poetry.* New York: Oxford University Press, 208 p.
- Blum [Bloom], Kh., 1998. Strakh vliianiia. Karta perechityvaniia [Anxiety of influence. A Map of misreading]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 364 p. (in Rus.)
- Brewer, J., 1997 *The pleasures of the imagination. English culture in the eighteenth century.* New York: Farrar Straus and Giroux, 576 p.
- Csörsz, R. I., 2014. Pönögei Kis Pál, avagy Petőfi és a közköltészet. In: Szilágyi, M., ed. *Ki vagyok én? Nem mondom meg. Tanulmányok Petőfiről.* Budapest: Petőfi Irodalmi Múzeum, pp. 203–226.

- Dávidházi, P, 1990. A hatalom eredetmondái Petőfi utóéletében. *Irodalomtörténeti Közlemények*, 94, 3, pp. 341–359.
- Deák, I., 1979. *The lawful revolution. Louis Kossuth and the Hungarians, 1848–1849*. New York: Columbia University Press, 415 p.
- Evans, R.J.W., 2006. Empire and kingdoms. Hungary and Bohemia in the Monarchy, 1741–1871. In: Evans, R.J.W. *Austria, Hungary, and the Habsburgs. Essays on Central Europe, c. 1683–1867*. Oxford: Oxford University Press, pp. 193–208.
- Greenblatt, S., 1980. *Renaissance self-fashioning. From More to Shakespeare*. Chicago: University of Chicago Press, 332 p.
- Kecskeméti, Ch., 1989. *La Hongrie et le réformisme libéral. Problèmes politiques et sociaux (1790–1848)*. Roma: Il Centro di Ricerca, 414 p.
- Kerényi, F., 2008. *Petőfi Sándor élete és költészete. Kritikai életrajz*. Budapest: Osiris, 535 p.
- Kerényi, F., 2022. A Petőfi-kultusz korai szakaszának szociológiájából (1844–1867). In: Kerényi, F.; Császtvay, T., Gyurgyák, J., Szilágyi, M., eds. *Vörösmarty – Petőfi – Madách. Tanulmányok*. Budapest: Osiris, pp. 169–188.
- Kerényi, F., 2022. — *Kerényi F. A Petőfi-kultusz korai szakaszának szociológiájából (1844–1867)* In: Kerényi, F.; Császtvay, T., Gyurgyák, J., Szilágyi, M., eds. *Vörösmarty – Petőfi – Madách. Tanulmányok*. Budapest: Osiris, pp. 189–194.
- King, J., 2001. The Nationalization of East Central Europe. Ethnicism, ethnicity, and beyond. In: Bucur, M., Wingfield, N.M. eds. *Staging the past. The politics of commemoration in Habsburg Central Europe, 1848 to the present*. W Lafayette (IN): Purdue University Press, pp. 112–152.
- Kiss, J., 1990. A szibériai legenda mint a naiv népi Petőfi-kultusz terméke. *Irodalomtörténeti Közlemények*, 94, 3, pp. 323–340.
- Kovács, I., 2009. *Józef Bem. Bohater wiecznych nadziei*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 304 p.
- Kovács, L., 2003. *Csalóka lidércfény nyomában. A szibériai Petőfi-kutatás csődje*. Budapest: Argumentum, 568 p.
- Magnússon, S. G., Szijártó, I. M., 2013. *What is microhistory? Theory and practice*. London; New York: Routledge, 2013, 192 p.
- Margócsy, I., 2011. A Petőfi-kultusz határtalanságáról. In: Margócsy, I. *Petőfi-kísérletek – Tanulmányok Petőfi Sándor életművéről*. Pozsony [Bratislava]: Kalligram, pp. 15–51.
- Margócsy, I., 2011. Petőfi és az irodalmi gépezet. Petőfi mint modern polgári író. Margócsy, I. *Petőfi-kísérletek – Tanulmányok Petőfi Sándor életművéről*. Pozsony [Bratislava]: Kalligram, pp. 52–79.
- Margócsy, I., ed., 2022. *Petőfi Sándor emlékezete*. Budapest: Osiris, 644 p.
- McDowell, P., 2017. *The invention of the oral. Print commerce and fugitive voices in eighteenth-century Britain*. Chicago; London: University of Chicago Press, 368 p.

- Roberts, I. M., 1991. *Nicholas I and the Russian intervention in Hungary*. London: Palgrave Macmillan, 301 p.
- Roshontsi [Rosonczy], I., 2018. Rol' zheleznodorozhnogo soobshcheniia v okazanii Rossiei voennoi pomoshchi Avstrii v mae 1849 g. [The role of railway communication in providing Russian military support for Austria in May 1849]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 13, 3–4. pp. 32–49. (in Rus.)
- Roshontsi [Rosonczy], I., Stykalin, A. S., 2022. *Vengerskaia kampaniia russkoi armii 1849 goda: Dialog o problemakh i issledovaniiax* [The Hungarian campaign of the Russian army in 1849. A dialogue on the research problems]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint-Petersburg: Nestor-History, 104 p. (in Rus.)
- Szilágyi, M., 2021. Petőfi, a polgár. In: Szilágyi, M. *A Magyar romantika ikercsillagai. Jókai Mór és Petőfi Sándor*. Budapest: Osiris, pp. 25–36.
- Vaderna, G., 2020. Budapest as a product of the Biedermeier imagination. In: J. Tambling, ed. *The Palgrave encyclopedia of urban literary studies*. Cham: Springer-Verlag, 1, pp. 303–312.
- Vermes, G., 2014. *Hungarian culture and politics in the Habsburg Monarchy 1711–1848*. Budapest; New York: CEU Press, 396 p.

Gábor VADERNA

PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Hungarian Literature and Cultural Studies, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary. 1088, Múzeum krt 4/A.
E-mail: vадerna.gabor@btk.elte.hu

Sándor Petőfi: the Story of a Literary Career in Nineteenth-Century Hungary

Sándor Petőfi (1823–1849) is the best-known Hungarian poet. It was not only the innovative poetic tools of his poetry that caused a stir among his contemporaries, but also his radical political thinking. In recent decades, three trends have dominated literary research: close readings of the poems by Petőfi have shown what radical poetic tools he used to create the language of modern Hungarian poetry. The second direction deals with the influence of Petőfi and reveals how the Hungarian national memory policy conjured him up as a historical figure. The third direction explores the poet's biography in various socio-historical contexts. Through the analysis of Petőfi's career, it is also possible to examine what opportunities nineteenth-century Hungarian intellectuals had to advance their careers. This essay presents Petőfi's career from a socio-historical perspective, while also touching on issues of cult history and literary history poetry.

Keywords: career of a poet, social mobility, Romanticism, age of reforms, revolution of 1848, bourgeois society

How to cite: Vадerna, G., 2023. Shandor Petefi [Sándor Petőfi]: istoriia literaturnoi kar'ery v Vengrii 19 v. *Central-European Studies*, 6, pp. 63–86. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.3>.

ЖЕНЩИНЫ И ДЕЛО ИХ ЖИЗНИ

Ксения Валерьевна Мельчакова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32 А. E-mail: kmelchakova@mail.ru

Аделина Паулина Ирби и ее путь к сердцу Боснии

Аделина Паулина Ирби родилась в 1831 г. в знатной английской семье. Она прославилась своей благотворительной деятельностью в Боснии и Герцеговине. Впервые Ирби посетила Боснию в 1862 г. Увиденное там заставило ее задуматься о важности развития женского образования в этой славяно-турецкой области. В 1865 г. она стала соучредителем «Ассоциации по содействию развития образования среди славянских детей Боснии и Герцеговины». На собранные в Великобритании средства было решено открыть школу для девочек в Сараеве. Это учебное заведение работало с 1869 по 1911 г. (до кончины А. П. Ирби). Содействие в его открытии оказало общество диаконисс Кайзерверта. На начальном этапе школа столкнулась с трудностями и обвинениями в пропаганде протестантизма. В 1871 г. Ирби переехала в Сараево и возглавила ее лично. О периоде работы этого учебного заведения в османской Боснии сохранилось довольно мало сведений. Одна из задач данного исследования заключалась в восстановлении истории школы и работы Ирби в Боснии в 1869–1875 гг. Основными источниками послужили неопубликованные документы российских архивов. В первую очередь, внимание в статье сосредоточено на донесениях российского консула в Сараеве А. Н. Кудрявцева в посольство в Константинополе, в которых идет речь о сложностях, с которыми пришлось столкнуться А. П. Ирби. Также кратко упоминается деятельность Ирби во время восстания 1875–1878 гг. и после оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Это позволяет увидеть, как английская леди прошла путь от «подозрительной англичанки» до одной из самых почитаемых женщин в истории Боснии.

Ключевые слова: Боснийский вилайет, Сараево, диакониссы, школа для девочек, А. Н. Кудрявцев, О. Блау, В. Р. Холмс, С. Косанович, Дж. М. Маккензи, П. Джонстон

Цитирование: Мельчакова К. В. Аделина Паулина Ирби и ее путь к сердцу Боснии // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 89–115. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.4>.

Имя Аделины Паулины Ирби (1831–1911) хорошо известно в Сербии и Боснии. В этих краях о ней живет добрая память как о благотворительнице, основательнице школы для девочек в Сараеве, путешественнице и писательнице, которая представила европейскому читателю образ балканской женщины. Сербы величают ее матерью сирот, благодетельницей с большим сердцем. В знак уважения еще при жизни к имени Ирби стали прибавлять эпитет *племенита* («благородная»)¹. В 1911 г. сербское культурное общество *Просвјета* («Просвещение») посвятило Аделине Паулине Ирби отдельный номер своего журнала². Она получала награды от сербских и черногорских правителей³. И по сей день в Сараеве и Белграде есть улицы, названные в ее честь⁴. В 1934 г. в Сараеве и других городах королевства Югославии проходили празднества по случаю столетия со дня ее рождения (хотя она родилась в 1831 г.)⁵. Известный сербский поэт Алекса Шантич посвятил Ирби стихотворение, где воспел ее как «славную женщину великой Британии». В наследии выдающегося писателя и нобелевского лауреата Иво Андрича есть небольшой очерк, посвященный А. П. Ирби⁶. В Сараеве с 2003 г. при сербском просветительском и культурном обществе *Просвјета* действует женский клуб, названный в ее честь⁷. Память об Аделине Паулине Ирби в сербском народе жива и по сей день. Однако путь к сердцам балканских славян, проделанный английской леди, был сложен и тернист.

Существует довольно обширная научная литература, посвященная А. П. Ирби. Прежде всего, стоит обратить внимание на труды

¹ Милошевић 2017: 176.

² Лазаревић 1929: 55.

³ А. П. Ирби была награждена королем Александром Обреновичем Таковским крестом, королем Петром Карагеоргиевичем — орденом Св. Савы, Николой Петровичем Негошем — Даниловым крестом. См.: Милошевић 2011: 98.

⁴ С 1919 г. и по настоящее время одна из центральных улиц Сараева носит имя Ирби. В период оккупации — с 1941 по 1945 г. — улица носила имя Сандали Храничи Косачи (Томашевић Д. 2016: 7). Улица Мисс Ирби располагается в районе Белграда Звездара. Это название она носила с 1930 по 1943 г. В 1943 г. была переименована в честь актрисы Марии Еленски (1842–1882). С 1946 по 2004 г. носила имя героини народно-освободительной войны Югославии Заги Маливук (1919–1942). С 2004 г. вновь была названа в честь Ирби.

⁵ Anderson 2003.

⁶ Андрић 1981: 68–78.

⁷ Mis Irbi. Klub žena mis Irbi: rad i djelovanje // Prosvjeta. URL: https://prosvjeta.com.ba/prosvjeta/bosanski/sekcije/mis_irbi.html (дата обращения: 20.03.2023).

исследовательницы Дороти Андерсон, которая является автором ряда научных статей и монографии «Мисс Ирби и ее друзья»⁸. Английская благотворительница не обделена вниманием и сербских исследователей. Еще в 1929 г. она стала одной из героинь книги Елены Лазаревич «Англичанки в сербском народе»⁹. С того времени и по сей день регулярно выходят статьи, освещающие различные аспекты благотворительной деятельности Аделины Паулины Ирби на Балканах¹⁰. В 2004 г. на сербском языке увидела свет книга «Мисс Ирби — благодетельница сербского народа»¹¹. Упоминания об Ирби можно встретить в гендерных исследованиях, а также при анализе травелогов викторианской эпохи¹². В последнее время личности мисс Ирби уделяет внимание боснийский историк Э. Радушич. Он задался вопросом: действительно ли можно назвать ее благотворительность универсальной. Исследователь пришел к выводу, что судьба и будущее славян-мусульман ее не особенно волновали, английская благотворительница была настроена исключительно просербски¹³. Довольно подробно в историографии изучается путешествие Ирби по Балканскому полуострову, предпринятое ей в начале 1860-х годов, и ее деятельность во время Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. Гораздо меньше сведений представлено о периоде конца 1860-х — 1875 гг., который приходится на основание школы для девочек в Сараеве. Наиболее информативны здесь труды Ибрагима Тепича (1947–1997) и Митара Папича (1908–1988), в которых кратко излагается непростая история знакомства английской леди с жителями Сараева¹⁴. Стоит также отметить, что в литературе, посвященной мисс Ирби, встречается множество фактических ошибок, неточностей и расхождений.

Причиной таких нестыковок и отсутствия информации является скудность дошедших до нас источников. Дело осложняет то, что Аделина Паулина Ирби в завещании велела сжечь всю личную

⁸ Anderson 1966; 2003.

⁹ Лазаревич J. 1929: 55–76.

¹⁰ См. например: Atlagić, Martinović, Elezović 2020: 395–403; Милошевић 2011: 89–99; Милошевић 2017: 161–177; Томашевић 2016: 7–24.

¹¹ Чоловић Д., Чоловић С. 2004.

¹² Hammond 2010: 57–75; Терзич 2010: 141–154; Rokai 2015: 169–191.

¹³ Radušić 2018: 240.

¹⁴ Папић 1978; Тепић 1988.

корреспонденцию¹⁵. В Историческом архиве Сараева (Босния и Герцеговина) есть фонд Аделины Паулины Ирби, где хранится 41 дело за 1875–1881 гг.¹⁶ Это по большей части счета, телеграммы, визитные карточки. Основные сведения, используемые сербскими исследователями биографии Ирби, почерпнуты из небольшой брошюры, составленной ее личным секретарем Петром Мирковичем и опубликованной в 1921 г.¹⁷ Однако в ней больше описываются события после 1875 г. Недостающий пробел отчасти помогают восполнить архивные документы российского консульства в Сараеве (АВПРИ) и Славянского благотворительного комитета (ГА РФ), а также сведения из брошюры известного историка и секретаря Московского славянского благотворительного комитета Нила Александровича Попова «Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами»¹⁸, который использовал два основных источника информации о школе Ирби — докладные записки Алексея Николаевича Кудрявцева, российского консула в Сараеве (1868–1877 гг.), подготовленные по просьбе Славянского комитета, и сведения, полученные им лично от сараевского архимандрита Саввы Косановича (1839–1903). Последний в 1872–1874 гг. совершил большую поездку по России с целью сбора средств для строительства храма в Сараеве¹⁹. Эти документы проливают свет на историю основания мисс Ирби школы в Боснии. В данной статье уделяется внимание именно этой странице из жизни английской леди. Следовательно, через призму ее биографии и непосредственного опыта можно осветить важный эпизод из истории женского образования в Боснии и Герцеговине. Краткое описание деятельности А. П. Ирби в 1875–1911 гг. позволяет проследить смену образа благотворительницы в глазах боснийских христиан.

¹⁵ Тестамент мис Ирби // Аделина Паулина Ирби, Георгина Мјур Мекензи. Путовање у словенске провинције Турске Европе. Друго издање. Сарајево: СПДК «Просвјета», 2016. С. 89–100.

¹⁶ Historijski arhiv Bosne i Hercegovine. F. Ostavština Miss Adeline Pavlije Irbi.

¹⁷ *Мирковић П.* Мис Аделина Павлија Ирби — српска добротворка. Сарајево: Земалска штампарија, 1921. 60 с. URL: <https://digital.bgs.ba/mis-adelina-pavlija-irbi-srpska-dobrotvorka-petar-mirkovic/> (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁸ Попов 1873.

¹⁹ См. подробнее: Мельчакова 2017: 72–86.

Предыстория

Аделина Паулина Ирби родилась 7(19) декабря 1831 г. в Бойленд-холле (Морнингторп, графство Норфолк) в состоятельной семье Фредерика Пола Ирби и Френсис Райт²⁰. У супружеской четы было три сына и четыре дочери, Аделина Паулина — младшая из девочек²¹. Ирби получила хорошее образование, она изучала философию в университете Лондона, также ее интересовали социология, археология, история и этнология²². Знатной молодой леди была чужда светская жизнь и приятное времяпровождение на модных курортах. Этому она предпочла путешествия по малоизученным и совсем не туристическим уголкам Европы, которые осуществляла в компании своей подруги и соавтора ряда путевых заметок Джорджины Муир Маккензи (1833–1874). В первое путешествие английские леди отправились в 1858 г. Они посетили германские, чешские, польские и венгерские земли. В Австрии путешественницы на короткое время угодили в заключение по обвинению в распространении панславистских идей и подозрению в шпионаже в пользу Франции. Исследовательница Д. Андерсон отметила, что на момент ареста Ирби и Маккензи понятия не имели о панславизме, но случившаяся с ними неприятность заставила их устремить взор на славянские народы²³. По итогам этой поездки дамы не только прониклись симпатиями к славянам, но и издали книгу «Через Карпаты» (Кембридж, 1862). В 1861 г. Ирби и Маккензи посетили Прагу. Там состоялось их знакомство с Ф. Палацким. Последний рекомендовал им обратить внимание на южных славян²⁴. Далее последовало большое путешествие

²⁰ Фредерик Пол Ирби (1779–1844) — второй сын барона Бостона, офицер британского королевского флота, борец с работорговлей, в 1831 г. стал кавалером ордена Бани, в 1837 г. произведен в контр-адмиралы, служил магистратом и заместителем лорда-лейтенанта Норфолка. Френсис Райт была второй супругой Фредерика Пола Ирби (свадьба состоялась в 1816 г.). По одним сведениям, Аделине Паулине не исполнилось двух лет, когда ее мать ушла из жизни (Милошевић Б. 2011: 89.). Другие исследователи указывают, что это произошло, когда А. П. Ирби исполнилось 20 лет (см.: Atlagić, Martinović, Elezović 2020: 396).

²¹ Помимо Аделины Паулины, широкую известность приобрел ее младший брат Леонард Говард Лойд Ирби (1836–1905), ставший орнитологом.

²² Милошевић Б. 2011: 89.

²³ Anderson 2003.

²⁴ Милошевић 2011: 90.

английских леди по Балканам. Они посетили Грецию, Константинополь, Болгарию, Македонию, Боснию и Герцеговину, Старую Сербию, княжества Сербию и Черногорию, а также северную Албанию. Впечатлениями о поездке Ирби и Маккензи поделились на страницах сочинения «Путешествия по славянским провинциям Европейской Турции» (Лондон, 1866). Книга содержала материалы лекции, которую Маккензи читала публично в Бате²⁵. Сочинение вызвало интерес и в Америке. В этом же году оно было переиздано в Нью-Йорке²⁶. В 1868 г. Чедомиль Миятович опубликовал этот труд на сербском языке. В предисловии он отметил, что это первые путевые заметки, где представлен портрет сербской женщины²⁷. Сочинение переиздали в Лондоне в 1877 г., уже после смерти Д. Маккензи (1874 г.). Оно было дополнено картами и иллюстрациями известного художника Феликса Каниса. А. П. Ирби дописала три главы, посвященные событиям 1875–1877 гг. в Боснии и Герцеговине²⁸. Это издание активно использовалось в качестве орудия пропаганды находившейся в оппозиции в то время либеральной партией. Предисловие к переизданию было написано Ульямом Гладстоном (в литературе встречаются упоминания о том, что он являлся дальним родственником Ирби)²⁹. Книга привлекла внимание английской общественности. Эта версия издания была доступна и русскому читателю. Изначально пространный обзор сочинения с переводами отдельных частей представил в *Вестнике Европы* А. Н. Пыпин³⁰, а в 1878 г. работу перевели и опубликовали полностью³¹.

²⁵ Hadžiselimović O. 2012.

²⁶ Mackenzie G. M., Irby A. P. Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. London; New York: A. Strahan, 1866.

²⁷ Путовање по словенским земљама Турске у Европи. Гђца Г. Мјур Макензијиве и А. П. Ирбијеве / с енглеског превоу Ч. Мијатовић. Београд: Државна штампарија, 1868.

²⁸ Mackenzie G. M., Irby A. P. Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. With a Preface by the Right Hon. W. E. Gladstone, M. P. In two volumes. London: Daldy, Isbister & Co, 1877.

²⁹ Милошевић 2011: 97.

³⁰ Пыпин 1877: 281–302.

³¹ Путешествие по славянским областям Европейской Турции Меккензи и Эрби с предисловием Гладстона в двух томах. С английского. СПб.: Славянская печатня И. В. Вернадского, 1878.

Первые годы работы школы для девочек в Сараеве

Поездка по Балканам в 1860-е годы окончательно укрепила в Ирби и Маккензи прославянские, просербские и антитурецкие настроения. Боснию английские леди посетили в 1862 г.³² Увиденное там заставило их задуматься о важности женского образования. У Ирби и Маккензи зародилась идея открыть учебное заведение для девочек в Сараеве. На тот момент там действовала всего одна межконфессиональная женская школа под руководством Стаки Скендеровой (1828–1891), финансовую помощь которой оказывали султан, Россия, Сербия и Франция³³. Вернувшись в Англию, в 1865 г. Ирби и Маккензи основали в Лондоне «Ассоциацию по содействию развитию образования среди славянских детей Боснии и Герцеговины». В этом деле их поддержали архиепископы Кентерберийский и Йоркский, а также граф Шефтсбери. Известный шотландский писатель и священнослужитель Норман Маклауд (1812–1872) помог привлечь внимание общественности³⁴. Сбор средств осуществлялся в Англии и Шотландии. Тем временем Д. Маккензи вступила в переписку с Вильямом Ричардом Холмсом (1822–1882), английским консулом в Сараеве (1860–1877 гг.), по вопросу об открытии в городе школы для девочек³⁵. Вероятно, тогда Ирби посетила одну из миссионерских организаций, действовавшую как церковное, воспитательное и образовательное учреждение — *Diakonissenanstalt zu Kaiserwerth am Rhein* («Гессен-Дармштадское общество диаконисс в Кайзерсверте-на-Рейне»)³⁶. Диакониссы имели отличную репутацию, обладали солидным опытом по организации

³² *Irby A. P.* English orphanage and trainingschool on Bosnia, 1869–1892 // Proceedings of the International Congress of Education of the World's Columbian Exposition. Chicago, July 25–28, 1893. New York: National Educational Association, 1895. P. 900.

³³ Явић, Бабић (ред.) 2017; Мельчакова 2019: 238–364.

³⁴ *Irby A. P.* English orphanage and training school on Bosnia, 1869–1892. P. 901.

³⁵ Anderson 2003.

³⁶ Протестантское общество диаконисс было образовано в 1836 г. в Пруссии пастором города Кайзерсверта (ныне в черте Дюссельдорфа) Теодором Флиднером (1800–1864). Изначально главной задачей Общества провозглашалась помощь бедным и больным. Диакониссой могла стать любая незамужняя женщина не моложе 25 лет. Предлагалось на выбор работать на образовательном поприще или посвятить себя уходу за больными. За работу диакониссы получали питание, деньги на мелкие расходы и одежду. С 1849 г. стали открываться филиалы Общества по всему миру (Питтсбург, Иерусалим, Лондон, Константинополь, Бейрут, Смирна, Бухарест, Александрия). К 1864 г. в мире действовало около 100 домов Общества.

школьного дела, в том числе и во владениях Османской империи. На тот момент времени их учебные заведения успешно работали в Константинополе, Иерусалиме, Бейруте, Смирне и Бухаресте³⁷. Деятельность диаконисс была сосредоточена на воспитании и призрении женщин евангелического исповедания вне зависимости от национальности. Однако бывали и исключения. Существовала для них также возможность найма по контракту. К примеру, Евангелический госпиталь, детский дом и школа для малолетних детей в Константинополе были учреждены Константинопольской евангелической общиной, но в качестве управленцев и преподавателей в это учебное заведение наняли диаконисс. Вероятнее всего, такой вариант был выбран и мисс Ирби. План получил одобрение со стороны известной сестры милосердия и общественного деятеля Флоренс Натингейл (1820–1910), последняя отлично знала устройство Кайзерсверта. Знакомство Ирби и Натингейл состоялось в 1869 г., с тех пор они стали добрыми подругами и периодически советовались друг с другом³⁸.

В литературе встречаются разные даты основания школы Ирби: 1866 г.³⁹, 1869 г.⁴⁰ и даже 1870 г.⁴¹ Верным вариантом является — 1869 год. Эту дату обозначила сама А. П. Ирби в докладе о женской школе в Сараеве, который она представила на конгрессе в Чикаго в 1893 г.⁴² Кроме того, подтверждением может служить и донесение № 72 от 1 (13) мая 1869 г. российского консула в Сараеве А. Н. Кудрявцева, где он докладывал российскому посланнику в Константинополе Николаю Павловичу Игнатьеву (1832–1908) о подготовке к открытию в Сараеве женской евангелической школы⁴³.

Помощь в учреждении школы мисс Ирби оказывал консул Северогерманского союза Отто Блау (1828–1879). Он уверял, что это было его личной инициативой. В апреле 1869 г. в центре Сараева был куплен участок и заключен контракт с архитектором для строительства здания⁴⁴. Оно было бесплатно спроектировано братом консула

³⁷ Попов 1871: 184–187.

³⁸ Cook 1913: 320.

³⁹ Лазаревич 1929: 60.

⁴⁰ Папић 1978: 93.

⁴¹ Hadžiselimović 2012.

⁴² *Irby A. P.* English orphanage and training school on Bosnia, 1869–1892. P. 900–903.

⁴³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия, 1865–1875: документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1988. С. 177–180.

⁴⁴ Там же. С. 178.

Блау⁴⁵. Средства на учреждение школы частично выделили из личных сбережений Ирби и Маккензи⁴⁶. Обучение было бесплатным, кроме того, родителям, отдавшим детей в эту школу, обещалось некое вознаграждение.

Сараевцы с большой настороженностью отнеслись к учебному заведению, учреждаемому протестантами. Как правило, мусульмане получали образование в государственных школах, а христиане в школах, организованных местными православной и католической общинами. А. Н. Кудрявцев докладывал Н. П. Игнатьеву 1(13) мая 1869 г., в период подготовки училища к открытию:

Я вменяю себе в обязанность довести до сведения Вашего превосходительства, что наши единоверцы с крайним раздражением относятся к этому делу, усматривая в нем новое посягательство на их внутреннюю и религиозную жизнь. Они тем более уверяют себя в безошибочности своих убеждений и предчувствий, что здешнее французское консульство враждебно отнеслось к новоучреждаемому заведению и, не успев пред турецкими властями разрушить предприятие прусского консула, представило своему правительству необходимость прислать в Боснию французских сестер милосердия.

Консул не верил в успех французов и германцев в распространении католицизма и протестантизма, но указал начальству на необходимость открытия женской гимназии в Сараеве, которая стала бы «рассадником воспитания всех славянских детей»⁴⁷.

Согласно донесениям А. Н. Кудрявцева фирман султана об учреждении протестантского училища был зачитан в ноябре 1869 г. в присутствии боснийского генерал-губернатора (вали) Сафвет-паши, вилайетского собрания, английского и северогерманского консулов⁴⁸.

Более подробную информацию об открытии училища можно почерпнуть из записки обер-прокурора Святейшего синода Дмитрия Андреевича Толстого (1823–1889) от 31 декабря 1869 г. (12 января 1870 г.), которую он направил председателю Славянского благотворительного комитета Михаилу Петровичу Погодину (1800–1875):

⁴⁵ Милошевић 2011: 92.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871 г. Сараево. Л. 114.

⁴⁷ Там же. С. 180.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871 г. Сараево. Л. 113.

В Сараево последовало на днях открытие пропагандистского училища для девиц, основанного на средства германского благотворительного общества “Диаконисс”. На торжестве открытия собрались только протестанты: английский и северогерманский консулы с их семьями и несколько других иностранцев. Здание школы отстроено в германском стиле со всеми необходимыми удобствами для помещения в нем до 60-ти девиц. Для преподавания прибыли в Сараево две диакониссы из Пруссии, изучавшие более года сербский язык в Пеште и теперь открывшие курс учения. Обстоятельство, что на открытие школы приглашены были только протестанты, — можно объяснить опасением сих последних возбудить религиозный фанатизм босняков; в таком случае легко могло бы случиться, что никто из местных жителей не хотел бы отдать в эту школу детей своих. Однако дело обошлось без всяких неприязненных заявлений, — напротив того, едва разошлась по городу молва об открытии училища, как уже появилось 18 девочек, из коих 12 православных, изъявивших желание поступить в школу. Они были приняты беспрепятственно. Таким образом германская пропаганда, скрывая настоящие свои цели под видом человеколюбивых стремлений, ловко вкралась в Боснийский край. Обстоятельство это обращает на себя серьезное внимание и дает повод предполагать, что православное население в Боснии, не смотря на питаемые им нелюбовь и недоверие к немецкому элементу, будет также посылать во вновь открывшуюся протестантскую школу детей своих, за неимением в Боснии православных школ⁴⁹.

К А. Н. Кудрявцеву обратился Московский славянский благотворительный комитет с просьбой предоставить информацию о «деятельности западных пропаганд» в Боснии. обстоятельный ответ российский консул направил 5 (17) декабря 1869 г.⁵⁰ Копия с этой записки была передана в МИД России⁵¹, также ее текст был частично опубликован в одной из работ Нила Александровича Попова (1833–1891) от имени некоего корреспондента из Боснии⁵². Среди прочего Кудрявцев упоминал и о деятельности протестантов:

Как кажется, прусское правительство и германское общество поняли важность предстоящих событий в деле западных пропаганд на этом

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 1750. Московский славянский благотворительный комитет. Оп. 1. Д. 68. Л. 99–100.

⁵⁰ Там же. Л. 84–89.

⁵¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2332. 1870 г. Сараево. Л. 18–23.

⁵² Попов 1871.

клоку земли. Чтобы не остаться назади они менее чем в один год построили в Сараево центр боснийской народности, европейское здание и открыли в нем женское училище для всех вероисповеданий. В течение нескольких дней 12 православных девочек поступили уже в училище, в котором откроется скоро кирха и приедет из Пруссии пастор. Цель учреждения этого училища, вероятно, более чем мне понятна для славянского комитета. Я не посвящен в тайны движений и деятельности германских обществ и потому не могу судить о пользе или вреде учрежденного в Боснии училища диаконисс, но я не могу с одной стороны не содрогаться, прислушиваясь к мнениям выражаемым даже официальными лицами о первенстве германской и ничтожности славянской рас, а с другой, не сочувствовать нашим единоверцам, которые испуганы протестантским благотворительным учреждением и которые, при своей грустной обстановке, имеют только дух и совесть, но не имеют ни сил, ни средств сделать что-нибудь для восстания и образования самих себя⁵³.

Генеральный консул Северогерманского союза в Сербском княжестве попросил председателя Государственного совета Сербии Йована Мариновича снабдить диаконисс рекомендательными письмами к членам сараевской православной общины Г. Райковичу и Г. Бесаричу, где говорилось, что диакониссы не склонны к пропаганде, готовы нести только добро и пользу народу Боснии⁵⁴. Райкович и Бесарич отдали на обучение в школу своих дочерей, их примеру последовали и другие православные сараевцы. Школа также заручилась поддержкой дабробосанского митрополита Дионисия (1838–1894). Вскоре учебное заведение посещали уже 20 православных девочек, а через месяц работы в школе было 28 православных, девять католичек и четыре протестантки⁵⁵.

Для того, чтобы привлечь внимание православного населения к учебному заведению, было заявлено, что училище открывается на общие средства Англии, Северогерманского союза и России. В реальности же никакой финансовой поддержки со стороны России не было⁵⁶.

После открытия школы пути Ирби и Маккензи разошлись. Последняя не отличалась крепким здоровьем. Для того, чтобы поправить

⁵³ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 68. Л. 87 об–88 об.

⁵⁴ Попов 1873: 27.

⁵⁵ Там же: 27–28.

⁵⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 223.

его, она отправилась на Корфу, где в 1871 г. вышла замуж за английского консула сэра Чарльза Себрайта (1807–1884)⁵⁷, а три года спустя скончалась⁵⁸. Сама Ирби вернулась в Англию, оставив школу на попечение Холмса, Блау и двух диаконисс⁵⁹.

По случаю Рождества, 25 декабря 1869 г. (6 января 1870 г.) диакониссы, консулы Англии и Северогерманского союза устроили елку, на которую были приглашены все родители учащихся, иностранные консулы, дабробосанский митрополит и католический аббат. Родителям православных детей не понравилось, что на этом празднестве были угощения, запрещенные постом. Также выяснилось, что диакониссы начали знакомить детей с догматами лютеранизма, а один из родителей-протестантов потребовал запретить ученицам католического и православного исповедания совершать знамение креста в стенах школы⁶⁰. Это посеяло недовольство не только в среде православного, но и католического населения города. Вскоре разнесся слух, что между делом диакониссы преподают девочкам догмат о том, что у Иосифа и Девы Марии было 14 детей⁶¹.

По словам Холмса и Блау, проповедник в православной церкви заявил, что родители, посылающие детей в протестантскую школу, будут преданы анафеме⁶². Подстрекателем в этом деле якобы являлся консул Кудрявцев. Об этой же истории упоминает в брошюре Н. А. Попов. Священником, выступавшим против протестантского училища, был Савва Косанович. Кудрявцев с семейством лично присутствовал на службе, где была произнесена речь против школы. В рассказе Попова, однако, не упоминается об угрозах отлучить кого-либо от церковного общения⁶³. На следующий после проповеди день в школе осталось лишь три православные ученицы. Монах-францисканец Грго Мартич (1822–1905) также во время мессы высказался против учебного

⁵⁷ Милошевић 2017: 170; Пыпин 1877: 283.

⁵⁸ На Корфу она основала трастовый фонд для подготовки славянских учителей. См.: Anderson 1966: 71.

⁵⁹ Попов 1873: 27.

⁶⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 222–223.

⁶¹ Попов 1873: 28.

⁶² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 222.

⁶³ Там же.

заведения. После этого его покинуло, по разным данным, семь-девять учениц католической веры⁶⁴.

В Сараеве развернулась настоящая война против школы Ирби. В № 1 от 1 (13) января 1870 г. боснийской газеты *Сарајевски цвјетник* («Сараевский цветник») появилась заметка под названием «Новая ересь в Боснии», направленная против распространения протестантизма⁶⁵. По городу поползли слухи, что отданных в школу девочек могут увезти в другую страну без согласия родителей⁶⁶.

В начале 1870 г. Кудрявцев докладывал в МИД, что к концу января в школе не осталось ни одной православной ученицы⁶⁷. Учебное заведение посещало только около десяти детей заезжих иностранцев из протестантов и католиков⁶⁸. По другим данным, в школе остались дети троих далматинцев, одного инженера и двух торговцев⁶⁹.

Диакониссы обратились с жалобами к Блау и Холмсу, а те, в свою очередь, попросили дабробосанского митрополита Дионисия решить проблему⁷⁰. Результата не последовало. Архипастырь ответил:

Я не поручал попу Савве (Косановичу. — *К.М.*) говорить против вашей благодетельной школы и не знал, что он будет проклинать ее перед народом. Но так как он состоит под властью варварской общины, которая жаловалась на меня патриарху и не праведно гонит меня из Боснии⁷¹, то я не могу судить попа Савву, вы же имеете полное право быть недовольными и протестовать перед всеми властями, ибо имеете в своих руках султанский фирман на эту школу⁷².

Тогда консулы направили официальные протесты генерал-губернатору Боснийского вилайета Сафвет-паше (1814–1883). Вали был

⁶⁴ Томашевић 2016: 16; Попов 1873: 29.

⁶⁵ Сарајевски цвјетник. 1870. 01 I. № 1.

⁶⁶ *Irbj A. P.* English orphanage and training school on Bosnia, 1869–1892. P. 901.

⁶⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 222.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Тепић 1988: 539.

⁷⁰ Попов 1873: 29.

⁷¹ Имел место серьезный конфликт между сараевской православной общиной и митрополитом Дионисием. Община направила в Константинополь просьбу о его смещении. Кроме того, митрополит Дионисий старался поддерживать дружеские отношения с австро-венгерским консулом, в интересах которого был успех работы школы Ирби. См. подробнее: Мельчакова 2018: 59–63.

⁷² Попов 1873: 29.

в отъезде, но ответил: «Мы не можем мешаться в дела христианских религий; всякий имеет право защищать свою веру»⁷³. Е. Лазаревич в очерке о школе Ирби упомянула и об интригах османских властей против учебного заведения⁷⁴. Однако никаких документальных подтверждений этим фактам обнаружить не удалось. Отстраненность от проблем школы Сафвет-паши вполне объяснима. С 1869 г. в Османской империи действовал «Органический закон о просвещении»⁷⁵. На официальном уровне разграничивались государственные и частные школы, основанные различными обществами, частными лицами, религиозными корпорациями⁷⁶. Государственные школы полностью контролировались властями, частные — находились под надзором правительства, но организация их работы, содержание и управление были обязанностью учредителей. Вмешательство властей в дела частных школ было минимальным. Кроме того, сама Ирби, делая доклад о работе школы на конгрессе в Чикаго в 1893 г., говорила, что никаких препятствий со стороны османских властей она не встретила⁷⁷.

Со слов Кудрявцева, отчитываясь перед Кайзерсвертом, диакониссы обвиняли в своих злоключениях консулов Австро-Венгрии, Франции и России⁷⁸. Иностранцы Англии и Северогерманского союза жаловались, что неодобрительное отношение Кудрявцева к школе диаконисс способствовало тому, что сараевцы относились к ней с недоверием⁷⁹. Российский консул отвечал на обвинения коллег:

Нет ни одного почти государства в мире, где религиозный толерантизм был бы развит так широко и полно, как в России, а потому странно было бы, если бы ее представители основывали бы свои действия на противоположных началах⁸⁰.

Кудрявцеву даже пришлось оправдываться за свое поведение перед начальством. Православные сараевцы действительно обращались

⁷³ Попов 1873: 29.

⁷⁴ Лазаревич 1929: 61.

⁷⁵ См. подробнее: Желтяков, Петросян 1965; Evered 2012.

⁷⁶ Желтяков, Петросян 1965: 38–39.

⁷⁷ *Irby A. P.* English orphanage and training school on Bosnia, 1869–1892. P. 901.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871 г. Сараево. Л. 113 об.

⁷⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 222.

⁸⁰ Там же.

к нему за советом. Он говорил, что образование дело благое, но призвал следить за тем, что преподается, дабы избежать пропаганды протестантизма⁸¹.

Консулы Холмс и Блау просили российского коллегу поспособствовать им в наборе православных детей в училище⁸². Кудрявцев оказался в затруднительном положении. Ему нельзя было компрометировать российское консульство в глазах православного народа в пользу протестантской школы, какой полезной бы она ни была для развития Боснии. В это же время сараевская православная община решила вступить в конкурентную борьбу с училищем Ирби и основать в Сараеве женскую гимназию. Помощи в этом деле просили у России⁸³.

Важно отметить, что А. П. Ирби очень позитивно встретила новости об активизации России, Франции, католических миссионеров и сараевской православной общины в деле распространения женского образования в Боснийском вилайете. В речи, произнесенной в Чикаго, она отметила, что открытая протестантами школа в Боснии поспособствовала тому, что дело сдвинулось с мертвой точки⁸⁴.

Узнав о неурядицах школы, мисс Ирби поспешила вернуться в Сараево. «По освидетельствовании на месте настоящего положения дела, она была поражена грустными результатами своей благотворительности и конечно поспешила сознаться в своей ошибке» — сообщил Кудрявцев начальству⁸⁵. Первым делом А. П. Ирби связалась с обществом в Кайзерсверте и потребовала отозвать из Сараева диаконисс⁸⁶. Директор общества епископ Дитендорф лично прибыл в Сараево для осмотра училища. По просьбе Ирби в 1871 г. контракт был расторгнут, диакониссы покинули Боснию⁸⁷.

Мисс Ирби проявила себя как настоящий дипломат. Довольно часто она навещала чету Кудрявцевых (Алексей Николаевич находился в Сараеве с женой и детьми), с супругой консула, Марией Николаевной, они были в приятельских отношениях. В частной беседе

⁸¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 222.

⁸² Там же.

⁸³ Мельчакова 2019: 259–260.

⁸⁴ *Irby A. P.* English orphanage and training school on Bosnia, 1869–1892. P. 901.

⁸⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871 г. Сараево. Л. 114.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. Л. 115.

Ирби признала, что диакониссы действительно вели себя как пропагандистки⁸⁸. Она советовалась с российским консулом, как лучше устроить дела школы.

Начальству Кудрявцев, в частности, сообщил:

Я сказал ей, что благотворительность без задних мыслей оценится и здешним невежественным народом; что православные родители несомненно будут рады посылать своих детей в такое училище, где закону Божию будет обучать их не диаконисса по библии, а священник по катехизису, где по обычаям их делают знамения креста и читаются молитвы утром и вечером, перед началом и окончанием уроков, перед обедом и ужином и после оных; что на первое время, дабы отклонить всякое недоверие босняков, надлежит пригласить православную наставницу из Австрии или княжества Сербии⁸⁹.

Аделина Паулина Ирби приняла решение остаться в Сараеве и взять руководство школой в свои руки⁹⁰. Последовав советам Кудрявцева, она наняла православную учительницу Сару Панич⁹¹. Это не принесло никаких результатов. Тогда на место Панич была принята другая преподавательница из Белграда. Она уже была знакома сараевцам, так как ранее работала в школе Стаки Скендеровой⁹². Каждый праздник Ирби отправляла учениц в сопровождении православной учительницы в церковь, но вернуть расположение сараевцев было трудно⁹³. Тогда английский консул Холмс посоветовал отпустить и эту учительницу и заключил договор на три года с уроженцем Сараева Симой Чайкановичем⁹⁴. Последний был хорошо знаком упомянутому выше Савве Косановичу. В свое время они вместе пешком ушли в Белград, стали стипендиатами сербского правительства и в 1860 г. окончили курс в Белградской семинарии⁹⁵. Попов отметил, что Чайканович владеет немецким языком и характеризовал его как человека тихого, ленивого, не проницательного, но умеющего красноречиво излагать порученные ему дела

⁸⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871 г. Сараево. Л. 114 об.

⁸⁹ Там же. Л. 114 об.–115.

⁹⁰ Там же. Л. 115.

⁹¹ Папић 1978: 93.

⁹² Возможно, речь идет о Елене Нешкович. См.: Мельчакова 2019: 248.

⁹³ Попов 1873: 29.

⁹⁴ Там же: 29–30.

⁹⁵ Максимовић 2003: 11; АС. Ф. Митрополија Београдска (МБ). 1857. 864; 1858. 723.

на бумаге⁹⁶. Поскольку лично они знакомы не были, можно предположить, что такой портрет был составлен со слов Саввы Косановича или консула Кудрявцева. В одном из донесений последний сообщал об ожидании весной 1871 г. приезда нового учителя из Белграда вместе с женой и сестрой, которые готовы были занять должности воспитательниц в школе⁹⁷. Возможно, имелось в виду семейство Чайкановичей.

Открыто в поддержку учебного заведения мисс Ирби выступила, казалось бы, главная конкурентка в деле женского образования в Сараеве — Стака Скендерова. Женщины стали добрыми подругами. Впоследствии, в тяжелой жизненной ситуации Ирби не раз протягивала Скендеровой руку помощи⁹⁸.

С удалением диаконисс училище мисс Ирби лишилось поддержки со стороны германского консульства. Дела школы шли не очень хорошо. В августе 1872 г. Кудрявцев доложил начальству:

В настоящее время из 17 православных девочек, учившихся несколько месяцев у мисс Ирби, ставшей во главе протестантской школы, 15 уже взяты родителями. Причиной этому послужил, отчасти, неблагоприятный образ действий г-жи Ирби, заведшей в училище по протестантскому обычаю чтение и пение библейских псалмов, воспретившей делать знамение креста и не допустившей изучения православного катехизиса⁹⁹.

В брошюре 1873 г. «Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами» Попов упомянул о посещении А. П. Ирби России. Более ни в каких источниках

⁹⁶ Попов 1873: 30.

⁹⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871 г. Сараево. Л. 115.

⁹⁸ В 1878 г., после австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины, школу Стаки Скендеровой пришлось закрыть — прекратилась денежная помощь от султана, перестали поступать и средства из России, новые власти не были заинтересованы в работе этого учебного заведения. Девочек-сирот, которые обучались в школе, приняла под свою опеку мисс Ирби. Английская благотворительница также взяла на пожизненное содержание Стаку Скендерову и ее столетнюю мать. В 1891 г. Скендерова трагически погибла. Все расходы и хлопоты о ее похоронах взяла на себя А. П. Ирби. По свидетельствам очевидцев, каждую неделю она заходила в сараевскую православную соборную церковь и ставила свечу в память о Стаке. См.: Поповић 1903: 393–395; Кнежић 2008: 16.

⁹⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2334. 1872 г. Сараево. Л. 74–76.

не удалось найти сведений об этой поездке. Во время визита в Санкт-Петербург Ирби пыталась наладить дружеские отношения с С. Косановичем, предлагая ему помощь, так как он во время своего путешествия оказался в стесненном финансовом положении¹⁰⁰. Вероятно, встреча состоялась в сентябре 1872 г.

В брошюре Попов написал об учебном заведении английской благотворительницы следующее: «Старые девицы Ирби и Мекензи (Маккензи. — *К.М.*), основали в Сараеве прекрасную школу с удобным помещением для детей и бесплатным содержанием»¹⁰¹.

С 1872 г. Ирби помогала дальняя родственница Присцила Джонстон (1840–1912) (внучка известной сторонницы отмены рабства Присцилы Бакстон (1808–1852))¹⁰². Большую часть года леди проводили в Сараеве, посещая Англию лишь летом во время каникул. Дела в школе пошли на лад. В одном из отчетных донесений за 1874 г. Кудрявцев упомянул, что в школе Ирби преподавался русский язык¹⁰³.

Согласно исследователю истории сербских школ Митару Папичу, на первых порах действовала только начальная школа с дополнительными занятиями по рукоделию. Позже вводилась трехступенчатая система восьмилетнего обучения: 1–4 классы — начальная школа; 5 класс — дополнительный, 6–8 классы — подготовка на должность учительниц¹⁰⁴. Школа существовала на пожертвования и представляла собой интернат, за содержание ученицы ничего не платили¹⁰⁵. М. Папич привел также заметку из хорватской газеты *Јавор* («Клен») за 1874 г., где давалось следующее описание школы мисс Ирби: одно из самых красивых зданий Сараева с прекрасным садом; в школе действуют три класса, где изучаются катехизис, церковная история, начальные знания, чтение, география, история, арифметика, сербская грамматика, церковное пение, нотное пение, рукоделие¹⁰⁶.

¹⁰⁰ Попов 1873: 30–31.

¹⁰¹ Там же: 19.

¹⁰² Anderson 2003. Есть также утверждения, что Джонстон переехал в Сараево в 1874 г. См: Милошевић 2011: 92.

¹⁰³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 394.

¹⁰⁴ Папић 1978: 94.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

Годы восстания (1875–1878):
«Послал Господь две ангельские души»¹⁰⁷

Мирная жизнь длилась недолго. Летом 1875 г. грянуло восстание в Герцеговине, которое переросло в Великий Восточный кризис (1875–1878). Ирби и Джонстон отправились в Англию. Продавать здание школы и закрывать ее Аделина Паулина отказалась. Учебное заведение оставили под надзором английского консула. Учитель Сима Чайканович продолжил работу¹⁰⁸. По сообщениям Петра Мирковича, пять лучших учениц были эвакуированы в Прагу, где находились до ноября 1879 г.¹⁰⁹

Как уже было сказано выше, деятельность Ирби в тяжелые годы Великого Восточного кризиса получила широкое освещение в научной литературе. Мисс Ирби удалось организовать сбор гуманитарной помощи для пострадавших из Боснии и Герцеговины. Уже в 1876 г. Ирби и Джонстон с внушительной денежной суммой вернулись на Балканы и развернули активную волонтерскую работу. Они основали школу для боснийских детей в Пакраце. Следом было открыто еще несколько школ в Далмации, Боснийской Крайне и Славонии. Во время восстания 1875–1878 гг. проблема с беженцами из Боснии и Герцеговины стояла невероятно остро. Лагеря, расположенные на хорватской и славонской границах, находились в ужасном состоянии, уровень смертности в них был огромен. Очевидец событий Алекса Ивич признал, что опыт организации жизни беженцев Аделиной Паулиной Ирби и Присцилой Джонстон был более удачен, чем у многочисленных повстанческих комитетов¹¹⁰. Артур Эванс, который, по свидетельствам Петра Мирковича, был родственником Ирби¹¹¹, посетил несколько основанных ею учебных заведений и в ноябре 1877 г. рассказал об их работе в XXI «Иллирийском письме», назвав одну из школ «оазисом в бескрайней бездне человеческих бед»¹¹².

¹⁰⁷ Из стихотворения доктора Албрехта из Загреба, посвященного А. П. Ирби и П. Джонстон. См: Historijski arhiv Bosne i Hercegovine. F. Ostavština Miss Adeline Pavlije Irbi. F. 40.

¹⁰⁸ *Мирковић П.* Мис Аделина Павлија Ирби — српска добротворка. С. 11.

¹⁰⁹ Там же. С. 12.

¹¹⁰ *Ivić A.* Fragmenti iz istorije bosanskog ustanka iz istorije bosanskog ustanka 1875. i 1876. god. Fotokopijsko izdanje. Banja Luka: Besjeda, 2006. S. 36.

¹¹¹ *Мирковић П.* Мис Аделина Павлија Ирби — српска добротворка. С. 24.

¹¹² *Evans A. J.* Illyrian letters. London: Longmans, Green, and co, 1878. Fotokopijsko izdanje. Banja Luka: Besjeda, 2006. P. 216–230.

Находясь на Балканах, А.П. Ирби посылала корреспонденции в английские газеты *Times*, *Daily News*, *Morning Post* и другие издания, где говорилось о жестокости турок, бедах и лишениях боснийских и герцеговинских христиан¹¹³. Ее сообщения вызывали доверие у читателя, так как она считалась авторитетным знатоком региона¹¹⁴. Боснийский историк Эдин Радушич причислил Ирби к создателям нарратива о турецких варварах в Боснии¹¹⁵. Передаваемые ей рассказы оказались невероятно полезными для английского политика Уильяма Гладстона, который находился в оппозиции и активно продвигал тезис о необходимости освобождения европейских христиан от власти «жестоких турок». В годы Великого Восточного кризиса стало окончательно понятно, что Ирби является приверженкой идеи «Великой Сербии».

После оккупации и аннексии Боснии и Герцеговины

После оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1878 г. мисс Ирби вернулась в Сараево и вновь открыла свою школу. Сделать это ей удалось с трудом, так как австрийские власти запретили ей и Джонстон въезд в страну. Решить вопрос помогли влиятельные друзья. Из Ливно в Сараево прибыло 40 детей, в основном это были мальчики. Мисс Ирби обеспечила их необходимым и трудоустроила, после чего снова занялась женским образованием.

Во вновь открывшуюся школу Ирби шли девочки из сербских семей. Обучение, как и прежде, было бесплатным. Ученицы имели полный пансион и жили в интернате. По разным данным, количество воспитанниц варьировалось от 20 до 30. Действовала также система трехступенчатого образования: 1–4 класс — начальная школа и домоводство; 5–6 классы — подготовительные классы; 7–9 класс — подготовка к преподавательской деятельности. В 1887 г. из школы выпустились первые учительницы. Они были приняты на работу в свою *alma mater*¹¹⁶.

¹¹³ Radušić 2019: 143.

¹¹⁴ Ряд сообщений Ирби о страшных зверствах турок в Боснии и Герцеговине, по словам английского консула Холмса, не находили подтверждения. Ирби и Холмс были приверженцами разных взглядов, но он не позволял себе отзываться о ней дурно в донесениях начальству. См. подробнее: Radušić 2019: 133–182.

¹¹⁵ Radušić 2019: 168.

¹¹⁶ Папић 1978: 173.

В 1885 г. Присцила Джонстон вернулась в Англию. Для Аделины Паулины Ирби же Босния постепенно стала настоящим домом. С годами она все реже и реже посещала родину. Школа работала до кончины своей основательницы, ушедшей из жизни 2 (15) сентября 1911 г. А. П. Ирби составила завещание, согласно которому значительную сумму денег передавала обществу *Просвјета* и Благотворительной организации *Српкиња* («Сербка») в Сараеве¹¹⁷. Она настаивала на скромном похоронном обряде без церемоний и речей. Сараевцы не исполнили последней воли усопшей. Прощание с ней превратилось в национальную манифестацию.

Аделина Паулина Ирби похоронена на евангелическом кладбище в Сараеве. Надгробный памятник изготовил один из ее воспитанников Петар Векич. На нем высечена надпись: «Здесь почивает с миром великая благотворительница сербского народа в Боснии и Герцеговине Аделина Паулина Ирби»¹¹⁸. Парастасы (панихиды) по мисс Ирби служили в церквях Белграда, Сараева, Дубровника, Мостара и Баня-Луки¹¹⁹.

По воспоминаниям современников, Ирби всегда одевалась скромно и употребляла простую пищу, говорила тихо и серьезно, владела сербским, итальянским, французским, немецким языками, понимала русский, читала греческие, латинские и староеврейские тексты¹²⁰.

Более 40 лет жизни она провела в Боснии, где в глазах местных жителей из подозрительной англичанки, стремящейся к протестантскому прозелитизму, превратилась во всенародную любимицу и истинного патриота сербского народа.

Список сокращений

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва

АС — Архив Србије, Београд

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва

¹¹⁷ Милошевић 2011: 98.

¹¹⁸ *Мирковић П.* Мис Аделина Павлија Ирби — српска добротворка. С. 58.

¹¹⁹ Милошевић 2017: 176.

¹²⁰ Томашевић 2016: 20.

Литература

- Андрић 1981 — *Андрић И.* Госпођица Аделина Ирби // Иво Андрић. Стазе, лица, предели. Београд: Просвета, 1981. С. 68–78.
- Желтяков, Петросян 1965 — *Желтяков А.Д., Петросян Ю.А.* История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века). М.: Наука, 1965. 176 с.
- Јанић, Бабић (ред.) 2017 — Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник / уред. Ј. Јанић, Б. Бабић. Бањалука: Народна и универзитетска библиотека Републике Српске, 2017. 236 с.
- Кнежић 2008 — *Кнежић Н.* Хаџи Стака Скендерова // Кишобран. 2008. Септембар. С. 16.
- Лазаревић 1929 — *Лазаревић Ј.* Енглескиње у српском народу. Издање Београдског женског друштва. Београд: Државна штампарија Краљевине срба, хрвата и словенца, 1929. 272 с.
- Максимовић 2003 — *Максимовић В.* Митрополит Сава Косановић 1839–1903. Добрун; Сарајево: Дабар; Просвјета, 2003. 314 с.
- Мельчакова 2017 — *Мельчакова К.В.* «Воин» на духовном поприште. Сараевски архимандрит Савва Косанович и его поездка в Россию в 1872–1874 гг. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 72–86.
- Мельчакова 2018 — *Мельчакова К.В.* «Благочестивый обманщик» митрополит Дионисий в Боснии и Герцеговине в 1860–1870-е годы (по материалам донесений российских консулов) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. / отв. ред.: Е. С. Узенева, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 59–63. DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.3.
- Мельчакова 2019 — *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. 432 с. DOI: 10.31168/91674-537-5.
- Милошевић 2011 — *Милошевић Б.* Мис Ирби (1833–1911) — један вијек од смрти српске добротворке // Гласник Удружења архивских радника Републике Српске, год. III. 2011. № 3. С. 89–99.
- Милошевић 2017 — *Милошевић Б.* Културно-просветна мисија Стаке Скендерове и Аделине Ирби // Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник / уред. Ј. Јанић, Б. Бабић. Бањалука: Народна и универзитетска библиотека Републике Српске, 2017. С. 161–177.
- Папић 1978 — *Папић М.* Историја српских школа у Босни и Херцеговини. Сарајево: Веселин Маслеша, 1978. 192 с.

- Попов 1871 — *Попов Н.А.* Религиозная и национальная благотворительность на Востоке и среди славян. Ч. 1. // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Март. Часть CLIV. Отдел наук. С. 143–188.
- Попов 1873 — *Попов Н.А.* Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами. М., 1873. 31 с.
- Поповић 1903 — *Поповић А.* Хаџи Стака Скендерова, српска калуђерица и учитељица // Босанска вила. 1903. № 23–24. С. 393–395.
- Пыпин 1877 — *Пыпин А.* Маккензи Г. М., Ирби А. П. Путешествия по славянским провинциям Европейской Турции // Вестник Европы. 1877. № 9. С. 281–302.
- Тепић 1988 — *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. 586 с.
- Терзич 2010 — *Терзич С.* Сербское наследие в Косово и Метохии глазами европейских исследователей (XVIII–XIX вв.) // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Пробел, 2010. С. 141–154.
- Томашевић 2016 — *Томашевић Д.* Мајка босанске сиротиње // Аделина Паулина Ирби, Георгина Мјур Мекензи. Путовање у словенске провинције Турске Европи. Друго издање. Сарајево: СПДК «Просвјета», 2016. С. 7–24.
- Чоловић Д., Чоловић С. 2004 — *Чоловић Д., Чоловић С.* Племенита Мис Ирби добротворка српског народа. Београд: Српско културно друштво «Зора»; Србиње: Дабар, 2004. 241 с.
- Anderson 1966 — *Anderson D.* Miss Irby and her friends. London: Hutchinson, 1966. 256 p.
- Anderson 2003 — *Anderson D.* Two women travelers in Balkans in the 1860's: Georgina Muir Mackenzie, Adeline Paulina Irby. 06.11.2003. URL: <https://web.archive.org/web/20170206104438/http://brlsi.org/events-proceedings/proceedings/24939> (дата обращения: 10.03.2023).
- Atlagić, Martinović, Elezović 2020 — *Atlagić M.P., Martinović A.L., Elezović D.M.* Noble English woman Adeline Paulina Irby on Kosovo and Metohija in Serbia // Баштина. Приштина–Лепосавић, 2020. Св. 51. С. 395–403.
- Cook 1913 — *Cook E.* The life of Florence Nightingale. London: Macmillan and Co., 1913. Vol. II. (1862–1910). 510 p.
- Evered 2012 — *Evered E. Ö.* Empire and education under the Ottomans: Politics, reform, and resistance from the Tanzimat to the Young Turks. London; New York: I. B. Tauris, 2012. 360 p.
- Hadžiselimović 2012 — *Hadžiselimović O.* Two Victorian Ladies in Bosnia, 1862–1875: G. M. MacKenzie and A. P. Irby // Spirit of Bosnia. Vol. 7. 2012. N. 2. URL: <http://www.spiritofbosnia.org/v7n2/two-victorian-ladies-in-bosnia-1862-1875-g-m-mackenzie-and-a-p-irby> (дата обращения: 25.07.2022).

- Hammond 2010 – *Hammond A.* Memoirs of conflict: British women travellers // *Balkans, Studies in Travel Writing*. 2010. Vol. 14. N 1. P. 57–75. DOI: 10.1080/13645140903465043.
- Radušić 2018 – *Radušić E.* Bosanci u Miss Irbynoj djelatnosti u javnom prostoru – univerzalni ili partikularni humanizam? // *Radovi (Historija, Historija umjetnosti, Arheologija)*. Knjiga 5. Srajevo: Filozofski fakultet u Sarajevu, 2018. S. 239–256.
- Radušić 2019 – *Radušić E.* «Bosnian horrors». Antiturski narativi o Bosni u britanskom javnom diskursu i njihove političke posljedice 1875–1878. Sarajevo: Udruženje za modernu historiju, 2019. 229 s.
- Rokai 2015 – *Rokai M.* Through feminine lens: Victorian and Edwardian women constructing the image of Serbian women in their travel accounts // *Београдски историјски гласник*. Vol. VI. 2015. С. 169–191.

References

- Anderson, D., 1966. *Miss Irby and her friends*. London: Hutchinson, 256 p.
- Anderson, D., 2003. *Two women travelers in Balkans in the 1860's: Georgina Muir Mackenzie, Adeline Paulina Irby*, 06.11.2003. URL: <https://web.archive.org/web/20170206104438/http://brlsi.org/events-proceedings/proceedings/24939> (accessed: 10.03.2023).
- Andrić, I., 1981. *Gospodica Adelina Irbi [Miss Adeline Irby]*. In: Andrić, I., *Staze, lica, predeli*. Belgrade: Prosveta, pp. 68–78. (in Serb.)
- Atlagić, M. P., Martinović, A. L., Elezović, D. M., 2020. Noble English woman Adeline Paulina Irby on Kosovo and Metohija in Serbia. *Baština*, 51, pp. 395–403.
- Čolović, D., Čolović, S., 2004. *Plemenita Mis Irbi dobrotvorka srpskog naroda [Noble Miss Irby benefactor of the Serbian people]*. Belgrade: Srpsko kulturno društvo “Zora”; Srinje: Dabar, 241 p. (in Serb.)
- Cook, E., 1913. *The life of Florence Nightingale, 2, (1862–1910)*. London: Macmillan and co., 510 p.
- Evered, E. Ö., 2012. *Empire and education under the Ottomans: Politics, reform, and resistance from the Tanzimat to the Young Turks*. London; New York: I. B. Tauris, 360 p.
- Hadžiselimović, O., 2012. Two Victorian ladies in Bosnia, 1862–1875: G. M. MacKenzie and A. P. Irby. *Spirit of Bosnia*, 7, 2. URL: <http://www.spiritofbosnia.org/v7n2/two-victorian-ladies-in-bosnia-1862-1875-g-m-mackenzie-and-a-p-irby> (accessed: 25.07.2022).
- Hammond, A., 2010. Memoirs of conflict: British women travellers. *Balkans, Studies in Travel Writing*, 14, 1, pp. 57–75. DOI: 10.1080/13645140903465043.
- Janić, J., Babić, B., eds, 2017. *Hadži Staka Skenderova i srpska kultura u Bosni i Hercegovini. Tematski zbornik [Hadži Staka Skenderova and Serbian culture*

- in Bosnia and Herzegovina. Thematic collection]. Banjaluka: Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske, 236 p. (in Serb.)
- Knežić, N., 2008. Hadži Staka Skenderova [Hadži Staka Skenderova]. *Kišobran*, Septembar, p. 16. (in Serb.)
- Lazarević, J., 1929. *Engleskinje u srpskom narodu. Izdanje Beogradskog ženskog društva* [Englishwomen in the Serbian people. Belgrade women's society]. Belgrade: Državna štamparija Kraljevine srba, hrvata i slovenca, 272 p. (in Serb.)
- Maksimović, V., 2003. *Mitropolit Sava Kosanović 1839–1903* [Mitropolitan Sava Kosanovich 1839–1903]. Dobrun; Sarajevo: Dabar; Prosvjeta, 314 p. (in Serb.)
- Melchakova, K., 2017. “Voin” na dukhovnom poprishche. Saraevskii arhimandrit Savva Kosanovich i ego poezdka v Rossiiu v 1872–1874 gg. [A “warrior” in the spiritual field. Sarajevo Archimandrite Savva Kosanovich and his trip to Russia in 1872–1874.]. In: Danchenko, S. I., ed. *Slaviane i Rossiia: Problemy voiny i mira na Balkanakh XVIII–XXI vv. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia akademika Iu. A. Pisareva*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 72–86. (in Rus.)
- Melchakova, K. V., 2018. “Blagochestivyi obmanshchik” mitropolit Dionisii v Bosnii i Gertsegovine v 1860–1870-e gody (po materialam donesenii rossiiskikh konsulov) [The “pious Deceiver” Metropolitan Dionysius in Bosnia and Herzegovina in the 1860s and 1870s (based on reports of Russian consuls)]. In: Uzeneva, E. S., Khavanova, O. V., eds. *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy molodezhnoi nauchnoi konferentsii v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. 22–23 maia 2018 g.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 59–63. DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.3. (in Rus.)
- Melchakova, K. V., 2019. *Bosniia i Gertsegovina v obshchestvenno-politicheskoj zhizni Rossii v 1856–1875 gg.* [Bosnia and Herzegovina in public and political life of Russia in 1856–1875]. Moscow: Indrik, 432 p. DOI: 10.31168/91674-537-5. (in Rus.)
- Milošević, B., 2011. Mis Irbi (1833–1911) — jedan vijek od smrti srpske dobrotvorke [Miss Irby (1833–1911) — a century after the death of a Serbian benefactor]. *Glasnik Udruženja arhivskih radnika Republike Srpske*, III, 3, pp. 89–99. (in Serb.)
- Milošević, B., 2017. Kulturno-prosvetna misija Stake Skenderove i Adeline Irbi [Cultural and educational mission of Staka Skenderova and Adeline Irby]. In: Janić, J., Babić, B., eds. *Hadži Staka Skenderova i srpska kultura u Bosni i Hercegovini. Tematski zbornik*. Banjaluka: Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske, pp. 161–177. (in Serb.)
- Papić, M., 1978. *Istorija srpskih škola u Bosni i Hercegovini* [History of Serbian schools in Bosnia and Herzegovina]. Sarajevo: Veselin Masleša, 192 p. (in Serb.)
- Popov, N. A., 1871. Religioznaia i natsional'naia blagotvoritel'nost' na Vostoke i sredi slavian. Ch. 1 [Religious and national charity in the East and among the

- Slavs. Part 1]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, Mart, CLIV, Otdel nauk, pp. 143–188. (in Rus.)
- Popov, N. A., 1873. *Pravoslavie v Bosnii i ego bor ba s katolicheskoj propagandoi i protestantskimi missionerami* [Orthodoxy in Bosnia and its struggle with Catholic propaganda and Protestant missionaries]. Moscow, 31 p. (in Rus.)
- Popović, A., 1903. Hadži Staka Skenderova, srpska kaluderica i učiteljica [Hadži Staka Skenderova, Serbian nun and teacher]. *Bosanska vila*, 23–24, pp. 393–395. (in Serb.)
- Pypin, A., 1877. Makkenzi G. M., Irbi A. P. Puteshestviia po slavianskim provintsiim Evropeiskoi Turtsii [Mackenzie G. M., Irby A. P. Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe]. *Vestnik Evropy*, 9, pp. 281–302. (in Rus.)
- Radušić, E., 2018. Bosanci u Miss Irbynoj djelatnosti u javnom prostoru — univerzalni ili partikularni humanizam? [Bosnians in Miss Irby's activity in public space — universal or particular humanism?]. *Radovi (Historija, Historija umjetnosti, Arheologija)*, 5. Sarajevo: Filozofski fakultet u Sarajevu, pp. 239–256. (in Bosn.)
- Radušić, E., 2019. “Bosnian horrors”. *Antiturski narativi o Bosni u britanskom javnom diskursu i njihove političke posljedice 1875–1878*. Sarajevo: Udruženje za modernu historiju, 229 p. (in Bosn.)
- Rokai, M., 2015. Through feminine lens: Victorian and Edwardian women constructing the image of Serbian women in their travel accounts. *Beogradski istorijski glasnik*, VI, pp. 169–191.
- Tepić, I., 1988. *Bosna i Hercegovina u ruskim izvorima: (1856–1878)* [Bosnia and Herzegovina in Russian sources: (1856–1878)]. Sarajevo: Veselin Masleša, 586 p. (in Serb.)
- Terzich, S., 2010. Serbskoe nasledie v Kosovo i Metokhii glazami evropejskikh issledovatelei (XVIII–XIX vv.) [Serbian heritage in Kosovo and Metohija through the eyes of European researchers (XVIII–XIX centuries)]. In: Niki-forov, K. V., ed. *V “inter’ere” Balkan: Iubileinyi sbornik v chest’ Iriny Stepanovny Dostian*. Moscow: Probel, pp. 141–154. (in Rus.)
- Tomašević, D., 2016. Majka bosanske sirotinje [The mother of Bosnian orphans]. In: Tomašević, D., ed. *Adelina Paulina Irbi, Georgina Mjur Mekenzi. Putovanje u slovenske provincije Turske Evropi*. Sarajevo: SPDK “Prosvjeta”, pp. 7–24. (in Serb.)
- Zhel'tiakov, A. D., Petrosian, Iu. A., 1965. *Istoriia prosveshcheniia v Turtsii (konets XVIII — nachalo XX veka)* [The history of the Enlightenment in Turkey (from the late eighteenth to the early twentieth century)]. Moscow: Nauka, 176 p. (in Rus.)

Ksenia V. Melchakova

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: kmelchakova@mail.ru

Adeline Paulina Irby and Her Way to the Heart of Bosnia

Adeline Paulina Irby was born in 1831 into a noble English family. She became famous for her charitable work in Bosnia and Herzegovina. What Irby saw during her first visit to Bosnia in 1862 led her to consider the importance of promoting women's education in that Slavo-Turkish region. In 1865 she co-founded the *Association for the Promotion of Education among the Slavic Children of Bosnia and Herzegovina*. With funds raised in Great Britain, it was decided to open a school for girls in Sarajevo, which operated from 1869 to 1911 (until Irby's death) and was founded with the support of the *Kaiserswerth Deaconess Society*. Initially, it faced difficulties and accusations of promoting Protestantism. Irby moved to Sarajevo in 1871 and took over the school's management. Little information has survived about this period in Ottoman Bosnia. One of the aims of this study was to reconstruct the history of the school and Irby's work in Bosnia between 1869 and 1875. The main sources were unpublished documents from Russian archives. The main object of focus are the reports by the Russian consul in Sarajevo, Aleksei N. Kudriavtsev, to the embassy in Constantinople, which describe the difficulties that Adeline P. Irby had to face. The article also briefly mentions Irby's activities during the uprising of 1875–1878 and after the occupation of Bosnia and Herzegovina by Austria-Hungary. These demonstrate the English lady's development from being regarded as a “suspicious Englishwoman” to becoming one of the most revered women in Bosnian history.

Keywords: Bosnian Vilayet, Sarajevo, deaconesses, girls' school, Aleksei N. Kudriavtsev, Otto Blau, William Richard Holmes, Savva Kosanović, Georgina Muir Mackenzie, Priscila Johnston

How to cite: Mel'chakova, K. V., 2023. Adelia Paulina Irbi [Irby] i ee put' k serdtsu Bosnii. *Central-European Studies*, 6. pp. 89–115. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.4>.

Милана Живанович

PhD, научный сотрудник, Институт новейшей истории Сербии, Белград, Республика Сербия. 11000, Трг Николы Пашича, д. 11. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Основательница «Второго Смольного» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев Наталия Корнелиевна Эрдели

В статье на основании архивных материалов и опубликованных источников (записей, воспоминаний), а также литературы показаны усилия бывшей выпускницы Смольного института благородных девиц в Санкт-Петербурге Наталии Корнелиевны Эрдели, нацеленные на возрождение этого женского учебного заведения на чужбине, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия) в городе Велика-Кикинда (на севере Сербии). Покинув Россию в 1920 г., эта молодая, талантливая, энергичная женщина осознала необходимость создания условий для получения образования детьми, которые вынуждены были покинуть родину. Н. К. Эрдели энергично взялась за дело: выхлопотав в 1921 г. у властей страны разрешение и средства для открытия школы, которую по предложению Министерства просвещения Королевства сербов, хорватов и словенцев назвали «Первая русско-сербская девичья гимназия-интернат», она основала учебное заведение для девочек по образу Смольного и стала его начальницей. Несмотря на официальное название заведения, воспитанницам внушались традиции Смольного, они носили форму и соблюдали правила данного института. Желая добиться присвоения гимназии названия «Второго Смольного», в 1924 г. Н. К. Эрдели отправилась в Данию, к императрице Марии Федоровне, бывшей покровительнице Смольного института, но неожиданная смерть основательницы гимназии помешала ее формальному переименованию. Эрдели скончалась в 1925 г. в возрасте 36 лет. Гимназия просуществовала до 1931 г. За весь период существования ее окончили свыше 160 воспитанниц.

Ключевые слова: образование, русская эмиграция, Велика-Кикинда, Первая русско-сербская девичья гимназия-интернат, Смольный институт благородных девиц

Цитирование: Живанович М. Основательница «Второго Смольного» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев Наталия Корнелиевна Эрдели // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 116–128. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.5>.

В 1764 г. указом императрицы Екатерины II было основано первое в России женское учебное заведение — «Императорское воспитательное общество благородных девиц», более известное как Смольный институт благородных девиц, который просуществовал более полутора веков, а точнее 155 лет, до 1919 г. Последний, 86-й выпуск состоялся в Новочеркасске, откуда в эмиграцию отправились как преподаватели, так и воспитанницы¹. Однако его история на этом не закончилась. Институт возродится спустя всего два года, но на чужбине.

С 1919 по 1923 г. в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия)² прибыли 41–44 тыс. русских беженцев³, среди которых в начале 1922 г. насчитывалось около 5600 русских детей⁴. Они покинули свою родину вместе с родителями, членами семьи, одноклассниками или в одиночку. В беженской среде, где было значительное количество представителей интеллигенции, — около 75% прибывших имели высшее и среднее образование⁵, — сразу появилась мысль о создании условий для получения или продолжения образования детьми. Поэтому насущной необходимостью стало открытие русских школ на чужбине⁶. Среди инициаторов этого процесса была бывшая воспитанница Смольного института Наталия Корнелиевна Эрдели (1889–1925)⁷. Она основала «Второй Смольный» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев — Первую русско-сербскую девичью гимназию-интернат в городе Велика-Кикинда (на севере Сербии).

История этого учебного заведения стала предметом нескольких научных работ. О нем писали как исследователи русского зарубежья⁸, так и сами воспитанницы, преподаватели гимназии⁹. Однако

¹ Арсеньев 2016: 452.

² О русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Козлитин 1992; Руска емиграција 1994; Јовановић 1996; Јовановић 2006; Арсеньев 2011.

³ Јовановић 1996: 186.

⁴ Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018: 27.

⁵ Јовановић 1996: 283.

⁶ Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018: 33.

⁷ Незабутые могилы 2007: 574.

⁸ Арсеньев 2016; Живанович 2016; Арсеньев 2022.

⁹ Сергеевский 1959; Свечникова А. Наш институт // Кадетская переключка. 1974.

деятельности начальницы Наталии Корнелиевны Эрдели уделялось меньше внимания. В статье я представлю ее усилия, нацеленные на возрождение Смольного института в загранице¹⁰.

Дочь известного писателя Корнелия Владиславовича Тхоржевского¹¹, потомственная дворянка¹², Наталия Корнелиевна Эрдели окончила Смольный институт благородных девиц в Санкт-Петербурге, потом Императорское театральное училище, затем — историко-литературный курс, стала актрисой Императорского Александринского театра. Первую мировую и Гражданскую войны она провела на фронте сестрой милосердия¹³. В 1920 г. Эрдели покинула Россию. Оказавшись в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, эта талантливая женщина стала инициатором создания нового учебного заведения. По словам одной из выпускниц той же школы в Югославии:

Попав в эмиграции, как большинство русских, в Югославию, она с первых же дней осознала необходимость сохранить русский дух в русских детях и с этой целью, в изгнании, основать Институт для русских девочек, конечно, по образу и подобию того, который сама окончила¹⁴.

Вот как об этом размышляла сама Эрдели:

Страна жива своей юностью. От поколения к поколению юность мчится с улыбкой на устах, с неостанавливающейся ни перед чем верой в заоблачные высоты духа. Не страшны ей вихри, бури. С открытым забралом, вбирая в себя воздух, с распластанными в пространстве крыльями, в могучем движении вперед несется юность. Ей сладок подвиг. Чем вокруг мрачней, тем на душе ее светлей восторг самопожертвования. Она вся — порыв. Она вся — движение. Она вся — красота. Несясь в туманную даль бесконечности истории, она, — вдохновенная юность, — выразительница страны своей родной, ее продолжение, ее строительница. Она будит самоощущение национальности, разно граничащее мировые достижения. Без юности

¹⁰ О женском образовании в Сербии: Божиновић 1996; Николова 1997; Дунђерски 2005; Столић 2015; Видосављевић 2016; Ђунковић 2016.

¹¹ Вихляев К., Арбатская Ю. Русская эмиграция в Сербии. Наталия Корнелиевна Эрдели // Сайт семейного творчества. Константин Вихляев и Юта Арбатская. URL: <https://kajuta.net/node/3428> (дата обращения: 06.03.2023).

¹² Незабываемые могилы 2007: 574.

¹³ Миленковић 2004: 114; Арсеньев 2016: 453; Живанович 2016: 54–56.

¹⁴ Свечикова А. Наш институт. С. 56.

нет будущего у страны! <...> Нам ушедшим с мукой разлуки в груди, с твердым убеждением в необходимость этого временного разрыва с землей родной, нам и надлежит сберечь свою национальность. Вылившаяся из России волна беженцев разлилась по всем странам света. Старшие увели за собой и свое юное поколение. Чужие края, как бы не были они дружественны нам, близки, доброжелательны — язык их, традиции, нравы, обычаи, вся культура их — чужды нам. А вся цель, весь смысл нашего “исхода”, — сохранить свое русское “я”. Ведь не от голода-же и смерти бежали мы! Ушли мы не от страданий России, не от мук борьбы за ее славное прошлое и великое будущее, не испугавшись личной беды! Мы ушли от враждебной государствену Российскому культуры, инстинктивно унося дорогое, святое нам, до лучших дней сохраняя его неприкосновенность. Мы ушли на неизвестность, и очевидно, тяжелую неизвестность, в чужие страны. Мы ушли терпеть, но, терпя, сохранить ту культуру, которая создавалась исторически Россией. Спасение национальной нашей культуры возможно лишь через вас, мои юные, мои прекрасные, пылкие русские души! Через вашу преемственность спасен будет дух России. Вы сохраните преемственность страны своей, болея невзгодами ее и гордясь ее лучшими днями¹⁵.

С 1920–1921 гг. в Королевстве СХС работали эвакуировавшиеся из России три кадетских корпуса и два девичьих института — Харьковский девичий и Мариинский Донской, а также Первая русско-сербская гимназия в Белграде. Они начали работу, открылись с помощью властей страны, прежде всего Министерства просвещения¹⁶. Это, по словам самой Эрдели, были «школы, не только с русским языком, а со своим русским укладом, дабы развивались наши высадки в родной почве»¹⁷. Такое же учебное заведение она сама хотела основать:

Эта школа должна, хотя отчасти, заменить нашим детям родную природу, родную жизнь, заменить старушку няню, древнего лесника, прохожего баяна, их заповедные сказки, былины, их песни, из которых, бывало, мы пили образность и красоту родной поэзии¹⁸.

Как выпускница Смольного, Наталия Корнелиевна Эрдели понимала, насколько важно воспитание и образование женщин:

¹⁵ Эрдели Н.К. Милым, юным друзьям. (Письмо) // Черные пелеринки. 1924. №2. С. 20–21.

¹⁶ Миленкович 2004; Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018: 29–32.

¹⁷ Эрдели Н.К. Милым, юным друзьям. С. 21.

¹⁸ Там же.

Ведь в девичьем интернате складывается тип женщины данного государства. Будущий мыслитель, поэт, ученый, воин, государственный деятель, просто работник — от кого он услышит первую молитву? Кто первый учит его, что добро и что зло? Кто говорит ему о родине? Кто учит тому, что и как надо любить в жизни? Где и как поступать? И учить не одними словами, а всем своим примером? Женщина, женщина, и женщина! Мать, мать и мать! Все дальнейшее в жизни ложится уже на готовую почву: какова женщина — такого и Государство!¹⁹

Благодаря безграничной энергии и упорству, — хотя сама Эрдели говорила, что институт основан исключительно благодаря «братьям сербам»: «Подобной широты отношения вы не найдете на всем земном шаре»²⁰, — Наталия Корнелиевна добилась своей цели: в октябре 1921 г. она выхлопотала у властей страны разрешение и средства для открытия школы. Но для того, чтобы избежать ненужных сложностей, Эрдели в Министерстве просвещения Королевства СХС посоветовали назвать новое учебное заведение: «Первая русско-сербская девичья гимназия-интернат». Поняв причины, Наталия Корнелиевна согласилась²¹.

Эрдели назначили начальницей, для интерната отвели здание Женской школы в городе Велика-Кикинда (на севере Сербии), где находилась небольшая русская эмигрантская колония²². Оборудование, собранное в министерствах, Сербском Красном Кресте, сербских благотворительных обществах, погрузили в вагон, бесплатно выделенный Министерством путей сообщения. Деньги были также предоставлены в долг частными лицами²³. Содержание учреждения взяла на себя Государственная комиссия по делам русских беженцев, контроль над работой осуществлял Высший школьный совет этой комиссии. Обучение в школе было бесплатным для всех девушек²⁴, за исключением детей из состоятельных семей²⁵. Приоритет при

¹⁹ Летопись // Черные пелеринки. Журнал воспитанниц Первой русско-сербской девичьей гимназии-интерната в Королевстве С. Х. С. 1924. № 2. С. 16.

²⁰ Там же.

²¹ Свечикова А. Наш институт. С. 56; Арсеньев 2016: 452.

²² Живанович 2016: 55–57.

²³ Летопись. С. 15.

²⁴ Живанович 2016: 56–60.

²⁵ Миленковић 2004: 142.

зачислении в гимназию имели дети из малоимущих семей, дети инвалидов, нетрудоспособных лиц²⁶, прежде всего тех, кто имел заслуги перед отечеством²⁷.

Заведение открыли 28 октября 1921 г. Уже в первом учебном году в гимназии учились 120 учениц. Но поскольку интерес был огромным, в следующем году в школу зачислили 220 воспитанниц²⁸. В октябре 1923 г. число учениц увеличилось до примерно 250²⁹, причем Эрдели поставила себе цель удвоить эту цифру³⁰.

Однако первые шаги были очень тяжелыми. Об этом вспоминала одна из учениц:

Ни Наталию Корнелиевну, ни воспитанниц не смущало ни то, что у крестьян чистили кукурузу и, в награду получив сухие листья, набивали ими матрасы, на которых, первое время спали на полу, ни белье и форма из грубейшего материала, ни ботинки на мужской постройке: с боков резинки, впереди и сзади ушки, часто смешно торчащие, ни простая, но здоровая пища, ни жестяная столовая посуда, а ложки из чистого железа начищенные дежурными, покрывались ржавчиной после первого же глотка супа, ни тазы вместо душей или ванны с небольшим котлом горячей воды, которой наслаждались лишь первые попавшие в баню, а остальные?... холодная вода приятно освежала! Все это были незначительные мелочи по сравнению с целью³¹.

Полный курс обучения в Первой русско-сербской гимназии продолжался восемь лет³². Беженское сообщество разделилось на две группы: одна предлагала давать детям максимум твердых знаний, другая предъявляла меньше требований к уровню образования³³. Начальница твердо стояла на первом принципе:

Хотя и трудно детям, но мы обязаны дать им максимум познаний, общего развития и дополнительно приспособить их путем разных искусств к новой жизни в эмиграции³⁴.

²⁶ А.И. Ф. 74. Крайнев двор. 19–541.

²⁷ Живанович 2016: 59–61.

²⁸ Миленковић 2004: 93, 142–143.

²⁹ А.И. 74–19–541.

³⁰ Живанович 2016: 59–60.

³¹ *Свечникова А.* Наш институт. С. 56–57.

³² Арсеньев 2016: 456.

³³ Сергеевский 1959.

³⁴ Цит. по: Сергеевский 1959.

Преподавание, которое велось на русском языке и в здании Государственной гимназии на городской площади³⁵ (в здании бывшей Женской школы находился интернат), сопровождалось строгостью: преподаватель сидел за кафедрой, а рядом с кафедрой стояла классная дама, контролирующая поведение воспитанниц. Для ответа учениц вызывали к кафедре. Они должны были отвечать громко, чтобы весь класс слышал³⁶.

В образовательный курс входило обучение русскому, немецкому, французскому, латинскому языкам, математике, географии, химии, физике, истории, философии, рисованию, пению, музыке вокальной и инструментальной, рукоделию, космографии, закону Божьему³⁷. Учебная программа всех русских средних учебных заведений, в том числе и этой гимназии, по требованию Министерства просвещения страны включала изучение сербскохорватского языка, истории и географии Югославии³⁸.

Воспитанницы сдавали устные и письменные выпускные экзамены комиссии из пяти-шести преподавателей под председательством профессора университета или директора одной из гимназий, которого присылали из Министерства просвещения страны. Учениц оценивали строго, потому частым явлением были переэкзаменовки или даже второгодничество³⁹.

Несмотря на официальное название гимназии, воспитанницам внушались традиции Смольного, они соблюдали правила и носили форму смolyнок (синие длинные пальто и синие шапочки)⁴⁰. «Все принципы, правила, обычаи и дух в основе были институтские», — вспоминала одна из учениц⁴¹.

Кроме начальницы, большую роль в сохранении традиций Смольного института сыграли классные дамы, занимавшиеся воспитанием учениц. Они проводили весь день с ученицами: сопровождали их на занятия, помогали в приготовлении домашних заданий, вместе гуляли, молились, сидели за одним столом в столовой. С классными дамами ученицы общались по-французски или по-немецки⁴².

³⁵ Арсеньев 2016: 456.

³⁶ Сергеевский 1959.

³⁷ А.И. Ф. 66. Министерство просвещения Крайевине Југославије. 1112–1450.

³⁸ Арсеньев 2016: 456.

³⁹ Арсеньев 2016: 457.

⁴⁰ Арсеньев 2016: 454, 456.

⁴¹ Свечишкова А. Наш институт. С. 56.

⁴² Арсеньев 2016: 454.

Однако в жизни гимназии не все шло гладко. Со стороны Министерства просвещения звучали различные предложения, в том числе по реорганизации этого учреждения⁴³, и даже сомнения в необходимости его существования⁴⁴. Но поскольку это были взгляды отдельных чиновников, гимназия сохранялась в соответствии с первоначальным замыслом.

Эрдели добилась своей цели — Смольный институт был действительно возрожден на чужбине, в Велика-Кикинде. Однако она хотела добиться его формального переименования. К трехлетней годовщине гимназии Наталия Корнелиевна обещала, что учебное заведение будет называться «Вторым Смольным институтом». В результате поездки в Данию в 1924 г. к бывшей покровительнице Смольного института, императрице Марии Федоровне, с которой, по некоторым сведениям, она была знакома⁴⁵, — ей удалось добиться присвоения гимназии этого названия. Однако 6 сентября 1925 г. Наталия Эрдели скончалась от сердечной недостаточности в Белграде в возрасте тридцати шести лет⁴⁶, что помешало осуществлению планов.

Первая русско-сербская девичья гимназия-интернат в Велика-Кикинде просуществовала еще шесть лет — до осени 1931 г. По финансовым причинам решением Государственной комиссии по делам русских беженцев она была упразднена. Персонал и 165 воспитанниц перевели в другие русские женские учебные заведения: в Харьковский девичий (в г. Нови-Бечей), Мариинский Донской (в г. Бела-Црква) институты, а также в Первую русско-сербскую женскую гимназию в Белграде⁴⁷. За весь период существования гимназии ее окончили свыше 160 воспитанниц⁴⁸.

Несмотря на то, что учебному заведению не присвоили названия Смольного института, цель Эрдели была достигнута: она вывела во взрослую жизнь русских девочек⁴⁹. Большинство из них продолжили учиться на медицинском, философском, юридическом или техническом факультетах в Белграде и Загребе, определенному числу

⁴³ Д. 66–1112–1450.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Незабываемые могилы 2007: 574.

⁴⁶ Миленковић 2004: 92; Арсеньев 2016: 460.

⁴⁷ Арсеньев 2016: 460–461.

⁴⁸ Миленковић 2004: 314.

⁴⁹ Свечникова А. Наш Институт. С. 58.

удалось окончить высшие учебные заведения⁵⁰. Небольшое число выпускниц осели в Югославии, но в их сердцах сохранилось завещание, которое им оставила Наталия Корнелиевна Эрдели:

Растите, дети, цените величайшее благо, даваемое вам братьями сербами, примеру коего вы не найдете во всей истории человечества и память о их великодушии передайте вашим детям в будущей, несомненно, Великой России⁵¹.

Список сокращений

АЈ — Архив Југославије, Београд

Королевство СХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев

Литература

- Арсеньев 2016 — *Арсеньев А.Б.* «Второй Смольный» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1921–1931) // Нансеновские чтения. Русская школа за рубежом. Прошлое и настоящее. Санкт-Петербург: Информационно-культурный центр «Русская эмиграция», 2016. С. 452–469.
- Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018 — *Арсеньев А.Б., Ордовский-Танаевский М.Л.* Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). Кн. 1. Белград: Архив Сербской Православной Церкви: Центр российских и восточнославянских исследований им. Мирослава Йовановича Философского факультета Белградского университета. М.: Институт славяноведения Российской академии наук, 2018. 638 с.
- Арсеньев 2011 — *Арсеньев А.* Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад: Змај; Футог: Уметничка радионица Завештање, 2011. 291 с.
- Арсеньев 2022 — *Арсеньев А.* Руска емиграција у Великој Кикинди // *Attendite*. 2022. № 18. С. 179–193.
- Божиновић 1996 — *Божиновић Н.* Женско питање у Србији у XIX и XX веку. Београд: Деведесетчетврта; Жене у црном, 1996. 282 с.
- Видосављевић 2016 — *Видосављевић С.* Почети институционалног стручног васпитања и образовања женске деце у Србији // *Зборник Матице српске за друштвене науке*. 2016. № 155/156. С. 353–361.
- Дунђерски 2005 — *Дунђерски С.* Почети школовања женске деце у Србији // *Зборник*. 2005. № 19. С. 151–165.

⁵⁰ Арсеньев 2022: 190–191.

⁵¹ Летопись. С. 16.

- Живанович 2016 — *Живанович М.* Бережно храня следы: русские эмигранты в Великой Кикинде и монахини монастыря Хопово. М.: ВСФ Урал, 2016. 226 с.
- Јовановић 1996 — *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996. 386 с.
- Јовановић 2006 — *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Чигоја, 2006. 559 с.
- Козлитин 1992 — *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 7–19.
- Миленковић 2004 — *Миленковић Т.* Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2004. 481 с.
- Николова 1997 — *Николова М.* Школовање женске младежи у Србији до 1914 // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Положај жене као мерило модернизације. Београд: Институт за новију историју Србије, 1997. С. 73–82.
- Сергеевский 1959 — *Сергеевский Б.Н.* Одна из лучших страниц истории русской эмиграции // Новое русское слово. 1959. 14 VI.
- Сибиновић, Межински, Арсењев (сост.) 1994 — Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова, књ. I–II / прир. М. Сибиновић, М. Межински, А. Арсењев. Београд: Филолошки факултет, Катедра за славистику и Центар за научни рад, 1994. 314+326 с.
- Столић 2015 — *Столић А.* Сестре Српкиње: појава покрета за еманципацију жена и феминизма у Краљевини Србији. Београд: Evoluta, 2015. 171 с.
- Ђунковић 2016 — *Ђунковић С.* Школство и просвета у Србији у XIX веку. Београд: Педагошки музеј, 2016. 231 с.
- Чумаков (сост.) 2007 — Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. / сост. В. Н. Чумаков. М.: Российская государственная библиотека, 2007. Т. 6. Кн. 3. X–Я. 704 с.

Reference

- Arsen'ev, A. B., 2016. "Vtoroi Smol'nyi" v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev (1921–1931) [The "Second Smolny" in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (1921–1931)]. In: *Nansenovskie chteniia. Russkaia shkola za rubezhom. Proshloe i nastoiashchee*. Sankt-Peterburg: Informatsionno-kul'turnyi tsentr "Russkaia emigratsiia", pp. 452–469. (in Rus.)
- Arsen'ev, A. B., Ordovskii-Tanaevskii, M. L., 2018. *Gimnaziia v litsakh. Pervoia russko-serbskaia gimnaziia v Belgrade (1920–1944)*, [Gymnasium in Faces. First Russian-Serbian Gymnasium in Belgrade (1920–1944)], 1. Belgrad: Arhiv Serbskoi Pravoslavnoi Tserkvi: Tsentr rossiiskikh i vostochno-slavianskikh issledovanii im. Miroslava Iovanovicha Filosofskogo fakul'teta

- Belgradskogo Universiteta; Moskva: Institut slavianovedeniiia Rossiiskoi akademii nauk, 638 p. (in Rus.)
- Arsenjev, A., 2011. *Samovari u ravnici. Ruska emigracija u Vojvodini* [Samovars in the plain. Russian emigration in Vojvodina]. Novi Sad: Zmaj; Futog: Umetnička radionica Zaveštanje, 291 p. (in Serb.)
- Arsenjev, A., 2022. Ruska emigracija u Velikoj Kikindi [Russian emigration in Velika Kikinda]. *Attendite*, 18, pp. 179–193. (in Serb.)
- Božinović, N., 1996. *Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku* [The woman question in Serbia in the nineteenth and twentieth centuries]. Beograd: Devedesetčetvrta; Žene u crnom, 282 p. (in Serb.)
- Chumakov, V.N., ed., 2007. *Nezabytye mogily. Rossiiskoe zarubezh'e: nekrologi 1917–2001: v 6-ti t., 6, 3. Kh–Ia* [Unforgotten Graves: Russia Abroad: Obituaries 1917–2001]. Moscow: Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, 704 p. (in Rus.)
- Ćunković, S., 2016. *Školstvo i prosveta u Srbiji u XIX veku* [Education in Serbia in the 19th century]. Beograd: Pedagoški muzej, 231 p. (in Serb.)
- Dunderski, S., 2005. Počeci školovanja ženske dece u Srbiji [Beginnings of the girls' education in Serbia]. *Zbornik*, 19, pp. 151–165. (in Serb.)
- Jovanović, M., 1996. *Doseljavanje ruskih izbeglica u Kraljevini SHS 1919–1924*. [The immigration of refugees into the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes 1919–1924]. Beograd: Stubovi kulture, 386 p. (in Serb.)
- Jovanović, M., 2006. *Ruska emigracija na Balkanu (1920–1940)* [Russian emigration in the Balkans (1920–1940)]. Beograd: Čigoja, 559 p. (in Serb.)
- Kozlitin, V.D., 1992. Rossiiskaia emigratsiia v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev (1919–1923) [Russian emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (1919–1923)]. *Slavianovedenie*, 4, pp. 7–19. (in Rus.)
- Milenković, T., 2004. *Školovanje dece emigranata iz Rusije u Jugoslaviji 1919–1941*. [Russian emigrants' children's education in Yugoslavia, 1919–1941]. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 481 p. (in Serb.)
- Nikolova, M., 1997. Školovanje ženske mladeži u Srbiji do 1914. [Girl's education in Serbia until 1914]. In: *Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. Položaj žene kao merilo modernizacije*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, pp. 73–82. (in Serb.)
- Sergeevskii, B.N., 1959. Odná iz luchshikh stranits istorii russkoi emigratsii [One of the best pages in the history of Russian emigration]. *Novoe russkoe slovo*, June, 14 (in Rus.)
- Sibinović, M., Mežinski, M., Arsenjev, A., eds, 1994. *Ruska emigracija u srpskoj kulturi XX veka: zbornik radova, knj. I–II* [Russian emigration in the Serbian culture in the 20th century: collection of papers]. Beograd: Filološki fakultet, Katedra za slavistiku i Centar za naučni rad, 314+326 p.
- Stolić, A., 2015. *Sestre Srkinje: pojava pokreta za emancipaciju žena i feminizma u Kraljevini Srbiji* [Serbian sisters: emergence of the women's emancipation

- and feminist movements in the Kingdom of Serbia]. Beograd: Evoluta, 171 p. (in Serb.)
- Vidosavljević, S., 2016. Počeci institucionalnog stručnog vaspitanja i obrazovanja ženske dece u Srbiji [The beginnings of institutional education of female children in Serbia]. *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*, 155/156, pp. 353–361.
- Zhivanovich, M., 2016. *Berezhno khrania sledy: russkie emigranty v Velikoi Kikinde i monakhini monastyria Khopovo* [Carefully guarding traces: Russian emigrants in Velika Kikinda and Hopovo convent's nuns]. Moscow: VSF Ural, 226 p. (in Rus.)

Milana Živanović

PhD, Research Associate, Institute for Recent History of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia. 11000, Trg Nikole Pašića, 11.
E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

The Founder of the “Second Smolny” in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes Nataliia Kornelievna Erdeli

Based on unpublished (archival materials) and published sources (records and memoirs), as well as literature, the article shows the efforts of Nataliia Kornelievna Erdeli, graduate of the Smolny Institute for Noble Maidens in Saint Petersburg, aimed at reviving this women’s school abroad, in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (from 1929 – Kingdom of Yugoslavia), in the town of Velika Kikinda (in northern part of Serbia). After leaving Russia in 1920, this young, talented and energetic woman realized the need to create conditions for children who were forced to leave their homeland to receive an education. And Erdeli vigorously set to work: in 1921, after receiving permission and funds from the authorities of the country to open a school, which, at the suggestion of the Ministry of Education of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, was to be called the “First Russian-Serbian Girls’ Gymnasium-Boarding School”, she founded an educational institution for girls that resembled Smolny and then became its headmistress. Despite the institution’s official name, students were inculcated with Smolny traditions, such as wearing uniforms and following the rules of this institution. In order to obtain permission to name the school “Second Smolny”, Erdeli went to Denmark in 1924 to see the Empress Maria Feodorovna, a former patroness of the Smolny Institute. Although she managed to achieve this, an unexpected death prevented the formal renaming. Erdeli died in 1925 at the age of thirty-six. Nonetheless, it was not before 1931 that the authorities closed the school. Overall, more than 160 girls graduated from it.

Keywords: education, Russian emigration, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Velika Kikinda, First Russian-Serbian Girls’ Gymnasium-Boarding School, Smolny Institute for Noble Maidens

How to cite: Živanović, M., 2023. Osnovatelj'nitsa “Vtorogo Smol'nogo” v Koroľevstve serbov, khorvatov i sloventsev Nataliia Kornelievna Erdeli. *Central-European Studies*, 6, pp. 116–128. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.5>.

Николай Николаевич Станков

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Россия, Москва. 119334, Ленинский проспект 32А. E-mail: stankovnn@mail.ru

Вера Олилова: историк и время

Основываясь на публикациях известного чешского историка, профессора Карлова университета Веры Олиловой (1926–2015), в статье рассмотрены важнейшие этапы ее научной деятельности. В 1950–1960-е годы Олилова опубликовала фундаментальную монографию «Чехословацко-советские отношения в 1918–1922 гг.» с приложением большой публикации документов и цикл статей об отношениях ЧСР с соседними странами — Германией, Австрией, Польшей и Венгрией. Несмотря на то, что они были написаны в русле марксистско-ленинской методологии, господствовавшей в то время в историографии социалистических стран, благодаря богатству архивного материала, впервые вводимого в научный оборот, многоплановости и глубине исследования, работы стали важным вкладом в изучение истории внешней политики ЧСР и международных отношений в Центральной Европе между мировыми войнами. Во время Пражской весны 1968 г. Вера Олилова с новых позиций осветила ключевые проблемы политической и дипломатической истории Чехословакии, что нашло отражение в книге «Чехословакия в нестабильной Европе», статьях и выступлениях на научных конференциях. После увольнения из Карлова университета в 1970 г. и запрета заниматься преподавательской и научной работой историк издала несколько книг по истории спорта и игр, которые принесли ей мировую известность. После «бархатной революции» Олилова вернулась в Карлов университет на преподавательскую работу и к научным исследованиям по истории межвоенной Чехословакии. В 1991 г. она была избрана председателем «Общества Эдварда Бенеша» и развернула активную научную, организационную и издательскую деятельность. Труды Веры Олиловой глубоко проникнуты верностью демократическим идеалам основателей Чехословацкой республики — Т. Г. Масарика и Э. Бенеша.

Ключевые слова: чехословацкая и чешская историография, история Чехословацкой республики, чехословацко-советские отношения, Эдвард Бенеш, история спорта и игр.

Благодарности: Автор выражает глубокую благодарность научному сотруднику Института Т. Г. Масарика — Архива Академии наук Чешской Республики Анежке Котоучовой за предоставленную литературу, отсутствующую в российских библиотеках.

Цитирование: Станков Н.Н. Вера Оливова: историк и время // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 129–160. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.6>.

В чехословацкой и чешской историографии второй половины XX — начала XXI в. профессору Карлова университета Вере Оливовой (1926–2015) принадлежит особое место. Ее научное наследие уникально как по объему, так и по содержанию: монографии и статьи по социальной и политической истории Чехословацкой Республики (ЧСР), о ее внешней политике и о международных отношениях в Центральной Европе, по истории спорта и игр, многочисленные документальные публикации, к которым неоднократно обращались историки разных стран¹. В предлагаемой статье не ставится задача изучить научное наследие В. Оливовой целиком, а лишь предпринимается попытка рассмотреть важнейшие этапы ее научной деятельности.

Наша героиня родилась 13 ноября 1926 г. в Праге в семье почтового служащего Ладислава Павы (1889–1959). Вера получила прекрасное образование. После окончания начальной школы на Вышеградской площади в 1937 г. она поступила в престижную классическую гимназию на Жижкове, где под влиянием преподавательницы Марии Янаковой у девочки и проявился особый интерес к истории².

Формирование Веры как личности выпало на последние годы Чехословацкой Республики, Мюнхенский диктат и период немецкой оккупации. Она не понаслышке знала, что такое демократия Первой республики и нацистский режим, что собой представляла политика германизации в сфере культуры и образования в протекторате Богемия и Моравия. Гимназия на Жижкове в то время была одним из центров чешской культуры. Гимназисты изучали классические языки и античную историю, чешскую и всемирную литературу, устраивали театральные постановки, литературные беседы, посещали выставки и концерты. В гимназии имела хождение и запрещенная германскими властями литература. И преподаватели, и их ученики надеялись, что немецкая оккупация продлится недолго. Экзамены на аттестат зрелости Вера Павова сдавала в сентябре победного 1945 г., а в октябре

¹ См., например: Марьина 2013; Станков 2007; Campbell 1975; Dejmek 2002; Dejmek 2006; Dejmek 2008; Voráček, Hubený, Litera 2019.

² Tomeš 2006: 11–12.

поступила в Карлов университет, где изучала историю и географию, а также посещала лекции по истории искусства.

Среди ее новых знакомых были участники антифашистского сопротивления, узники концлагерей. Вера принадлежала к кругу молодых интеллектуалов, которые с симпатией относились к коммунистическим идеям, верили в возможность построения нового общества на основе социальной справедливости. 8 октября 1947 г. она вступила в Коммунистическую партию Чехословакии (КПЧ). Правда, в февральских событиях 1948 г., когда КПЧ развернула активную борьбу за власть, она не участвовала. 25 февраля ей предстояло сдавать государственный экзамен по географии, и все дни, когда коммунисты выводили на улицы тысячи людей и Прага бурлила, Вера провела за чтением книг, готовясь к экзамену. В 1949 г. в личной жизни Веры произошло важное событие: 23 июня она вышла замуж за Павла Оливу (1923–2021), в будущем выдающегося ученого, специалиста по античной истории и литературе³.

Завершала учебу в Карловом университете Вера Оливова уже в другой Чехословакии: 9 мая 1948 г. была принята новая конституция, после отставки с поста президента Эдварда Бенеша (1884–1948) 14 июня президентом стал председатель КПЧ Клемент Готвальд (1896–1953), коммунисты заняли руководящие посты во всех государственных структурах страны. Новая власть не замедлила проявить свое истинное лицо: досрочно на пенсию был отправлен отец Веры как сторонник Чехословацкой национально-социалистической партии (ЧНСП), начались «чистки» профессорско-преподавательского состава университета. В ноябре 1949 г. Оливова сдала государственные экзамены по истории и географии, а в марте 1951 г. получила степень доктора философии⁴.

Ее трудовая жизнь началась с работы в Политическом архиве канцелярии президента республики в 1950 г. и продолжалась немногим более года. Причиной увольнения явился протест Веры против тайной перлюстрации личного архива Бенеша, который был передан на хранение в Политический архив и по завещанию Бенеша в течение 50 лет должен был быть недоступен⁵.

³ Tomeš 2006: 12–13

⁴ Tomeš 2006: 13.

⁵ См.: *Olivová V.* Manipulace s dějinami První republiky. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2001. S. 17; Tomeš 2006: 14.

История внешней политики Первой республики в коммунистической Чехословакии

С сентября 1951 г. Оливова работала в Высшей школе политических и экономических наук, а с 1953 г. — на кафедре истории философского факультета Карлова университета⁶. Она активно занималась исследовательской работой. Ее первые статьи были посвящены социальным и политическим проблемам ЧСР. Широкую известность ей принесла опубликованная в 1957 г. фундаментальная монография «Чехословацко-советские отношения в 1918–1922 гг.»⁷, с приложением большой публикации документов из чехословацких архивов, составившим отдельную часть (109 документов)⁸. Монография основывалась на материалах всех доступных в то время чехословацких архивов: Архива канцелярии президента республики, Архива Министерства иностранных дел, Центрального военного архива, Архива Военного исторического института, Архива президиума Министерства внутренних дел, Архива Национального собрания ЧСР, Государственного центрального архива, Архива Института истории КПЧ и Архива Карлова университета. Не использовались документы только Архива президиума Совета министров ЧСР, который в то время был не систематизирован и недоступен для исследователей. Широко привлекались мемуарная литература, пресса, публицистика, пропагандистские материалы: листовки, прокламации и др.⁹

Книга Веры Олиовой отличалась глубиной и многоплановостью исследования, но при всем этом на работе автора не могла не сказаться ситуация, сложившаяся в 1950-х годах как в политической жизни Чехословакии в целом, так и в исторической науке в частности. В конце 1940-х — первой половине 1950-х годов в стране прокатились массовые репрессии, сопровождавшиеся соответствующей идеологической обработкой. В тогдашней Чехословакии, входившей в сферу советского влияния, не допускалась никакая-либо критика в адрес СССР и правящей Коммунистической партии Чехословакии

⁶ Tomeš 2006: 14.

⁷ *Olivová V. Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922*. Praha: Naše vojsko, 1957. Sv. 1. S. 7–423.

⁸ *Ibid.* Sv. 2. S. 425–585.

⁹ Подробнее см.: *Olivová V. Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922*. Sv. 1. S. 11–21.

(КПЧ). При анализе исторических событий исследователи должны были исходить из классового подхода и основываться только на марксистско-ленинской методологии. В то же время по заданию КПЧ историки обязаны были бороться против так называемых фальсификаторов истории, разоблачать «антинародную», «антинациональную» и «антисоветскую» деятельность «руководителей чешской реакционной буржуазии» — первого президента ЧСР Томаша Гаррига Масарика (1850–1937) и его верного соратника, многолетнего министра иностранных дел, а с 1935 г. преемника на посту президента Эдварда Бенеша, доказывать, что их «политика, направленная на подчинение интересов страны иностранному капиталу, на подавление рабочего движения внутри страны», в конечном счете привела к краху доминирующей Чехословакии, к утрате государственной и национальной независимости. Буржуазная историческая наука обвинялась в том, что она игнорировала роль народных масс в историческом процессе. «Предательской политике буржуазии» следовало противопоставлять деятельность КПЧ, выражавшей интересы народных масс¹⁰.

Монография В. Оливова охватывала период с образования ЧСР в 1918 г. до подписания советско-чехословацкого временного договора в июне 1922 г. Чехословацко-советские отношения автор рассмотрела на фоне международных событий того времени и в тесной связи с развитием внутривластной борьбы (прежде всего революционного движения) в самой Чехословакии. Оливова стремилась проследить, во-первых, как в указанный период изменялась официальная политика чехословацкого правительства к Советской России, и, во-вторых, каким было «отношение народных масс к стране Советов»¹¹.

Вера Оливова подчеркнула, что отношение чехословацкого правительства к Советской России в значительной степени зависело от великих держав, от международного решения «русского вопроса», что, конечно, не исключало и специфических намерений и целей правящих кругов ЧСР. Она отметила, что чехословацкие власти принимали участие в подготовке и проведении антисоветской интервенции, тем самым стремясь укрепить весьма шаткое международное

¹⁰ Например, см.: *Dokumenty o protilidové a protinárodní politice T. G. Masaryka*. Praha: Orbis, 1953; *Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика* / пер. с чеш. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954; Kral 1953.

¹¹ *Olivová V. Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922. Sv. 1. S. 7.*

положение молодого чехословацкого государства¹². Участие ЧСР, по мнению автора, проявилось в формировании особых военных отрядов из русских военнопленных, которые умышленно удерживались на территории Чехословакии, в транспортировке военных материалов через ее территорию в Польшу и в прямых поставках вооружения польской армии в 1919 г., в поддержке генерала Антона Ивановича Деникина (1872–1947), в действиях чехословацких легионов, боровшихся против Красной армии¹³. В то же время В. Оливова пришла к выводу, что Масарик и Бенеш не спешили с одобрением прямого вмешательства чехословацких легионов во внутренние дела России, в отличие от Карела Крамаржа (1860–1937), открыто поддерживавшего интервенцию и надеявшегося на восстановление царской России¹⁴.

Поражение политики интервенции, подчеркнула автор, сопровождалось сменой политического курса чехословацкого правительства в отношении Советской России. Поворот во внешней политике Праги произошел в 1920 г. в связи с изменениями в международных отношениях и массовыми выступлениями рабочих в ЧСР. Во время переговоров об обмене военнопленными представители Советской России и ЧСР договорились об обмене репатриационными миссиями¹⁵.

Несмотря на враждебное отношение чехословацкого правительства к советской власти, оно вынуждено было считаться с развитием событий на польско-советском фронте летом 1920 г., наступлением Красной армии, приближавшейся к границам Чехословакии, и быстро нараставшим революционным подъемом в стране. С отступлением Красной армии от Варшавы и поражением революционного движения в ЧСР вновь усилилась антисоветская политика Праги, проявление которой Оливова видела в нагнетании военного психоза, поддержке русской эмиграции, активизации деятельности чехословацкой разведки на территории Советской России и в соседних государствах, причастности к подготовке Кронштадтского мятежа в марте 1921 г.¹⁶

¹² *Olivova V. Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922. Sv. 1. S. 57–58, 76–77.*

¹³ Подробнее см.: *Ibid. S. 67–73, 80–109.*

¹⁴ *Ibid. S. 78, 90–91, 105–106, 111–112.*

¹⁵ *Ibid. S. 173–181.*

¹⁶ *Ibid. S. 304–315.*

После поражения Кронштадтского восстания и подписания в марте 1921 г. англо-советского торгового договора, под давлением промышленных кругов, заинтересованных в экономическом сотрудничестве с Советской Россией, чехословацкое правительство возобновило переговоры с советским правительством и летом 1921 г. состоялся обмен торговыми делегациями, что способствовало развитию экономических связей¹⁷. Чехословакия оказала помощь голодающим в Советской России, которую историк расценила также и как часть экономической интервенции¹⁸. Она отметила, что с осени 1921 г. Прага уделяла большое внимание планам экономической интервенции в расчете, что это будет способствовать внутривнутриполитическим переменам в Советской России¹⁹.

Значительное внимание Оливова уделила чехословацко-советским отношениям накануне и во время Генуэзской конференции, подчеркивая, что после подписания советско-германского Рапалльского договора 16 апреля 1922 г. Чехословакия, опасаясь остаться в изоляции вместе с ослабленной Францией, вынуждена была *de facto* признать советское правительство и 5 июня подписала с ним временный договор²⁰.

Параллельно с анализом официальной политики Праги историк стремилась показать отношение «народных масс» к советскому государству. Автор подробно рассмотрела влияние революции 1917 г. на подъем национально-освободительного движения в чешских и словацких землях²¹. В монографии уделено значительное внимание развитию революционного движения во всех регионах Чехословакии в 1918–1922 гг., борьбе левых социал-демократов и им сочувствовавших против интервенции, в защиту Советской России²². Автор отметила пик активности левых сил летом 1920 г. С продвижением Красной армии в центр Польши и с приближением к границам Чехословакии ожидалось революционные выступления и в самой республике. Повсюду проходили многотысячные манифестации в поддержку Советской России, что оказало влияние на политику

¹⁷ Oľivová V. Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922. Sv. 1. S. 315–325.

¹⁸ Ibid. S. 327–358.

¹⁹ Ibid. S. 369–375.

²⁰ Ibid. S. 366–394.

²¹ Ibid. S. 28–40.

²² Ibid. S. 113–145, 155–160.

чехословацкого правительства, заявившего 9 августа 1920 г. о нейтралитете в польско-советской войне²³.

Отступление Красной армии от Варшавы, как утверждала Оливова, послужило «чехословацкой буржуазии сигналом для начала атаки на революционный пролетариат», которая завершилась поражением левых социал-демократов в декабре 1920 г. Историк заметила, что в ходе этой борьбы Советская Россия и ее миссия Красного Креста в Праге подвергались постоянным нападениям. Активное участие в критике советского правительства принимали не только буржуазные, но и социалистические партии (чехословацкие национальные социалисты и правые социал-демократы) и даже лично президент ЧСР Т. Г. Масарик²⁴. Но, по мнению Оливовой, революционные связи чехословацкого пролетариата с Советской Россией после драматических событий в декабре 1920 г. стали еще более тесными. На новом этапе решающую роль в их укреплении сыграла созданная в 1921 г. КПЧ. Хотя в 1921–1922 гг. не было таких многочисленных и массовых манифестаций в поддержку Советской России, как летом 1920 г., но помощь стране Советов обрела новые формы: помощь голодающим в 1921 г., активное участие в международном рабочем займе для реконструкции советского хозяйства, выступления депутатов-коммунистов в Национальном собрании ЧСР и коммунистической печати за установление дипломатических отношений между двумя странами, в защиту предложений советской делегации во время Генуэзской конференции²⁵. После заключения временного договора КПЧ развернула борьбу за признание Советской России *de jure*²⁶. С подписанием договора чехословацко-советские отношения стали более интенсивными. Они не ограничивались только политическими и экономическими сферами, стали расширяться культурные, научные, спортивные связи. Историк видела большое значение чехословацко-советского договора в том, что с его подписанием общественные связи распространились на широкие круги населения, прежде всего на интеллигенцию и средние слои²⁷.

²³ Oľivova V. Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922. Sv. 1. S. 242–257.

²⁴ Ibid. S. 262–303.

²⁵ Ibid. S. 358–365, 384–385, 408–409.

²⁶ Ibid. S. 393–394.

²⁷ Ibid. S. 403–410, 422–423.

Монография Веры Олировой стала важной вехой в исследовании начального этапа чехословацко-советских отношений, несмотря на то что ряд ее положений и выводов остались данью времени. Большую ценность вплоть до настоящего времени представляет вторая часть книги, которая содержит документальные приложения.

Основываясь на архивных материалах, В. Оливова в конце 1950–1960-е годы опубликовала статьи о политике Праги во время польско-советской войны 1920 г.²⁸, о противостоянии ЧСР попыткам восстановления власти династии Габсбургов в Венгрии в 1921 г.²⁹, о чехословацко-австрийских отношениях в 1919–1921 гг.³⁰, о советско-чехословацком договоре 1935 г.³¹ Все большее место в ее исследованиях стали занимать чехословацко-германские отношения в межвоенный период. По этой теме В. Оливова готовила большую монографию, которая в то время не вышла, но были опубликованы ее статьи о чехословацкой дипломатии во время Рурского кризиса 1923 г.³², о последствиях для ЧСР Локарнской политики министра иностранных дел Германии Густава Штретземана (1878–1929)³³. В 1963 г. в сборнике Института славяноведения АН СССР «Славяно-германские исследования» вышла ее статья в соавторстве с Робертом Квачеком «Политика германского империализма по отношению к Чехословакии в 1918–1938 гг.»³⁴. По мнению авторов, в указанный период германо-чехословацкие отношения определяли следующие обстоятельства: во-первых, поскольку Чехословакия и другие государства-преемники возникли

²⁸ *Olivová V.* Polityka Czechosłowacji wobec Polski podczas wojny polsko-radzieckiej 1920 roku // *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1967. T. 2. S. 206–226.

²⁹ *Olivová V.* Československá zahraniční politika a pokus o restauraci Habsburků v roce 1921 // *Československý časopis historický*. 1959. № 4. S. 675–698.

³⁰ *Olivová V.* K historii československo-rakouské smlouvy z roku 1921 // *Československý časopis historický*. 1961. № 2. S. 188–219.

³¹ *Olivová V.* Československo-sovětská smlouva z r. 1935 // *Československý časopis historický*. 1965. № 4. S. 477–500.

³² *Olivová V.* Československá diplomacie v době rurské krise roku 1923 // *Československý časopis historický*. 1958. № 1. S. 59–70.

³³ *Olivová V.* Stresemannova lokarnská politika a její vliv na Československo // *Sborník příspěvků k německé otázce*. Praha, 1963. S. 7–18.

³⁴ *Квачек Р., Оливова В.* Политика германского империализма по отношению к Чехословакии в 1918–1938 гг. // *Славяно-германские исследования*. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 102–129.

на территориях, находившихся до Первой мировой войны «в сфере экспансии Германии, то, естественно, с самого начала против них были направлены агрессивные планы разбитого, но не уничтоженного германского империализма»; во-вторых, возможность осуществления Германией реванша облегчала буржуазия самих государств-преемников, которая всеми средствами подавляла революционное движение и «ослабляла тем самым пролетариат — главную силу, на которую она могла бы опереться в борьбе с экспансией германского империализма». В германо-чехословацких отношениях межвоенного периода В. Оливова и Р. Квачек выделили три этапа. «Первый этап ознаменовался революционным кризисом, который достиг своей наивысшей точки в 1920 г. и пошел на убыль в 1921–1923 гг.». По мнению авторов статьи, после Первой мировой войны главной задачей ослабленного германского империализма было сохранение своего существования, в чем ему помогала Социал-демократическая партия Германии, которая сдерживала развитие революционного движения. После того как в Германии и ряде других стран в 1923 г. пролетариат — главная сила, препятствовавшая укреплению германского империализма — был разбит, начался второй этап, когда «наметилось экономическое и политическое оживление германского империализма, которое само по себе означало потенциальную угрозу и ослабление позиции Чехословакии». Третий этап, начавшийся с приходом к власти в Германии нацистов в 1933 г., характеризовался авторами как «наступление германского империализма, переходом его к открытой агрессии, которая привела к захвату Чехословакии и ко Второй мировой войне»³⁵.

В 1960 г. Вера Оливова вместе со своим мужем Павлом Оливой опубликовала книгу «Спартак», которая состояла из двух частей. Первую часть «Восстание Спартака» написал Павел, а вторую часть «Спартаківська традиція» — Вера. Она показала, что восстание римских рабов под предводительством Спартака стало символом для многих поколений борцов против угнетателей, за свободу, независимость и человеческое достоинство, в частности, для германского Союза «Спартак». Спартаківські традиції знайшли втілення в фізкультурному русі — в організації спартакіад. Перша спартакіада відбулася в 1921 г. в Чехословаччині за ініціативи

³⁵ Квачек Р., Оливова В. Политика германского империализма по отношению к Чехословакии в 1918–1938 гг. С. 12.

председателя Федерации рабочих физкультурных обществ Иржи Халупецкого (1890–1922). Образ Спартака вдохновлял многих историков, поэтов, писателей, драматургов, художников, деятелей театрального искусства. Оливова отметила сочинения советских и зарубежных историков, роман Рафаэлло Джованьоли (1838–1915), произведения чешских поэтов Йозефа Вацлава Фрича (1829–1890), Ярослава Врхлицкого (1853–1912), Йозефа Сватоплука Махара (1864–1942), Станислава Костки Неймана (1875–1947), советский балет Арама Хачатуряна (1903–1978) и др.³⁶

Пражская весна — осмысление политического наследия Масарика — «Чехословакия в нестабильной Европе»

Во время Пражской весны Вера Оливова предприняла попытку с новых позиций осветить ключевые проблемы истории межвоенной Чехословакии. В 1968 г. на международной конференции, посвященной 50-летию образования ЧСР, она выступила с докладом «Чехословацкая демократия в межвоенный период», опубликовала цикл статей и эссе о демократии в Первой республике, в том числе и в центральных органах КПЧ: журнале *Nová Mysl* («Новая мысль») и в газете *Rudé právo* («Красное право»). Ее статья «Т. Г. Масарик и наша послеянварская действительность³⁷» была опубликована в *Rudé právo* 21 августа 1968 г., в день вступления войск Варшавского договора в Чехословакию. В. Оливова отметила, что в условиях демократизации дело Масарика «приобретает особую актуальность и привлекательность», и не следует его ни подвергать пренебрежительным нападкам, ни обходить молчанием. В статье она познакомила читателей с концепцией демократии Масарика и воплощением ее в жизнь в Чехословацкой республике³⁸.

В журнале *Nová Mysl* (в № 9–10 — последнем номере перед закрытием журнала) вышла статья В. Оливова «Союзническая система Чехословакии между двумя войнами», в которой с новых позиций

³⁶ Подробнее см.: *Oliva P., Olivová V. Spartakus. Povstání Spartakovo a spartakovská tradice. Praha: Sportovní a turistické nakladatelství, 1960. S. 117–208.*

³⁷ 3–5 января 1968 г. состоялся пленум ЦК КПЧ, на котором первым секретарем ЦК был избран Александр Дубчек и принято решение подготовить «Программу действий КПЧ». Начало Пражской весны. (См: Марьина (ред.) 2005: 165–169).

³⁸ *Rudé právo. 1968. 21 VIII.*

рассматривалась внешняя политика Бенеша. Автор считала ошибочными доминировавшие до того времени в чехословацкой коммунистической историографии утверждения о причинах поражения ЧСР осенью 1938 г. По ее мнению, в то кризисное время в регионе Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы внешняя политика Чехословакии была самой «последовательной, принципиальной и концептуальной». В. Оливова стремилась доказать, что с первого и до последнего дня существования Первой республики Бенеш последовательно проводил курс на сохранение Версальской системы, на сотрудничество в Лиге Наций, на расширение союзнических связей и создание системы коллективной безопасности. Причину же поражения, по мнению автора, следовало искать не в ошибках Бенеша, а гораздо глубже: все государства Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в большей или меньшей степени и в той или иной форме в конечном счете стали жертвами великодержавной политики Германии, восстановившей свою довоенную гегемонию в регионе. Историк поставила вопрос о ничтожных возможностях выживания малых государств, о их неспособности в одиночку противостоять грубому вмешательству и агрессии, и считала, что единственным условием их независимости и свободы является стабильность и мир в Европе и во всем мире³⁹. Статья приобрела особую остроту в связи с введением войск стран-участниц Варшавского Договора в ЧССР.

Широкий общественный резонанс вызвала книга В. Олиовой «Чехословакия в нестабильной Европе». Книга отличалась новизной, смелой переоценкой прежних установок чехословацкой коммунистической историографии. Автор значительное внимание уделила деятельности Масарика во время Первой мировой войны, отметила его ведущую роль в организации заграничного сопротивления и в создании чехословацкого государства⁴⁰. Вместе с тем В. Олиова отметила и значение революции 1917 г. в России, оказавшей большое влияние на подъем рабочего движения, обострение борьбы против Габсбургов в чешских и словацких землях⁴¹.

Рассматривая вопрос об участии чехословацких легионов в антисоветской интервенции, В. Олиова подчеркнула, что отношение

³⁹ См.: *Olivová V. Československý spojenecký systém mezi dvěma válkami // Nová mysl. 1968. № 9–10. S. 1226–1233.*

⁴⁰ *Olivová V. Československo v rozrušené Evropě. Praha: Melantrich, 1968. S. 23–29.*

⁴¹ *Ibid. S. 42–45.*

Чехословацкого национального совета (ЧСНС) к планам Антанты использовать чехословацкий корпус в России было неоднозначным⁴². Председатель ЧСНС Масарик выступил за нейтралитет, невмешательство легионов во внутренние российские дела и вывод их во Францию⁴³. Его заместитель — Милан Растислав Штефаник (1880–1919) — вначале склонялся к принятию планов Антанты, но впоследствии его мнение несколько раз менялось. Генеральный секретарь ЧСНС Бенеш, трезво оценивая сложившуюся ситуацию, в которой легионы стали предметом игры великих держав, был не против использовать их для укрепления положения ЧСНС в глазах Антанты. Но в то же время он понимал, что в случае поражения легионов в России ЧСНС лишится опоры, и поэтому действовал чрезвычайно осмотрительно⁴⁴. В. Оливова напомнила, что окончательное решение об участии легионов в антисоветской интервенции было принято Высшим военным советом Антанты 2 мая 1918 г. без участия ЧСНС⁴⁵.

Рассматривая процесс создания Чехословацкой республики в 1918 г., проекты ее государственного устройства, исходившие от различных политических группировок, В. Оливова подчеркнула, что «наиболее конкретной, наиболее основательной, наиболее завершенной политической программой» была программа президента Масарика. Она предусматривала создание демократической республики по образцу западноевропейских государств и США. Именно в рамках демократической республики Масарик рассчитывал решить все национальные и социальные проблемы, добиться гармонизации общества⁴⁶.

При осуществлении своей программы, как отметила В. Оливова, Масарик опирался на так называемую группировку Град, которая объединяла демократическую интеллигенцию независимо от национальной принадлежности и рода занятий, и на ряд политических партий, прежде всего на Чехословацкую национально-социалистическую партию (ЧНСП) и Чехословацкую социал-демократическую рабочую партию (ЧСДРП). Кроме того, он поддерживал связи

⁴² *Olivová V. Československo v rozrušené Evropě. S. 55.*

⁴³ *Ibid. S. 38, 56, 76.*

⁴⁴ *Ibid. S. 54–56.*

⁴⁵ *Ibid. S. 57.*

⁴⁶ *Ibid. S. 102.*

с политиками демократической ориентации почти во всех чешских, словацких и немецких партиях⁴⁷.

Масарик строил планы создания новой, демократической Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Они нашли отражение в его книге «Новая Европа». «Но, — по мнению Оливовой, — эти планы Масарика слишком опережали события октябрьских дней 1918 г.»⁴⁸.

С первых дней существования ЧСР столкнулась с множеством внутренних и внешних угроз. Серьезную опасность для молодого государства представляли немецкий и словацкий сепаратизм, коммунистическое движение, охватившее всю Центральную Европу. Чтобы сохранить республику, чехословацкое руководство вынуждено было одновременно противостоять и всем разновидностям национализма, включая чешский (К. Крамарж), и леворадикальному движению⁴⁹.

Как написала Вера Оливова, Прага с большой тревогой следила за ростом монархических и праворадикальных движений в соседних странах. ЧСР всячески пыталась противостоять ревизионистским устремлениям хортистской Венгрии, вместе со своими союзниками по Малой Антанте — Румынией и Королевством сербов, хорватов и словенцев — она выступила против попыток реставрации власти Габсбургов в Венгрии в 1921 г.⁵⁰

В монографии рассматривались деятельность Немецкой национал-социалистической рабочей партии в Чехословакии, ее связи с нацистами в Германии, влияние идей итальянского фашизма на правое крыло Глинковской словацкой народной партии, зарождение чешского фашизма, изменения во внутренней и внешней политике Германии с середины 1920-х годов⁵¹. Большое внимание В. Оливова уделила последствиям мирового экономического кризиса, переменам во внешней политике Германии после прихода к власти Адольфа Гитлера (1889–1945) в 1933 г., их влиянию на внутривластическое и международное положение Чехословакии, приведшим в конечном итоге к Мюнхенскому диктату и расчленению страны.

⁴⁷ *Olivová V. Československo v rozrušené Evropě.* S. 102–103.

⁴⁸ *Ibid.* S. 80–81.

⁴⁹ *См.: Ibid.* S. 99–126.

⁵⁰ *Ibid.* S. 135–136.

⁵¹ *См.: Ibid.* S. 137–143, 148–154.

Новаторский подход автора к освещению многих проблем политической истории Чехословакии в контексте международных отношений, прекрасный стиль, динамичность повествования, привлекли к книге большое внимание и в стране, и за рубежом. В 1972 г. она вышла на английском языке в Лондоне и Монреале.

Сама же Оливова в то время переживала наиболее драматический период своей жизни. В 1970 г. она была исключена из КПЧ и уволена из Карлова университета, из издательских планов была изъята ее монография о германо-чехословацких отношениях. В период «нормализации» ей было запрещено заниматься преподавательской и научной работой.

«Нормализация» — опала — история спорта и игр

Призошедшие потрясения тяжело сказались на здоровье Веры Оливовай. Только после лечения в психиатрической клинике она смогла вернуться к работе. В 1972 г. друзья помогли ей устроиться на техническую должность специалиста на кафедре этнографии философского факультета Карлова университета. Историк нашла в себе силы, чтобы приступить к научной работе, и стала заниматься «неполитической» темой — историей спорта и игр, где ей пригодилось знание древних языков, античной и средневековой истории и культуры. Применяя методы культурной антропологии, основываясь на анализе письменных и археологических источников, памятников искусства, она стремилась показать исторические истоки современного спорта, проследить главные тенденции его развития, начиная с древнейших цивилизаций Месопотамии и Египта к античности, затем через эпоху Средневековья и Возрождения к концу XIX в. Физическую культуру и игры она рассматривала как часть образа жизни людей. Оливова отметила важное значение в развитии физического воспитания и зарождении современного спорта педагогических воззрений Яна Амоса Коменского (1592–1670), Джона Локка (1632–1704), Жан Жака Руссо (1712–1778), Иоганна Генриха Песталоцци (1746–1826), Иоганна Кристофа Фридриха Гутс-Мутса (1759–1939), Герхарда Ульриха Антона Фита (1763–1836), Франца Нахтегаля (1777–1847), Пера Хенрика Линга (1776–1839) и др. Фундаментальную книгу «Люди и игры. У истоков современного спорта» Оливова завершила описанием деятельности Пьера

де Кубертена (1863–1937), организацией им первых современных Олимпийских игр в Афинах в 1896 г., которые, по ее мнению, «ознаменовали новый рубеж в развитии физической культуры»⁵² и «стали мощным импульсом для развития современного спорта как в отдельных странах, так и в мировом масштабе»⁵³. По убеждению автора, «Олимпийские игры стали своеобразной формой укрепления единства мира»⁵⁴. В сокращенном виде книга «Люди и игры. У истоков современного спорта» в 1985 г. была опубликована на русском языке в СССР⁵⁵.

Новая книга Веры Оливовой «Спорт и игры в древнем мире» вначале вышла на английском языке в Лондоне и Нью-Йорке в 1984–1986 гг., на немецком — в Мюнхене в 1984 г., на японском — в Токио 1985 г. и только в 1988 г. на чешском в Праге и на словацком в Мартине⁵⁶. Книга была красочно оформлена. Научный текст сопровождался цветными фотографиями сохранившихся памятников искусства из 17 музеев мира: Британского музея, Лувра, Национальной библиотеки в Париже, Немецкого археологического института в Афинах, Метрополитен-музея в Нью-Йорке, Музея истории искусства в Вене, Национального музея в Копенгагене, Бостонского музея искусства, Восточного института в Чикаго, Археологического музея в Барселоне и др.⁵⁷ Книги по истории спорта принесли Вере Оливовой мировую известность.

В демократической Чехии

После «бархатной» революции 1989 г. В. Оливова вернулась на преподавательскую работу, 15 июня 1990 г. стала профессором кафедры истории Чехословакии философского факультета Карлова университета. Она погрузилась в преподавательскую, научную, издательскую деятельность. В центре ее внимания вновь находилась история межвоенной Чехословакии.

⁵² *Olivová V. Lidé a hry: Historická geneze sportu. Praha: Olympia, 1979. S. 545.*

⁵³ *Ibid. S. 547.*

⁵⁴ *Ibid.*

⁵⁵ *Оливова В. Люди и игры. У истоков современного спорта / пер. с чеш. М.: Физкультура и спорт, 1985.*

⁵⁶ *Tomeš 2006: 16.*

⁵⁷ *Olivová V. Sport a hry ve starověkém světě. Praha: Artia, 1988.*

Вера Оливова считала, что история ЧСР со всеми ее положительными и отрицательными событиями — составная часть новой чешской политической реальности. Знание истории, по ее мнению, способствует укреплению национальной идентичности, что является важным стабилизирующим политическим фактором⁵⁸.

В небольшой статье «Историческая память» и в историографической работе «Манипуляция историей Первой республики» Оливова писала о драме чешского народа в XX в., который после двадцатилетнего самостоятельного существования оказался в составе Третьего рейха, а с 1948 г. — в сфере советского влияния, и лишь в 1989 г. вновь обрел свободу. Зависимое положение от Германии, а затем от Советского Союза имело негативные последствия не только для экономического, социального и культурного развития Чехословакии, но и привело «к искажению исторической памяти ее граждан». Государства, от которых зависела Чехословакия, интерпретировали ее историю в соответствии со своими политическими интересами и идеологическими постулатами. В работе «Манипуляция историей Первой республики» Оливова на конкретных примерах показала пути и методы искажения межвоенной истории Чехословакии в годы немецкой оккупации (1939–1945), а затем в так называемую Русскую эру в 1948–1989 гг.⁵⁹ В результате, манипулирование историей на протяжении длительного времени привело к нарушению «исторического сознания чешского общества и тем самым ослабило осознание чешской национальной идентичности». В условиях свободы, обретенной благодаря «бархатной» революции, она считала небезопасным образовавшийся «идейный вакуум, который ослаблял внутреннюю стабильность нового чешского государства»⁶⁰. Появились работы, в которых выражались сомнения в целесообразности раскола Австро-Венгрии и создании самостоятельного чехословацкого государства в 1918 г., деятельность Масарика и Бенеша подвергалась критике как со стороны консервативных, так и ультралиберальных авторов⁶¹.

⁵⁸ *Olivová V.* Manipulace s dějinami První republiky. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2001. S. 5.

⁵⁹ См.: *Ibid.* S. 5–23.

⁶⁰ *Olivová V.* Historická pamět // Edvard Beneš. Odsun Němců. Výbor z paměti a projevů doplněný edičními přílohami / K vydání připravila V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1995. S. 9–10.

⁶¹ См.: *Olivová V.* Manipulace s dějinami První republiky. S. 24–34.

Острая полемика развернулась вокруг так называемых декретов Бенеша, создавших правовую базу для выселения немцев из Чехословакии после Второй мировой войны и лишения их собственности.

В этих условиях задачей первостепенной важности стало не только объективное изучение чешской истории, но и воспитание в духе демократии и свободы школьников и студентов, ознакомление с демократическими традициями Первой республики самых широких слоев населения. В 1990-е годы Оливова написала ряд учебников для школ разных уровней, в том числе и курс лекций для высшей школы «Чехословацкая республика 1919–1939» (1991, 1993)⁶². В 2000 г. вышла в свет ее монография «История Первой республики», в основу которой была положена книга «Чехословакия в нестабильной Европе» (1968). Однако нельзя утверждать, что «История Первой республики» лишь расширенный вариант прежней книги. Новая работа отличалась большей широтой исследуемых проблем и глубиной анализа. В новых условиях в жизни общества и в исторической науке, доступности соответствующих материалов и документов, с учетом новейших исследований появилась возможность освещать многие «неудобные» проблемы, которые в социалистической Чехословакии замалчивались. В частности, на страницах книги получили объективное освещение деятельность КПЧ и внешняя политика СССР. Перечень угроз, нависавших над Чехословакией все межвоенные годы, был дополнен опасностями, исходившими от РКП(б)/ВКП(б), Коминтерна, вынашивавших планы мировой революции, поддерживавших коммунистическое движение во всех европейских странах, в том числе и в Чехословакии, и представлявших серьезную угрозу для ее демократического строя и целостности самого государства⁶³. Оливова отметила негативное влияние на развитие чехословацко-советских отношений репрессий и политических процессов в СССР⁶⁴.

В центре внимания автора — политическая история страны, последовательное раскрытие деятельности всех правительств, их внутренней и внешней политики, взаимодействие различных факторов, влиявших на ее развитие. Оливовай удалось показать все трудности существования Первой республики в условиях политической

⁶² Tomeš 2006: 16.

⁶³ См.: *Olivová V. Dějiny První republiky*. Praha: Karolinum, 2000. S. 94–95, 107–113, 121–122, 126–127, 154–156, 166–169, 184.

⁶⁴ *Ibid.* S. 213–214, 228, 240.

нестабильности в межвоенной Европе, в которой, несмотря ни на что, власти Чехословакии в течение двадцати лет сохраняли и защищали целостность государства и демократическую форму правления.

Значительное внимание в монографии уделено деятельности чехословацких властей в условиях нарастания угрозы со стороны нацистской Германии во второй половине 1930-х годов. Детально рассматривая различные аспекты кризиса 1938 г., автор стремилась показать, что президент Бенеш использовал все возможности для сохранения целостности и независимости страны, для сохранения мира в Европе⁶⁵. По мнению историка, в условиях все более нарастающего давления нацистской Германии и взявших курс на ее умиротворение западных держав, Чехословакия оказалась в международной изоляции и была неспособна оказать вооруженное сопротивление Германии, что могло бы привести к уничтожению страны и ее народа. Но поскольку Мюнхенский договор, как считал Бенеш, был подписан «без нас и против нас», то это дало ему весомый довод в борьбе за возрождение Чехословакии. Аргументация Бенеша основывалась на принципе континуитета, что чехословацкое государство никогда не переставало существовать в своих домюнхенских границах⁶⁶.

Завершалась книга пространным «Эпилогом», освещающим основные проблемы развития так называемой Второй республики, в которой происходил демонтаж демократической системы ЧСР, а во внешней политике усилилась зависимость от Германии, а также показано, как велись приготовления к расчленению страны и оккупации чешских земель⁶⁷.

«Общество Эдварда Бенеша»

Большое внимание Вера Оливова уделяла деятельности «Общества Эдварда Бенеша», созданного в 1990 г. с целью изучения наследия Бенеша, его политической и научной деятельности. В апреле 1991 г. она была избрана председателем общества, которое Оливова рассматривала как продолжателя демократических традиций чешской исторической науки, как непосредственного преемника

⁶⁵ См.: *Olivová V. Manipulace s dějinami První republiky. S. 232–284.*

⁶⁶ *Ibid. S. 285.*

⁶⁷ *Ibid. S. 287–307.*

«Института политических и социальных исследований д-ра Эдварда Бенеша» (*Ústav Dr. Edvarda Beneše pro politické a sociální studium*), существовавшего в Лондоне в 1950–1964 гг. под руководством бывшего начальника канцелярии президента Яромира Смутного (1892–1964). Деятельности этого Института историк посвятила специальное исследование⁶⁸.

Под ее руководством «Общество Эдварда Бенеша» издавало документы и исторические исследования в серии «Библиотека Общества», выпускало свой бюллетень, проводило научные мероприятия. В большинстве изданий серии Оливова участвовала как редактор, составитель, автор вступительных статей, предисловий и комментариев.

В изданиях «Общества» по истории Первой республики Вера Оливова особо подчеркивала демократический характер ее политического режима. «Стабильность чехословацкой демократии в межвоенный период» обеспечивало, по ее мнению, «тесное и длительное сотрудничество двух выдающихся представителей чешской и чехословацкой политики первой половины XX в. — Т. Г. Масарика и Эдварда Бенеша»⁶⁹. Их отношения строились на близости мировоззрений, приверженности идеалам гуманизма и демократии, на взаимном уважении и доверии, на тесных дружеских личных отношениях⁷⁰. Оливова указывала на значение этого сотрудничества во время их совместной борьбы в годы Первой мировой войны за создание чехословацкого государства. В серии «Библиотека Общества» были в сокращенном виде переизданы мемуары Бенеша «Мировая война и наша революция»⁷¹, а также впервые опубликованы «Воспоминания о первом сопротивлении» Мирослава Плесингера-Божинова (1883–1963), которые являются ценным источником о начальном этапе деятельности Масарика

⁶⁸ Подробнее см.: *Olivová V. Historie londýnského Ústavu Edvarda Beneše // Ústav Edvarda Beneše v Londýně 1950–1964. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2000. S. 7–25.*

⁶⁹ *Olivová V. Edvard Beneš — pokračovatel v díle T. G. Masaryka // Masarykův sborník. X. 1996–1998. Praha: Masarykův ústav AV ČR, 2000. S. 92; Olivová V. Předmluva // Edvard Beneš. Práce a zápisy po boku TGM. Vzpomínky 1910–1947 / k vydání připravil K. Novotný. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2000. S. 7.*

⁷⁰ См.: *Olivová V. O vztahu Edvarda Beneše k T. G. Masarykovi // Edvard Beneš. Živý odkaz TGM. Projevy 1937–1947 / k vydání připravil K. Novotný. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1997. S. 7–28; Olivová V. Edvard Beneš — pokračovatel v díle T. G. Masaryka. S. 92–111.*

⁷¹ *Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Výbor z díla / edice V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1994.*

за границей, когда он впервые открыто выступил против Австрии, о Женевском центре чехословацкого сопротивления⁷².

Значительное внимание Вера Оливова уделяла совместной борьбе Масарика и Бенеша против различных экстремистских течений в ЧСР с целью защиты демократии, общности их взглядов в вопросах внешней политики. В первом выпуске «Библиотеки Общества» «Открыть Россию Европе» были опубликованы меморандум Масарика «Помощь Европы и Америки России», статьи и выступления Бенеша об отношении к Советской России в 1921–1922 гг.⁷³ В сопроводительной статье «Чехословацкая политика во время русского кризиса 1921–1922 гг.» В. Оливова акцентировала внимание на единстве взглядов Масарика и Бенеша в отношении Советской России: Масарик разработал и предложил западным державам проект решения «русского вопроса», а Бенеш предпринял соответствующие шаги на международной арене с целью его осуществления. Автор отметила, что оба они отрицательно относились к большевистской революции, и советская политика диктатуры пролетариата была несовместима с их демократическими взглядами. Масарик и Бенеш большие надежды возлагали на демократическую реконструкцию России после падения советской власти. Они поддерживали русских эмигрантов в Чехословакии, способствовали развитию экономических отношений с Советской Россией, оказанию помощи голодающим, установлению неофициальных франко-советских контактов. В частности, Оливова подробно останавливалась на вопросах содействия Бенеша поездке в Москву французской журналистки Луизы Вайсс (1893–1983) в сентябре-октябре 1921 г. Историк детально исследовала политику чехословацких лидеров в отношении Советской России в период подготовки Генуэзской конференции, посредническую роль Бенеша в англо-французских переговорах, в координации политики стран Малой Антанты и Польши, осветила его деятельность непосредственно на конференции⁷⁴. Она считала, что Генуэзская конфе-

⁷² Plesinger-Božinová M. Vzpomínky na první odboj / k vydání připravil E. Kůbu. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1997.

⁷³ Tomáš Garrigue Masaryk, Edvard Beneš. Otevřít Rusko Evropě. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1992, 1997.

⁷⁴ См.: Oliyová V. Politika Československa v ruské krizi roku 1921 a 1922 // Tomáš Garrigue Masaryk, Edvard Beneš. Otevřít Rusko Evropě. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1992. S. 25–58.

ренция стала важной вехой в развитии международных отношений в Европе, когда Рапальский договор поставил под сомнение незыблемость мирных договоров и всю Версальскую систему⁷⁵. После того как Советская Россия и Германия подписали 16 апреля 1922 г. договор, который, как констатировала Оливова, открывал широкие возможности для политического, экономического и военного сотрудничества двух стран, Генуэзская конференция была обречена на неуспех. Французская и британская дипломатии потерпели поражение, а позиции Советской России и Германии усилились. Советской России удалось расколоть антисоветский фронт, она преодолела дипломатическую изоляцию и укрепила свое международное положение. Это способствовало упрочению диктатуры внутри страны и объединению вокруг нее всех советских республик — в декабре 1922 г. был образован СССР. По мнению Оливовай, после подписания договора с Москвой Германия получила возможность обходить выполнение многих статей Версальского договора⁷⁶.

Значительное внимание Вера Оливова также уделяла усилиям Масарика и Бенеша по урегулированию чешско-немецких отношений в ЧСР, имевших важное значение как для внутривнутриполитической стабильности республики, так и для ее отношений с соседней Германией⁷⁷. В 2010 г. вышла книга Оливовай «Чехословакия и Германия 1918–1929», которая, как отметила автор в предисловии, представляла собой переработанную часть большой рукописи по истории чехословацко-германских отношений межвоенного периода, написанной еще в 1968 г. Взявшись за исправление и доработку начального варианта, В. Оливова подготовила к изданию часть за период с 1918 по 1922 г. В послесловии она коротко

⁷⁵ См.: Ibid. S. 58; *Olivová V. Československá diplomacie v době janovské konference roku 1922 // TGM, Rusko a Evropa. Dílo – víze – přítomnost. Praha: Masarykův ústav AV ČR, 2002. S. 314–324.*

⁷⁶ *Olivová V. Politika Československa v ruské krizi roku 1921 a 1922. S. 58–59.*

⁷⁷ *Olivová V. Česko-německé vztahy ve dvacátých let // T. G. Masaryk a vztahy Čechů a Němců (1882–1937). Sborník příspěvků přednesených od listopadu 1993 do června 1995 v rámci Masarykovy společnosti na FF UK v Praze / sborník uspořádal K. Gajan. Praha: Masarykova společnost, 1997. S. 211–230; *Olivová V. The Czechoslovak Government and its “disloyal” opposition, 1918–1938 // The Czech and Slovak Experience. Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990 / ed. by J. Morison. N. Y.: St. Martin’s Press, 1992. P. 89–101.**

изложила ключевые события чехословацко-германских отношений до 1929 г.⁷⁸

Оливова подчеркнула, что Масарик с самого начала придавал большое значение отношениям с Германией⁷⁹. Самой надежной основой таких отношений чехословацкие лидеры считали демократическую систему в обоих государствах. Автор в целом позитивно оценила развитие отношений между ЧСР и Германией, когда у власти в обеих странах в 1919–1920 гг. находились социал-демократы⁸⁰. Чехословацко-германские отношения В. Оливова исследовала на широком фоне международных событий того времени в Европе, в тесной взаимосвязи с внутриполитическим развитием Германии и с судетонемецким вопросом в ЧСР. Важным обстоятельством в становлении добрососедских отношений между двумя странами она считала контакты между немецкими и чешскими социал-демократами в ЧСР, а затем связи аграрных и христианских партий, что способствовало изоляции немецких националистических кругов⁸¹. Рассматривая реакцию Праги и Берлина на международные события в начале 1920-х годов, В. Оливова подчеркнула, что ЧСР, несмотря на союзнические отношения с Францией, воздерживалась от репрессивных санкций против Германии⁸². В то же время она отметила, что на развитие чехословацко-германских отношений оказывали отрицательное влияние такие события, как Каппов путч в марте 1920 г., деятельность монархических и милитаристских организаций в Германии, зарождение нацистского движения⁸³.

К политике Штреземана отношение Веры Оливова было неоднозначным. С одной стороны, она указала на позитивные перемены, которые произошли после вступления Германии в Лигу Наций в 1926 г., такие события, как неофициальный визит Бенеша в Берлин и переговоры Масарика со Штреземаном в Карловых Варах в 1928 г. С другой стороны, автор отметила негативные результаты Локарнской политики, в частности, в вопросе о восточных границах Германии, защиты Берлином прав немецких национальных меньшинств в соседних

⁷⁸ *Olivová V. Československo a Německo. 1918–1929. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2010. S. 9.*

⁷⁹ *Ibid. S. 82, 171–172.*

⁸⁰ *Ibid. S. 112–116.*

⁸¹ *Ibid. S. 173–174, 187–191, 214–217.*

⁸² *Ibid. S. 173–179, 182.*

⁸³ *Ibid. S. 118–135, 210–212.*

государствах, усилия Штреземана добиться путем переговоров ревизии Версальского договора⁸⁴. Оливова подчеркнула, что большую угрозу для Чехословакии представляли рост национал-социализма в Германии и укрепление связей германских и судетонемецких нацистов⁸⁵.

Во многих работах Оливова неоднократно обращалась к судетонемецкому вопросу, который в конце 1930-х годов сыграл трагическую роль в истории ЧСР — в расчленении, а затем и в оккупации страны Германией, а в конце Второй мировой войны обернулся новой трагедией — выселением немцев из Чехословакии. Выселение судетских немцев она расценила как следствие нацистской политики и поражения гитлеровской Германии. Составленный Оливовай документальный сборник «Выселение немцев» включал фрагменты из воспоминаний, выступлений и статей Бенеша, его переписку с лидером судетонемецких социал-демократов Венцелем Якшем (1896–1966), план «Германизации территории и народа» Карла Германа Франка (1898–1946), выступления главы Судетонемецкой партии Конрада Генлейна (1898–1945), рейхспротектора Богемии и Моравии Рейнхарда Гейдриха (1904–1942), материалы о репрессиях в Протекторате, о трагедии Лидице, о чешском антифашистском движении и др.⁸⁶ Опубликованные в сборнике документы призваны были обосновать правомерность декретов Бенеша, вокруг которых в 1990-е годы развернулась полемика. В качестве предисловия к этой документальной публикации историк поместила свою статью «Историческая память», о которой речь шла ранее⁸⁷.

Во многих работах она стремилась показать, что Бенеш был политиком общеевропейского масштаба. Его деятельность во время подготовки мирных договоров в 1919–1920 годах В. Оливова рассматривала не только с точки зрения защиты интересов молодого чехословацкого государства, но и укрепления мира и стабилизации Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Эту цель Бенеш преследовал при создании Малой Антанты (союза ЧСР с Югославией и Румынией), при подписании договоров и соглашений с Францией, Великобританией, Италией, Австрией, Германией, Польшей и с Советской Россией/СССР, в деятельности в Лиге Наций, при

⁸⁴ *Olivová V. Československo a Německo. 1918–1929. S. 220–234.*

⁸⁵ *Ibid. S. 238–242.*

⁸⁶ *Edvard Beneš. Odsun němčů.*

⁸⁷ *Olivová V. Historická paměť // Edvard Beneš. Odsun němčů. S. 9–10.*

подготовке Протокола о мирном урегулировании международных споров в 1924 г. (так называемого Женевского протокола), на Всеобщей конференции по сокращению и ограничению вооружений (1932–1934 гг.). Историк подчеркивала, что усилия Бенеша на поддержание мира одновременно были направлены и на защиту и укрепление демократии. И в самой Чехословакии, и за рубежом он боролся против экстремистских движений, против авторитарных режимов. В работах В. Олиовой Бенеш показан как ведущий деятель в европейской политике, противостоявший Гитлеру во время кризиса 1938 г. После оккупации чешских земель Бенеш развернул активную работу за возрождение «свободной Чехословакии в свободной Европе» и в мае 1945 г. вернулся на родину как победитель. Вера Олиова отмечала, что Бенеш с большим беспокойством следил за нарастанием напряженности в отношениях СССР с западными державами после Второй мировой войны, опасаясь, что это приведет к новому Мюнхену. Как подчеркнула автор, «новым Мюнхеном» стал февраль 1948 г.⁸⁸

По убеждению Олиовой, в новых исторических условиях после окончания холодной войны деятельность Бенеша, его суждения, мысли, конкретные действия приобрели особую значимость и заслуживают внимательного изучения. По ее инициативе были опубликованы циркулярные телеграммы Бенеша за 1920–1935 гг. (212 телеграмм), которые ей не удалось издать в конце 1960-х годов. Она считала, что инструкции и информационные сообщения, которые министр иностранных дел Бенеш посылал в чехословацкие заграничные представительства в форме так называемых циркулярных телеграмм, являются «уникальным собранием документов первостепенной важности». Большинство из них Бенеш составил лично, и они позволяют детально исследовать не только его отношение к конкретным событиям на международной арене или в отдельных странах, но и определить главные направления внешней политики ЧСР⁸⁹.

⁸⁸ См.: *Olivová V. Edvard Beneš – československý politik // Edvard Beneš – československý a evropský politik: sb. statí k 110. výročí narození druhého československého prezidenta / edice a odpověd. red. V. Vrabec. Praha: Nadace Jiřího z Poděbrad pro evropskou spolupráci, 1994. S. 5–29; Olivová V. Edvard Beneš – československý a evropský politik // Rees N. Prezident Beneš v Anglii / překlad z angličtiny L. Richter, redakce českého vydání V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2006. S. 4.*

⁸⁹ *Olivová V. Předmluva // Edvard Beneš. Cirkulární telegramy 1920–1935 / k vydání připravil J. Dejmeck. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2002. S. 7–8.*

Значительное внимание Оливова уделяла публикации источников о кризисе 1938 г. Отдельным изданием вышли донесения из Лондона в 1938 г. чехословацкого посланника в Великобритании Яна Масарика (1886–1948)⁹⁰. В сборнике «Европейский кризис 1938 года» были опубликованы выступления Бенеша, в которых он разъяснял свою позицию на каждом конкретном этапе кризиса, цели и задачи внешней политики Чехословакии, направленной на защиту целостности и независимости республики и сохранение мира в Европе, его обращение к гражданам страны 5 октября 1938 г. в связи с отставкой с поста президента⁹¹.

Дополнением к этой публикации послужили письма Э. Бенеша брату Войту (1878–1951). В первых письмах, отправленных из Лондона в ноябре-декабре 1938 г., он указывал на последствия мюнхенского диктата для Чехословакии и для судеб мира в Европе, сообщал о своих планах в эмиграции. Во многих письмах содержался анализ текущих международных событий, сведения об организации и деятельности заграничного сопротивления. В письме от 4 апреля 1940 г. Э. Бенеш сообщил брату о своей программе восстановления послевоенной Чехословакии, которая была основана на принципе континуитета домюнхенской республики, признания ее в границах 1918 г.⁹²

Ценным источником о пребывании Э. Бенеша в США в феврале-июне 1939 г., куда он был приглашен как профессор социологии читать лекции в Чикагском университете, о его деятельности среди чехословацких земляческих организаций в Америке, о встрече 28 мая с президентом Франклином Д. Рузвельтом (1882–1945) и 2 июня с советским полпредом Константином Александровичем Уманским (1902–1945) является книга Богуша Бенеша (1901–1977) «Америка с нами»⁹³.

В серии «Библиотека Общества» были впервые опубликованы выступления Э. Бенеша в университетах в Эдинбурге и Глазго

⁹⁰ Jan Masaryk. Depěše z Londýna 1938 / edice a předmluva V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1996.

⁹¹ Edvard Beneš. Evropská krize 1938. Pět projevů / předmluva V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2003.

⁹² Edvard Beneš. Dopisy bratru Vojtovi 1938–1944 / edice a předmluva V. Olivová; k vydání připravila V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1998. S. 36–40.

⁹³ Beneš B. Amerika jde s námi. Reportáž z přednáškového turné Edvarda Beneše po amerických univerzitách v roce 1939 / edice a předmluva V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1998.

(соответственно 5 и 7 ноября 1941 г.) об особенностях войны, которую вели страны антигитлеровской коалиции против нацистской Германии и ее союзников, о целях чехословацкой борьбы, о будущем послевоенном устройстве Европы. Вступительная статья В. Оливова была посвящена чехословацко-шотландским связям, поездке Бенеша в Шотландию в ноябре 1941 г., которую автор расценила как «значительный вклад в развитие политического, культурного и военного сотрудничества между Великобританией и чехословацким эмигрантским правительством и его вооруженными силами»⁹⁴.

В 1994 г. в серии «Библиотеки Общества» были опубликованы «Тайные письма из Праги» шведской журналистки Амелии Поссе-Браздовой (1884–1957), в которых она описала свои беседы с Бенешем во время встречи с ним на вилле в Сезимове Усти в августе 1948 г., его оценку ситуации в Чехословакии после февральских событий 1948 г.⁹⁵

Большое значение Вера Оливова придавала исследованию научной деятельности Бенеша. Этой теме посвящена ее большая статья⁹⁶, опубликованы отдельные лекции Бенеша в Карловом университете в 1913–1948 гг.⁹⁷, выступления в университетах Великобритании, его научные работы «Партийность» (о деятельности политических партий в демократическом обществе)⁹⁸ и «Демократия сегодня и завтра»⁹⁹. В основу последней положены лекции, прочитанные в Чикагском университете в 1939 г., ее перевели на многие иностранные языки и, как

⁹⁴ *Olivová V.* Návštěva československého prezidenta Edvarda Beneše ve Skotsku v listopadu 1941 // *Edvard Beneš. Válka roku 1939. Dva projevy československého prezidenta na univerzitách v Edinburghu a v Glasgow 5. a 7. Listopadu 1941* / edice a předmluva V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2005. S. 7–14.

⁹⁵ *Posse-Brázdová A.* Tajné dopisy z Prahy 1948 / edice a doslov V. Olivová, překlad Z. Kufnerová. Předmluva Z. Zeman. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1994.

⁹⁶ *Olivová V.* Univerzitní dráha Edvarda Beneše // *Edvard Beneš. Přednášky na univerzitě Karlově 1913–1948* / k vydání připravila V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1998. S. 9–32.

⁹⁷ *Edvard Beneš. Přednášky na univerzitě Karlově 1913–1948* / k vydání připravila V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1998.

⁹⁸ *Beneš E.* Funkce politických stran / k vydání připravila V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2013.

⁹⁹ *Beneš E.* Demokracie dnes a zítra / edice a epilog V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1999.

отметила Оливова, она «стала одним из мировых бестселлеров»¹⁰⁰. Научные труды Бенеша представляют не только академический интерес, но и важны для более глубокого понимания стиля его работы, его действий на внутривластной и международной арене, для понимания идеологических основ внешнеполитического курса ЧСР.

Значительный интерес представляют статьи Веры Олиовой о личности Бенеша, об отношении к нему современников¹⁰¹. Отдельными изданиями вышли материалы о Бенеше Карела Чапека (1890–1938)¹⁰² и Ярослава Сейферта (1901–1986)¹⁰³.

Все эти многочисленные публикации призваны воссоздать образ Бенеша как человека, ученого, дипломата и политика.

Вера Олиова была одним из инициатором торжественных мероприятий по случаю 120-летия со дня его рождения, принятия парламентом Чешской Республики «Закона о заслугах Эдварда Бенеша» (2004), сооружения ему памятника перед Чернинским дворцом (зданием Министерства иностранных дел Чешской Республики) (2005)¹⁰⁴. 28 октября 2014 г. президент Чешской Республики Милош Земан наградил В. Олиову медалью «За заслуги».

Заключение

Краткий обзор основных работ Веры Олиовой позволяет предложить следующую периодизацию ее научной деятельности:

Работы, опубликованные в 1950–1960-х годах, были посвящены политической истории ЧСР, ее отношениям с Советской Россией, Германией, Польшей, Австрией и Венгрией и следовали в русле марксистско-ленинской парадигмы, господствовавшей в то время в исторической науке социалистических стран.

Перелом в творчестве произошел во время Пражской весны 1968 г., когда, отказавшись от прежних установок чехословацкой

¹⁰⁰ *Olivová V.* Univerzitní dráha Edvarda Beneše. S. 25.

¹⁰¹ *Werstadt J.* Osobnost Edvarda Beneše / edice a předmluva V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2006.

¹⁰² Karel Čapek K. O Edvardu Benešovi / k vydání připravili V. Olivová, J. Protiva. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2000.

¹⁰³ Jaroslav Seifert. Prezidentu Edvardu Benešovi: čtyři básně / předmluva V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2004.

¹⁰⁴ См.: Malínský 2006: 30–32; Tomeš 2006: 17.

коммунистической историографии, она по-новому осветила ключевые проблемы истории Первой республики, «реабилитировала» личности Т. Г. Масарика и Э. Бенеша, показав их заслуги в создании и развитии чехословацкого государства.

Очередной этап в исследовательской работе Оливова был вынужденным. С 1970 г. по 1989 г. ей было запрещено заниматься преподавательской и научной деятельностью, и она обратилась к «неполитической» теме — истории спорта и игр, которая принесла ей мировую известность.

К политической и дипломатической истории ЧСР Оливова смогла вернуться лишь после «бархатной» революции. Ее работы, активная педагогическая, организационная и издательская деятельность в 1990-е — начале 2000-х годов являются ярким свидетельством верности выбору, сделанному в 1968 г. После «бархатной» революции историк значительное внимание уделяла изданию документов Э. Бенеша, изучению его личности и деятельности, в оценках которых, на наш взгляд, ей не всегда удавалось избежать идеализации. Очевидно, не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что большую часть жизни она прожила при тоталитарных режимах, в то время как образ Бенеша для нее всегда ассоциировался с борьбой за демократию, за национальную и государственную независимость. Из своего жизненного опыта она вынесла убеждение, что история — это школа гражданского воспитания, и исторические знания — общественная сила. Поэтому такое большое значение Вера Оливова придавала формированию демократического национального исторического сознания современников.

Список сокращений

- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии
- РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
- ЧНСП — Чехословацкая национально-социалистическая партия
- ЧСДРП — Чехословацкая социал-демократическая рабочая партия
- ЧНСС — Чехословацкий национальный совет
- ЧСР — Чехословацкая республика

Литература

- Марына 2013 — *Марына В. В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек, 1884–1948. М.: Индрик, 2013. 488 с.
- Марына 2005 — Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории / отв. ред. В. В. Марына. М.: Наука, 2005. Кн. 2. 558 с.
- Станков 2007 — *Станков Н. Н.* Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии, 1918–1924. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2007. 469 с.
- Campbell 1975 — *Campbell F. G.* Confrontation in Central Europe. Weimar Germany and Czechoslovakia. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1975. 383 p.
- Dejmek 2002 — *Dejmek J.* Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992). Vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky. Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku, 2002. 384 s.
- Dejmek 2006 — *Dejmek J.* Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata. Praha: Karolinum, 2006. Část 1: Revolucionář a diplomat (1884–1935). 632 s.
- Dejmek 2008 — *Dejmek J.* Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata. Praha: Karolinum, 2008. Část 2: Prezident republiky a vůdce národního odboje (1935–1948). 790 s.
- Kral 1953 — *Kral V.* O Masarykově a Benešově kontrarevoluční protisovětské politice. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953. 236 s.
- Malínský 2006 — *Malínský J.* Ze střípků jednoho životního poslání. Mozaika svědeckých intermezz Věry Olivové k životu druhého československého prezidenta // Věře Olivové ad honorem. Sborník příspěvků k novodobým československým dějinám. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2006. S. 24–33.
- Tomeš 2006 — *Tomeš J.* Historička v rozrušeném čase. Na okraj životního příběhu, činnosti a díla Věry Olivové // Věře Olivové ad honorem. Sborník příspěvků k novodobým československým dějinám. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 2006. S. 11–18.
- Voráček, Hubený, Litera 2019 — *Voráček E., Hubený D., Litera B.* V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz. Praha: Historický ústav, 2019. 676 s.

References

- Campbell, F. G., 1975. *Confrontation in Central Europe. Weimar Germany and Czechoslovakia*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 383 p.
- Dejmek, J., 2002. *Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992). Vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky*. Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku, 384 p.
- Dejmek, J., 2006. *Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata, 1, Revolucionář a diplomat (1884–1935)*. Praha: Karolinum, 632 p.

- Dejmek, J., 2008. *Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata, 2, Prezident republiky a vůdce národního odboje (1935–1948)*. Praha: Karolinum, 790 p.
- Kral, V., 1953. *O Masarykově a Benešově kontrarevoluční protisovětské politice*. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 236 p.
- Malínský, J., 2006. Ze střípků jednoho životního poslání. Mozaika svědeckých intermezz Věry Olivové k životu druhého československého prezidenta. *Věře Olivové ad honorem. Sborník příspěvků k novodobým československým dějinám*. Praha: Společnost Edvarda Beneše, pp. 24–33.
- Mar'ina, V. V., ed. 2005. *Chekhia i Slovakia v XX vekie. Ocherki istorii* [Czech Lands and Slovakia in the twentieth century. Essays of history]. Moscow: Nauka, 2, 558 p. (in Rus.)
- Mar'ina, V. V., 2013. *Vtoroi prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i chelovek, 1884–1948* [The second president of Czechoslovakia Edvard Beneš: Politician and man, 1884–1948]. Moscow: Indrik, 486 p. (in Rus.)
- Stankov, N. N., 2007. *Diplomaticheskie otnosheniia Veimarskoi respubliky i Chekhoslovakii, 1918–1924* [Diplomatic relations between the Weimar Republic and Czechoslovakia, 1918–1924]. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 469 p. (in Rus.)
- Tomeš, J., 2006. Historička v rozrušeném čase. Na okraj životního příběhu, činnosti a díla Věry Olivové. *Věře Olivové ad honorem. Sborník příspěvků k novodobým československým dějinám*. Praha: Společnost Edvarda Beneše, pp. 11–18.
- Voráček, E., Hubený, D., Litera, B. 2019. *V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz*. Praha: Historický ústav, 676 p.

Nikolay N. Stankov

DSc, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.

E-mail: stankovnn@mail.ru

Vera Olivová: Historian and Time

The author of the article investigates the main stages of scientific activity of the famous Czech professor of history at Charles University in Prague Vera Olivová (1926–2015). This paper is based on the analysis of her publications. In the 1950s and 1960s Vera Olivová published a fundamental monograph on *Czechoslovak-Soviet relations from 1918 to 1922* with a large appendix of documents, as well as a series of articles on the relations of the Czechoslovak Republic with neighbouring countries – Germany, Austria, Poland, and Hungary. Despite the fact that they were written in line with the Marxist-Leninist methodology that prevailed at that time in the historiography of socialist countries, it is due to the wealth of archival material being introduced into scientific circulation for the first time, and to the diversity and depth of research, these works by Olivová were an important contribution to the study of the history of the foreign policy of the Czechoslovak Republic and international relations in Central Europe. During the Prague Spring of 1968, she highlighted the key problems of the political and diplomatic history of Czechoslovakia from a new perspective, which was reflected in the book *Czechoslovakia in a disrupted Europe*, as well as various articles and reports presented at scientific conferences. After being dismissed from Charles University in 1970 and banned from teaching and conducting scientific work, Vera Olivová published several books on the history of sports and games, which brought her worldwide fame. After the “Velvet Revolution”, she returned to Charles University to teach and to continue her research on the history of Czechoslovakia. In 1991, she was elected chairman of the Edward Beneš Society and launched avid scholarly, organisational and publishing activities. The works of Vera Olivová are deeply imbued with loyalty to the democratic ideals of the founders of the Czechoslovak Republic – Tomáš Garrigue Masaryk and Edward Beneš.

Keywords: Czechoslovak and Czech historiography, history of the Czechoslovak Republic, Czechoslovak-Soviet relations, Edvard Beneš, history of sports and games

Acknowledgements: The author expresses his gratitude to Mag. Aniežka Kotoučová, researcher at the Masaryk Institute, The Archives of the Academy of Sciences of the Czech Republic, for providing him with literature absent in the Russian libraries.

How to cite: Stankov, N. N., 2023. Vera Olivová: istorik is vremena. *Central-European Studies*, 6, pp. 129–160. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.6>

ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ

Виктор Викторович Котов

Младший научный сотрудник, Институт славяноведения
РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А.
E-mail: vikvikot@gmail.com

Сокольское движение, сокольская культура и гендерные отношения в Богемии и Моравии в 1860-е — начале 1870-х годов

В статье анализируются, во-первых, гендерные отношения в Богемии и Моравии как одна из сфер, подвергшихся воздействию модернизационных процессов, и, во-вторых, влияние изменений в этой сфере на развитие сокольских движения и культуры как составных элементов, соответственно, чешского национального движения и чешской националистической культуры. Сокольские общества объединяли приверженность чешскому национализму и спортивные занятия. Изучение данного круга проблем осуществлено в первую очередь на материале прессы 1860-х — начала 1870-х годов. В работе рассмотрено влияние домодерного и современного гендерных дискурсов на формирование в среде чешских националистов героического образа «соколов» и негативного образа немцев, включая гимнастов-турнеров. На примере сокольских мероприятий реконструированы представления чешских националистов о надлежащих женских качествах, занятиях и мыслях. Также отмечены случаи публичного балансирования на традиционных границах гендера и установление распространения националистического принципа тотальности на сферу романтических отношений мужчин и женщин. Прослежено развитие гимнастических занятий для девочек в сокольских обществах и взаимодействие этих организаций с различными структурами чешского женского движения, включая Гимнастическое общество пражских дам и барышень. Показано влияние «Пражского Сокола» на возникновение и последующую деятельность первой чешской женской гимнастической организации, а также выделены задействованные ее членами элементы сокольской культуры. Использувавшиеся чешскими гимнастками языковые средства проанализированы с гендерной точки зрения. Был представлен очерк последующего развития гендерных отношений в свете сокольских движения и культуры. Данное исследование позволяет сделать вывод об ограниченном характере распространения современного гендерного дискурса как проявлении промежуточного состояния развития модернизационных процессов в изучаемый период, и о нелинейном характере этих процессов. Работа может послужить подспорьем для сравнительного изучения взаимосвязей между трансформацией гендерных отношений и распространением национализма, а также современного спорта.

Ключевые слова: гендерная история, Гимнастическое общество пражских дам и барышень, женский спорт, маскулинность, модернизация, сокольское движение, феминность, чешский национализм, чешский спорт

Благодарности: Автор благодарит Надежду Дмитриевну Котову и Кирилла Сергеевича Красовского за присланные научные работы по данной теме.

Цитирование: Котов В. В. Сокольское движение, сокольская культура и гендерные отношения в Богемии и Моравии в 1860-е — начале 1870-х годов // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 163–207. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.7>.

Введение

Одной из сфер, подвергшихся значительным изменениям в ходе глобального перехода от условного традиционного общества к так называемому современному, были гендерные отношения, то есть взаимоотношения людей как носителей гендерных идентичностей и стереотипов, а также как «исполнителей» гендерных ролей. В монархии Габсбургов заметное влияние на изменения в этой сфере оказали многочисленные национальные движения, включая чешское¹. 1860-е годы стали началом нового, более массового периода в его развитии. Эти перемены проявились в том числе в учреждении сокольских организаций в 1862 г. Возникшие по образцу немецких «Турнферайнов» (гимнастических обществ), они объединяли спортивные занятия и приверженность идеологии национализма. 1860-е и ранние 1870-е годы стали временем начального распространения чешских гимнастических обществ в Богемии и Моравии, ускорившегося после 1867 г. При этом первая сокольская организация в Австрийской Силезии, также причислявшейся националистами к так называемым

¹ В данной статье слово «национальный» используется в значениях «относимый к нации как к якобы реальному сообществу приверженцами национализма» или, реже, «относящийся к нации как к конструкту» (например, «национальная индифферентность»), а «националистический» — в значении «относящийся к национализму и/или к националистам». Соответственно, все национальное в основном для данной работы значения этого слова (включая чешское национальное движение) также является националистическим. Под «национализмом» понимается идеология, исходящая из реального существования наций и приоритета интересов одной из них. Этот и другие термины используются для обозначения исторических явлений, а не их моральной или правовой оценки.

чешским землям, возникла в Опаве лишь в 1884 г.² Изучаемый период также связан с формированием сокольской культуры, включавшей, помимо элементов, непосредственно связанных со спортом, различные практики социальности, идеологию, символы и другие категории. Наконец, следует отметить начало распространения сокольства за пределами чешских земель среди чешских эмигрантов и представителей других славянских национальных движений.

Внимание ученых к изменениям в социальном положении и восприятии женщин и мужчин в Новое время существенно увеличилось в последние десятилетия XX в. и сохранилось в первые десятилетия XXI в. Это в том числе характерно для чешскоязычной историографии, в рамках которой проводится большая часть исследований по истории чешских земель в XIX в. Следуя общемировым тенденциям, предметом консенсуса среди чешских исследователей гендерной истории стали рассмотрение мужского, женского и других гендеров как социальных конструктов³, признание невозможности сведения гендерной истории к изучению женской проблематики, а последней — к вопросу дискриминации женщин⁴, и, наконец, проведение различий в положении лиц, относившихся к одному биологическому полу, но принадлежавших к разным социально-экономическим и культурным группам⁵. Ряд ученых рассматривал развитие сокольского движения как часть истории женского⁶, мужского⁷ и небинарных⁸ гендеров в чешских землях, а также — как часть близкой этой проблематике истории тела (то есть истории мышления о человеческом организме и связанных с ним практик)⁹. Кроме того, данные вопросы затрагивались в обобщающих исследованиях

² Во второй половине XIX в. уже не существовало особой административной связи между Богемией, Моравией и Австрийской Силезией, анахронично обозначаемых в историографии как «чешские земли». В части исследований Богемия (лат. *Bohemia*, нем. *Böhmen*, чеш. *Čechy*) упоминается как «Чехия».

³ Lenderová 2002: 10; Lenderová, Kopiczková, Burešová, Maur (eds) 2009: 9, 15–18.

⁴ Lenderová, Kopiczková, Burešová, Maur (eds) 2009: 8–9, 18.

⁵ Horská 1999: 24; Lenderová, Kopiczková, Burešová, Maur (eds) 2009: 9.

⁶ Bahenská 2005: 97–101; Lenderová, Kopiczková, Burešová, Maur (eds) 2009: 269–273; Malínská 2013: 44–52; Neudorflová 1999: 240–254.

⁷ Hutečka 2012: 41.

⁸ Seidl (ed.) 2014: 229; Zikmund-Lender 2013: 330. Ср.: Klement, Pezda 2021: 75; Roubal 2016: 35, 313–314.

⁹ Lenderová, Tinková, Hanulík 2014: 112–113, 199, 201–202.

о сокольском движении и спорте вообще¹⁰, а также в специальных работах, соотносивших гендерные отношения и сокольство¹¹.

В целом для этого масштабного комплекса работ характерно большее внимание к женской проблематике, при этом на современном этапе наметился переход к более сбалансированному подходу (не затрагивающему, впрочем, квир-проблематику)¹². Продолжая эту тенденцию, в данном исследовании освещено отражение разных граней менявшихся гендерных отношений в развитии сокольского и всего чешского национального движения. Кроме того, для большинства вышеупомянутых работ характерно сосредоточение на более позднем периоде, связанном с подъемом чешского и общемирового женского движения. Исключением, однако, является история учреждения Гимнастического общества пражских дам и барышень в 1869 г.¹³ Представляется целесообразным более подробно изучить период формирования сокольской культуры, включая историю возникновения таких ее элементов, как женская гимнастика и пласты сокольской идеологии, связанные с маскулинностью и феминностью. Разработка этих проблем может стать вкладом не только в изучение культурной истории так называемых чешских земель, но также в сравнительное исследование взаимосвязей между трансформацией гендерных отношений и распространением национализма¹⁴, а также современного спорта¹⁵.

Как и в любом вопросе, касающемся чешской националистической культуры во второй половине «долгого XIX в.», одним из наиболее значимых исторических источников является чешская и австро-немецкая пресса, включая как общеполитические периодические

¹⁰ Hejmová 2022: 69–70; Jandásek, Pelikán 1946: 11, 27, 37–38, 48–49, 54, 59, 62–66; Konůvková Frýbertová 2020: 37–41; Nolte 2002: 128, 151–152, 173; Roubal 2016: 35, 64–68, 85–88; Sak 2012: 80–82; Strachová 2020: 28–29, 66–70, 81–82, 106–107; Štěpánová 2005: 64–65; Waic 2013: 53–60, 73–75.

¹¹ Bláha 2003; Heczková 2010; Klement, Pezda 2021; Libichová 2015; Moravec 2022: 111–119; Nolte 1993; Randák, Nečasová 2010; Roubal 2015; Schůtová 2003; Strachová 2019; Swierczeková 2010; Štěpánová 2003.

¹² Klement, Pezda 2021: 59, 75.

¹³ Bláha 2003; Malínská 2013: 44–50; Štěpánová 2003; Waic 2013: 53–60.

¹⁴ Гапова 2007; Рябов 2007: 53–75; Цимбаева 1999; Hroch 2009: 247–248; Maxwell 2005; Maxwell 2007.

¹⁵ См. подобные исследования на материале гимнастических обществ второй половины «долгого XIX века» за пределами чешских земель: Bláha 2013; Hofmann 2000; Pavlin 2003; Waic 2021; Westberg 2018.

издания (в первую очередь — влиятельный пражский орган *Národní listy* («Национальная газета»)), так и специализированные. Кроме того, в данной работе были задействованы публикации сокольских и турнирских обществ, отдельные мемуары, письма, художественные произведения, дидактические и педагогические издания, а также статистические и юридические источники.

Чешский национализм, традиционная и новая маскулинность

Мышление чешских националистов, как и сторонников других подобных движений, строилось на таких принципах, как историзм, органицизм, прогрессизм, владение общим набором символов и тотальность. В идеологии национализма тотальность означала восприятие своей нации как наивысшей ценности, исходя из которой должны были совершаться все умозаключения и действия. В предыдущий период подобными свойствами для значительной части жителей Европы обладала христианская идентичность. Это позволяет определить национализм как политическую религию¹⁶. Культ чешской нации вел к инструменталистскому отношению ко всем остальным идентичностям, в том числе к гендерным. При этом, несмотря на взаимосвязанность всех модернизационных процессов, включая распространение национальной идентичности и женскую эмансипацию, изначально чешские националисты, включая «соколов», исходили из традиционного понимания социальных ролей мужчины и женщины (домодерного гендерного дискурса)¹⁷.

В историографии отмечается, что в Новое время в городах подчиненное положение женщин еще более усилилось с увеличением доли наемного труда мужчин и связанного с ним появления «разделенных сфер» (англ. *separate spheres*): дом перестал быть местом работы, что повлекло оттеснение женщин в частную, непубличную сферу¹⁸. Привилегированному положению мужчин соответствовали традиционные представления об их положительных свойствах, легшие в основу

¹⁶ Также в историографии встречаются термины «секулярная», «гражданская» и «имплицитная религия».

¹⁷ Klement, Pezda 2021: 58, 74; Ср. Рябов 2007: 62.

¹⁸ Hlavačka (ed.) 2014: 246, 255, 263–264; Lenderová, Kopiczková, Burešová, Maur (eds) 2009: 9, 278, 310–312.

образа «соколов» как воплощения чешской национальной маскулинности¹⁹. Само их название отсылало к южнославянскому образу мужчины-героя, храброго и сильного воина, защищающего Родину от иноземцев²⁰.

Один из основателей и лидеров сокольского движения, Мирослав Тырш (1832–1884), также упоминал в качестве образцов мужских добродетелей древних спартанцев и гуситов²¹. Последние занимали центральное место в чешском националистическом нарративе и были особенно значимы для «соколов» в связи с военным потенциалом их движения (оставшимся не реализованным в изучаемый период)²². Согласно воспоминаниям одного из первых членов «Пражского Сокола», Вацлава Червинки (1844–1929), уже в 1862 г. «соколов» называли «нашими будущими национальными войсками» и «офицерами будущей революции»²³. Военные элементы сокольской культуры поддерживались сторонниками радикального крыла внутри движения — примером их риторики может служить популярная «Песня “соколов”» (1862 г.) Яна Людевита Прохазки (1837–1888) и Карела Тумы (1843–1917):

Эй, “соколики”, смело вперед!
 Вот наше знамя, силы очаг,
 Вот табор чешских братьев!
 <...>
 Сейчас в кулаках мы сжимаем только гантели
 Пока не придет время действий
 Тогда же — смело к делу, братья!²⁴

Приписываемые мужчинам положительные свойства включали как физические, так и духовные качества. Это соответствовало часто использовавшемуся «соколами» афоризму о «здоровом духе в здоровом теле»²⁵ (воспринимавшийся как античная мудрость,

¹⁹ Cp. Klement, Pezda 2021: 60–61, 63–64.

²⁰ Котов 2020.

²¹ Sokol. 1871. № 7: 53–54.

²² Котов 2019.

²³ Červinka V. U kolébky Sokola. Praha: Šolc a Šimáček, 1920. S. 38, 79.

²⁴ Sokol. Společenský zpěvník česko-slovanský / sest. F. A. M. Praha: B. Stýblo, 1863. S. 46.

²⁵ Národní listy. 1863. 27 V: 3.

в действительности он являлся продуктом Нового времени — искусственно лишенной контекста цитатой из «Сатир» древнеримского поэта Децима Юния Ювенала)²⁶. 1 июня 1862 г. состоялась церемония освящения знамени «Пражского Сокола». В этот день чешский политик и секретарь правления общества Эдуард Грегр (1827–1907) в приветственной речи определил в качестве задачи «соколов» «развивать силу мужского тела <...> и <...> смелость характера»²⁷. Что касается других приписываемых «соколам» добродетелей, следует упомянуть 12 девизов, провозглашенных при вбивании гвоздей в древко знамени: помимо «Бесстрашия», в их число вошли «Любовь к Родине, Свобода, Человечность, Братство, Единство, Решительность, <...> Упорство, Скромность, Справедливость, Удадь, Честь и Слава»²⁸.

Как свидетельствует приведенная выше цитата из «Песни “соколов”», знамена являлись одним из самых важных сокольских символов, а церемонии их освящения воспринимались как моменты окончательного превращения коллективов членов обществ в сообщества единомышленников (то есть как своего рода групповая инициация)²⁹. Не менее значимым символом служила сокольская форма, отражавшая, как и использование обращений «брат» и «ты», эгалитаристские идеалы мужского братства. «Соколы» заимствовали эти и другие практики и символы, связанные с товариществом и маскулинностью, из немецкой турнерской культуры, также включавшей националистический образ сильного и смелого мужчины-патриота³⁰.

Мужские добродетели стали одной из главных тем речи главного инструктора «Пражского Сокола» М. Тырша, произнесенной по завершению публичного гимнастического выступления 2 мая 1869 г. Их развитие связывалось с успехом всей чешской нации: «Без мужской храбрости ни один народ не защитил свои великолепные чертоги богатства, науки и искусства. Нация слабаков ничего не добьется»³¹. Согласно Тыршу, «сокол», как «настоящий мужчина», должен был быть сильным, храбрым, дисциплинированным, любящим Родину,

²⁶ Михайлин 2006: 6.

²⁷ Národní listy. 1862. 2 VI: 1.

²⁸ Pravidla Tělocvičné jednoty pražské Sokola. Praha: Pražský Sokol, 1862. S. 33.

²⁹ Konývková Frýbertová 2020: 83–84.

³⁰ Nolte 2002: 14, 48; Roubal 2016: 35, 64. Подобные образы в целом свойственны для националистических идеологий (Рябов 2007: 62).

³¹ Národní listy. 1869. 3 V: 2.

чувствующим красоту и стремящимся к ней, честным, жертвенным и скромным³².

Наконец, в 1871 г. в первом номере журнала *Sokol* («Сокол») в программной статье «Наша задача, направление и цель» М. Тырш заявил, что соколовство должно обеспечить «физическое, а отчасти и нравственное воспитание и совершенствование всей чешскославянской нации, пестование ее силы, храбрости, благородства и повышенной боеспособности», подготовку «сильных и умелых юношей и мужчин» как условие успеха нации в борьбе за существование³³. В том же году в другом тексте он предрекал наступление в будущем «последнего боя с <...> неприятелем всего племени славянского»³⁴. Программа Тырша свидетельствовала о распространении социал-дарвинистских идей. Одним из последствий этой тенденции в литературе определяется усиление внимания к взаимоотношениям полов³⁵.

Так как маскулинность и феминность являются взаимообусловленными³⁶, значительная часть вышеупомянутых элементов идеального образа чеха воспринималась как противоположная женской природе, поэтому недостаточно мужественные мужчины обозначались как «бабы» (чеш. *baba*), то есть женщины: так, согласно воспоминаниям В. Червинки, в 1862 г. во время первых обсуждений сокольской формы некоторые члены выступали против красной рубашки (по образцу блуз гарибальдийцев), впоследствии ставшей одним из символов движения, считая, что она «не сделает из баб героев»³⁷. Характерен комментарий редакции журнала *Sokol* к сообщению о членах общества «Сокол» в моравском Тршебиче, отказавшихся посещать гимнастические занятия из-за болей в руках и ногах, в форме риторического вопроса: «Это мужчины?»³⁸. Такие представления делали невозможным членство женщин в сокольских обществах. Неслучайно один из «соколов», критикуя прошедшее в 1871 г. в столице Моравии Брно шествие участников австро-немецкого Турнфеста (то есть гимнастического фестиваля), особо отметил «доведший его

³² Narodni listy. 1869. 3 V: 2.

³³ Sokol. 1871. № 1: 1–4. См. Nolte 2002: 91–93; Roubal 2016: 49–52.

³⁴ Sokol. 1871. № 5: 41.

³⁵ Maxwell 2007: 416.

³⁶ Рябов 2007: 34.

³⁷ Červinka V. U kolébky. S. 22.

³⁸ Sokol. 1871. № 19: 155.

до наивысшей степени изумления» совместный проход знаменосца одного из «Турнфрайфов» и двух женщин³⁹.

Необходимо отметить, что, подобно восприятию женщин, чешский националистический образ немцев также выполнял функцию Другого (Чужого). Это, например, отразилось в преимущественно негативном контексте упоминаний турнеров в чешской прессе: немецким гимнастам приписывались недостаток обходительности в общении с женщинами⁴⁰, трусость⁴¹ и другие свойства, противоположные нормативным маскулинным признакам⁴². При этом в изучаемый период чешский националистический образ немцев носил многогранный характер, включая проведение различия между жителями так называемых чешских земель, других частей монархии Габсбургов и других государств, а также между условными «настоящими» немцами и якобы онемеченными чехами и евреями⁴³. Немецкие националисты также воспринимали чехов негативно (и, соответственно, ставили под сомнение их маскулинность): например, австрийские либеральные издания противопоставляли простоту формы турнеров комедийности облачения «соколов»⁴⁴.

Историк кино Магда Шпанигелова отметила различие между «агрессивными» турнерскими символика и занятиями по военной подготовке и «конструктивными» сокольскими⁴⁵. В свою очередь театровед Тереза Конивкова-Фрибертова разделяла «яростные» немецкие националистические представления о мужских добродетелях и «гармоничные» ненаступательные чешские⁴⁶. Хотя подобные противопоставления можно интерпретировать как проявление определенного пристрастия к объекту исследования и к чешской нации, а также не критического следования сокольскому дискурсу, вышеупомянутый

³⁹ Ibid. 1871. № 17: 139.

⁴⁰ Moravská orlice. 1871. 4 VIII: 3; Národní listy. 1863. 26 VII: 1 (příloha).

⁴¹ Moravská orlice. 1869. 21 V: 3.

⁴² Ср. Котов 2020: 81; Рябов 2007: 43, 51–52, 65, 71; Maxwell 2005: 288–289; Maxwell 2007: 415. Согласно данным историографии, подобным образом отдельные националисты отказывали инациональным женщинам в истинной феминности или совершенстве (Maxwell 2005: 274).

⁴³ Такое видение игнорировало национальную индифферентность и текучесть идентичности значительной части жителей изучаемого региона.

⁴⁴ Die Presse. Abendblatt. 1862. 2 V: 1.

⁴⁵ Španihelová 2016: 33.

⁴⁶ Konývková Frýbertová 2020: 41, 69.

тезис М. Тырша о стремлении к красоте из его речи 2 мая 1869 г. свидетельствовал об изменении представлений о маскулинности. Этот тезис был развит в статье «Гимнастика в эстетическом отношении» (1873 г.), в которой Тырш отразил как собственный опыт главного инструктора «Пражского Сокола», так и свои исследования в области истории и теории искусства. В статье выдвигалась задача «приспособить все, что мы делаем, требованиям эстетического чувства», включая индивидуальные и коллективные упражнения, инвентарь, сокольскую форму и гимнастические залы⁴⁷, а также общение и поведение на публике⁴⁸. Данное чувство понималось как маскулинное, о чем свидетельствует упоминание в статье эпизода из «Греческой истории» Ксенофонта: спартанцы, сравнив свои натренированные загорелые тела с некрасивыми телами варваров, «решили, что война, которую им предстоит вести, ничем не отличается от войны с бабами»⁴⁹. Согласно Тыршу, «богатырское мужество» не должно было означать грубость, но сочетаться с эстетическим чувством. Этот императив всестороннего совершенствования распространялся на всю мужскую половину нации, что было выражено в лозунге «Что ни чех — то “сокол”!»⁵⁰.

Чешский национализм и традиционная феминность

Вышеупомянутая критика Турнфеста 1871 г. касалась формы, а не самого факта участия женщин в мероприятиях гимнастических обществ. Последнее было регулярным явлением как в случае сокольских, так и турнерских организаций, однако в большинстве случаев роль женщин отражала гендерные отличия и неравноправие⁵¹. Так, вышеупомянутая церемония освящения знамени «Пражского Сокола» в 1862 г. прошла по сценарию, являвшемуся традиционным для таких акций. Один из обязательных пунктов этого

⁴⁷ Sokol. 1873. № 1: 2–3.

⁴⁸ Ibid. № 3: 19. См. Nolte 2002: 96–97; Roubal 2016: 52–56. О подобных призывах к мужчинам в венгерской общественной мысли XIX в. см. Maxwell 2005: 285; Maxwell 2007: 420.

⁴⁹ *Ксенофонт*. Греческая история / пер. С. Лурье. Л.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1935. С. 65; Sokol. 1873. № 1: 2.

⁵⁰ Sokol. 1873. № 3: 19.

⁵¹ Nolte 1993: 83.

сценария — передача знамени из женских рук: одна из женщин получала титул «матери знамени», а другие — «крестных»⁵². Во время пражской церемонии «матерью» стала писательница Каролина Светлая (1830–1899), а «крестными» — жены и дочери членов правления общества (например, старосты (то есть главы организации) Йиндржиха Фигнера (1822–1865)) и иных известных чешских общественных деятелей (например, сахарозаводчика и политика Йозефа Махачека (1818–1870))⁵³. К. Светлая подчеркнула в речи пассивную роль женщин: их неразрывная связь с «домашним очагом» (то есть с одной из двух «разделенных сфер») определяла то, что они «не могли и не хотели идти вслед» за «соколами», которым вручали «плод своего трудолюбия» — знамя⁵⁴. Подобным образом в 1871 г. на освящении знамени общества «Сокол» в Брно его «мать» Мария Дворжакова (1848–1880), жена связанного с «соколами» журналиста Йиндржиха Дворжака (1840–1904) и дочь бывшего старосты общества Яна Главки (1819–1890), говорила о «преподнесенном слабыми руками даре, который, однако, должен стать ориентиром для сильных»⁵⁵. «Мать» и «крестные» знамени «Пражского Сокола» регулярно приглашались на различные мероприятия, например, на публичные гимнастические выступления 1 марта 1863 г. и 26 марта 1865 г.: на втором из них, прошедшем в новом гимнастическом зале — так называемой «соколовне», К. Светлая вручала призы участникам соревнований⁵⁶. В свою очередь члены общества посещали похороны «крестных»⁵⁷.

Хотя шитье считалось в этот период делом, которым надлежит заниматься женщинам⁵⁸, большинство сокольских знамен не являлось непосредственным «плодом их трудолюбия», но было произведено руками профессионалов, в том числе мужчин. Обычно

⁵² *Hermann I. Před padesáti lety. Drobné vzpomínky z minulosti. D. 1. Praha: F. Topič, 1924. S. 38–39; Národní listy. 1861. 28 XII: 3; Národní noviny. 1848. 31 X: 680–681; Nolte 1993: 84.*

⁵³ *Národní listy. 1862. 2 VI: 1.*

⁵⁴ *Ibid.*

⁵⁵ *Ibid. 1871. 30 V: 1.*

⁵⁶ *Manželka, matka, tchyně: dochované památky a korespondence Kateřiny Fügnerové / ed. J. Schůtová. Praha: Národní muzeum, 2018. S. 438; Národní listy. 1863. 2 III: 1; *Ibid. 1865. 28 III: 3.**

⁵⁷ *Národní listy. 1865. 12 X: 3; *Ibid. 1870. 4 X: 2.**

⁵⁸ *Lenderová, Kopiczková, Burešová, Maur (eds) 2009: 314.*

женщины-добровольцы осуществляли только сбор средств на эти цели⁵⁹ и изготавливали ленты для украшения знамен⁶⁰.

Если во время освящений знамен и гимнастических выступлений присутствие женщин считалось необходимым элементом, то как нежелательное, наоборот, воспринималось их участие в политике⁶¹. Так, в газетном отчете об организованном пражскими «соколами» митинге-«таборе» 16 мая 1869 г. среди достоинств этого мероприятия упоминалось то, что во время речей на нем якобы присутствовали только мужчины⁶². Что касается массовых публичных акций, связанных с традиционной религией, они, наоборот, сохраняли в изучаемый период свою популярность скорее среди женщин, чем мужчин — это позволяет исследователям говорить о феминизации христианства, и в первую очередь католичества, к которому относилась большая часть населения чешских земель⁶³. Характерной в этом отношении является развернувшаяся летом 1869 г. полемика о торжествах в честь годовщины рождения Яна Гуса: отвечая на страницах *Národní listy* на критику праздника, прошедшего 4 июля при активном участии «соколов» в городе Градец-Кралове, местный протестантский пастор заявил, что приводимые в католическом журнале *Čech* («Чех») сведения могут подтвердить только «бабы и ваши сторонники»⁶⁴. Далее, в 1871 г. в журнале *Sokol* приводилась критика решения гимнастов города Ломнице на северо-востоке Богемии принять участие в церковной процессии, сопровождаемая шуткой о том, что таким образом в местное общество можно лишь «привлечь набожный женский пол»⁶⁵. Изменение гендерного баланса в Церкви означало более светский, а в перспективе и антиклерикальный характер преимущественно мужских организаций, включая сокольские.

Женским делом считалось также приготовление еды⁶⁶. Так, в июне 1862 г. в Бероуне, недалеко от Праги, во время одного из первых «вылетов» (походов или поездок) «соколов» их угощали

⁵⁹ Jednatelská zpráva brněnské tělocvičné jednoty «Sokola». Brno: Jednota «Sokol», 1869. S. 8, см.: MZA, fond G 106 (Krajský výbor Sokola Brno). Karton 224. № 1. 1869.

⁶⁰ *Národní listy*. 1869. 28 VIII: 1 (příloha); *Hermann I. Před padesáti lety*. S. 38–39.

⁶¹ Horská 1999: 105.

⁶² *Národní listy*. 1869. 17 V: 2.

⁶³ Hanuš 2004: 105–107.

⁶⁴ *Národní listy*. 1869. 21 VIII: 1 (příloha). *Čp. Čech*. 1869. № 11: 88.

⁶⁵ *Sokol*. 1871. № 10: 82.

⁶⁶ Hlavačka (ed.) 2014: 262; Lenderová, Kopiczková, Burešová, Maur (eds) 2009: 314.

местными изделиями из теста — традиционными «колачами», испеченными, как утверждал бургомистр, «нашими матушками»⁶⁷. В «вылетах», а также в церемониях освящений знамен и иных сокольских мероприятиях часто участвовали так называемые подружки (чеш. *družičky*) — празднично одетые девушки, приветствовавшие гостей⁶⁸. В рамках внутренней сокольской дискуссии об иерархии спортивных, агитационных и рекреационных задач существовали разные взгляды на порядок проведения «вылетов». Так, присутствие жен «соколов», не считая, вероятно, супруги старосты и других «крестных» знамени, воспринималось сторонниками так называемой Гимнастической партии «Пражского Сокола» негативно⁶⁹. Характерна также реакция части членов словенского общества «Сокол» в Любляне на осуществленную в 1871 г. попытку введения приглашенным из Праги главным инструктором Яном Зденеком Веселым (1850–1890) так называемых тайных «вылетов», предполагавших, что лишь организаторы и власти заранее знали цель маршрута: согласно воспоминаниям чешского специалиста, молодые участники были недовольны тем, что с изменением формата походов жившие в столице Крайны представительницы «прекрасного пола» не присоединились к ним⁷⁰.

Чешский национализм и романтические отношения мужчин и женщин

Походы-«вылеты» и другие практики, предполагавшие массовое участие представителей обоих полов, были связаны и с проявлением таких тенденций, как героизация образа мужчины-«сокола» в чешской националистической культуре и превращение этого образца мужских достоинств в своеобразный секс-символ эпохи. Так, в одном из исследований приводится написанное в 1866 г. письмо, в котором девушка из богемского городка Нове-Страшеци рассказывала о «настоящем Адонисе» из страховой компании, встреченном ей годом ранее на «вылете» пражских «соколов»⁷¹. Важным фактором

⁶⁷ Národní listy. 1862. 11 VI: 1.

⁶⁸ Ibid. 1862. 22 VII: 2.

⁶⁹ Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského / ed. J. Müller, F. Tallowitz. Praha: Sokol Pražský, 1883. S. 248.

⁷⁰ Sokol. 1872. № 20: 155.

⁷¹ Macura 2015: 399.

в притягательности «соколов» считалась их форма: например, в комедии «Горлопан» (чеш. *Boucharon*) (1866 г.) пражского драматурга Франтишека Фердинанда Шамберка (1838–1904) одна из героинь размышляет вслух: «Из-за сокольской формы такой переполох! Ах, как ему идет! Будь моя воля, я бы приказала одеть всех мужчин в такой наряд»⁷². Неслучайным видится то, что в конце 1860-х годов значимым конкурентом «соколов» в борьбе за внимание потенциальных членов стали носившие блестящие шлемы «борцы с огнем»⁷³.

Характерным представляется рассуждение, поводом для которого послужило прошедшее 25–26 августа 1863 г. в Брно празднество в честь тысячелетия прихода Кирилла и Мефодия в Великую Моравию. Сотрудник местной чешской газеты *Moravská orlice* («Моравская орлица») писал в связи с визитом пражских «соколов» и других националистов:

Глаза многих очаровательных брнячек, даже дочерей наших самых непримиримых врагов (вероятно, немцев. — *В.К.*), с удовольствием разглядывали наших молодцев, в которых их привлекала сила и безудержность; это главнейшее для юношей достоинство я позволю себе назвать сокольскостью (*sokolovitost*)⁷⁴.

Хотя данный термин не получил распространения, свидетельства об успехе носителей «сокольскости» стали общим местом в газетных описаниях «вылетов» чешских гимнастов: в них сообщалось, что красивые девушки бросали «соколам» букеты из окон и танцевали с ними до утра⁷⁵. Танцы были одной из тех немногочисленных практик, во время которых незнакомые представители обоих полов могли вступить в слабо контролируемый тесный физический контакт⁷⁶. С этим, вероятно, было связано то, что на сокольские балы и другие развлекательные мероприятия допускались только те женщины, имена которых заранее оглашались организаторам членами общества⁷⁷. Далее, на сокольских маскарадах-«шибржинках» были

⁷² Divadelní ochotník. Repertorium pro milovníky soukromých divadel / vyd. J. M. Boleslavský. Praha: I. L. Kober, 1866. D. III. Sv. 6. S. 34.

⁷³ Památník. S. 276; Sokol. 1871. № 1: 11.

⁷⁴ Moravská orlice. 1863. 26 VIII: 1.

⁷⁵ Národní listy. 1862. 22 VII: 2; Ibid. 1865. 24 VIII: 1–2.

⁷⁶ Macura 2015: 392.

⁷⁷ Národní listy. 1871. 6 I: 1 (příloha).

запрещены откровенные женские костюмы, в том числе пришедший из Франции образ портового рабочего (фр. *débardeur*), позволявший девушкам надеть облегающую одежду⁷⁸.

Как политическая религия, чешский национализм стремился придать свои смыслы максимальному числу областей человеческой жизни, включая романтические отношения мужчин и женщин⁷⁹. Историк Александр Максвелл написал в связи с этим о принципе национальной эндогамии⁸⁰. Так, вышеупомянутая практика допущения женщин на сокольские балы по спискам могла быть и средством предотвращения контактов с представителями другой нации. Другим примером распространения тотальной идеи нации на данную сферу может служить размышление писательницы Берты Мюльштайновой (1841–1887) в первом чешском женском журнале *Lada* («Лада» — по имени славяно-балтского божества, считающегося продуктом «кабинетной мифологии») о разных типах фиктивных патриотов, в котором в том числе осуждались девушки, уезжавшие из преимущественно чешских городов и стремившиеся познакомиться с «турнером или лейтенантом»⁸¹. Известно также о негативной реакции националистической общественности на «непатриотичный» выбор романтического партнера, совершенный в 1867 г. Зденькой Гавличковой (1848–1872), дочерью чешского национального героя, журналиста Карела Гавличека-Боровского (1821–1856)⁸². Ранее в 1861–1862 гг. Й. Фигнер выступал в качестве одного из организаторов лотереи в поддержку «дочери чешкославянской нации»⁸³, а в мае 1862 г. «Пражский Сокол» участвовал в организации певческого праздника, приуроченного к проведению розыгрыша призов⁸⁴.

Наиболее предпочтительными романтическими партнерами чешек определялись не просто чехи, но активные участники чешского национального движения: так, 26 марта 1865 г. после вышеупомянутого публичного выступления М. Тырш произнес речь, в которой

⁷⁸ Ibid. 1867. 15 II: 3. См. Грачева Востриков 2016: 186–188.

⁷⁹ Титова 2002: 272–273, 275; Lenderová, Koričková, Burešová, Maur (eds) 2009: 450; Macura 2015: 399. Ср. Гапова 2007: 321–324; Рябов 2007: 49, 65.

⁸⁰ Maxwell 2005: 275, 283–284; Maxwell 2007.

⁸¹ Lada. 1864. № 22: 172–173. Об еще одном типе, выделенном Б. Мюльштайновой, см. Maxwell 2007: 418–419.

⁸² Macura 2015: 353–371.

⁸³ Národní listy. 1861. 10 X: 3.

⁸⁴ Ibid. 1862. 17 V: 2; Ibid. 19 V: 1.

юноши приглашались в «Пражский Сокол» или же им предлагалось оказывать гимнастам хотя бы материальную поддержку, тогда как девушек главный инструктор просил о следующем: «Побуждайте нерешительных (юношей. — В.К.), погоняйте нерадивых и да, позвольте ли сказать это, я бы хотел, чтобы те, кто решили не вступать в наши ряды, теряли ваше расположение»⁸⁵. Еще один пример проявления принципа тотальности — опубликованный в мае 1870 г. в посвященном военному делу пражском журнале *Žižka* («Жижка») анонимный призыв «Власта», обращенный ко всем чешкам: «На балу девушка не должна принимать приглашение от молодого человека, если он не является военным, “соколом” или стрелком»⁸⁶. В канун 1871 г. фельетонист *Moravská orlice* вспомнил об этом обращении и призвал в свою очередь чешских мужчин отдавать свои сердца только патриоткам: «Да подчинится любовь к женщине большой и возвышенной любви к Родине»⁸⁷.

Название «Власта» было отсылкой на созвучное слову «Родина» (чеш. *vlast*) имя легендарной героини так называемой Далимиловой хроники XIV в. В целом, историзм мышления националистов оказывал в этот период влияние на выбор языковых средств во всех сферах, включая любовную. Так, в 1862 г. в опубликованном в *Národní listy* поэтическом послании «сокола» к своей возлюбленной их встреча сравнивалась с легендой о чешском князе XI в. Ольдржихе и крестьянке Божене из хроник Козьмы Пражского (XII в.) и Вацлава Гаека из Либочан (XVI в.)⁸⁸.

Богемское общество и гендерная неконформность

Следует отметить, что, в отличие от последующего периода⁸⁹, известные мне источники 1860–1870-х годов «молчат» о квир-проблематике в связи с сокольством, что является свидетельством

⁸⁵ *Národní listy*. 1865. 28 III: 3.

⁸⁶ *Žižka*. 1870. № 16: 127.

⁸⁷ *Moravská orlice*. 1871. 1 I: 1. Подобная последовательность в мышлении центральноевропейских националистов не была всеобщей (Maxwell 2007: 425).

⁸⁸ *Národní listy*. 1862. 11 X: 3; *Козьма Пражский*. Чешская хроника / под ред. Г.Э. Санчука, Л.В. Разумовской, В.С. Соколова. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 83.

⁸⁹ Klement, Pezda 2021: 75; Seidl (ed.) 2014: 229; Zikmund-Lender 2013: 330.

отношения общества к этому явлению. Гомосексуальные связи являлись в монархии Габсбургов уголовно наказуемым деянием⁹⁰. Также стоит отметить, что они запрещались учением авраамических религий. Наконец, можно предположить, что подобные связи противоречили чешским националистическим образам мужчины и женщины⁹¹.

Редкие случаи публичного балансирования на традиционных границах гендера были связаны с различными чрезвычайными событиями и явлениями. Одним из таких событий стало польское Январское восстание 1863 г. Участница восстания Анна Пустовойтова (Пустовойтовна) (1838–1881) получила в этот период широкую известность: ради присоединения к боевым отрядам она переделалась в мужчину и взяла себе имя Михал Смок. Весной ее интернировали в Праге. 3 мая 1863 г. Пустовойтова приняла участие в «вылете» пражских «соколов» к замку Карлштейн⁹². «Дочь-героиня братской Польши» привлекала всеобщее внимание, публика выражала почтение и солидарность посредством различных песен и скандирования «Слава!»⁹³. Согласно данным историографии, провожавшие Пустовойтову на железнодорожной станции Карлштейн выкрикивали «Еще Польша не погибла» (первая строка «Мазурки Домбровского») пока она пила переданное ей пиво⁹⁴. Отношение к участнице польского восстания контрастировало с вышеописанным образом женщины этого периода как слабого и зависимого существа, пекущего «колачи» и не являющегося носителем «сокольскости». О всевропейской славе Пустовойтовой свидетельствует то, что вышеописанная поездка дала повод для первых известных мне упоминаний сокольского движения в английской прессе⁹⁵.

Другой пример такой пограничной ситуации касается Хулии (Юлии) Пастраны (1834–1860)⁹⁶. В начале 1865 г. в Праге демонстрировалось забальзамированное в Москве тело этой мексиканской

⁹⁰ Seidl (ed.) 2014: 6; Das Strafgesetz über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen, die Strafgerichts-Competenz-Verordnungen und die Press-Ordnung vom 27. Mai 1852 für das Kaiserthum Oesterreich. Wien: Kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1853. S. 56.

⁹¹ Ср. Рябов 2007: 62.

⁹² Hájek 1951; Secká 2015.

⁹³ Národní listy. 1863. 5 V: 3.

⁹⁴ Hájek 1951: 244.

⁹⁵ Hereford Times. 1863. 23 V: 13; Leeds Mercury. 1863. 15 V: 4.

⁹⁶ См. Морап 2017: 220–221.

женщины, отличавшейся большим количеством волос, в том числе в области подбородка (гипертрихоз)⁹⁷. Как отмечается в историографии, «своим существованием монстр ставит общие нормы, категории, классификации и ценности под вопрос»⁹⁸. Это в том числе касалось гендерных границ. 25 февраля 1865 г. один из участников первых «шибржинок» «Пражского Сокола» решил принять облик Х. Пастраны⁹⁹. В газетном отчете о сокольском маскараде сообщалось лишь о всеобщем удивлении от вида мужеподобной «героини дня», однако не известно, являлся ли обладатель этого костюма мужчиной или женщиной. В целом, общество в этот период признавало лишь два варианта пола человека и не признавало возможность его смены.

Чешское женское движение, гимнастика и новая феминность

Изучаемый период был связан не только с сохранением традиционных гендерных ролей, но также с пересмотром представлений о феминности. Наступление «века национализма», как считает ряд исследователей, стало одним из импульсов для движения за женскую эмансипацию: повышению статуса женщин способствовало то, что в их руках находилось домашнее воспитание, от которого во многом зависел идентификационный выбор будущих поколений¹⁰⁰. Так, изданный в 1843 г. литературный дебют Божены Немцовой (1820–1862) (взявшей псевдоним в честь вышеупомянутой легенды об Ольдржихе и Божене), стихотворение «Чешским женщинам», содержал сравнение того, чем могут пожертвовать женщины и мужчины во благо отечества. Текст оканчивался следующим призывом:

Чешские женщины, чешские матери!
Только одна у нас радость —
Растить детей
Для дорогой отчизны¹⁰¹.

⁹⁷ *Národní listy*. 1865. 30 I: 1.

⁹⁸ Морар 2017: 219. Это также справедливо применительно к вооруженным конфликтам (ср. Гапова 2007: 320–321; Рябов 2007: 86–87), таким как польское восстание 1863 г.

⁹⁹ *Národní listy*. 1865. 27 II: 2.

¹⁰⁰ *Bláha* 2003: 8, 15.

¹⁰¹ Гапова 2007: 318; Титова 2002: 272; *Květy*. 1843. № 27: 105.

Как и чешский национализм, женское движение изначально было преимущественно городским¹⁰², а его ключевые структуры располагались в Праге. Одна из таких структур — основанный в 1865 г. Американский клуб дам. Занимавшийся вопросами благотворительности и женского образования, клуб стал главным центром общественной активности чешских женщин в столице Богемии. Название этой неформальной организации было связано с публичными лекциями Войтеха Напрстека (Адалберта Фингергута) (1826–1894), мецената и популяризатора науки, техники и прогрессистских ценностей, о его эмигрантской жизни в США в 1850-е годы, и с образом этой страны как передовой в области женского образования и эмансипации вообще¹⁰³. 29 июня 1867 г. пражские «соколы» участвовали в обеспечении безопасности детского праздника Американского клуба на Роганском острове¹⁰⁴. В программу мероприятия входило гимнастическое выступление детей под руководством Яна Малипетра (1815–1899), богемского земельного преподавателя гимнастики¹⁰⁵. В марте 1869 г. М. Тырш прочел лекцию «Мохаммед и его учение» для членов клуба в доме В. Напрстека¹⁰⁶ (ранее в январе-марте 1868 г. он провел предназначенный для пражанок цикл лекций о древнегреческой скульптуре (пластике) в обществе «Художественная беседа»)¹⁰⁷. Наконец, 6 июня 1869 г. «соколы» следили за порядком во время открытия надгробного памятника Б. Немцовой, воздвигнутого на Вышеградском кладбище в Праге на средства Американского клуба¹⁰⁸. В изучаемый период чешские гимнасты регулярно участвовали в подобных мемориальных мероприятиях, связанных с выдающимися деятелями национальной литературы и науки, однако во всех других известных случаях они были посвящены мужчинам. При этом уже на следующий день после открытия памятника Б. Немцовой пражские «соколы» приняли участие в факельном шествии в честь другой

¹⁰² Horská 1999: 24.

¹⁰³ Horská 1999: 95–96; Malínská 2013: 43–44; Secká 1998: 6–7.

¹⁰⁴ *Národní noviny*. 1867. 4 VII: 2. В межвоенный период данный полуостров был присоединен к правому берегу Влтавы.

¹⁰⁵ Здесь и далее слово «земельный» используется в значении «относящийся к одной из австрийских коронных земель (территориально-административных единиц верхнего уровня в составе монархии Габсбургов)».

¹⁰⁶ *Květy*. 1870. № 10. S. 75–78; Sak 2012: 67; Schůtová 2018: 71.

¹⁰⁷ *Národní listy*. 1868. 23 I: 2; 18 III: 3.

¹⁰⁸ *Ibid.* 1869. 7 VI: 1.

женщины — оперной певицы Джузеппины Витали (1845–1915)¹⁰⁹. Уроженка Одессы Витали регулярно выступала во Временном театре в Праге, воспринимавшемся как замена еще не построенного чешского Национального театра.

Осенью 1869 г. еще одним значимым центром чешского женского движения стало Гимнастическое общество пражских дам и барышень. Его возникновению предшествовала длительная традиция проведения гимнастических занятий для девочек в Праге и других городах чешских земель¹¹⁰. Уже в 1840-х годах они проходили в пражском районе Мала-Страна под руководством первого богемского земельного преподавателя гимнастики, прусского уроженца Рудольфа Штефани (1817–1855)¹¹¹. Несколько частных гимнастических школ в столице Богемии и институт земельного преподавателя гимнастики стали значимыми проводниками немецко-чешского (и германо-австрийского) трансфера спортивной составляющей турнерской культуры, начавшегося задолго до учреждения первых сокольских и австро-немецких турнерских обществ. В 1856 г. должность земельного преподавателя на длительный период перешла к вышеупомянутому местному специалисту Я. Малипетру¹¹².

В 1862 г. в Праге было издано руководство по гимнастике для девочек, составленное преподавателем Богданом Ардельтом (1826–1910), учеником Р. Штефани¹¹³. Описав во введении полезное воздействие гимнастики на душу и тело человека, Ардельт отметил особенности женского организма, которые необходимо учитывать при проведении гимнастических упражнений, в первую очередь — меньшие физические размеры и силу¹¹⁴. Далее следовали иллюстрированные описания вольных упражнений

¹⁰⁹ Narodni listy. 1869. 8 VI: 2.

¹¹⁰ Под «гимнастикой» в рассматриваемый период подразумевалась вся палитра осознанной физической активности, направленной на улучшение состояния организма и развлечение, то есть спорт в его широком понимании, не предполагающем акцент на соревновании.

¹¹¹ *Weitenweber W.R.* Die medicinischen Anstalten Prag's, nach ihrem gegenwärtigen Zustande geschildert. Prag: Borrosch & André, 1845. S. 270.

¹¹² Lumír. 1856. № 4: 95.

¹¹³ *Ardelt B.* Tělocvik pro dívky // *Dívčí škola: stručný výbor vědomostí českým dívkám nejpotřebnějších* / ed. J. Pažout. Praha: I. L. Kober, 1862. Sv. II. Nauka o člověku. Tělocvik pro dívky. S. 63–96; Sokol. 1888. № 10: 164; Ibid. 1908. № 3: 65.

¹¹⁴ *Ardelt B.* Tělocvik pro dívky. S. 65–69.

и упражнений на снарядах¹¹⁵. Необходимо отметить, что хотя первое чешское спортивное методическое издание было предназначено для представительниц женского пола, в изучаемый период гимнастика оставалась преимущественно мужским занятием. В том же 1862 г. педагог Йозеф Едличка (1828–1896) опубликовал в пражском журнале *Lada* очерк о древнегреческих женщинах, в котором упоминались занятия гимнастикой спартанок: характерно, что автор не только отметил пользу от этих занятий для физического здоровья девушек, но также связал их с падением нравов и утратой женственности¹¹⁶.

Согласно В. Червинке, уже летом 1862 г., то есть через несколько месяцев после учреждения «Пражского Сокола», девушки начали использовать в своих нарядах элементы сокольской формы¹¹⁷, а некоторые из них даже заявили о желании стать членами общества¹¹⁸. Ранее, 29 мая, на заседании правления организации было принято решение о проведении занятий для девочек¹¹⁹. Согласно данным историографии, в ходе дискуссии обсуждались материальная выгода от этого предприятия, конкуренция с пражским «Турнферайном» и даже перспектива принятия женщин в качестве членов¹²⁰.

Лишь почти год спустя, в апреле 1863 г. в газете *Národní listy* было опубликовано приглашение на занятия для девочек в «Пражском Соколе»¹²¹. 11 октября того же года секретарь общества Витезслав (Виктор) Гут (1841–1911) в отчете общему собранию членов заявил, что теперь в столичном обществе гимнастика стала доступна для всех «без различия возраста и пола»¹²². При этом формально как девочки, так и мальчики проходили обучение не в «Соколе», а в частной школе врача и гимнастического инструктора Яна Мусила (1833/1834–1889). В 1866 г. из-за отъезда Мусила на работу в курортное Теплице

¹¹⁵ *Ardelt B. Tělocvik pro dívky. S. 69–96.*

¹¹⁶ *Lada. 1862. № 24: 186. См. Плуитарх. Сравнительные жизнеописания / подгот. изд. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 57; Lada. 1864. № 8: 61.*

¹¹⁷ *Červinka V. U kolébky. S. 79; Lada. 1862. № 17: 66 (praktická část).*

¹¹⁸ *Červinka V. U kolébky. S. 77.*

¹¹⁹ *ATVS NM. Fond Sokol. Kniha 76. S. 1; Lada. 1862. № 12: 95; Národní listy. 1862. 24 VI: 3.*

¹²⁰ *Bláha 2003: 12; Nolte 1993: 85; Waic 2013: 53–54.*

¹²¹ *Národní listy. 1863. 30 IV: 4. См. Lada. 1863. № 16: 128.*

¹²² *Národní listy. 1863. 13 X: 2.*

на севере Богемии¹²³ руководство школой перешло к М. Тыршу¹²⁴. Также в проведении занятий для девочек участвовали инструкторы Гинек Палла (1837–1896) и Йозеф Спурный (?–1884)¹²⁵. В газетных сообщениях подчеркивалось, что девочки посещали занятия в разное время с мальчиками¹²⁶ и взрослыми «соколами»¹²⁷.

1 июля 1866 г. в разгар Австро-Прусской войны М. Тырш организовал в пустевшей Праге публичное выступление девочек-гимнасток¹²⁸. Газета *Národní listy* писала, что оно «наилучшим способом опровергло возражения, согласно которым гимнастика почему-то якобы не подходит для девочек». В этом же сообщении было указано, что доступ на мероприятие имели только родители и «приглашенные дамы»¹²⁹, как и в билете на подобное мероприятие 1868 г.¹³⁰

Помимо «Пражского Сокола», девочки могли обучаться гимнастике и в отдельных учебных заведениях, например, в богемском Пршибраме¹³¹. Также после переезда в Кутна-Гору пражского инструктора Й. Спурного подобные занятия в течение 1865 г. проходили в местном «Соколе»¹³². В этом же году их завели и пражские турнеры¹³³.

Характерно, что первые жаловались при этом на «предрассудки отдельных барышень»¹³⁴, а вторые — на «господствовавшие предрассудки»¹³⁵. Тем не менее, постепенно общественные представления о телесной активности женщин менялись. Так, в 1865 г. в журнале *Lada* были размещены рекомендации по поводу формы для плавания и гимнастических занятий, которые были сопровождаемы наблюдением о превращении гимнастики из «неслыханной вещи»,

¹²³ *Národní listy*. 1865. 5 XI: 3.

¹²⁴ *Ibid.* 1866. 24 II: 2.

¹²⁵ *Sokol*. 1915. № 11: 201; *Ibid.* 1919. № 11–12: 204.

¹²⁶ *Národní listy*. 1863. 1 V: 3.

¹²⁷ *Ibid.* 1863. 9 XII: 3.

¹²⁸ Сообщение о подобном публичном выступлении в 1865 г. в мемуарах представляется неточным (*Sokol*. 1915. № 11: 201).

¹²⁹ *Národní listy*. 1866. 5 VII: 2.

¹³⁰ ATVS NM. Fond Sokol. Karton 16. № 246. S. 76.

¹³¹ *Tyrš M. Statistický přehled jednot Sokolských pro rok 1866*. Praha: Miroslav Tyrš, 1867. S. 12.

¹³² *Památník*. S. 274; *Tyrš M. Statisticko-historický přehled jednot Sokolských pro rok 1865*. Praha: Miroslav Tyrš, 1866. S. 90–91, 122.

¹³³ *Bohemia*. 1866. 28 I: 267.

¹³⁴ *Tyrš M. Statisticko-historický*. S. 91.

¹³⁵ *Bohemia*. 1870. 6 II: 452.

воспринимаемой как «искушение дьяволом», в «дело, получившее всеобщее признание», особенно среди «мамочек второй половинки нашего века»¹³⁶. Далее, в 1866 г. поэт Витезслав Галек (1835–1874) написал в одном из газетных фельетонов, что, если несколько лет назад женщины на коньках казались пражанам «какими-то паразитическими существами», то теперь они стали привычным явлением, однако подобные «мещанские взгляды» все еще распространялись на женщин, гребущих веслами¹³⁷.

Согласно принятым в этот период нормам морали, подраставшие девушки, занимавшиеся гимнастикой в школе при «Пражском Соколе», не могли после достижения определенного возраста продолжать свои занятия под руководством мужчин. Чтобы решить эту проблему, М. Тырш организовал в 1866 г. курсы для женщин-инструкторов¹³⁸. Уже в 1867 г. он мог указывать в газетных объявлениях жирным шрифтом, что девочки и девушки занимаются в его школе под женским руководством¹³⁹. Подобные указания на пол преподавателей содержались в этот период и в рекламе музыкальных учебных заведений¹⁴⁰.

Летом 1869 г. М. Тырш пошел еще дальше и инициировал создание Гимнастического общества пражских дам и барышень, стоявшего вне сокольского движения, но опиравшегося на сокольскую культуру и продолжавшего ее развитие. Хотя в прессе сообщалось о европейском первенстве этого предприятия¹⁴¹, в историографии утверждается, что образцом послужило распущенное к тому моменту Девичье гимнастическое общество «Туснельда» в Берлине, основанное в 1860 г. (также в первой половине 1860-х годов в этом городе действовали подобные организации «Гертруда» и «Елена»)¹⁴². Известные источники не упоминают об этом обстоятельстве, что, впрочем, могло быть связано с германофобией чешских националистов. Тырш привлек как девушек, ранее обучавшихся в школе и на инструкторских курсах при «Пражском Соколе» (являвшихся таким образом непосредственным

¹³⁶ Lada. 1865. № 15: 117.

¹³⁷ *Národní listy*. 1866. 5 VI: 1. Cp. Waic 2021: 16.

¹³⁸ *Národní listy*. 1866. 24 II: 2; *Ibid.* 20 III: 3.

¹³⁹ *Ibid.* 1867. 3 X: 3.

¹⁴⁰ *Ibid.* 1867. 5 I: 4.

¹⁴¹ *Ibid.* 1869. 13 X: 2.

¹⁴² Sak 2012: 82; *Statistisches Jahrbuch der Turnvereine Deutschlands* / hrsg. von G. Hirth. Leipzig: Ernst Keil, 1863. S. 25–26, 34; *Zweites statistisches Jahrbuch der Turnvereine Deutschlands* / hrsg. von G. Hirth. Leipzig: Ernst Keil, 1865. S. 22.

предшественником женского гимнастического общества), так и не связанных с занятиями гимнастикой представительниц столичного чешского женского сообщества¹⁴³: часть участниц подготовительного комитета состояла в Американском клубе дам и других женских организациях¹⁴⁴. Особо значимыми представляются фигуры Катержины Фигнеровой (1834–1906), Клемени (Клементины) Ганушовой (1845–1918) и Софии Подлипской (1833–1897). К. Фигнерова была вдовой первого старосты «Пражского Сокола» Й. Фигнера, воспринимавшегося к этому моменту как символ сокольского движения. 18 июля 1869 г. прошла масштабная церемония открытия его надгробного памятника на Ольшанском кладбище в Праге, в которой приняли участие представители множества сокольских обществ и других чешских националистических организаций, включая Американский клуб¹⁴⁵. Через пять дней, 23 июля, в квартире К. Фигнеровой прошло первое подготовительное собрание женского гимнастического общества¹⁴⁶. В архивах сохранилось ее письмо к руководству «Пражского Сокола» от 15 октября с просьбой о предоставлении «соколовны» для занятий членов новой организации¹⁴⁷. В целом, однако, роль К. Фигнеровой имела скорее больше символическое, чем практическое значение: хотя она вошла в состав правления общества¹⁴⁸, однако не принимала активного участия в его деятельности, не считая предоставления книг из библиотеки мужа¹⁴⁹. Кроме того, ее дочь Рената (1854–1937), посещавшая занятия для девочек в школе при «Пражском Соколе», стала одним из гимнастических инструкторов женского общества¹⁵⁰. Уход К. Фигнеровой из правления организации и ее дочери из коллектива инструкторов осенью 1871 г. связывается исследовательницей Йиткой Шутовой с внутренним конфликтом, вызванным стремлением М. Тырша жениться на юной Ренате¹⁵¹ (реализованным в августе 1872 г.)¹⁵².

¹⁴³ Památník. S. 278.

¹⁴⁴ Bláha 2003: 14.

¹⁴⁵ Národní listy. 1869. 21 VII: 2.

¹⁴⁶ Ibid. 1869. 22 XI: 2; Památník. S. 278.

¹⁴⁷ Manželka. S. 438.

¹⁴⁸ Národní listy. 1869. 22 XI: 2.

¹⁴⁹ Schütová 2018: 71–72; Sokol. 1871. № 3: 27; Ibid. 1919. № 11–12: 204.

¹⁵⁰ Sokol. 1872. № 6: 47; Ibid. 1919. № 11–12: 204–205.

¹⁵¹ Schütová 2018: 75; Manželka. S. 440.

¹⁵² Národní listy. 1872. 28 VIII: 3.

В историографии также упоминаются якобы имевшие место романтические отношения между М. Тыршем и Клеменей (Клементиной) Ганушовой, главным инструктором Гимнастического общества пражских дам и барышень¹⁵³. Как и К. Фигнерова, она являлась одной из «крестных» знамени «Пражского Сокола»¹⁵⁴. Интерес Клеменей к гимнастике и приверженность идеям чешского национализма были связаны в том числе с влиянием отца, известного литературоведа Игнаца Яна Гануша (1812–1869), а начало освоения методики упражнений — с посещением школы Я. Малипетра¹⁵⁵. Затем она прошла курсы М. Тырша и стала одним из инструкторов в его школе¹⁵⁶. Помимо К. Ганушовой, к новой организации присоединились также несколько ее сестер¹⁵⁷.

Возглавившая новое общество София (Жофия) Подлипская была одним из лидеров чешского женского движения. Известно, что накануне появления гимнастической организации она предприняла неуспешную попытку учредить женское общество «Тетин»¹⁵⁸ (названное в честь града легендарной Тетки, считавшегося местом смерти святой Людмилы)¹⁵⁹. Подлипская, как и ее сестра К. Светлая, занималась писательским трудом. В то время художественное искусство, включая литературу, музыку и театр, принадлежало к одной из немногих сфер, позволявших женщине заявить о себе как о самостоятельной личности, а не жене, вдове или дочери некоего выдающегося мужчины. Характерно, что первый заместитель С. Подлипской, Венцеслава Лужицкая (1832–1920), также занялась писательством в 1870-е годы¹⁶⁰. Вскоре опыт руководства организацией нашел отражение в их творчестве. Героиня рассказа Подлипской «Живая кукла» (1871), восьмилетняя Людмила, посещала занятия по гимнастике¹⁶¹.

¹⁵³ Štěpánová 2005: 64.

¹⁵⁴ Národní listy. 1862. 2 VI: 1.

¹⁵⁵ Bláha 2003: 13; Korrespondence a zápisky Jana Helceleta (ed. Kabelík J.). Brno: Historická komise při Matici Moravské, 1910. S. 87. См. Swierczeková 2010.

¹⁵⁶ Sokol. 1909. № 6: 126; Ibid. 1919. № 11–12: 204; Swierczeková 2010: 64–65.

¹⁵⁷ Národní listy. 1869. 22 XI: 2; Sokol. 1871. № 4: 34; Ibid. 1872. № 6: 47.

¹⁵⁸ Národní listy. 1869. 3 IX: 2.

¹⁵⁹ *Козьма Пражский*. Чешская хроника. С. 36, 249–250.

¹⁶⁰ В период учреждения общества Лужицкая использовала свое официальное имя — Анна Србова (Národní listy. 1869. 22 XI: 2).

¹⁶¹ Zlaté lístky: dárek útlověkým dívkám do Zlaté knihy zapsaným / spoř. K. A. Madiera. Písek: Zlatá kniha, 1871. Č. 9. S. 71.

В свою очередь В. Лужицкая писала в наставлениях для молодых женщин о значении гимнастики для детского здоровья¹⁶².

29 сентября 1869 г. был утвержден устав Гимнастического общества пражских дам и барышень¹⁶³, 24 октября газета *Národní listy* опубликовала воззвание с призывом вступать в новую организацию¹⁶⁴. В этом обращении новое общество было представлено как преследующее национальные интересы, а также отмечена несправедливость дискриминации женщин в области образования. 1 ноября в пражской «соколовне» начались гимнастические занятия¹⁶⁵, а 21 ноября там же прошло учредительное общее собрание¹⁶⁶.

Несмотря на пионерский характер общества, ряд используемых в период его учреждения языковых средств относились к домодерному гендерному дискурсу. Так, само название новой организации отражало значение замужества для положения женщины в этот период¹⁶⁷. В газетном отчете об учредительном общем собрании приводился список членов правления: напротив имени каждой из них обозначалось, идет ли речь о даме или барышне¹⁶⁸. В материалах о «соколах» указания на то, холосты ли они или женаты, обычно не встречались. Характерным с точки зрения гендерных отношений также был выбор термина для должности главного инструктора. В сокольских обществах обычный инструктор обозначался словом *cvičitel* («проводящий упражнения»), а главный — *náčelník* («предводитель», «глава», «командующий»)¹⁶⁹. Для чешского языка характерно частое использование феминативов, однако если женщина-инструктор обозначалась словом *cvičitelka*, то женщина — главный инструктор — не словом *náčelnice*, а менее «амбициозным» словосочетанием *první cvičitelka* (то

¹⁶² *Lužická V. Žena ve svém povolání*. Praha: Ženský svět, 1872. S. 88.

¹⁶³ *Národní listy*. 1869. 22 XI: 2.

¹⁶⁴ *Ibid.* 1869. 24 X: 2 (příloha).

¹⁶⁵ *Sokol*. 1919. № 11–12: 206.

¹⁶⁶ *Národní listy*. 1869. 22 XI: 2.

¹⁶⁷ Согласно поздним данным, изначальным вариантом названия было *Tělocvičný spolek paní a děvčat pražských*, однако в итоге множественная форма слова *děvče* была заменена на соответствующую форму слова-синонима *dívka* (*dívek*) (*Sokol*. 1919. № 11–12: 206). В прессе организацию также иногда называли гимнастическим обществом «чешских», а не «пражских» «дам и барышень» (*Národní listy*. 1869. 24 VIII: 1 (příloha)).

¹⁶⁸ *Národní listy*. 1869. 22 XI: 2. Чеш. *paní* и *slečna*.

¹⁶⁹ *Pravidla Tělocvičné jednoty pražské Sokola*. Praha: Sokol pražský, 1862. S. 10.

есть «первая (главная) женщина-инструктор»¹⁷⁰. Впрочем, во главе нового общества, как и в сокольских организациях, стоял «староста» (чеш. *starostka* соответствующее существительному мужского рода *starosta*)¹⁷¹.

Осмотрительными «пражские дамы и барышни» были не только в выборе языковых средств, но и в публичной активности. На учредительном собрании С. Подлипская исключила участие нового общества в «любых демонстрациях за пределами гимнастического зала, включая “вылеты” и тем более шествия»¹⁷². Подобное стремление избегать общественного внимания также было характерно для берлинской «Туснельды»¹⁷³. Впрочем, члены пражского общества поддерживали такие практики чешской неполитической политики, как похороны значимых деятелей и сборы средств на важные с националистической точки зрения цели, включая строительство Национального театра¹⁷⁴. Для членов организовывались занятия по пению¹⁷⁵, а также лекции на такие темы, как анатомия¹⁷⁶, воздухоплавание и женская гимнастика в Древней Греции¹⁷⁷.

Согласно уставу, гимнастика была основной сферой деятельности общества¹⁷⁸. При этом, как и в «Пражском Соколе», лишь меньшая часть его членов принимала участие в занятиях: например, в конце 1870 г. — 22 из 123 человек¹⁷⁹. Аренда гимнастического зала на выгодных условиях¹⁸⁰ и регулярная помощь в других вопросах делали новое общество зависимым от столичного «Сокола». Однако, в отличие от «Туснельды»¹⁸¹, в правлении и инструкторском коллективе пражской организации не было мужчин. В 1871 г. корреспондент газеты *Národní listy* писал, что, побывав на общем собрании общества, он «узнал о том, что чешские дамы и барышни способны вести

¹⁷⁰ *Národní listy*. 1869. 22 XI: 2.

¹⁷¹ *Ibid*; *Pravidla*. S. 4.

¹⁷² *Národní listy*. 1869. 22 XI: 2.

¹⁷³ *Illustrierte Zeitung*. 1861. №940: 18.

¹⁷⁴ *Sokol*. 1871. №3: 27; *Ibid*. №4: 34.

¹⁷⁵ *Ibid*. 1872. №6: 47.

¹⁷⁶ *Národní listy*. 1870. 31 I: 2.

¹⁷⁷ *Ibid*. 1871. 3 VI: 1 (příloha).

¹⁷⁸ *Bláha* 2003: 24.

¹⁷⁹ *Sokol*. 1871. №3: 27.

¹⁸⁰ *Ibid*.

¹⁸¹ *Illustrierte Zeitung*. 1861. №940: 18.

дискуссии в парламентском духе, несмотря на то, что наша общественная жизнь предоставляет им для этого мало возможностей»¹⁸².

В вышеупомянутом воззвании, опубликованном в октябре 1869 г., незадолго до учреждения общества, отмечалась необходимость женского руководства занятиями¹⁸³. Это обосновывалось не моральными соображениями, а «женскостью», то есть пониманием потребностей представителей своего пола. Данная идея была развита в статьях К. Ганушовой в журнале *Sokol*. Главный инструктор считала, что «только женщины являются компетентными в вопросе определения и установления границ женской гимнастики <...>, только женщины в наиболее полной мере знают свои обстоятельства и потребности»¹⁸⁴. По ее мнению, значительная часть встречавшихся в современной ей литературе ограничений на нагрузки для женщин и все опасения по поводу утраты ими красоты и женственности (как душевной, так и физической) оказались необоснованными¹⁸⁵. 29 июня 1870 г. под руководством Ганушовой прошло первое публичное гимнастическое выступление «пражских дам»¹⁸⁶.

В 1872 г., через десять лет после издания пособия Б. Ардельта, главный инструктор общества опубликовала методическое руководство «Девичья гимнастика». Как было отмечено во введении к данной работе, К. Ганушова и ее коллеги исходили, несмотря на внесение отдельных изменений, из наработок М. Тырша и других «соколов»¹⁸⁷. Другим проявлением влияния сокольской культуры могло быть использование красного цвета в костюме для гимнастических занятий «пражских дам и барышень»¹⁸⁸. При этом необходимо отметить, что женский спортивный костюм не мог включать в себя штаны, что было связано с определенной антиэротичностью культуры XIX в.¹⁸⁹, проявления которой упоминались выше в связи с танцами. В руководстве Ардельта гимнасткам рекомендовалось надеть юбку и куртку из легких тканей и оголить шею и голову, а также отмечалась

¹⁸² Národní listy. 1871. 24 I: 3.

¹⁸³ Ibid. 1869. 24 X: 2 (příloha).

¹⁸⁴ Sokol. 1871. № 5: 40.

¹⁸⁵ Ibid. 1871. № 5: 39–40.

¹⁸⁶ Národní listy. 1870. 1 VII: 3; Ženské listy. 1870. № 2: 7.

¹⁸⁷ Hanušová K. Dívčí tělocvik. Praha: B. Stýblo, 1872. S. 3.

¹⁸⁸ Sokol. 1919. № 1–2: 12; Ibid. № 11–12: 212; Štěpánová 2003. Ср.: Illustrierte Zeitung. 1861. № 940: 17; Ibid. 1862. № 966: 13; Lada. 1865. № 15: 117.

¹⁸⁹ Титова 2002: 274; Macura 2015: 390–403.

непрактичность корсета¹⁹⁰. Форма членов пражского общества не была предназначена для коллективного участия в мероприятиях, не связанных с гимнастикой. Также, согласно воспоминаниям Р. Тыршовой, «пражские дамы и барышни» не использовали обращения «ты»¹⁹¹. Подобным образом, члены организации не задействовали другие маскулинные практики социальности, у них не было знамени и эмблемы и т. д.

Новая организация способствовала внедрению гимнастики в программу женского образования: К. Ганушова и другие инструкторы проводили занятия для учениц начальных и средних школ, для обучающихся в учительских институтах, а также в Школе для глухонемых¹⁹². Принятый 14 мая 1869 г. «закон Гаснера», затрагивавший «принципы обучения в народных школах», декларативно устанавливал почти одинаковые наборы обязательных предметов для мужских и женских средних образовательных учреждений, включавшие гимнастику; единственным отличием было обучение в последних женским ручным работам и ведению домашнего хозяйства¹⁹³.

В середине 1870 г. важным элементом сформировавшегося чешского эмансипационного движения стал журнал *Ženské listy* («Женский журнал»)¹⁹⁴. В начале следующего 1871 г., реагируя на начало издания журнала *Sokol*, С. Подлипская отметила на страницах *Ženské listy*, что воспитываемые гимнастическими занятиями добродетели составляют идеал не только мужественности, но и женственности¹⁹⁵. В этот же период возникло общество «Взаимность», призванное содействовать женскому образованию и трудоустройству. Предварительная запись членов велась в пражской «соколовне» как резиденции пражских гимнасток¹⁹⁶, а сама их организация получила статус члена-учредителя «Взаимности»¹⁹⁷.

¹⁹⁰ *Ardelt B. Tělocvik pro dívky*. S. 68–69.

¹⁹¹ *Sokol*. 1919. № 1–2: 11.

¹⁹² *Ibid.* 1872. № 6: 47.

¹⁹³ *Reichs-Gesetz-Blatt für das Kaiserthum Österreich*. Jahrgang 1869. Wien: Kaiserlich-königliche Hof- und Staatsdruckerei, 1869. S. 277, 279, 281. Закон получил свое название по имени министра вероисповеданий и образования Леопольда Гаснера фон Арта (1818–1891).

¹⁹⁴ До середины 1872 г. — приложение к изданию *Květy* («Цветы»).

¹⁹⁵ *Ženské listy*. 1871. № 2: 7.

¹⁹⁶ *Ibid.*: 5.

¹⁹⁷ *Sokol*. 1872. № 6: 47.

Чешское женское движение было распространено в первую очередь в Праге, однако ряд организаций и неформальных объединений также действовал в других городах Богемии и Моравии¹⁹⁸. Так, известно, что возникший в конце изучаемого периода Клуб пльзеньских дам сотрудничал с местным «Соколом»¹⁹⁹. Также в 1870–1871 гг. в городах Йиндржихув-Градец и Градец-Кралове были предприняты попытки применить пражский опыт женского руководства гимнастическими занятиями, но, судя по молчанию источников последующего периода, эти инициативы постепенно утасли²⁰⁰.

За пределами Праги «соколы» почти не обучали девочек гимнастике, хотя к 1871 г. число чешских гимнастических обществ превысило 120²⁰¹. Ни одна моравская сокольская организация не проводила занятия для девочек, тогда как в Богемии, помимо вышеупомянутого кутна-горского эксперимента, можно отметить, что в 1868 г. исключением был город Роуднице²⁰², а в 1871 г. — пражский район Мала-Страна²⁰³ и города Млада-Болеслав и Полна²⁰⁴. Кроме того, известно, что в 1871 г. вышеупомянутый чешский инструктор Я. З. Веселый инициировал проведение подобных занятий в люблянском «Соколе»²⁰⁵. В «Турнферайнах» они велись заметно чаще: в 1865 г. — в 15 из 65 богемских, моравских и силезских обществ, заполнивших анкеты статистического сборника, а в 1871 г. — в 21 из 66²⁰⁶.

При этом, по имеющимся сведениям, в конце изучаемого периода в Австрии и соседних государствах не существовало женских немецких гимнастических организаций, подобных чешскому объединению «пражских дам и барышень». Проявлением неприятия таких обществ со стороны мужчин стало второе общенемецкое собрание преподавателей гимнастики в Гере (Тюрингия) в июне 1862 г., на котором

¹⁹⁸ Horská 1999: 69–71.

¹⁹⁹ Sokol. 1871. № 20: 162.

²⁰⁰ Národní listy. 1870. 12 VII: 3; Ibid. 1871. 24 I: 3; Sokol. 1872. № 6: 47.

²⁰¹ Sokol. 1871. № 23: 185.

²⁰² *Tyrš M., Čermák F.* Sborník sokolský pro rok 1868. Praha: B. Stýblo, 1869. S. 65, 190.

²⁰³ Národní listy. 1870. 25 XII: 4. Cp. Národní noviny. 1868. 13 X: 2.

²⁰⁴ Sokol. 1871. № 9: 75; *Kareis K.* Srovnávací statistický výpis jednot sokolských s částí siloměrnou a mapou dle sčítání počátkem ledna 1871. Praha: I. L. Kober, 1871. S. 22.

²⁰⁵ Južni Sokol. 1871. № 3: 12; *Novice gospodarske, obrtniške in narodne.* 1871. 13 IX: 302; Pavlin 2003: 275–276.

²⁰⁶ *Drittes statistisches Jahrbuch der Deutschen Turnerschaft / hrsg. von F. Goetz, A. F. Böhme.* Leipzig: Ernst Keil, 1871. S. 168–170; *Statistisches.* S. 186–188.

осуждалось «нарушение границ женственности» и было принято заключение, предостерегавшее против учреждения «девичьих “Турн-ферайнов”»²⁰⁷. Также пражское общество не имело аналогов в рамках чешского сегмента австрийской сети добровольных обществ, хотя уже в первом сообщении об организации в газете *Národní listy* высказывалась надежда, что этому примеру последуют в других городах²⁰⁸. Подобным образом в 1871 г. на страницах журнала *Sokol* К. Ганушова предположила, что благодаря деятельности провинциальных сокольских обществ могут быть созданы условия для появления в будущем самостоятельных женских чешских гимнастических организаций²⁰⁹. Однако она считала, что «развитие женской гимнастики очевидно не относится к направлениям деятельности сокольства и не входит в число его целей».

Обзор последующего развития

Подъем чешской женской гимнастики начался только в конце XIX в., при этом, вопреки предположениям К. Ганушовой, он был связан не только с сокольской культурой, но и с сокольским движением: при изначально мужских обществах стали возникать многочисленные женские или «дамские» отделы²¹⁰. Очевидно, что это было связано с наблюдавшимися в тот период во всей Европе общими изменениями в гендерных отношениях: так, распространение терминов «феминизм»²¹¹ и «женское движение»²¹² в чешской публицистике произошло именно во второй половине 1890-х годов (при этом понятие «эмансипация женщин» относительно часто встречалось уже в изучаемый период)²¹³. В это же десятилетие в чешской сокольской среде получил распространение термин *náčelnice* (женщина-главный

²⁰⁷ Lion J. C. Turnen // Pädagogischer Jahresbericht von 1863 für die Volksschullehrer Deutschlands und der Schweiz / hrsg. A. Lüben. Leipzig: Friedrich Brandstetter, 1864. S. 281; Neue Jahrbücher für die Turnkunst / hrsg. M. Kloss. Dresden: G. Schönfeld, 1862. Bd. 8. S. 201; Cp. Ibid. S. 57.

²⁰⁸ *Národní listy*. 1869. 24 VIII: 3.

²⁰⁹ *Sokol*. 1871. № 5: 40.

²¹⁰ Jandásek, Pelikán 1946: 37–38, 48–49; Nolte 1993: 88; Schütová 2003: 68–69; Strachová 2019: 273–278; Waic 2013: 73.

²¹¹ *Národní listy*. 1896. 24 IV: 1. Cp. Ibid. 1883. 15 II: 1 (odpolední vydání).

²¹² Ibid. 1895. 8 X: 1.

²¹³ Ibid. 1862. 20 IX: 2.

инструктор)²¹⁴, а слово *sokolka* начало обозначать не только головной убор, но и лицо женского пола, вовлеченное в сокольское движение²¹⁵. Наконец, для обращения к таким женщинам стало использоваться слово «сестра»²¹⁶.

В 1902 г. Гимнастическое общество пражских дам и барышень вошло в состав Чешского сокольского союза (основанного в 1889 г. и окончательно объединившего все богемские, моравские и силезские организации к 1906 г.), а в 1912 г. оно было преобразовано в женский отдел при «Пражском Соколе»²¹⁷ (согласно данным историографии, объединение обществ было завершено лишь в 1921 г.)²¹⁸. В первой половине XX в. одним из главных символов сокольского движения стали пражские фестивали-слеты, опиравшиеся на традицию публичных выступлений изучаемого периода²¹⁹. В 1901 г. женщины впервые приняли участие в этом мероприятии, а в 1912 г. — представили собственную хореографическую картину²²⁰. Наконец, необходимо упомянуть предоставление женщинам ограниченного права членства в сокольских обществах в 1911 г. и полного — в 1920 г.²²¹ В 1915 г. внимание прессы привлекло моравское село Ловчице, где в условиях мобилизации наиболее подходящим кандидатом на пост старосты местного «Сокола» была признана женщина²²².

Что касается рядовых членов, в 1913 г. в Чешском сокольском союзе состояло более 106 000 мужчин и 21 000 женщин²²³, в 1937 г. в Чехословацком сокольском союзе — более 281 000 мужчин и 131 000 женщин²²⁴, а в 1948 г., незадолго до роспуска организации, — более 328 000 мужчин и 240 000 женщин (таким образом, доля последних

²¹⁴ Narodní listy. 1895. 7 XI: 4.

²¹⁵ Ibid. 1893. 11 VIII: 2.

²¹⁶ Sokol. 1896. № 10: 206.

²¹⁷ Bláha 2003: 24; Štěpánová 2003.

²¹⁸ Schůťová 2003: 71–72.

²¹⁹ Первый слет прошел в 1882 г. под названием «Юбилейное торжество “Пражского Сокола”».

²²⁰ Jandásek, Pelikán 1946: 51; Klement, Pezda 2021: 58, 69–70; Roubal 2016: 67–68; Schůťová 2003: 69, 72; Waic 2013: 73.

²²¹ Jandásek, Pelikán 1946: 64–65; Nolte 1993: 96–98, 100; Schůťová 2003: 70–72; Waic 2013: 74–75.

²²² Národní listy. 1915. 15 IV: 5 (večerní vydání). Ср. примечание 98.

²²³ Sokol. 1915. № 9–10: 181. Включая ограниченное число членов из Нижней Австрии.

²²⁴ Waic 2016: 25.

постоянно увеличивалась)²²⁵. Несмотря на такую популярность, в первой половине XX в. сокольские общества столкнулись с конкуренцией за внимание чешских женщин со стороны католических и рабочих гимнастических организаций, объединений туристов, а также центров соревновательного спорта²²⁶. Подобно сокольству, часть из этих организаций была связана с различными политическими идеологиями. Представляется, что в «коротком XX в.» распространение националистической и социалистической идеологий могло выступать в качестве не только одного из импульсов, но и сдерживающих факторов в процессе женской эмансипации²²⁷. Характерными в этом отношении являются проанализированные историком Петром Рубалом хореографические картины, составлявшие главный пункт программы чехословацких спартакиад (опиравшихся на традицию сокольских слетов): в период так называемой нормализации они были связаны скорее с традиционалистским, чем с прогрессистским взглядом на роль женщины в обществе²²⁸.

Массовое уничтожение евреев во время Второй мировой войны и депортация чехословацких немцев в послевоенный период привели к постепенным изменениям в чешских националистических представлениях о Других. Также можно предположить, что в настоящее время образы групп, выполняющие соответствующую функцию в чешском националистическом мышлении, в меньшей степени ассоциируются с недостатком маскулинности. Как отражение глубины распространения современного гендерного дискурса в рамках современной чешской культуры может быть рассмотрено избрание первой женщины на пост старосты Чешского сокольского союза (вновь учрежденного в 1990 г.): в 2011 г. эту организацию возглавила экономист Гана Моучкова²²⁹. Наконец, необходимо отметить, что на деятельность чешских сокольских обществ XXI в. также оказывает влияние постмодерный гендерный дискурс, связанный в том числе с нормализацией небинарности, и что, как свидетельствует

²²⁵ Statistická příručka Československé republiky 1948. Praha: Státní úřad statistický, 1948. S. 125–126.

²²⁶ О женщинах в рабочих гимнастических обществах см.: Moravec 2022: 119–131.

²²⁷ Ср. Гапова 2007: 313–318; Рябов 2007: 63–64; Klement, Pezda 2021: 74–75.

²²⁸ Roubal 2015: 339–345; Roubal 2016: 170–171, 199–204.

²²⁹ При этом в литературе отмечается влияние условно домодерного гендерного дискурса на современное сокольство (Klement, Pezda 2021: 75).

вышеупомянутый словенский пример (1871 г.), распространение сокольского движения и сокольской культуры повлияло на развитие гендерных отношений далеко за пределами изучаемого региона — среди прочего, оно способствовало общемировому развитию женской гимнастики: это в том числе касается учебных заведений и гимнастических обществ в Российской империи в последние десятилетия «долгого XIX в.»²³⁰, а также русской эмиграции первой волны²³¹. В настоящее время возглавляемое Г. Моучковой чешское объединение входит во Всемирный сокольский союз, президентом которого также является женщина — Джин Грубы, глава Американской сокольской организации.

Заключение

Вероятно, многие люди, жившие в 1860-е — начале 1870-х годов в чешских землях, восприняли бы вышеприведенный очерк последующего развития изучаемых явлений и процессов с удивлением. В исследуемый период значительная часть чешских националистов, включая членов сугубо мужских сокольских обществ, исходила из домодерного гендерного дискурса, связанного с подчиненным положением женщин. Входившие в этот дискурс традиционные представления о мужских добродетелях, дополненные новой идеей о значимости эстетического развития, легли в основу образа «соколов» как воплощения чешской национальной маскулинности и носителей разнообразных положительных физических и духовных свойств, разделявших идеалы мужского братства, готовых к защите родины от врагов и, соответственно, представлявших особую значимость для реализации национальных интересов. Чешский националистический образ немцев и немецкий националистический образ чехов, наоборот, были связаны с отказом Другой стороне в истинной маскулинности. Далее, необходимо отметить, что несмотря на отдельные случаи балансирования на традиционных границах гендера, общество в этот период признавало лишь два варианта пола человека и не признавало возможность его смены.

²³⁰ *Вондрачек О.* О системе женской сокольской гимнастики // Сокол. Учебный отдел. 1911–1912. № 6. С. 29–32.

²³¹ Sokol. 1925. № 11: 243.

Многие элементы идеального образа мужчины-чеха воспринимались как противоположные женской природе. Женщины регулярно участвовали в мероприятиях сокольских обществ, однако в большинстве случаев их роль отражала гендерные отличия и неравноправие. Им приписывались преимущественное пребывание вне публичной сферы, ведение домашнего хозяйства, приготовление еды, ношение условно не вызывающей сексуальное влечение одежды, набожность, физическая слабость, отсутствие способностей для политической деятельности и восхищение «соколами». Как политическая религия, чешский национализм стремился придать свои смыслы романтическим отношениям мужчин и женщин, определяя исключительно чехов и в первую очередь — активных участников чешского национального движения как подходящих партнеров для чешек (и наборот), а также соотнося эти отношения с чешским историческим нарративом.

В изучаемый период наблюдалось постепенное распространение современного гендерного дискурса, включая пересмотр представлений о феминности. Одним из импульсов для движения за женскую эмансипацию стал подъем национализма, что было связано с влиянием матерей на идентификационный выбор будущих поколений. «Пражский Сокол» учредил гимнастическую школу, в которой проводились занятия как для мальчиков, так и для девочек, а также сотрудничал с Американским клубом дам — главным центром общественной активности чешских женщин в столице Богемии. Кроме того, первая сокольская организация всесторонне поддерживала Гимнастическое общество пражских дам и барышень. Если вопрос о влиянии примера подобных берлинских организаций на учреждение данного общества представляется дискуссионным, то в качестве его непосредственного предшественника могут быть определены женские инструкторские курсы при гимнастической школе М. Тырша. Опиравшееся на сокольскую культуру и продолжавшее ее развитие, женское гимнастическое общество тем не менее стояло вне сокольского движения. Для данного общества были свойственны стремление избегать общественного внимания и использование ряда языковых средств, относившихся к домодерному гендерному дискурсу. При этом организация являлась значимым центром чешского женского движения, сотрудничавшим с другими его структурами, представлявшим пример успешного участия женщин в публичной жизни

и осуществления ими руководящих функций, а также обществом, способствовавшим совершенствованию методики женской гимнастики и ее внедрению в образовательных учреждениях. Во второй половине изучаемого периода в Центральной Европе не существовало других подобных организаций. Кроме того, в большинстве провинциальных сокольских обществ не проводились занятия для девочек.

Ограниченный характер распространения новых представлений о гендерных отношениях в 1860-е — начале 1870-х годов соответствовал общему промежуточному состоянию развития модернизационных процессов. Об их нелинейном характере свидетельствует сочетание элементов домодерного и модерного гендерных дискурсов в чешской националистической культуре, включая переплетавшиеся в рамках сокольской (суб)культуры традиционные и новые маскулинности и феминности.

Список сокращений

ATVS NM — Archiv dějin tělesné výchovy a sportu Národního muzea, Praha
MZA — Moravský zemský archiv, Brno

Литература

- Гапова 2007 — *Гапова Е.* Гендер и постсоветские нации: Личное как Политическое // *Ab Imperio*. 2007. № 1. С. 309–328. DOI: 10.1353/imp.2007.0040
- Грачева, Востриков 2016 — *Грачева Е.Н., Востриков А.В.* Царские кудри и барская спесь: Из комментариев к «Истории одного города» // *Щедринский сборник*. Вып. 5: М. Е. Салтыков-Щедрин в контексте времени / ред.-сост. Е. Н. Строганова. М.: РИО МГУДТ, 2016. С. 174–190.
- Котов 2019 — *Котов В.В.* Ян Гус, гуситы и «соколы»: инструментализация событий XV века чешскими националистами и отзвуки их акций в Российской империи (1862–1916) // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2(5). С. 102–126. URL: <http://voxmediiaevi.com/2019-2-kotov> (дата обращения: 06.07.2023). DOI: 10.24411/2587-6619-2019-00015
- Котов 2020 — *Котов В.В.* Южнославянско-чешский культурный трансфер образа сокола как формы репрезентации нации // *Люди, львы, орлы, куропадки... Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе*. Сб. науч. статей / под ред. М.В. Лескинен, Е.А. Яблокова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 61–88. DOI: 10.31168/0441-1.02

- Михайлин 2006 — *Михайлин В.Ю.* Citissime, altissimo, fortissimo. Несколько эпизодов из истории европейской состязательной атлетики // Отечественные записки. 2006. № 6. С. 6–23.
- Рябов 2007 — *Рябов О.* «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2007. 290 с.
- Титова 2002 — *Титова Л.Н.* «Сердце чеху я отдала...»: Женские образы в прозаических и поэтических произведениях чешских авторов в первой половине XIX века // Национальный Эрос и культура: В 2 т. / сост. Г. Д. Гачев, Л. Н. Титова. М.: Ладомир, 2002. Т. 1: Исследования. С. 272–281.
- Цимбаева 1999 — *Цимбаева Е.Н.* Современное состояние гендерных исследований по материалам международных конференций: информационно-аналитический обзор // Теоретические проблемы исторических исследований: информационно-аналитический бюллетень Центра теоретических проблем исторической науки / отв. ред. Е. И. Пивовар. Вып. 2. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Исторический факультет, 1999. С. 151–163.
- Bahenská 2005 — *Bahenská M.* Počátky emancipace žen v Čechách: dívčí vzdělávání a ženské spolky v Praze v 19. století. Praha: Libri-Slon, 2005. 175 s.
- Bláha 2003 — *Bláha F.* Úloha “Tělocvičného spolků paní a dívek pražských” v emancipačním hnutí českých žen před první světovou válkou // Tělesná výchova a sport žen v českých a dalších středoevropských zemích: vznik a vývoj do druhé světové války / usp. J. Schůtová, M. Waic. Praha: Národní muzeum, 2003. S. 7–27.
- Bláha 2013 — *Bláha F.* Frauenkörper im Fokus: Wahrnehmung zwischen Straße und Turnplatz in Prag und Dresden vor dem Ersten Weltkrieg. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. 282 s.
- Hájek 1951 — *Hájek Z.* Výlet pražského “Sokola” na Karlštejn v r. 1863 a Henryka Pustowojtowová // Časopis Společnosti přátel starožitností. 1951. Roč. 59. № 4. S. 239–247.
- Hanuš 2004 — *Hanuš J.* Historie moderní doby: rozhovory o základních pojmech, událostech a problémech 19. století. Brno: Barrister & Principal, 2004. 193 s.
- Heczková 2010 — *Heczková L.* Tělo v pohybu. Národní sokolské tělo od daltonismu k rytmicke // Tělo a tělesnost v české kultuře 19. století: sborník příspěvků z 29. ročníku symposia k problematice 19. století: Plzeň, 26.–28. února 2009 / usp. T. Petrasová, P. Machalíková. Praha: Academia, 2010. S. 157–167.
- Hejmová 2022 — *Hejmová A.* Obrazy těla: vizualita tělesné kultury v kolektivní paměti. Praha: Vysoká škola uměleckoprůmyslová v Praze, 2022. 151 s.
- Hlavačka (ed.) 2014 — *České země v 19. století: proměny společnosti v moderní době* / ed. M. Hlavačka. Praha: Historický ústav, 2014. Sv. I. 480 s.
- Hofmann 2000 — *Hofmann A.R.* Lady “Turners” in the United States: German American Identity, Gender Concerns, and “Turnerism” // Journal of Sport History. Vol. 27. № 3. P. 383–404.

- Horská 1999 — *Horská P.* Naše prababičky feministky. Praha: Lidové noviny, 1999. 124 s.
- Hroch 2009 — *Hroch M.* Národy nejsou dílem náhody: příčiny a předpoklady utváření moderních evropských národů. Praha: Sociologické nakladatelství, 2009. 315 s.
- Hutečka 2012 — *Hutečka J.* Militární maskulinita jako koncept historiografického bádání // Konstrukce maskulinní identity v minulosti a současnosti: koncepty, metody, perspektivy / eds R. Švaříčková-Slabáková, J. Hutečka. Praha: Lidové noviny, 2012. S. 36–46.
- Jandásek, Pelikán 1946 — *Jandásek L., Pelikán J.* Stručné dějiny Sokolstva. 1862–1912. Praha: Československá obec Sokolská, 1946. 68 s.
- Klement, Pezda 2021 — *Klement M., Pezda J.* Přemysl's Soldiers and Libuše's Companions: On Gender and the Limits of Female Emancipation in the Sokol Gymnastic Movement // Critical Reflections on Physical Culture at the Edges of Empire / ed. by F.J. Cleophas. Stellenbosch: African Sun Media, 2021. P. 57–83. DOI: 10.2307/j.ctv1nzg1zm.7
- Konývková Frýbertová 2020 — *Konývková Frýbertová T.* Performativita sokolského hnutí v období formování moderního českého národa. Brno: Masarykova univerzita, 2020. 126 s.
- Lenderová 2002 — *Lenderová M.* Pár slov úvodem // Eva nejen v ráji: Žena v Čechách od středověku do 19. století / ed. M. Lenderová. Praha: Karolinum, 2002. S. 7–11.
- Lenderová, Kopiczková, Burešová, Maur (eds) 2009 — Žena v českých zemích od středověku do 20. století / eds M. Lenderová, B. Kopiczková, J. Burešová, E. Maur. Praha: Lidové noviny, 2009. 853 s.
- Lenderová, Tinková, Hanulík 2014 — *Lenderová M., Tinková D., Hanulík V.* Tělo mezi medicínou a disciplínou: proměny lékařského obrazu a ideálu lidského těla a tělesnosti v dlouhém 19. století. Praha: Lidové noviny, 2014. 641 s.
- Libichová 2015 — *Libichová L.* Ženský Sokol // Studia Ethnologica Pragensia. 2015. № 2. S. 102–109.
- Macura 2015 — *Macura V.* Znamení zrodu a české sny. Praha: Academia, 2015. 655 s.
- Malínská 2013 — *Malínská J.* “My byly, jsme a budeme!”: české ženské hnutí 1860–1914 a idea českého národa. Praha: Lidové noviny, 2013. 250 s.
- Maxwell 2005 — *Maxwell A.* Nationalizing sexuality: Sexual stereotypes in the Habsburg Empire // Journal of the History of Sexuality. 2005. Vol. 14. № 3. P. 266–290.
- Maxwell 2007 — *Maxwell A.* National endogamy and double standards: sexuality and nationalism in East-Central Europe during the 19th Century // Journal of Social History. 2007. Vol. 41. № 2. P. 413–433.
- Moravec 2022 — *Moravec R.* Tělesná cvičení jako emancipační prostředek? Ženský tělocvik od Sokola k Dělnickým tělocvičným jednotám // Časopis Matice moravské. 2022. Roč. 141. № 1. S. 107–133.

- Neudorflková 1999 — *Neudorflová M.* České ženy v 19. století: úsilí a sny, úspěchy i zklamání na cestě k emancipaci. Praha: Janua, 1999. 446 s.
- Nolte 1993 — *Nolte C. E.* “Every Czech a Sokol!”: Feminism and nationalism in the Czech Sokol // *Austrian History Yearbook*. Vol. 24. 1993. P. 79–100.
- Nolte 2002 — *Nolte C. E.* The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the nation. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 258 p.
- Pavlin 2003 — *Pavlin T.* “Escape from the Kitchen” — Physical Education and Sports among Women on Slovene Territory until World War II // *Tělesná výchova a sport žen v českých a dalších středoevropských zemích: vznik a vývoj do druhé světové války* / usp. J. Schůtová, M. Waic. Praha: Národní muzeum, 2003. S. 274–280.
- Randák, Nečasová 2010 — *Randák J., Nečasová D.* Genderové aspekty konstrukce reálného a symbolického těla // *Tělo a tělesnost v české kultuře 19. století: sborník příspěvků k 29. ročníku symposia k problematice 19. století: Plzeň, 26.–28. února 2009* / usp. T. Petrasová, P. Machálková. Praha: Academia, 2010. S. 139–148.
- Roubal 2015 — *Roubal P.* Tělo národa: Československá spartakiáda z pohledu genderu // *Vyvláštěný hlas: Proměny genderové kultury české společnosti 1948–1989* / eds H. Havelková, L. Oates-Indruchová. Praha: Slon, 2015. S. 321–349.
- Roubal 2016 — *Roubal P.* Československé spartakiády. Praha: Academia, 2016. 405 s.
- Sak 2012 — *Sak R.* Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, výtvarný kritik. Praha: Vyšehrad, 2012. 327 s.
- Secká 1998 — *Secká M.* Americký klub dam // *Paginae Historiae: sborník Státního ústředního archivu v Praze*. 1998. Roč. 6. № 1. S. 5–20.
- Secká 2015 — *Secká M.* Polští revolucionáři a výlet na Karlštejn: Henryka Pustowojtowna, sokolové a Vojta Náprstek // *Dějiny a současnost*. 2015. Roč. 37. № 6. S. 38–40.
- Seidl (ed.) 2014 — *Teplá Praha: průvodce po queer historii hlavního města: 1380–2000* / ed. J. Seidl. Brno: Černé pole, 2014. 295 s.
- Schůtová 2003 — *Schůtová J.* Ženy v Sokole // *Tělesná výchova a sport žen v českých a dalších středoevropských zemích: vznik a vývoj do druhé světové války* / usp. J. Schůtová, M. Waic. Praha: Národní muzeum, 2003. S. 66–79.
- Schůtová 2018 — *Schůtová J.* Kateřina Fügnerová // *Manželka, matka, tchyně: dochované památky a korespondence Kateřiny Fügnerové* / ed. J. Schůtová. Praha: Národní muzeum, 2018. S. 12–108.
- Strachová 2019 — *Strachová M.* Emancipation of women in physical education. Paper on history of the women’s unit of Sokol Brno I (1902–1934) // *Historický časopis*. 2019. Roč. 67. № 2. S. 265–288. DOI: 10.31577/histcaso.2019.67.2.4
- Strachová 2020 — *Strachová M.* Sokol Brno I, 1862–1938: dějiny elitní moravské jednoty. Brno: Masarykova univerzita, 2020. 183 s.

- Swierczeková 2010 — *Swierczeková L.* Klemeňa Hanušová // Cesty k samostatnosti. Portréty žen v éře modernizace / ed. P. Vošahlíková, J. Martínek. Praha: Historický ústav, 2010. S. 62–69.
- Španihelová 2016 — *Španihelová M.* Tělocvičný spolek Sokol a otázka modelace české národní identity // Vektory kulturního vývoje: Identity, utopie, hrdinové / ed. P. A. Bílek, M. Procházka, J. Wiendl. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2016. S. 29–42.
- Štěpánová 2003 — *Štěpánová I.* Tělocvičný spolek paní a dívek pražských // Lidé města. 2003. Roč. 5. № 10. S. 59–77.
- Štěpánová 2005 — *Štěpánová I.* Renáta Tyršová. Praha; Litomyšl: Paseka, 2005. 320 s.
- Waic 2013 — *Waic M.* Tělovýchova a sport ve službách české národní emancipace. Praha: Karolinum, 2013. 211 s.
- Waic 2016 — *Waic M.* Tělesná výchova a sport v politickém životě meziválečného Československa. Praha: Národohospodářský ústav Josefa Hlávky, 2016. 193 s.
- Waic 2021 — *Waic M.* Development of Women's Sport in Central Europe before the First World War // Sport i Turystyka. Środkowoeuropejskie Czasopismo Naukowe. 2021. T. 4. № 4. S. 11–20. DOI: 10.16926/sit.2021.04.23
- Westberg 2018 — *Westberg J.* Adjusting Swedish gymnastics to the female nature: Discrepancies in the gendering of girls' physical education in the mid-nineteenth century // Espacio, Tiempo y Educación. 2018. Vol. 5. № 1. P. 261–279. DOI: 10.14516/ete.162
- Zikmund-Lender 2013 — *Zikmund-Lender L.* “Nakřivo rostlý výhonek”. Obrazy homosexuality v umění české dekadence // Homosexualita v dějinách české kultury / ed. M. C. Putna. Praha: Academia, 2013. S. 321–337.

References

- Bahenská, M., 2005. *Počátky emancipace žen v Čechách: dívčí vzdělávání a ženské spolky v Praze v 19. století*. Praha: Libri-Slon, 175 p.
- Bláha, F., 2003. Úloha “Tělocvičného spolků paní a dívek pražských” v emancipačním hnutí českých žen před první světovou válkou In: Schůtová, J., Waic, M., eds. *Tělesná výchova a sport žen v českých a dalších středoevropských zemích: vznik a vývoj do druhé světové války*. Praha: Národní muzeum, pp. 7–27.
- Bláha, F., 2013. *Frauenkörper im Fokus: Wahrnehmung zwischen Straße und Turnplatz in Prag und Dresden vor dem Ersten Weltkrieg*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 282 p.
- Gapova, E., 2007. Gender i postsovetskíe natsii: Lichnoe kak Politicheskoe [Gender and Post-Soviet Nations: The private as the political]. *Ab Imperio*, 2007, 1, pp. 309–328. DOI: 10.1353/imp.2007.0040 (in Rus.)
- Gracheva, E. N., Vostrikov, A. V., 2016. Tsarskie kudri i barskaia spes : Iz kommentariiev k «Istorii odnogo goroda» [Tsarskie kudri and barskaya spes': from

- the commentary on «The history of a town»]. In: Stroganov, E.N., ed. *Shchedrinskii sbornik. Vypusk 5: M. E. Saltykov-Shchedrin v kontexte vremeni* [Shchedrin's miscellany. Vol. 5. Mikhail Yevgrafovich Saltykov-Shchedrin in the context of time]. Moscow: RIO MGUDT, pp. 174–190. (in Rus.)
- Hájek, Z., 1951. Výlet pražského “Sokola” na Karlštejn v r. 1863 a Henryka Pustowojtowová. *Časopis Společnosti přátel starožitností*, 1951, 59, 4, pp. 239–247.
- Hanuš, J., 2004. *Historie moderní doby: rozhovory o základních pojmech, událostech a problémech 19. století*. Brno: Barrister & Principal, 193 p.
- Heczková, L., 2010. Tělo v pohybu. Národní sokolské tělo od daltonismu k rytmicce. In: Petrasová, T., Machalíková, P., eds. *Tělo a tělesnost v české kultuře 19. století: sborník příspěvků z 29. ročníku symposia k problematice 19. století: Plzeň, 26.-28. února 2009*. Praha: Academia, pp. 157–167.
- Hejmová, A., 2022. *Obrazy těla: vizualita tělesné kultury v kolektivní paměti*. Praha: Vysoká škola uměleckoprůmyslová v Praze, 151 p.
- Hlavačka, M., ed., 2014. *České země v 19. století: proměny společnosti v moderní době*, I. Praha: Historický ústav, 480 p.
- Hofmann, A. R., 2000. Lady “Turners” in the United States: German American identity, gender concerns, and “Turnerism”. *Journal of Sport History*, 2000, 27, 3, pp. 383–404.
- Horská, P., 1999. *Naše prababičky feministky*. Praha: Lidové noviny, 124 p.
- Hroch, M., 2009. *Národy nejsou dílem náhody: příčiny a předpoklady utváření moderních evropských národů*. Praha: Sociologické nakladatelství, 315 p.
- Hutečka, J., 2012. Militární maskulinita jako koncept historiografického bádání. In: Švaiřčková-Slabáková, R., Hutečka, J., eds. *Konstrukce maskulinní identity v minulosti a současnosti: koncepty, metody, perspektivy*. Praha: Lidové noviny, pp. 36–46.
- Jandásek, L., Pelikán, J., 1946. *Stručné dějiny Sokolstva. 1862–1912*. Praha: Československá obec Sokolská, 68 p.
- Klement, M., Pezda, J., 2021. Přemysl's Soldiers and Libuše's Companions: On Gender and the Limits of Female Emancipation in the Sokol Gymnastic Movement. In: Cleophas, F.J., ed. *Critical reflections on physical culture at the edges of Empire*. Stellenbosch: African Sun Media, pp. 57–83. DOI: 10.2307/j.ctv1nzg1zm.7
- Konývková Frýbertová, T., 2020. *Performativita sokolského hnutí v období formování moderního českého národa*. Brno: Masarykova univerzita, 126 p.
- Kotov, V. V., 2019. Ian Gus, gusity i “sokoly”: instrumentalizatsiia sobytii XV veka cheshskimi natsionalistami i otzvuki ikh aktsii v Rossiiskoi imperii (1862–1916) [Jan Hus, the Hussites, and the Sokols: the instrumentalisation of the fifteenth-century events by Czech nationalists and the repercussions of these actions in the Russian Empire (1862–1916)]. *Vox medii aevi*, 2(5), pp. 102–126. URL: <http://voxmediaevi.com/2019-2-kotov> (accessed: 06.07.2023). DOI: 10.24411/2587-6619-2019-00015 (in Rus.)

- Kotov, V. V., 2020. Iuznoslaviansko-cheshskii kul'turnyi transfer obraza sokola kak formy reprezentatsii natsii [The South-Slavic–Czech cultural transfer of the falcon image as a nation's representation form]. In: Leskinen, M. V., Iablokov, E. A., eds. *Liudi, l'vy, orly, kuropatki... Antropomorfnye i zoomorfnye reprezentatsii natsii i gosudarstv v slavianskom kul'turnom diskurse* [People, lions, eagles, quails... Anthropomorphic and zoomorphic representations of nations and states in the Slavic cultural discourse]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 61–88. DOI: 10.31168/0441-1.02 (in Rus.)
- Lenderová, M., 2002. Pár slov úvodem. In: Lenderová, M., ed. *Eva nejen v ráji: Žena v Čechách od středověku do 19. století*. Praha: Karolinum, pp. 7–11.
- Lenderová, M., Kopiczková, B., Burešová, J., Maur, E., eds, 2009. *Žena v českých zemích od středověku do 20. století*. Praha: Lidové noviny, 853 p.
- Lenderová, M., Tinková, D., Hanulík, V., 2014. *Tělo mezi medicínou a disciplínou: proměny lékařského obrazu a ideálu lidského těla a tělesnosti v dlouhém 19. století*. Praha: Lidové noviny, 641 p.
- Libichová, L., 2015. Ženský Sokol. *Studia Ethnologica Pragensia*, 2, pp. 102–109.
- Macura, V., 2015. *Znamení zrodu a české sny*. Praha: Academia, 655 p.
- Malínská, J., 2013. “*My byly, jsme a budeme!*”: české ženské hnutí 1860–1914 a idea českého národa. Praha: Lidové noviny, 250 p.
- Maxwell, A., 2005. Nationalizing sexuality: Sexual stereotypes in the Habsburg Empire. *Journal of the History of Sexuality*, 14, 3, pp. 266–290.
- Maxwell, A., 2007. National endogamy and double standards: Sexuality and nationalism in East-Central Europe during the 19th century. *Journal of Social History*, 41, 2, pp. 413–433.
- Mikhailin, V. Iu., 2006. Citissime, altissimo, fortissimo. Neskol'ko epizodov iz istorii evropeiskoi sostiazatel'noi atletiki [The fastest, the highest, the strongest. Several episodes from the history of the European competitive athletics]. *Otechestvennye zapiski*, 6, pp. 6–30. (in Rus.)
- Moravec, R., 2022. Tělesná cvičení jako emancipační prostředek? Ženský tělocvik od Sokola k Dělnickým tělocvičným jednotám. *Casopis Matice moravské*, 141, 1, pp. 107–133.
- Neudorflová, M., 1999. *České ženy v 19. století: úsilí a sny, úspěchy i zklamání na cestě k emancipaci*. Praha: Janua, 446 p.
- Nolte, C. E., 1993. “Every Czech a Sokol!”: Feminism and nationalism in the Czech Sokol. *Austrian History Yearbook*, 24, pp. 79–100.
- Nolte, C. E., 2002. *The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 258 p.
- Pavlin, T., 2003. “Escape from the Kitchen” — Physical Education and Sports among Women on Slovene Territory until World War II. In: Schütová, J., Waic, M., eds. *Tělesná výchova a sport žen v českých a dalších střeoevropských zemích: vznik a vývoj do druhé světové války*. Praha: Národní muzeum, pp. 274–280.

- Randák, J., Nečasová, D., 2010. Genderové aspekty konstrukce reálného a symbolického těla. In: Petrasová, T., Machalíková, P., eds. *Tělo a tělesnost v české kultuře 19. století: sborník příspěvků z 29. ročníku symposia k problematice 19. století: Plzeň, 26.-28. února 2009*. Praha: Academia, pp. 139–148.
- Riabov, O., 2007. “Rossiia-Matushka”: *Natsionalizm, gender i voina v Rossii 20 veka* [“Mother Russia”: nationalism, gender, and war in twentieth-century Russia]. Stuttgart: ibidem-Verlag, 290 p. (in Rus.)
- Roubal, P., 2015. Tělo národa: Československá spartakiáda z pohledu genderu. In: Havelková, H., Oates-Indruchová, L., eds. *Vývolaný hlas: Proměny genderové kultury české společnosti 1948–1989*. Praha: Slon, pp. 321–349.
- Roubal, P., 2016. *Československé spartakiády*. Praha: Academia, 405 p.
- Sak, R., 2012. *Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, výtvarný kritik*. Praha: Vyšehrad, 327 p.
- Secká, M., 1998. Americký klub dam. *Paginae Historiae: sborník Státního ústředního archivu v Praze*, 6, 1, pp. 5–20.
- Secká, M., 2015. Polští revolucionáři a výlet na Karlštejn: Henryka Pustowojtowna, sokolové a Vojta Náprstek. *Dějiny a současnost*, 37, 6, pp. 38–40.
- Seidl, J., ed., 2014. *Teplá Praha: průvodce po queer historii hlavního města: 1380–2000*. Brno: Černé pole, 295 p.
- Schůtová, J., 2003. Ženy v Sokole. In: Schůtová, J., Waic, M., eds. *Tělesná výchova a sport žen v českých a dalších středoevropských zemích: vznik a vývoj do druhé světové války*. Praha: Národní muzeum, pp. 66–79.
- Schůtová, J., 2018. Kateřina Fügnerová. In: Schůtová, J., ed. *Manželka, matka, tchyně: dochované památky a korespondence Kateřiny Fügnerové*. Praha: Národní muzeum, pp. 12–108.
- Strachová, M., 2019. Emancipation of women in physical education. Paper on history of the women’s unit of Sokol Brno I (1902–1934). *Historický časopis*, 67, 2, pp. 265–288. DOI: 10.31577/histcaso.2019.67.2.4
- Strachová, M., 2020. *Sokol Brno I, 1862–1938: dějiny elitní moravské jednoty*. Brno: Masarykova univerzita, 183 p.
- Swierczeková, L., 2010. Klementina Hanušová. In: Vošahlíková, P., Martínek, J., eds. *Cesty k samostatnosti. Portréty žen v éře modernizace*. Praha: Historický ústav, pp. 62–69.
- Španihelová, M., 2016. Tělocvičný spolek Sokol a otázka modelace české národní identity. In: Bílek, P. A., Procházka, M., Wiendl, J., eds. *Vektory kulturního vývoje: Identity, utopie, hrdinové*. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, pp. 29–42.
- Štěpánová, I., 2003. Tělocvičný spolek paní a dívek pražských. *Lidě města*, 5, 10, pp. 59–77.
- Štěpánová, I., 2005. *Renáta Tyršová*. Praha; Litomyšl: Paseka, 320 p.
- Titova, L. N., 2002. “Serditse chekhu ia otdala...”: Zhenskíe obrazy v prozaicheskikh i poeticheskikh proizvedeniiaxh cheshskikh avtorov v pervoi polovine 19 veka [“I gave my heart to a Czech man...”: Images of women in the

- Czech prose and poetry in the first half of the nineteenth century]. In.: Gachev, G. D., Titova, L. N., eds. *Natsional'nyi Eros i kul'tura* [National Eros and culture], 1. Moscow: Ladomir, pp. 272–281. (in Rus.)
- Tsimbaeva, E. N., 1999 Sovremennoe sostoianie gendernykh issledovaniĭ po materialam mezhdunarodnykh konferentsii: informatsionno-analiticheskiĭ obzor [The current state of gender studies (based on international conferences papers): a state of the art review]. In.: Pivovar, E. I., ed. *Teoreticheskie problemy istoricheskikh issledovaniĭ: informatsionno-analiticheskiĭ biulleten' Tsentra teoreticheskikh problem istoricheskoi nauki* [Theoretical problems of historical research: informational and analytical bulletin of the Centre for theoretical problems of historical science], 2. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova, Istoricheskii fakul'tet, pp. 151–163. (in Rus.)
- Waic, M., 2013. *Tělovýchova a sport ve službách české národní emancipace*. Praha: Karolinum, 211 p.
- Waic, M., 2016. *Tělesná výchova a sport v politickém životě meziválečného Československa*. Praha: Národohospodářský ústav Josefa Hlávky, 193 p.
- Waic, M., 2021. Development of women's sport in Central Europe before the First World War. *Sport i Turystyka. Środkowoeuropejskie Czasopismo Naukowe*, 4, 4, pp. 11–20. DOI: 10.16926/sit.2021.04.23
- Westberg, J., 2018. Adjusting Swedish gymnastics to the female nature: Discrepancies in the gendering of girls' physical education in the mid-nineteenth century. *Espacio, Tiempo y Educación*, 5, 1, pp. 261–279. DOI: 10.14516/ete.162
- Zikmund-Lender, L., 2013. “Nakřivo rostlý výhonek”. Obrazy homosexuality v umění české dekadence. In: Putna, M. C., ed. *Homosexualita v dějinách české kultury*. Praha: Academia, pp. 321–337.

Viktor V. Kotov

Junior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow,
Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: vikvikkot@gmail.com

The Sokol Movement, the Sokol Culture, and Gender Relations in Bohemia and Moravia from the 1860s to the early 1870s

Socially constructed gender relations are explored by the example of the *Sokol* (Czech for “falcon”) movement and the Sokol culture in Bohemia and Moravia in the 1860s and at the beginning of the 1870s. The Sokol clubs combined Czech nationalism with gymnastics. The study is based on the analysis of newspapers and other primary sources. The majority of Czech nationalists followed the pre-modern gender discourse, which implied the subordination of women. This discourse included the idea of male virtues that influenced the image of Sokol as the embodiment of Czech national masculinity. The Czech nationalist image of Germans, as well as the German nationalist image of Czechs, was associated with the *others'* lack of masculinity. Another important component of the Sokol identity was the sense of beauty. Although nineteenth-century society had acknowledged the existence of only two genders and had denied the possibility of gender transition, there were some cases of crossing traditional gender boundaries. The role of women in Sokol events reflected gender inequality and gender stereotypes. As a political religion, nationalism assigned political meaning to the romantic relationships between men and women. The positive approach of Czech nationalists to the women's movement was to a great extent caused by the mother's role in the formation of the child's identity. Sokols cooperated with the *Prague American Ladies' Club* and supported the *Gymnastic Club of the Ladies and Girls of Prague* (1869). This club sought to avoid public attention, didn't use the masculine elements of Sokol culture and promoted gymnastics as a part of female education. In the late 1860s the club was the only one of its kind in Central Europe. Limited dissemination of the modern gender discourse and its interrelation with the premodern one corresponded with the intermediate phase of modernization processes and their non-linear nature.

Keywords: Czech nationalism, Czech sports, femininity, gender history, Gymnastic Club of the Ladies and Girls of Prague, masculinity, modernization, Sokol movement, women's sports

Acknowledgements: The author would like to thank Nadezhda Dmitrievna Kotova and Kirill Sergeevich Krasovsky for providing him with the papers on this topic.

How to cite: Kotov, V. V., 2023. Sokol'skoe dvizhenie, sokol'skaia kul'tura i gender-nye otnosheniia v Bogemii i Moravii v 1860-e – nachale 1870-kh godov. *Central-European Studies*, 6, pp. 163–207. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.7>.

Людмила Константиновна Новосельцева

Младший научный сотрудник, Институт славяноведения
РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект 32А.
E-mail: mnovoseltseva91@gmail.com

Движение сербских женщин в Австро-Венгрии во второй половине XIX — начале XX в.: идеология, организации, лидеры

В статье анализируется эволюция феминистской мысли и формирование движения сербских женщин в Австро-Венгрии во второй половине XIX — начале XX в. Его зарождению предшествовала дискуссия в среде молодежной общественно-политической организации *Омладина* о роли женщин в национальных процессах — конструировании сербской идентичности и обретении суверенитета. Представители социалистической и либеральной фракции предложили два образа — соратницы и матери, которые функционировали в пропаганде, направленной на этнополитическую мобилизацию женщин. Материнский образ имел особое значение для сохранения идентичности сербов монархии Габсбургов, которые после переустройства империи на принципах дуализма оказались под угрозой ассимиляции. Привлечение женщин к решению проблем сообщества и осмысление их роли для социума спровоцировало развитие феминистской мысли, за которым последовало оформление женского движения. Ключевыми его фигурами были Драга Деянович (1840–1871) и Милица Томич (1859–1944). В начале 1870-х годов Деянович потребовала равного доступа к среднему и высшему образованию для мужчин и женщин и сформулировала концепцию «просвещенного материнства», реализуя которую, либеральные деятели национального движения стали действовать в интересах женщин. Тогда же появились моноэтнические женские организации с гуманитарно-просветительскими миссиями — это был культурно приемлемый способ участия женщин из высших кругов в общественной жизни сербского сообщества Австро-Венгрии. Благодаря деятельности авторов журнала *Жена* («Женщина») и главному редактору Милице Томич движение сербских женщин получило идеологическое оформление. Именно Милица Томич, используя как личный, так и общий опыт пребывания сербов в публичном пространстве, оказала влияние на изменение вектора развития женского движения от удовлетворения национальных потребностей в сторону эмансипации на правовом и социальном уровне.

Ключевые слова: женские символы, женское движение, национальное движение, Драга Деянович, Милица Томич, журнал *Жена* («Женщина»)

Цитирование: Новосельцева Л. К. Движение сербских женщин в Австро-Венгрии во второй половине XIX — начале XX в.: идеология, организации, лидеры // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 208–241. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.8>.

Изучение движения сербских женщин второй половины XIX — начала XX в. еще не имеет устойчивой традиции. Национальная историография, по сути, располагает единственным трудом югославской активистки и правозащитницы Неды Божинович (1917–2001) «Женский вопрос в Сербии в XIX–XX вв.»¹, в котором был представлен анализ эволюции феминистской мысли и самоорганизации женщин в сербском социокультурном пространстве. Несмотря на то, что работа носит обзорный характер, автору удалось отразить основную тенденцию в развитии женского движения — до Первой мировой войны оно развивалось как один из национальных процессов. Это утверждение делает неправомерными попытки ряда исследователей и публицистов «обнаружить» феминизм раньше, чем движение и идеология действительно укоренились на сербской почве в межвоенный период. В статье термин «феминизм» используется в соответствии с определением, которое в научный оборот ввела американский историк Карен Оффен: «Это система идей и общественных движений за социально-политические изменения, основанные на критическом анализе привилегированного положения мужчин и подчиненного положения женщин в обществе»². С одной стороны, активность сербских женщин во второй половине XIX — начале XX в. была направлена на решение вопросов, которые формулировали и представительницы первой волны феминизма в Западной Европе и США: право на образование и оплачиваемую трудовую деятельность, гражданские и политические права, свобода выбора и репродуктивные права³. Также сербское женское движение с европейскими роднит его связь с либеральным и радикальным политическими течениями. С другой стороны, оно имело характерную особенность, так как оформилось в ходе эволюции национального движения, а его идеологи ставили перед женщинами задачу сохранения сербской культурной идентичности, а не преодоление гендерного неравенства.

¹ Božinović 1996.

² Offen 1998.

³ Вершинина 2013: 7.

Сербское национальное движение — тема хорошо изученная, исследования охватывают различные его аспекты: идеологию, идейные течения, социальную базу, наследие. Однако гендерный аспект участия в национальном движении и проблема разделения ролей между мужчинами и женщинами не получили достаточного освещения в литературе, строго говоря, можно назвать только докторскую диссертацию С. Стефанович «Нация и пол. Женщины в Сербии с середины XIX в. до начала Второй мировой войны»⁴. Как заметил О. В. Рябов, это можно объяснить тем фактом, что большинство теорий рассматривают процессы национального строительства с точки зрения политических и интеллектуальных элит, «не учитывая опыт маргинальных групп, таких как женщины или население колоний»⁵. Представляется, что сербки в Австро-Венгрии имели опыт в иерархической системе патриархальной власти и опыт представителей этнического меньшинства в многонациональной империи, поэтому в данной работе предпринята попытка определить, что для них было более значимым — дискриминация, препятствующая их общественно-политической активности, или национальное угнетение.

Постколониальный феминизм особое внимание уделял проблеме языка как символическому ресурсу конструирования идентичности и, вместе с тем, создания инаковости и маргинализации дискриминируемых объектов. В классическом эссе «Могут ли угнетенные говорить?» Гайятри Спивак продемонстрировала, как «помещение» женщин в национальную традицию — идеологию национальной независимости и создания суверенного государства — лишало их права участия в публичной жизни общества и во власти⁶. Поэтому важно проанализировать идеальные женские образы, транслировавшиеся сербской политической элитой в качестве стандартов приемлемого поведения. Как альтернативное видение представлены концепции активисток Драги Деянович (1840–1871) и Милицы Томич (1859–1944), для которых национальные и феминистские ценности были равнозначны, и то, как какое внимание их проектам уделяли политические элиты. Также в работе охарактеризованы формы участия

⁴ Stefanović 2013.

⁵ Рябов 2008: 42.

⁶ Спивак 2022.

женщин в национальном движении сербов Австро-Венгрии, такие как благотворительность, просветительская и агитационная деятельность, издание журналов.

Гендерные символы сербской национальной идеи: полемика деятелей Омладины на рубеже 1860–1870-х годов

В 1860-х годах понятия «женский вопрос», «эмансипация», «права женщин» стали предметом серьезного осмысления и обсуждения в сербской среде в связи с процессами модернизации общества и национального строительства. Первый опыт политической и социальной перцепции женщин стал возможен благодаря культурно-просветительской и общественно-политической организации *Уједињена омладина српска* (1866–1872, Объединенная сербская молодежь, далее *Омладина*), ядром которой было поколение молодых общественно-политических деятелей Сербии и Австрийской монархии, в большинстве получивших образование в высших учебных заведениях Западной и Центральной Европы и Российской империи. Женщины с самого начала принимали участие в деятельности общества, однако в равноправные члены были приняты на третьей скупщине в августе 1868 г.

Исследователи сходятся во мнении, что возникновение гендерного дискурса в сербском социокультурном пространстве связано с публицистическим наследием Светозара Марковича (1846–1875), социалиста, лидера левой фракции *Омладины*. В одной из агитационных статей под его редакцией «К сербской молодежи» (1868 г.) содержалось одно из первых политических обращений к соотечественницам:

Сестры-сербки! Забудьте на мгновение об “опере и фантазиях”, пойте то, что на сердце у героев. Забросьте картинки о парижской моде и тому подобные вещи, которые вам внушают. Лучше учитеесь лечить больных и бинтовать раны от пуль и сабель. Пусть вам примером будет косовская девушка⁷! <...> Клянемся сербской честью, что настанет лучшее время, когда вы перестанете быть душечками

⁷ *Косовская девушка* (серб. *косовска девојка*) — один из главных символов сербской культуры, центральный персонаж одноименной поэмы, входящей в так называемый косовский цикл национального героического эпоса. После битвы с турками на Косовом поле в 1389 г. она бродила в поисках жениха, храброго воина Милана Топлицы. Девушка помогала раненым, лечила их, поила водой и вином и от них узнала о гибели своего суженого и других сербских героев.

и милочками, став достойными сербскими женщинами с правами и обязанностями человека⁸.

Это послание появилось на фоне общей дискуссии о роли и месте женщины в сербском обществе, возникшей на очных заседаниях и в периодических изданиях под эгидой *Омладини*. В призыве Марковича был представлен образ косовской девушки — символ, обладавший большим мобилизационным потенциалом. Эту манипуляцию символом можно квалифицировать как попытку политизации женщин как маргинальной группы и включения их в этнические процессы. Вероятно, что под «примером косовской девушки» Маркович подразумевал участие женщин в качестве вспомогательной силы в вооруженной борьбе — наиболее характерной форме сербского национального движения.

Влияние на феминистские взгляды Марковича и формирование его концепции оказало близкое общение с представителями русского народничества в годы учебы в Петербурге и Цюрихе, роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863 г.) и работа британского философа и социолога Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины» (1869 г.)⁹. В статье «Способна ли женщина быть равной мужчине?» (1870 г.) Маркович выступил с размышлением о причинах неравенства мужчин и женщин в сербском обществе и предложениями для его преодоления. В качестве главной проблемы он назвал функционирование патриархальной семьи и традиционные методы воспитания, в рамках которых девочки и девушки были практически лишены доступа к образованию всех ступеней. Также он подверг критике консервативную политику властей Сербии, которые на законодательном уровне ограничивали финансовую самостоятельность женщин и их участие в общественно-политических процессах¹⁰, руководствуясь стереотипом, что «с точки зрения истории

⁸ *Марковић С.* Српској омладини // *Марковић С.* Целокупна дела. I–XVII. Београд: Народна књига, 1987. Књ. I. С. 105.

⁹ Будучи редактором изданий *Млада Србадија* и *Раденик*, С. Маркович опубликовал оба произведения в переводе на сербский язык: *Марковић* 1934: 4–9.

¹⁰ Маркович отсылал читателей к Гражданскому кодексу Сербии (1844–1946 гг.), согласно которому состоявшие в браке женщины в правовом и финансовом отношении полностью зависели от мужей и фактически были приравнены к детям или недееспособным лицам. Они не могли владеть и распоряжаться имуществом, исключением были незамужние девушки (при согласии отца или брата) и вдовы. См.: Столић 2015b: 14.

они не приносят обществу столько пользы, сколько мужчины»¹¹. Опровергая этот тезис, Маркович привел в пример Надежду Суслову (1843–1918), первой получившую степень доктора медицины в университете Цюриха в 1867 г. Говоря о доступном образовании для женщин как обязательном атрибуте модернизации государства и нации, он определил медицину как «безопасное ремесло» для женщин, способных превзойти мужчин в этом деле и тем самым осовременил образ косовской девушки.

Привлечение женщин в качестве соратниц по национальному движению не было прерогативой левых. Сотрудничавший с *Омладиной* ученый и общественный деятель архимандрит Никифор Дучич (1832–1900) рассматривал патриотическое служение как важный этап эмансипации:

Если сербки думают, как достичь равноправия и занять место в обществе, которое положено грамотным, интеллектуально и духовно развитым женщинам — наравне с мужчинами, то они должны живо и усердно трудиться ради освобождения, объединения и независимости сербского народа, потому что только так, вместе с общенародной свободой, они получают свободу индивидуальную и добьются равноправия в обществе и государстве¹².

В воззвании «Искреннее обращение к сербкам» (1871 г.) он упомянул, что на протяжении веков в ходе борьбы с турками сербские женщины в Сербии, Черногории, Боснии, Герцеговине и Старой Сербии не только брали на себя мужские хозяйственные обязанности, но и участвовали в боевых действиях: ходили в атаки, подносили порох и заряды, спасали раненых. Образованным и патриотично настроенным современницам Дучич предложил продолжать эту национальную традицию: учреждать в крупных городах общества для сбора пожертвований, медикаментов и организации помощи раненым, проводить пропагандистские мероприятия — «воодушевлять народ ради свободы и единения»¹³ и постепенно интенсифицировать свое участие в публичной сфере. В пример он привел деятельность сербской княгини Любицы Обренович (1788–1843) и представительниц

¹¹ *Марковић С.* Је ли жена способна да буде равноправна с човеком? // *Марковић С.* Целокупна дела. I–XVII. Београд: Народна књига, 1987. Књ. II. С. 64.

¹² *Дучић Н.* Искрена ријеч Српкињама // *Млада Србадија*. 1871. № 10. С. 149.

¹³ *Ibid.*

черногорского правящего дома Петрович княгинь Даринки (1838–1892) и Милены (1847–1923).

Представители либерального течения воспринимали женщину «как существо подверженное эмоциям и склонное к пассивному поведению, ее предназначение с рождения — быть женой и матерью» — то есть для домашней, приватной жизни, в то время как мужчина являлся воплощением рациональности и активности и как таковой был предназначен для общественной деятельности¹⁴. Опираясь на эти стереотипы, политики сводили роль женщин в национальном движении к несению «бремени репрезентации»¹⁵ — к вынашиванию и воспитанию детей в патриотическом ключе и сохранении народных традиций¹⁶. В их числе были идеолог *Омладины* Владимир Йованович (1833–1922), поэт Лаза Костич (1841–1910), тяготевшие в конце 1860-х — начале 1870-х годов к романтическому национализму. В их воззрениях образ матери и воспитательницы героев, благословляющей их на борьбу с врагами и провожающей в последний путь мучеников, погибших во имя народа, был своеобразным маркером подлинной «сербскости»¹⁷. Ее облик имел в национальном сознании прочную ассоциацию с правительницами эпохи Средневековья¹⁸, святыми Сербской православной церкви (княгиня Милица Хребелянович, преподобная Ангелина Сербская (Бранкович) и литературными персонажами (Евросима — мать Марко Краевича, мать братьев Юговичей). Их последовательницы, скромные, порядочные, трудолюбивые, верные мужьям и отчизне сербки, прирожденные матери,

¹⁴ Kokanović Marković 2020: 140–141.

¹⁵ По утверждению социолога Найры Юваль-Дэвис, в националистических идеологиях женщины нередко наделяются особой ответственностью в связи с их ролью в процессе биологического воспроизводства нации, которая может ограничивать их репродуктивные права и право выбора. Также женщины рассматриваются как «воспроизводительницы» национальной культуры, так как они контролируют на начальных этапах процессы адаптации и интеграции детей в общество (национальный язык, в отсутствие национальной школы, какая-то версия истории) и передают им социальный опыт. Они же ответственны за сохранение национальной традиции: этническая кухня, изготовление народной одежды, межпоколенческая передача фольклора. Таким образом, женщины несут «бремя репрезентации» и осознанно воспитываются как носительницы национальной идентичности и чести. См. Yuval-Davis 1997; Гапова [2022].

¹⁶ *Живановић Ј.* Шта је главни позив женске // Матица. 1868. № 13.

¹⁷ Бешлин 2005: 764.

¹⁸ В 1868 г. в журнале *Матица* был опубликован цикл статей «Сербские королевы и царицы» (*Краљице и царице Српске*).

противопоставлялись женщинам «цивилизованным, утратившим свою природу, большим духовно и физически, <...> легкомысленным, подверженным моде и падким на роскошь»¹⁹.

Из выше сказанного можно сделать вывод, что представленные в сербской политической мысли конца 1860-х — начала 1870-х годов женские образы и их прототипы явились символами, с помощью которых проводилась культурная демаркация. Исследуя подобные гендерно-национальные феномены на постсоветском пространстве, социолог Е. Гапова предложила их рассматривать как инструменты отрицания «чужого» и/или утверждения своей традиции, инициированного элитами²⁰. Этот подход представляется применимым, с некоторыми допущениями, к реалиям сербского социума второй половины XIX в., существовавшего, по выражению А.Л. Шемякина (1960–2018), в условиях «разлома этнического пространства». Княжество Сербия демонстрировало признаки рассинхронизации политических и общественных процессов и при этом находилось на первом этапе воплощения национальных идеалов — обретения независимого государства и объединения всех сербов. Конфликт элиты и контрэлиты выстраивался вокруг соотношения приобретенного (чужого, западного) и собственного (природного, сербского), общество неуверенно балансировало между модернизацией и традиционализмом²¹. Семейные нормы и правила, отношения мужчин и женщин и распределение их ролей в обществе рассматривались в архаичной системе координат, что делало возможным функционирование представленных в пропаганде и публицистике женских образов (мать, сестра/соратница, «сиделка для патриотов») в неизменном виде вплоть до завершения Первой мировой войны и окончательной национально-политической консолидации сербов²². От политической практики национального движения женщины были отстранены, постепенное их включение в общественную жизнь сербского государства стало возможно в последней четверти XIX — в начале XX в. В отечественной историографии эти процессы детально рассмотрены в работах Ю. В. Лобачевой²³.

¹⁹ *Јовановић В.* Србин и Српкиња — такви какви су // Матица. 1868. № 3. С. 59–61.

²⁰ Гапова 2016: 10–11.

²¹ Шемякин 2002: 35.

²² Стефановић 2016.

²³ Подробнее см. Лобачева 2022.

Предпосылки формирования национального женского движения у сербов Южной Венгрии

Несмотря на общие национальные идеалы и единую традицию, сообщество сербов Австро-Венгрии во второй половине XIX в. иначе расставляло приоритеты. В Венгерском королевстве они пользовались церковно-школьной автономией, установленной «Законом о верующих греко-восточного неунитатского обряда» № 27 от 1790/1791 гг. и подтвержденной законом № IX от 10 августа 1868 г. после переустройства империи на началах дуализма, являясь при этом частью единой политической венгерской нации. Высокая степень интеграции в общество монархии Габсбургов не позволяла им «законсервировать» социум для защиты сербской идентичности, как это на протяжении столетий делали их соплеменники в Османской империи. Также для них отсутствовала перспектива вооруженной борьбы за осуществление национальных прав, напротив, они должны были модифицировать свою мирную стратегию выживания в статусе этнического меньшинства. Речь шла о многовекторной трансформации, так как сербскому сообществу приходилось подстраиваться под изменения, происходившие в империи в целом и в Венгерском королевстве в эпоху дуализма в экономике, законодательстве, сфере образования, культуре. Кроме того, сербская национальная идея должна была выдерживать конкуренцию с концепцией венгерской политической нации и теми преимуществами, которые давало индивиду принятие этой идентичности. Поэтому во многом практика элит была направлена на приведение национальной модели развития в соответствие с наднациональной.

Само собой, напрямую на положении женщин это не отражалось, однако они представляли ценность для этнической мобилизации, необходимой для ужесточения границ сообщества, находившегося под угрозой ассимиляции. С. Стефанович заметила, что до начала 1870-х годов существовавшие в Нови-Саде женские общества не были сугубо национальными и представляли собой клубы представительниц интеллектуальной элиты и деловых кругов города, занимавшихся благотворительностью. Первое такое «Общество женщин Нови-Сада» было учреждено в 1865 г. Марией Фрадл-Томякович, супругой городского судьи²⁴. В связи с изменениями курса

²⁴ Јовановић Гудурић 2022.

сербского национального движения, последовавшими за принятием «Закона о национальностях» в 1868 г., сотрудничество женщин в рамках организаций с полиэтничным составом стало невозможно. На протяжении 1870-х годов на территории Южной Венгрии учреждались общества в Велика-Кикинде (1873), Стари-Бечей (1874), Сегеде (1875), Суботице (1878)²⁵, принимавшие в свои ряды только сербок. Жительницы Нови-Сада консолидировались благодаря *Омладине*, из-за гонений сербских властей с 1868 г. продолжавшей деятельность на территории Австро-Венгрии²⁶.

Концепция «просвещенного материнства» Драги Деянович

Интеллектуальная среда *Омладины* оказала существенное влияние на феминистские воззрения Драги Деянович (урожденной Дмитриевич, 1840–1871) — первой сербской активистки и защитницы прав женщин. Она родилась в Стара-Каниже в семье успешного юриста, получила начальное образование в сербской школе в родном городе, затем стала воспитанницей Винчикова института для девушек в Темешваре. Из-за проблем со здоровьем прервала обучение, некоторое время вместе с семьей жила в Стари-Бечее, тогда же познакомилась с будущим супругом, школьным учителем Михаилом Деяновичем, за которого вышла замуж вопреки воле родителей. В начале 1860-х годов продолжила получать образование в Пеште, была близко знакома с будущими деятелями *Омладины* Лазой Костичем и Глигорие Гершичем (1842–1918), имела широкий круг связей в сербском студенчестве. В 1862 г., несмотря на возражения мужа, присоединилась к труппе Сербского национального театра в Нови-Саде, однако как актриса славы не снискала и сосредоточилась на литературном творчестве и активизме. Главные ее феминистские тексты «Эмансипация женщин» и «Сербским матерям» были опубликованы в 1870–1871 гг., в последний год жизни Драги Деянович²⁷.

Ранняя кончина не позволила активистке реализовать предложенные ею решения женского вопроса, которые имели большой

²⁵ В официальной топонимике Венгерского королевства Велика-Кикинда называлась Надькикинда, Нови-Сад — Уйвидек, Стари-Бечей — Обече, Суботица — Сабадка.

²⁶ Stefanović 2013: 95–96.

²⁷ Pantelić 2006: 106.

потенциал для сербского общества и впоследствии были воплощены деятелями национального и женского движения. Наследие же неоднозначно интерпретировалось как последователями, так и исследователями. Феминистка межвоенного периода философ Юлия (Юлка) Хлапец-Джорджевич (1882–1969) утверждала, что манифесты Драги Деянович в первую очередь были нацелены на пробуждение национального сознания, к женскому дискурсу их относили исключительно из-за целевой аудитории текстов²⁸. Сербско-американская литературовед Биляна Шливич-Шимшич (1933–2019) определила в качестве главной идею просвещенного материнства как общенационального блага, тесно связанную с дискуссией в сербской среде в 1860–1870-х годов о праве женщин на среднее и высшее образование, в том числе и на родном языке²⁹. Неда Божинович указала, что Деянович первой задала курс на «рабочую» эмансипацию, убеждая общество предоставить женщинам возможность самостоятельно зарабатывать на жизнь и им самим выйти из-под опеки мужчин³⁰. Историк Ивана Пантелич считала, что активистка не развивала никакой гендерной стратегии, основной ее посыл состоял в критике женщин за неорганизованность, согласие с превосходством мужчин и безынициативность при отсутствии формальных препятствий для получения образования и осуществления трудовой деятельности³¹.

Безусловно, дискурс Драги Деянович был тесно связан с национальным. Но в отличие от Светозара Марковича и Никифора Дучича, утверждавших, что национальная свобода является предпосылкой для индивидуальной свободы и гендерного паритета, она ставила знак равенства между освобождением нации и эмансипацией женщин³². Как и европейские современницы, активистка выступала за освобождение женщины в качестве равного члена нации, так как «верность нации, а не пол должны быть основанием для участия в общественной жизни»³³.

Предлагая новую линию эволюции сербского национально-го движения, Деянович не отказалась от использования образа

²⁸ Jensterle-Doležal 2020: 9.

²⁹ Svirčev 2018: 9.

³⁰ Božinović 1996: 36.

³¹ Pantelić 2006: 107.

³² Дејановић Д. Емансипација жена // Матица. 1870. № 4. С. 82.

³³ Стефановић 2016.

матери, он оставался важным символом, но не демаркации, а развития. В лекции «Сербским матерям» (1871 г.), позднее опубликованной в журнале *Млада Србадија* («Молодые сербы»), она определила главную миссию сербских женщин в рождении и воспитании детей:

Наши матери должны оставить после себя более многочисленный, помолодевший народ, который сможет оправдать нашу сегодняшнюю слабость и трусость, который сможет героически противостоять сегодняшним искушениям, чуждым нам³⁴.

Драга Деянович позиционировала женщин как особую социальную группу в связи с их ролью в демографическом и символическом воспроизводстве нации. Воспитание детей и грамотное управление домашним хозяйством она интерпретировала как один из национальных приоритетов. Кроме того, она призывала сербские элиты оказывать женщинам, в особенности девушкам, будущим матерям, патерналистскую поддержку и обеспечивать их основные потребности граждан, так как в патриархальной традиции они исключались из публичной сферы, поскольку выполняемые ими функции воспринимались исключительно как приватное дело, не являющееся предметом общенациональной заботы³⁵. В первую очередь Деянович рассчитывала на реакцию высших кругов сербского сообщества Австро-Венгрии, так как «социальная инвалидизация» женщин в Сербии была узаконена Гражданским кодексом 1846 г., который критиковал С. Маркович. В Венгерском королевстве женщины юридически не находились под опекой мужчин, могли претендовать на родительское наследство наравне с братьями, самостоятельно распоряжаться унаследованным и половиной совместно нажитого в браке имущества, осуществлять трудовую деятельность. Сербь обладали церковно-школьной автономией, следовательно, возможностью получать образование на родном языке в конфессиональных школах,

³⁴ *Дејановић Д.* Српским мајкама // *Млада Србадија*. 1871. № 7. С. 105. В переводе на англ. см.: *Dejnović D.* To Serbian mothers // *Modernism: The creation of nation-states. Discourses of collective identity in Central and Southeast Europe 1770–1945: Texts and commentaries* / ed. by A. Ersoy, M. Górný, V. Kechriotis Budapest: CEU Press, 2010. Vol. III/1. P. 119–124. <https://books.openedition.org/ceup/1977> (дата обращения: 02.09.2023).

³⁵ *Дејановић Д.* Еманципација жена // *Матица*. 1870. № 4. С. 82.

что распространялось и на девочек и девушек. Проблема была в том, что сербки редко пользовались своими правами, отказываясь от самореализации и социализации вне семьи.

Деянович порицала соотечественниц за пассивность и нежелание меняться, в особенности ее возмущала незаинтересованность в образовании:

Наши женщины обычно думают, что об образовании женщин нужно заботиться в два раза меньше, чем об образовании мужчин. Многие матери считают, что их дочь должна уметь готовить, шить, стирать, остальное излишне, ведь дочь не станет ни священником, ни адвокатом. Для чего же ей учиться? Так рассуждают наши неразумные сестры, продолжающие бездумно воспитывать детей.

Но девочка нуждается в знаниях так же, как и мальчик, ибо, даже если она не станет ни священником, ни адвокатом, девочка должна обладать крепкими знаниями, потому что каждая станет матерью, воспитательницей в своей семье. А на сегодняшний день умение воспитывать для нашего народа важнее, чем богословие и знание права!³⁶.

Вероятно, критика была также адресована политическим кругам, ответственным за расширение сети сербских школ, так как решение об открытии учебных заведений и примерный бюджет утверждались на народно-церковных саборах. Можно сказать, что реакция не заставила себя ждать. Лидер Сербской национальной партии свободомыслящих (в литературе — либеральная партия) Светозар Милетич (1826–1901) поднял тему женского образования на заседаниях народно-церковного сабора в 1871 г., возможно, под влиянием неоднократных прошений влиятельных жительниц Нови-Сада об открытии высшей школы для девочек, предшествовавших публичным замечаниям Драги Деянович. Н. Божинович указала, что вопрос об учреждении такого учебного заведения на территории компактного расселения сербов в Южной Венгрии на Третьей скупщине *Омладины* в 1868 г. подняла София Паскович (1809–1874), сербская благотворительница из Австро-Венгрии, известная также как «омладинская мать». С такой же просьбой она позднее обратилась к С. Милетичу, чтобы тот выдвинул вопрос на обсуждение в народно-церковном саборе³⁷.

³⁶ Дејановић Д. Српским мајкама // Млада Србадија. 1871. № 7. С. 104.

³⁷ Воџиновић 1996: 33; Стојаковић 2020.

Кроме Паскович, прошение подписали участницы неформального «Женского комитета» (*Женски одбор*) в Нови-Саде Юстина Кода, Ана Демалич, Ана Павлович, Юлиана Радованович, Елена Попович, Александра Маринкович, супруга самого Милетича Анка Милутинович-Милетич и Савка Суботич, сестра Михаила Полит-Десанчича, идеолога либеральной партии, супруга общественно-политического деятеля поэта Йована Суботича³⁸.

В выступлении Милетич подчеркнул, что просвещение и обучение позволило бы решить ряд задач национального масштаба, а именно: подготовка девочек не только к семейной жизни в роли жены, матери, хозяйки, но и в качестве педагогических кадров для начальных школ и гимназий с преподаванием на сербском, а также для высших женских училищ или «высшего образования для девушек в рамках семейного обучения»³⁹. В отсутствие таких учебных заведений с преподаванием на родном языке многие родители отправляли девочек учиться в венгерские и австрийские пансионы, хотя и не всегда вынужденно — это мог быть и сознательный выбор, так как билингвизм или знание трех и более языков было явным преимуществом в полиэтничном обществе Австро-Венгрии. Поэтому актуализация домашней педагогики и демократизация образования на сербском языке в воззрениях Милетича были не столько шагом в сторону женской эмансипации, сколько реакцией на боязнь ассимиляции. Рассматривая женщин как носительниц и «воспроизводительниц» национальной культуры, Милетич аргументировал необходимость открытия школ и гимназий для девочек тем, что образование, полученное на иностранном языке «уничтожило бы или ослабило в дочерях сербского народа дух и особый сербский патриотизм»⁴⁰. Впрочем, как заметила филолог А. Коларич, консервативно настроенные круги сербского общества использовали тот же аргумент, выступая против распространения грамотности среди женщин в принципе — не способны получения знаний окажут негативное влияние на «сохранность» в них сербской идентичности, а сами знания⁴¹. Тем не менее инициатива была реализована: в 1872 г. Министерство культов и просвещения Венгерского королевства утвердило указ о сербских высших

³⁸ Јовановић Гудурић 2022.

³⁹ Цит. по: Пантић 1997: 248.

⁴⁰ Пантић 1997: 249.

⁴¹ Коларић 2011.

женских школах; в 1874 г. при финансовой поддержке Карловицкой митрополии было открыто первое такое учебное заведение в Нови-Саде, позднее в Панчево (1874) и Сомборе (1875).

Особенности сербского женского движения в последней трети XIX в.

В духе наставлений Драги Деянович в 1870–1880-е годы стали появляться сербские женские благотворительные организации с гуманитарно-просветительской миссией. Идеал просвещенного материнства нашел отражение в их программных документах. В 1880 г. под председательством Софии Дунджерски (1831–1920) было учреждено «Благотворительное общество сербок Нови-Сада» (*Добро-творна задруга Српкиња Новосаткиња*)⁴², в уставе которого провозглашались следующие намерения:

[В]оспитывать и духовно развивать молодежь, в первую очередь девушек, через благодеяния и заботу; просвещать сербских женщин и направлять их в общественной жизни; искоренять недостатки, скверные и устаревшие обычаи и побуждать к осмысленной и нравственной жизни — с уважением (к женскому труду. — *Л.Н.*) и возможностью зарабатывать — все в патриотическом ключе⁴³.

Изначально практика таких обществ сводилась к сбору средств для оказания финансовой помощи уязвимым категориям населения (сироты, вдовы, матери-одиночки): для этого устраивались благотворительные вечера, ярмарки, чаепития. Чуть позже участницы организации сосредоточили внимание еще и на содействии просвещению и достижению экономической независимости женщин, учредив журнал *Женски свет* («Мир женщин», выходил в Нови-Саде с 1886 по 1914 г.) и стипендиальный фонд для будущих воспитательниц и учительниц, а затем и занятых в торговле и кустарно-ремесленном производстве. Членство и энергичная деятельность в благотворительных обществах были, с одной стороны, практически единственной возможностью для женщин проявить себя в публичной сфере⁴⁴,

⁴² Милинковић 2012.

⁴³ Правила Добротворне задруге Српкиња Новосаткиња. Нови Сад: Српска штампарија Д-ра Светозара Милетића, 1881. С. 1.

⁴⁴ Јовановић Гудурић 2022.

с другой — это было и социальное пространство, в котором они могли утверждать не только личный статус, но и укреплять авторитет мужей и отцов, поскольку большинство происходило из семейств, составлявших сербскую экономическую, политическую и интеллектуальную элиту и выделявших средства на благотворительность. По мнению Н. Божинович, такая ситуация свидетельствовала о несамостоятельности женщин-филантропов, так как они распоряжались не своими финансовыми ресурсами, пользовались фамильной репутацией и транслировали ценности, которые, будучи фактором национального движения, не способствовали, однако, достижению гендерного равенства. От сербок по-прежнему требовалось быть в первую очередь ответственными и грамотными матерями, рачительными хозяйками и ревностными патриотками⁴⁵.

Представляется, что именно зависимость сербского женского движения в Австро-Венгрии от национального стала причиной его однообразности и изолированности в последней трети XIX в. Историк А. Столич отметила, что представительницы буржуазных кругов, состоявшие в нескольких благотворительных обществах, предпочли дистанцироваться от политических процессов. В отличие от них, последовательницы социалистического учения Светозара Марковича и позднее участницы нарождающегося сербского рабочего движения посвятили деятельность не только филантропии и просвещению, но и борьбе с гендерными стереотипами. Здесь в первую очередь стоит упомянуть социалисток, учредительниц и педагогов Женской школы в Крагуевце сестер Нинкович — Милицу (1854–1881) и Анку (1855–1923); Елену (Илку) Маркович (ум. 1883)⁴⁶, покушавшуюся на сербского короля Милана Обреновича в 1882 г.; первую в Сербии женщину-врача Драгу Лёчич (1855–1926). Их феминистские воззрения сформировались под влиянием русских студенток в университете Цюриха, а призыв служить сербскому народу, как косовская девушка, был воспринят буквально — Милица Нинкович стала медсестрой-добровольцем в годы сербско-турецкой войны 1876–1877 гг., а Драга

⁴⁵ Božinović 1996: 73.

⁴⁶ Необходимо указать, что все они были подданными Австро-Венгрии: сестры Нинкович родились в Нови-Саде в семье директора гимназии; Илка Маркович — жена Еврема Марковича (1839–1878), невестка Светозара Марковича, родилась в Шопроне, происходила из влиятельной сербской семьи Баич, состоявшей в родстве с сербской династией Обреновичей, а также венгерскими дворянами фон Траутенберг.

Лёчич принимала участие во всех военных компаниях Сербии второй половины XIX — начала XX в., включая Первую мировую войну. В мирное время они занимались просветительской и благотворительной деятельностью, но во имя достижения гендерного паритета, так как национальная независимость как обязательное условие эмансипации женщин, согласно видению С. Марковича, была достигнута⁴⁷.

Представители женского движения в Сербии и Южной Венгрии поддерживали связи на личном уровне, например, сестры Нинкович состояли в переписке с директором Высшей женской школы в Нови-Саде Аркадие Вараджаниным (1844–1922), он же исполнял обязанности секретаря «Благотворительного общества сербок Нови-Сада». Однако предпосылки для консолидации отсутствовали в связи с враждебной позицией сербского истеблишмента в Венгерском королевстве по отношению к социализму и радикальной идеологии⁴⁸, то есть разобщенности организаций и отдельных активисток способствовало идейное размежевание. Представительницы сербских высших кругов в Австро-Венгрии осуществляли деятельность в рамках «женской сферы» в национальном движении — благотворительность, организация культурных мероприятий, в то время как общее руководство, создание идеологии, разработка планов действий, оставались монополией мужчин. Безусловно, разделений ролей в национальном движении было важным достижением сербской политической элиты, но оно сдерживало сближение представительниц разных слоев и групп и политических воззрений на почве социальных проблем, пути решения которых искали немногочисленные активистки в независимой Сербии. Их объединение стало возможным в начале XX в. в связи с развитием феминистской мысли и деятельностью Милицы Томич⁴⁹.

Милица Томич — женское лицо сербского национального движения

Милица Томич появилась на свет 30 ноября 1859 г. в Нови-Саде в семье Светозара Милетича и Анки Милутинович. Всего у них родилось девять детей, но только двое дожили до взрослого

⁴⁷ Воžinović 1996.

⁴⁸ Васин, Лемајић, Микавица, Нинковић 2015: 224.

⁴⁹ Столић 2015а: 308. 62–65.

возраста — Милица и ее младший брат Славко. Главную роль в воспитании сыграл отец, до конца его жизни всех троих связывали особенно теплые отношения. В ряде статей М. Томич вспоминала примечательные эпизоды из детства и юности. Например, С. Милетич (вероятно, до рождения долгожданного сына) звал дочь мужским именем Милош, по его воле она носила одежду для мальчиков, пока сама будучи ученицей начальных классов не отменила этот семейный обычай, отстояв личные границы⁵⁰.

Милица Томич получила нетипичное для сербских женщин второй половины XIX в. воспитание и образование: закончила основную школу в Нови-Саде, обучалась в пансионах в Вене и Пеште, владела венгерским, немецким, английским и французским языками. В связи с политической активностью отца с детства была в центре внимания общественности, участвуя в различных мероприятиях, — первое ее появление на публике состоялось в январе 1866 г. на музыкальном вечере, организованном сербской молодежью Пешта⁵¹. Семья Светозара Милетича перенесла с ним все тяготы пребывания в заключении в 1870–1871 гг. в венгерском Ваце, тогда же отец начал вводить дочь-подростка в суть сербского национального вопроса. К семнадцати годам она близко познакомилась с ведущими представителями высших кругов сербского общества и стала личным секретарем отца, после ареста которого в 1876 г. взяла часть его обязанностей по координации деятельности либеральной партии и до 1879 г. временно возглавляла редакцию газеты *Застава* («Знамя»)⁵². Тогда обстоятельства сложились так, что Милица Томич вынуждена была оставить мечту поступить в университет Цюриха и стать врачом, однако интерес к медицине она сохранила на долгие годы, а полученные при подготовке к экзаменам знания смогла впоследствии транслировать в статьях и журнальных заметках⁵³. В 1881 г. в качестве делопроизводителя Милица Томич приступила к работе в «Благотворительном обществе сербок Нови-Сада».

К середине 1880-х годов Светозар Милетич по состоянию здоровья прекратил политическую деятельность, его удаление от дел

⁵⁰ Милица Милетић Томић: поуке и полемике / приред. В. Копицл. Нови Сад: Савез феминистичких организација, 2017. С. 37.

⁵¹ Поуке и полемике: 22–25.

⁵² Милинковић, Пантелић, Шкодрић 2013: 19–20.

⁵³ Стојаковић 2017: 7.

спровоцировало череду кризисов в либеральном течении национального движения, а внутрипартийные разногласия привели к дальнейшему идейному размежеванию. Управление издательством и редакцией «Заставы» бывший руководитель передал дочери. В январе 1885 г. она пригласила на пост главного редактора Яшу Томича (1856–1922), возглавлявшего в распадавшейся Сербской национальной партии свободомыслящих фракцию радикалов, в 1891 г. организованную в самостоятельную партию. В декабре 1885 г. года их рабочий тандем укрепился брачным союзом.

Родственные отношения с вождями национального движения, вне сомнения, были причиной критического отношения современников и ряда исследователей к личности и деятельности Милицы Томич — ее воспринимали как помощницу отца и соратницу мужа, но не как самостоятельного общественно-политического деятеля. Научный интерес к ее публицистическому наследию и деятельности возник в конце XX в. у историков, изучавших модернизационные процессы в сербском обществе. С. Божич охарактеризовала Томич как человека, изменившего представление о женщинах у политической элиты и консервативной части общества⁵⁴. Исследования А. Коларич и С. Стефанович 2010-х годов продемонстрировали тесную связь между национальным и женским движениями и вкладе супругов Томич в их развитие в начале XX в.

Безусловно, велика заслуга Светозара Милетича, обеспечившего дочери достойное образование и широкий круг общения в юности, который также оказал влияние на формирование ее воззрений. Посвящая в проблемы сербского социума, отец, очевидно, готовил ее к общественной деятельности. Однако, остается открытым вопрос, как складывалась бы ее карьера в этой сфере, если бы не содействие супруга Яши Томича, публициста, политика и неофициального лидера Сербской радикальной партии в Австро-Венгрии. Вдохновляемые им радикалы — наиболее влиятельная политическая сила — на рубеже XIX–XX вв. определяли национальные приоритеты сербов в Австро-Венгрии и, как представляется, оказывали существенное воздействие на социальный климат, благодаря которому буржуазное движение женщин обрело некоторые перспективы.

⁵⁴ Božić 1998.

Яша Томич одним из первых среди сербских политиков выступил за изменение положения женщин в ходе реформ. Некоторые его призывы звучали едва ли не революционно в среде, где эмансипации решительно противостояли национальные консервативные силы, опиравшиеся на балканско-ориентальные представления о женщине, ее воспитании, роли в семье и традиционном патриархальном обществе. На словах Томич пошел дальше предшественников, предложив добиваться равноправия не только в общественной жизни, но и в политико-правовой и социально-экономической сферах, однако на практике так и не включил соответствующие требования в программу радикальной партии 1903/1904 г. Историк Л. Ракич заметил, что его идеи были парадоксальны. Например, он предполагал эмансипацию не всех женщин в Австро-Венгрии, а только сербок, поскольку по сравнению с другими соотечественницами они, в глазах Томича, были представительницами политически более зрелой нации и носительницами прогрессивной мысли⁵⁵. Впрочем, при всей противоречивости, публицистическая деятельность Я. Томича была не столько средством пропаганды женского движения в сербском социуме, сколько попыткой придать ему организованную форму и связать с практикой радикального направления национальных общественно-политических процессов. Действительно, женщины стали принимать участие в агитационной деятельности партии в самом начале XX в. Ракич упомянул активисток Софию Ефтич, Юлию (Юлку) Илийч, Милену Миладинович (1868–1928)⁵⁶. Следует уточнить, что это были жены функционеров радикальной партии, и сложно сказать, как бы выглядели их первые шаги в политике без покровительства мужей, если таковое было.

Милица Томич проявила себя в первую очередь как организатор женского движения. В публичном пространстве она заостряла внимание на том, что залогом успеха является солидарность сербок вне зависимости от того, к каким социальным слоям они принадлежат и каких политических взглядов придерживаются⁵⁷. На практике это вылилось в создание в 1905 г. просветительского кружка *Посело Срткиња* («Посиделки сербок») при Сербской читальне в Нови-Саде,

⁵⁵ Ракић 1986: 234.

⁵⁶ Ракић 1986: 233–236.

⁵⁷ *Томић М.* Женска читаоница // Жена. 1911. № 1. С. 25.

в рамках которого выстраивались контакты: представительницы интеллигенции обучали чтению и письму всех желающих горожанок во время встреч в нерабочее время, чаще всего в воскресенье после полудня. В 1910 г. кружок был преобразован в Женскую читальню *Посестрима* («Для названных сестер»), к деятельности которой присоединились 200 человек, сформирована библиотека и открыта школа для неграмотных женщин. Комментируя необходимость такого расширения, в статье «Женская читальня» М. Томич указала, что ее и соратниц сподвигла угроза мадьяризации образования, возникавшая в связи со школьной реформой в Венгерском королевстве, узаконенной актом № 27 «О правовом статусе негосударственных начальных школ и оплате труда учителей муниципальных и церковно-приходских школ» от 2 июня 1907 г., широко известным как *Lex Apponyi*. В организованном активистками сборе подписей за сохранение сербского языка преподавания приняли участие 30 тыс. женщины, большинство из которых не имели навыков чтения и письма, но благодаря национальной пропаганде понимали суть проблемы⁵⁸. По результатам личных бесед с крестьянками и горожанками на житейские темы М. Томич осознала, в какой мере неграмотность не позволяла сербским женщинам пользоваться гражданскими правами, затрудняла доступ к благам и возможностям, лишала социальной активности, и инициировала учреждение Женской читальни. Уже на стадии планирования стало понятно, что осуществление образовательной деятельности — не единственное направление, заложенное в программу организации. Для достижения главной цели — воспитания «новой сербской женщины» — помимо ликвидации безграмотности, необходимо было вести масштабную просветительскую работу в сфере семейных отношений, быта, здравоохранения и пр.⁵⁹

Журнал *Жена* и новая траектория сербского женского движения

Единственным инструментом воздействия на широкую аудиторию в то время была пресса, поэтому в 1910 г. Милица Томич учредила ежемесячный журнал *Жена* («Женщина») — исключительный

⁵⁸ *Томич М.* Женска читаоница. С. 21.

⁵⁹ Пековић 2015: 361.

среди сербской женской прессы начала XX в. Во-первых, его уникальность заключалась в том, что М. Томич была не только главным редактором, что само по себе не было распространенным явлением, но и владелицей⁶⁰. Во-вторых, издание отличалось от других женских журналов концепцией. Авторы наполняли выпуски не только просветительским материалом и пропагандой традиционных идеалов материнства и патриотизма, но и знакомили аудиторию с феминистской повесткой. А. Коларич справедливо указала, что радикальные для сербского общества требования, такие как избирательное право, равная оплата за равный труд, появлялись на журнальных полосах в качестве «контрабанды», чаще всего в виде новостей из-за рубежа, которые более благосклонно воспринимались читающей публикой⁶¹. С. Пекович отметила, что Милица Томич как главный редактор задавала основные тренды, на которые ориентировались другие сербские женские издания до Первой мировой войны и в межвоенный период. Исследователь выделила четыре основные темы публикаций — национализм, феминизм, образование, модернизация культуры и быта⁶².

Феминистская концепция, декларируемая М. Томич и единомышленниками, во многом опиралась на то «бремя репрезентации», которое несли сербские женщины. Но при таком подходе они неизбежно воспринимались как объект национальной, «сыновьей», заботы. Формируя конструкт «новая сербская женщина»⁶³, М. Томич и единомышленники, опираясь на традицию, обратились к героиням недавнего прошлого и современницам — благотворительницам, жертвовавшим средства на поддержание православной церкви и в пользу сирот и оказывавшим финансовую помощь образовательным учреждениям и первым женским организациям⁶⁴. Также в журнале регулярно публиковались материалы о развитии женского образования в Нови-Саде, о девушках, получивших академические

⁶⁰ Peković 2004: 130–131.

⁶¹ Коларич 2016.

⁶² Пекович 2015: 361.

⁶³ Рассуждая о конструкте «новая женщина» в сербской прозе межвоенного периода, литературовед С. Барач указала на существование его прототипа в литературе и публицистике конца XIX — начала XX в. (до Первой мировой войны) и его функционирование в феминистском и национальном дискурсах. См: Барач 2013: 743–744.

⁶⁴ *Ђорђевић М.* Жене у историји српској // Жена. 1912. №3. С. 139–154.

степени в университетах и их реализации в профессии⁶⁵. Их участие в общественной жизни, конечно, было мало заметно, но тем не менее позволило открыть другую ипостась сербской женщины — деятельную и креативную. Представляется, что активисты начала XX в. попытались через новые образы обратить сербскую женщину из объекта заботы в субъект и преобразовать «бремя репрезентации» в «бремя ответственности» перед нацией, аналогичное тому, что несут задействованные в политике мужчины, хотя бы в гуманитарной сфере. Тем более что ряд вопросов, стоявших перед сербами Венгерского королевства, требовал буквально материнского внимания, а именно: демографические проблемы, низкое качество здравоохранения и образования на сербском языке, заторможенная модернизация быта и крестьянского хозяйства.

В статье «Наши женские высшие школы» (1911 г.) Милица Томич выступила с критикой решения сербского народно-церковного собрания о закрытии высших женских школ из-за недостатка финансирования:

Остается признать, для нас, сербских женщин, на которых возложена миссия рожать и воспитывать сербство, сабор сделал ничтожно мало. Пока у наших братьев, сербов, есть различные образовательные учреждения и фонды, дающие стипендии, у сербок теперь нет ни одной организации для просвещения будущих матерей. В этом смысле мы сербские сироты. Нам вменяют обязанности и не признают наши права⁶⁶.

За констатацией факта, что медленная эволюция женского движения в рамках национальной парадигмы зашла в тупик, последовал и неутешительный прогноз относительно будущего сербского национального движения: «В борьбе за свои интересы народ располагал бы вдвое большей силой, если бы мужчин поддерживали образованные женщины»⁶⁷. В 1912 г. церковно-школьная автономия сербов в Венгерском королевстве была ликвидирована, однако, вероятно, не без влияния Милицы Томич, женское движение сменило вектор развития

⁶⁵ Например, героиней первого выпуска журнала стала Корнелия Ракич (1879–1952) — первая женщина-врач в Нови-Саде. См.: *Томич М.* Др. Корнелија Ракић // Жена. 1911. № 1. С. 2.

⁶⁶ *Томич М.* Наше више девојачке школе // Жена. 1911. № 7. С. 368.

⁶⁷ Там же. С. 371.

годом ранее. Сначала это выразилось в публичной критике политической практики сербской элиты, в постепенном сокращении национально-патриотического контента и увеличении количества публикаций феминистской направленности. М. Томич стала подробно освещать деятельность венгерских суфражисток и их борьбу за право голоса в Венгерском королевстве⁶⁸. В 1912 г. по приглашению сербской радикальной партии в Нови-Сад прибыла делегация представителей венгерских социал-демократических и независимой партии, а также одна из основательниц Венгерской феминистской ассоциации Розика Швиммер (Роужа Беди-Швиммер, 1877–1948). На митинге она выступила перед шеститысячной аудиторией с призывом поддержать прогрессивных политиков, выдвинувших требование всеобщего избирательного права. Отдельно она обратилась к женщинам, предложив им консолидироваться вне зависимости от социального статуса и национальной идентичности⁶⁹.

Милица Томич и Розика Швиммер установили и поддерживали рабочие связи до начала Первой мировой войны, часть их переписки была обнародована в журнале *Жена*. В 1913 г. Швиммер приглашала сербских соотечественниц к участию в VII конгрессе Международного альянса за избирательные права женщин в Будапеште, в том числе и для формирования единой женской организации Венгерского королевства⁷⁰. В качестве спикеров от имени сербских женщин на съезде выступили Савка Суботич (1834–1918) и Катарина Миловук (1844–1913). В связи с началом Первой мировой войны деятельность сербских женских организаций и изданий была приостановлена. В августе 1914 г. по подозрению в передаче данных генералу Божидару Янковичу (1849–1920), командующему Народной обороной в Белграде, был арестован Яша Томич. Вместе с супругой они содержались в лагерях для интернированных до января 1918 г.

По завершении войны выборы в 211 округах Венгерского королевства привели к формированию Народной скупщины сербов, буневцев⁷¹ и других славянских народов, на заседании которой

⁶⁸ *Томић М.* Женскиње и право гласа у Угарској // *Жена*. 1911. № 5. С. 317–318.

⁶⁹ *Томић М.* О изборном праву женскиња // *Жена*. 1912. № 7. С. 347.

⁷⁰ *Томић М.* Међународни конгрес за женско бирачко право // *Жена*. 1913. № 4. С. 240–243.

⁷¹ *Буневци* (серб. *Буњевици*, хорв. *Bunjevci*) — южнославянская этническая группа, населяющая северную часть исторической области Бачка и некоторые

25 ноября 1918 г. было принято решение о присоединении исторических областей Бачка, Баранья и Банат к Королевству Сербия. Право выбирать и быть избранными получили мужчины и женщины, достигшие двадцатилетнего возраста. Среди 757 избранных депутатов участие в заседаниях приняли семь женщин — К. Райчич, О. Станкович, А. Манойлович и М. Малагурски от Суботицы, делегат из Панчево М. Йованович и Милица Томич, как одна из представителей Нови-Сада. Она вынесла на обсуждение вопрос о включении женщин в состав комитета по разработке реформ и планов интеграции бывших венгерских комитатов в состав Сербии, а также и обратилась к правительству с просьбой возродить деятельность женских организаций, упраздненных с началом войны⁷².

Присоединение венгерских исторических областей к Сербии ознаменовало победу национального движения сербов монархии Габсбургов, хотя одержана она была в силу обстоятельств, а не в результате реализации намеченного политической элитой плана действий. Сербское сообщество распавшейся Австро-Венгрии должно было объединиться с менее развитым социумом государства-победителя, поэтому для женского движения интеграция имела отрицательные последствия. Буквально накануне Первой мировой войны оно перестало быть частью национального движения, приоритетным направлением для него стала эмансипация на правовом и социальном уровне. Предоставление всеобщего избирательного права для созыва Скупщины сербов, буневцев и других славянских народов и решения жизненно важного вопроса стало первым и последним успехом, развить который не представлялось возможным ввиду практически нулевой правоспособности женщин в Сербии. Движение за эмансипацию в Королевстве сербов, хорватов и словенцев/Югославии развивалось по другим принципам и с новыми лидерами. Милица Томич руководила редакцией журнала *Жена* до 1921 г., после кончины супруга в 1922 г. она прекратила общественную деятельность и вела затворнический образ жизни до смерти в Белграде в 1944 г. Последняя

районы исторических областей Баран(ь)я и Банат. Преимущественно исповедуют католицизм, часть буневцев относит себя к хорватам, часть считает самостоятельным этносом. В Сербии квалифицируются как национальное меньшинство, распространена версия происхождения буневцев от этнических сербов католического вероисповедания.

⁷² Спасовић 2018: 16.

ее статья была посвящена отцу Светозару Милетичу и опубликована по случаю столетия со дня его рождения в томе Летописи Матицы сербской за 1926 г.⁷³

Заключение

До середины XIX в. общественно-политические процессы в сербском обществе происходили без участия женщин. Интерес к ним как к ресурсу для этнической мобилизации возник в 1860-е годы, в переломный период — сербское государство находилось на пороге обретения суверенитета, сербское сообщество Австро-Венгрии после Соглашения 1867 г. вынуждено было противостоять нарастающей мадьяризации. Деятели молодежной общественно-политической организации *Омладина* одними из первых обратились к женским символам в пропаганде. Безусловно, главным сербским образом был и остается по сей день воин, герой, мученик за национальную свободу. Женские образы претерпели трансформацию в связи с целями политической элиты, которая их транслировала.

Для Княжества Сербия оказался актуальным осовремененный образ косовской девушки — врачевательницы, соратницы в борьбе за национальную независимость, который без эволюции функционировал до конца эпохи войн в истории сербского народа и окончательной его консолидации в едином государстве в 1918 г. Для сербов монархии Габсбургов, очевидно, был важен образ матери — персонафикация непреходящих ценностей, благодаря которым они противостояли натиску ассимиляции. Тем не менее интегрированность в австро-венгерские институты не позволяла им самоизолироваться — ради сохранения идентичности сербскому сообществу требовалось развитие на общих основаниях с другими немадьярскими народами Венгерского королевства. Национальная идея при этом должна была быть более привлекательной, чем наднациональная. Представляется, что в этой связи и инициировался гендерный дискурс — для того, чтобы оказать поддержку национальному, и прямым подтверждением тому является наследие Драги Деянович. И пока национальные лидеры создавали условия для улучшения положения

⁷³ *Томић М.* Светозар Милетић у породици // Летопис Матице српске. 1926. С. 112–125.

женщин (открытие женских высших школ, учреждение благотворительных организаций и специализированных средств массовой информации), женское движение развивалось в определенных для него рамках и фактически являлось одним из ответвлений или «женской сферой» национального движения.

С начала 1870-х годов и до конца XIX в. под эгидой либерального течения национальное движение активнее приглашало женщин к участию в общественной жизни сербского сообщества Австро-Венгрии, позиционируя их, в первую очередь, в роли патриотически настроенных матерей и педагогов. С другой стороны, традиция, на которую оно опиралось, удерживала границы приемлемого женского поведения и вынуждала женщин формулировать свои интересы в рамках установленных национальным дискурсом (просвещенное материнство, благотворительность). Успех радикалов на рубеже XIX–XX вв. дал женщинам возможность выйти за эти пределы — их начали привлекать к политической деятельности, представительницы элиты стали полноценными участницами борьбы за сохранение церковно-школьной автономии. При этом Милица Томич и ее единомышленники не призывали отказываться от существующих норм и практик и не требовали преодоления полоролевых границ, так как основной их целью была легитимация деятельности женщин в публичном пространстве. Однако чем меньше национальное движение, проявляя инстинкт самосохранения, действовало в их интересах, тем больше активисты расширяли связи с представителями международного женского движения и тем самым предвосхитили зарождение феминизма в сербском обществе в межвоенный период.

Список исторических географических названий

Велика-Кикинда (серб.) — ныне Кикинда в Сербии
Стари-Бечей (серб.) — ныне Бечей в Сербии
Стара-Канижа (серб.) — ныне Канижа в Сербии
Темешвар (венг.) — ныне Тимишоара в Румынии

Литература

Бараћ 2013 — *Бараћ С.* Нова жена као медијски конструкт и књижевни лик: стварање феминистичког мита // Књижевна историја. 2013. № 151. С. 733–754.

- Бешлин 2005 — *Бешлин Б.* Европски утицаји на српски либерализам у XIX веку. Нови Сад, Сремски Карловци: Издавачка књижарница Зо-рана Стојановића, 2005. 944 с.
- Васин, Лемајић, Микавица, Нинковић 2015 — *Васин Г., Лемајић Н., Микавица Н., Нинковић Н.* Срби у Хабзбуршкој монархији од 1526. до 1918. Нови Сад: Прометеј, 2016. Т. 2. 559 с.
- Вершинина 2013 — *Вершинина Д.Б.* Гендерный подход в социогуманитарном знании: исторические предпосылки и теоретические аспекты // Гендер и литературы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 6–19.
- Гапова 2016 — *Гапова Е.И.* Классы наций. Феминистская критика национализма. М.: НЛЮ, 2016. 368 с.
- Гапова [2022] — *Гапова Е.И.* Нация // Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.ru/gender/275.htm> (дата обновления: 16.11.2022; дата обращения 02.09.2023).
- Јовановић Гудурић 2022 — *Јовановић Гудурић И.* Женске организације у Новом Саду у другој половини 19. века // *Ženski muzej*. URL: <https://zenskimuzejns.org.rs/2022/11/16/zenske-organizacije-u-novom-sadu-u-drugoj-polovini-19-veka/> (дата обновления: 16.11.2022; дата обращения 02.09.2023).
- Коларић 2011 — *Коларић А.* „Жена, домаћица, мајка. Од те три речи зависи цео свет“: анализа часописа *Жена* (1911–1921) // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе. Vol. 1. № 1. 2011. URL: http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2011/zenska-knjizevnost-i-kultura/zena-domacica-majka-od-te-tri-reci-zavisi-ceo-svet-analiza-casopisa-zena-1911-1921#_ftn1 (дата обращения: 02.09.2023).
- Коларић 2016 — *Коларић А.* „Умно образована жена хоће да ради и онда када је на то не тера само глад“ // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе. 2016. Год 6. № 6. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2016/prikazi/umno-obrazovana-zena-hoce-da-radi-i-onda-kada-je-na-to-ne-tera-samo-glad> (дата обращения: 02.09.2023).
- Лобачева 2022 — *Лобачева Ј.В.* Женские организации в Белграде в последней четверти XIX — начале XX в. // Централноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 347–391. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.14
- Марковић 1934 — *Марковић Љ.* Почети феминизма у Србији и Војводини. Београд: Народна мисао, 1934. 27 с.
- Милинковић 2012 — *Милинковић Ј.* Књижевности између еманципације и националног — књижевни прилози у часопису *Жена* // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе. 2012. Vol. 2 № 2. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2012/zenska-knjizevnost-i-kultura/>

- knjizevnosti-izmedju-emancipacije-i-nacionalnog-1-knjizevni-prilozi-u-casopisu-zena (дата обращения: 02.09.2023).
- Милинковић, Пантелић, Шкодрић 2013 — *Милинковић Ј., Пантелић И., Шкодрић Љ.* Двадесет жена које су обележиле XX век у Србији. Београд: НИИ, 2013. 1. део. 62 с.
- Пантић 1997 — *Пантић Д.* Актуелност педагошке мисли Светозара Милетића // Актуелност мисли Светозара Милетића о ослобођењу и уједињењу српског народа: зборник радова са научног скупа у САНУ / ред. М. Марковић, Д. Симеуновић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1997. С. 237–244.
- Пековић 2015 — *Пековић С.* Часописи по мери достојанственог женскиња: женски часописи у Србији на почетку 20. века. Београд: Институт за књижевност и уметност; Нови Сад: Матица Српска, 2015. 378 с.
- Ракић 1986 — *Ракић Л.* Јаша Томић (1856–1922). Нови Сад: Матица српска, 1986. 367 с.
- Рябов 2008 — *Рябов О.В.* Гендерное измерение национализма: методологические проблемы исследования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 2, «Философия». С. 42–51.
- Свирчев 2018 — *Свирчев Ж.* Портрет претходнице: Драга Дејановић. Бечеј: Градско позориште, 2018. 117 с.
- Спасовић 2018 — *Спасовић И.* Седам посланица на Великој народној скупштини у Новом Саду 25 новембра 1918 // Годишњак Факултета за културу у медије. Vol. 10. № 10. 2018. С. 37–52.
- Спивак 2022 — *Спивак Г.* Могут ли угнетенные говорить? М.: V-A-C-Press, 2022. 148 с.
- Стефановић 2016 — *Стефановић С.* Жене у служби нације и војске (1875–1918) // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе. 2016. Vol. 6. № 6. <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2016/zenska-knjizevnost-i-kultura/zene-u-sluzbi-nacije-i-vojske-1875-1918#gsc.tab=0> (дата обращения: 02.09.2023).
- Стојаковић 2017 — *Стојаковић Г.* Милица Томић: феминистичко наслеђе која траје // Милица Милетић Томић: поуке и полемике / приред. В. Копицл. Нови Сад: Савез феминистичких организација, 2017. С. 7–17.
- Столић 2015а — *Столић А.* Феминизам // Срби 1903–1914. Историја идеја / приред. М. Ковић Београд: Слио, 2015. С. 299–318.
- Столић 2015б — *Столић А.* Сестре Српкиње: појава покрета за еманципацију жена и феминизма у Краљевини Србији. Београд: Evoluta, 2015. 171 с.
- Шемякин 2002 — *Шемякин А.Л.* Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. / под ред. Г. Г. Литаврина, Р. П. Гришиной. СПб.: Алетейя, 2002. С. 31–49.

- Božinović 1996 — *Božinović N.* Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku. Beograd: Devedesetčetvrta; Žene u crnom, 1996. 276 s.
- Jensterle-Doležal 2020 — *Jensterle-Doležal A.* Nation (Transnationality), Gender and Politics in the Feminist Work of Julka Chlapec-Đorđević // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе. 2020. Vol. 10. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2020/zenska-knjizevnost-i-kultura/nation-transnationality-gender-and-politics-in-the-feminist-work-of-julka-chlapec-djordjevic> (дата обращения: 02.09.2023).
- Kokanović Marković 2020 — *Kokanović Marković M.* Young ladies at the piano. The role of music in the upbringing and education of girls in Novi Sad in the Nineteenth Century // History of Education & Children's Literature (HECL). 2020. Vol. XV. № 1. P. 139–150.
- Offen 1988 — *Offen K.* Defining Feminism: A Comparative historical approach // Signs. 1988. Vol. 14. № 1. P. 119–157.
- Pantelić 2006 — *Pantelić I.* Dejanović (Dejanovich), Draga (Born Dimitrijević) (1840–1871) // Biographical dictionary of women's movements and feminisms: Central, Eastern, and South Eastern Europe, 19th and 20th centuries / ed. by F. De Haan, K. Daskalova, A. Loutfi. Budapest, New York: CEU Press, 2006. P. 106–108.
- Peković 2004 — *Peković S.* Ženski časopisi u Srbiji na početku 20. veka // Slavica Tergestina. 2004. № 11–12. P. 123–137. URL: <https://www.openstarts.units.it/handle/10077/2423> (дата обращения: 02.09.2023).
- Stefanović 2013 — *Stefanović S.* Nation und Geschlecht. Frauen in Serbien von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Zweiten Weltkrieg. Dokt. diss. Leipzig, 2013. 413 s. (рукопись).
- Stojaković 2020 — *Stojaković G.* Dobrotvorke u srpskom narodu // Ženski muzej. URL: <https://zenskimuzejs.org.rs/2020/10/05/dobrotvorke-u-srpskom-narodu/> (дата обновления: 5.10.2020; дата обращения 02.09.2023).
- Yuval-Davis 1997 — *Yuval-Davis D.* Gender & Nation. [London:] Sage Publications Ltd, 1997. 168 p.

References

- Barać, S., 2013. *Nova žena kao medijski konstrukt i književni lik: stvaranje feminističkog mita* [The New Woman as a Media Construct and a Literary Character: The Creation of a Feminist Myth]. Književna istorija, 151, pp. 733–754. (in Serb.)
- Bešlin, B. *Evropski uticaji na srpski liberalizam u XIX veku* [European influences on Serbian liberalism in the nineteenth century] Novi Sad, Sremski Karlovci: Izdavačka knjižarica Zorana Stojanovića, 944 p. (in Serb.)
- Božinović, N., 1996. *Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku* [Women's issue in the nineteenth and twentieth centuries]. Beograd: Devedesetčetvrta; Žene u crnom, 276 p. (in Serb.)

- Gapova, E. I., 2016. *Klasy natsii. Feministskaia kritika natsiostroitel'stva*. [The classes of nations: The feminist critique of nation building]. Moscow: NLO, 368 p. (in Rus.)
- Gapova, E. I., [2022] *Nation. Slovar' gendernykh terminov* [Gender terms dictionary]. URL: <http://www.owl.ru/gender/275.htm> (update: 16.11.2022; accessed: 02.09.2023). (In Rus.)
- Jensterle-Doležal, A., 2020. Nation (Transnationality), gender and politics in the feminist work of Julka Chlapec-Dorđević. *Knjiženstvo: časopis za studije književnosti, roda i kulture*, 10. <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2020/zenska-knjizevnost-i-kultura/nation-transnationality-gender-and-politics-in-the-feminist-work-of-julka-chlapec-djordjevic> (accessed: 02.09.2023)
- Jovanović Gudurić, I., 2022. Ženske organizacije u Novom Sadu u drugoj polovini 19. veka [Women's organizations in Novi Sad in the second half of the nineteenth century]. *Ženski muzej*. URL: <https://zenskimuzejns.org.rs/2022/11/16/zenske-organizacije-u-novom-sadu-u-drugoj-polovini-19-veka/> (update 16.11.2022; accessed: 02.09.2023). (in Serb.)
- Kokanović Marković, M., 2020. Young ladies at the piano. The role of music in the upbringing and education of girls in Novi Sad in the Nineteenth Century. *History of Education & Children's Literature* (HECL), XV, 1, pp. 139–150.
- Kolarić, A., 2011. "Žena, domaćica, majka. Od te tri reči zavisi ceo svet": analiza časopisa Žena (1911–1921) ["Woman, Housewife. Mother. Entire universe is based on those three words": Analysis of the Women's Journal Žena (1911–1921)]. *Knjiženstvo: časopis za studije književnosti, roda i kulture*, 1. URL: http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2011/zenska-knjizevnost-i-kultura/zena-domacica-majka-od-te-tri-eci-zavisi-ceo-svet-analiza-casopisa-ze-na-1911-1921#_ftn1 (accessed 02.09.2023). (in Serb.)
- Kolarić, A., 2016. "Umno obrazovana žena hoće da radi i onda kada je na to ne tera samo glad" [A well-educated woman wants to work even when she is not just hungry]. *Knjiženstvo: časopis za studije književnosti, roda i kulture*, 6. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2016/prikazi/umno-obrazovana-zena-hoce-da-radi-i-onda-kada-je-na-to-ne-tera-samo-glad> (accessed: 02.09.2023). (in Serb.)
- Lobacheva, Iu. V., 2022. Zhenskije organizatsii v Belgrade v poslednei chetverti XIX – nachale XX v. [Women's organisations in Belgrade from the last quarter of the nineteenth to the early twentieth century]. *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 5, pp. 347–391. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.14. (In Rus.)
- Marković, Lj., 1934. *Počeci feminizma u Srbiji i Vojvodini* [The beginnings of feminism in Serbia and Vojvodina]. Beograd: Narodna misao, 27 p. (in Serb.)
- Milinković, J., 2012. Književnosti između emancipacije i nacionalnog – književni prilozi i časopisu Žena [Between the Emancipation and the National: Literary Contributions in Journal Žena]. *Knjiženstvo: časopis za studije književnosti, roda i kulture*, 2. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr/casopisi/2012/>

- zenska-knjizevnost-i-kultura/knjizevnosti-izmedju-emancipacije-i-nacionalnog-1-knjizevni-prilozi-u-casopisu-zena (accessed 2.09.2023). (in Serb.)
- Milinković, J., Pantelić, I., Škodrić, Lj., 2013. *Dvadeset žena koje su obeležile XX vek u Srbiji* [Twenty women who marked the twentieth century in Serbia], 1. Beograd: NIN, 62 p. (In Serb.)
- Offen, K., 1988. Defining feminism: A comparative historical approach. *Signs*, 14, 1, pp. 119–157.
- Pantelić, I., 2006. Dejanović (Dejanovich), Draga (born Dimitrijević) (1840–1871). In: De Haan, F., Daskalova, K., Loutfi, A., eds. *Biographical Dictionary of Women's Movements and Feminisms: Central, Eastern, and South Eastern Europe, 19th and 20th centuries*. Budapest; New York: CEU Press, pp. 106–108.
- Pantić, D., 1997. Aktualnost pedagoške misli Svetozara Miletića [Relevance of pedagogical thought of Svetozar Miletić]. In: Marković, M., Simeunović D., eds. *Aktuelnost misli Svetozara Miletića o oslobođenju i ujedinjenju srpskog : zbornik radova sa nauchnog skupa u SANU*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, pp. 237–244. (in Serb.)
- Peković, S., 2004. Ženski časopisi u Srbiji na početku 20. veka [Women's magazines in Serbia in the early twentieth]. *Slavica Tergestina*, 11–12, pp. 123–137. URL: <https://www.openstarts.units.it/handle/10077/2423> (accessed: 02.09.2023). (In Serb.)
- Peković, S., 2015. *Časopisi po meri dostojanstvenog ženskinja: ženski časopisi u Srbiji na početku 20. veka* [Journals suited for respectable women: Women's journals from the early twentieth century]. Beograd: Institut za književnost i umetnost; Novi Sad: Matica Srpska, 378 p. (In Serb.)
- Rakić, L., 1986. *Jaša Tomić (1856–1922)*. Novi Sad: Matica srpska, 367 p. (in Serb.)
- Ryabov, O. V., 2008. Gendernoe izmerenie natsionalizma: metodologicheskie problem issledovaniia [Gender dimension of nationalism: methodological problems of research]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija "Gumanitarnye nauki", 2, "Filosofiiia", pp. 42–51. (in Rus.)
- Shemiakin, A. L., 2002. Serbskoe obshchestvo na rubezhe 19–20 vv.: traditsionalizm i modernizatsiia. Vzgliad iznutri [Serbian society at the turn of the nineteenth and twentieth centuries: Traditionalism and modernization. A look from inside]. In: Grishina, R. P., Litavrin, G. G., eds. *Chelovek na Balkanakh v epokhu krizisov i etnopoliticheskikh stolknovenii 20 v.* [A man in the Balkans in the age of crises and ethnopolitical clashes of the twentieth century] St.-Petersburg: Aleteiia, pp. 31–49. (in Rus.)
- Spasović, I., 2018. Sedam poslanica na Velikoj narodnoj skupštini u Novom Sadu 25 novembra 1918 [Seven women members of the Parliament at the Grand National Assembly in Novi Sad on 25 November 1918]. *Godišnjak Fakulteta za kulturu i medije*, 10, 10, pp. 37–52.
- Spivak, G., 2022. *Mogut li ugnjetenyye govorit'?* [Do can oppressed speak?]. Moscow: V-A-C-Press, 148 p.

- Stefanović, S., 2013. *Nation und Geschlecht. Frauen in Serbien von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Zweiten Weltkrieg*. PhD thesis. Leipzig, 413 p. (manuscript).
- Stefanović, S., 2016. Žene u službi nacije i vojske (1875–1918). *Knjiženstvo: časopis za studije književnosti, roda i kulture*, 6. URL: <http://www.knjizenstvo.rs/sr-lat/casopisi/2016/zenska-knjizevnost-i-kultura/zene-u-sluzbi-nacije-i-vojske-1875-1918#gsc.tab=0> (accessed: 02.09.2023). (In Serb.)
- Stojaković, G., 2017. Milica Tomić: feminističko nasleđe koje traje [Milica Tomić: the feminist legacy that persists]. In: Kopicl, V., ed. *Milica Miletić Tomić: pouke i polemike*. Novi Sad: Savez feminističkih organizacija, pp. 7–17. (in Serb.)
- Stojaković, G., 2020. Dobrotvorke u srpskom narodu [The Serbian philanthropists]. *Ženski muzej* (update 5.10.2020). URL: <https://zenskimuzejns.org.rs/2020/10/05/dobrotvorke-u-srpskom-narodu/> (accessed 02.09.2023). (in Serb.)
- Stolić, A., 2015. *Feminizam* [Feminism]. In: Ković, M., ed. *Srbi 1903–1914. Istorija ideja* [Serbs in 1903–1914. The history of idea]. Beograd: Clio, pp. 299–318. (in Serb.)
- Stolić, A., 2015. *Sestre Srkinje. Pojava pokreta za emancipaciju žena i feminizma u Kraljevini Srbiji* [Serbian sisters. The emergence of the movement for the emancipation of women and feminism in the Kingdom of Serbia]. Beograd: Evoluta, 209 p. (in Serb.)
- Svirčev, Ž., 2018. *Portret prethodnice: Draga Dejanović* [Portrait of the predecessor: Draga Dejanović]. Bečej: Gradsko pozorište, 117 p. (in Serb.)
- Vasin, G., Lemajić, N., Mikavica, D., Ninković, N., 2016. *Srbi u Habzburškoj monarhiji od 1526. do 1918* [Serbs in the Habsburg Monarchy from 1526 to 1918], 2. Novi Sad: Prometej, 559 p. (in Serb.)
- Vershinina, D. B., 2013. Gendernyi podkhod v sotsiogumanitarnom znanii: istoricheskie predposylki i teoreticheskie aspekty [Gender approach in socio-humanitarian knowledge: historical background and theoretical aspects]. In: Adelgeim, I. E., ed. *Gender i literatury v stranakh TSentral'noi i IUGo-Vostochnoi Evropy*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 6–19. (in Rus.)
- Yuval-Davis, D., 1997. *Gender & Nation*. [London:] Sage Publications Ltd., 168 p.

Liudmila K. Novoseltseva

Junior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow,
Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A.
E-mail: mnovoseltseva91@gmail.com

Serbian Women's Movement in Austria-Hungary from the Second Half of the nineteenth to the early twentieth centuries: Ideology, Organisations, and Leaders

This article explores the development of feminist ideology and the formation of the Serbian women's movement in Austria-Hungary in the late nineteenth and early twentieth centuries. The emergence of the movement can be explained by the views put forward by the leaders of the Serbian political youth group *Omladina*, who outlined the role of women in nation-building processes, as well as in the formation of Serbian identity and the achievement of sovereignty in particular. The leaders of the socialist and liberal movements used the principal Serbian female images – assistants and mothers – for ethno-political mobilization. The image of the mother was of major importance for preserving a Serbian identity under the Habsburg rule, in the face of the threat of assimilation after the Compromise of 1867. The participation of women in solving national problems and their social importance led to the dissemination of feminist thinking and the subsequent emergence of the women's movement. The article suggests that Draga Dejanović (1840–1871) and Milica Tomić (1859–1944) played an important role in this development. It was in the early 1870s that Dejanović advocated equal access to secondary and higher education and developed the idea of “enlightened motherhood”, which encouraged liberal figures of the national movement to defend the interests of women. In addition, mono-ethnic women's groups pursuing humanism and education were established, providing women from privileged social strata with culturally acceptable means of participation in the public life of the Serbian community in Austria-Hungary. The Serbian women's movement had undergone a significant ideological evolution perpetuated by the magazine *Žena* (“Woman”) and its editor-in-chief Milica Tomić. The article suggests that Milica Tomić initiated a realignment of the movement away from purely national goals and towards greater emancipation both on a social and a legal scale.

Keywords: female symbols, women's movement, national movement, Draga Dejanović, Milica Tomić, *Žena* magazine

How to cite: Novoseltseva, L. K., 2023. Dvizhenie serbskikh zhenshchin v Avstro-Vengrii vo vtoroi polovine 19 – nachale 20 v.: ideologiya, organizatsii, lidery. *Central-European Studies*, 6, pp. 208–241. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.8>.

ЯЗЫК ВСЕХ И КАЖДОГО

Артем Юрьевич Перетьяко

Кандидат исторических наук, старший преподаватель, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. 344006, ул. Большая Садовая, 105/42. E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Мария Антоновна Селезнева

Бакалавр, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия. 125009, Моховая ул., д. 9, стр.1.
E-mail: Maria.Selezneva@student.msu.ru

Образ романтической возлюбленной между двумя культурами: попытки перевода любовной лирики Адама Мицкевича казачьим офицером Иваном Ульяновым

Изучение эволюции нарративов, созданных донскими казаками в первой половине XIX в., представляет собой сложную исследовательскую задачу, поскольку, если не брать делопроизводственную документацию, от этого времени уцелели лишь отдельные тексты, часто вырванные из контекста. В то же время исследования подобной тематики представляются достаточно перспективными. Тексты донских авторов часто наглядно демонстрируют механизм трансформации наработок высокой культуры XIX в. при их интерпретации любителями. Учитывая неизбежно индивидуальный характер подобной трансформации в каждом отдельном случае, в рамках микроисторического подхода в статье рассмотрен частный вариант подобной трансформации, переводы любовной лирики Адама Мицкевича казачьим офицером Иваном Ульяновым. И. С. Ульянов (1803–1874) был донским общественным деятелем XIX в., генерал-майором и писателем. В его обширном наследии, большая часть которого никогда не публиковалась, представлены доселе неизвестные прозаические переводы лирики польского поэта, выполненные в 1820-е годы. Девять из одиннадцати переведенных Ульяновым стихотворений представляют собой лирические произведения, посвященные недоступности любимой или разлуке с ней. При этом в рамках традиционных казачьих матримониальных практик основной формой взаимодействия полов был брак, заключенный по воле и в интересах родителей и предполагающий долгую разлуку мужа с женой в связи с регулярными выходами на службу. Случаи ухода от традиционного для казаков понимания гендерной роли

женщины в конце XVIII — начале XIX в. часто встречаются и в текстах (включая автобиографические) других донских казаков, испытавших влияние европейской культуры (А. К. Денисов, И. И. Краснов). В подобном контексте любительские переводы И. С. Ульянова демонстрируют то, как текст польской культуры менял свой смысл при переносе в казачью среду: стихотворения на хорошо знакомую польскому читателю тему недоступной любви в переводе превращались в прозу о принципиально новой для казачьего читателя возможности иной гендерной роли женщины.

Ключевые слова: донское казачество, Польша, микроистория, анализ нарративов, традиционная культура, культура романтизма, образ возлюбленной

Цитирование: Перетяшко А.Ю., Селезнева М.А. Образ романтической возлюбленной между двумя культурами: попытки перевода любовной лирики Адама Мицкевича казачьим офицером Иваном Ульяновым // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 245–272. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.9>.

Польша и Войско Донское

Что мы знаем о контактах донских казаков и поляков? Даже в такой наиболее детально изученной области донской истории, как военная, полноценных монографических исследований об участии донских казаков в военных действиях в связи с разделами Речи Посполитой и подавлением польских национальных восстаний фактически нет. Только в последние несколько лет вышли книги одного из крупнейших специалистов по истории донского казачества А. В. Венкова: «Казачи и Первый раздел Польши»¹ и «Участие казаков во Втором и Третьем разделах Польши»². Несмотря на публицистический стиль этих книг и опору автора преимущественно на русскоязычные источники, его исследования являются значимым вкладом в изучение отношений Польши с Донским Войском, поскольку в них впервые, хотя бы в общих чертах, намечена история развития мирных связей Польши и Дона. В интерпретации А. В. Венкова до XVIII в. эти связи были незначительны, и среди донских казаков того времени встречались венгры, греки, татары, но не поляки³. Ситуация изменилась в XVIII — начале XIX в., когда в донские казаки стали приниматься служившие Российской империи поляки⁴.

¹ Венков 2021а.

² Венков 2021б.

³ Венков 2021б: 8.

⁴ Венков 2021б: 8–9.

Так, например, произошло с родом Малчевских, который стал частью донской элиты. Но как правило, поляки в войске не поднимались выше чина есаула⁵. В то же время, по мнению А. В. Венкова, в отношении женщин ситуация была иной и «иметь жену-польку считалось среди казаков престижным»⁶. А основываясь на народных песнях исследователь пришел к выводу, будто бы «в песенном фольклоре можно усмотреть некое чувство вины казаков по отношению к польским женщинам»⁷. К сожалению, контакты казаков с польской культурой историк не рассматривал. Но одному частному случаю подобного контакта посвящена наша статья.

Тексты донских авторов первой половины XIX в.

Научные и художественные тексты донских казаков первой половины XIX в. представляют собой набор крайне разнообразных произведений, с трудом поддающихся обоснованному обобщению. В 1811 г. была напечатана первая книга, написанная донскими казаками, «Сочинения воспитанников Войска Донского в Императорском Харьковском университете»⁸. В это время донское общество воспринимало элементы высокой европейской культуры, причем не только русской: в дневнике молодого казачьего офицера, служившего в Санкт-Петербурге, Ивана Ивановича Краснова (1802–1871), только в записях за 1819 г. описывается, что он читал «книгу Милый гость Лафонтену»⁹, был в «театре при представлении Синдриллионы»¹⁰, восхищался в Эрмитаже картинами П. Рубенса¹¹, а его брат Семен написал вариации «Выходя на реченьку»¹². Однако те институты, которые отвечают за публичное распространение и сохранение печатных текстов, на Дону были неразвиты. Первая газета, «Донские войсковые ведомости», появилась только в 1839 г.¹³ Неофициальная

⁵ Венков 2021b: 8–10.

⁶ Венков 2021b: 10.

⁷ Венков 2021b: 10.

⁸ Багалей 1898: 833.

⁹ ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Ед. 11. Л. 6.

¹² Там же. Ед. 12. Л. 3.

¹³ Станько 2006: 10.

часть этой газеты вообще начала выходить лишь с 1852 г.¹⁴ Книги в регионе не печатались в принципе. Поэтому, хотя нам известно, что в первой половине XIX в. в среде донского казачества развивалась ориентирующаяся на европейские, а не на местные народные образцы культура, наследие этой культуры большей частью утеряно. Так, есть сведения, что казачьим поэтом, чьи стихи расхвалились в рукописях, в 1830-е годы был И. И. Краснов, но до нас дошел только один отрывок из его стихотворения, опубликованный в некрологе:

Поле тихими покровами
Ночь покрыла непроглядная;
А на небе отуманенном
Нет ни месяца, ни звездочки,
И заря угасла алая...¹⁵.

Уцелели только отдельные, и, что усугубляет проблему, часто вырванные из контекста художественные и научные тексты донских авторов первой половины XIX в. Несколько сочинений (что любопытно, оказавшихся маловажными для дальнейшей эволюции донской культуры) все же опубликовали еще в то время за пределами региона, в Харькове¹⁶. Самые значимые тексты были изданы по ходившим в среде казаков рукописям во второй половине XIX в. Важнейшим из них обычно считают «Историческое описание Земли Войска Донского» Василия Дмитриевича Сухорукова (1795–1841), «высшее достижение донской историографии не только первой половины XIX в., но и всего столетия в целом»¹⁷. Первые дошедшие до нас воспоминания донского атамана Андрияна Карповича Денисова (1763–1841), написанные в 1820 или 1830 г., издали только в 1874–1875 гг., к сожалению, с заменой авторского текста кратким пересказом тех мест, которые показались публикаторам менее интересными¹⁸.

¹⁴ *Струков И. И.* Алфавитный указатель статей, помещенных в неофициальной части Донских областных ведомостей с 1852 по 1876 год. Издание Областного Войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск: Обл. В. Д. Типография, 1878. 131 с.

¹⁵ Королев 1991: 222.

¹⁶ Попов 1814; Попов 1816; *Леонов А. А.* Стихотворения Алексея Леонова. 1834–1838. Харьков: в губернской тип., 1839. 148 с.

¹⁷ Мининков 2010: 277.

¹⁸ История казака Войска Донского, атамана Андрияна Карповича Денисова. 1763–1841 гг. // Русская старина. 1874. Т. X. С. 3–4.

А. К. Денисов — первый известный нам казак, письменно зафиксировавший свои впечатления от контактов с польской культурой и польскими женщинами. К сожалению, эти места сокращались нещадно, но и в пересказе они весьма любопытны:

Денисову понравилась Варшава, он часто бывал в ней, жил по неделям, и начал, как сам выражается, “учиться щеголять”. <...> “В 1793 г. полк мой переведен из квартир близ Варшавы в лагерь. И здесь я приобрел расположение соседей: они приглашали меня на обеды и вечеринки”. Раз несколько дам, без кавалеров, уговорились и посетили казака; он угощал их кофеем, уговорил остаться на казачий ужин, послал в Варшаву за припасами, обратился к содействию местной помещицы Дочуминской, — “и на ужин было желе и пирожное. Гости были веселы, шутили с казаками и жаловались, что в военное время они очень их боятся”¹⁹.

Но насколько возможно исследование контактов донских казаков с польской культурой по подобным заведомо фрагментарным источникам?

Микроистория и культура, навязанная народу

«Основополагающими свойствами реальности являются прерывистость и разнородность»²⁰; «Лакуны и искажения, содержащиеся в документах, с которыми имеет дело исследователь, сами должны стать частью повествования»²¹; «Наиболее отклоняющаяся от нормы документация потенциально содержит наиболее богатые результаты»²², — три цитаты из статьи Карло Гинзбурга «Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю». Представляется, что анализ возможности изучения донских текстов первой XIX в. с позиций микроистории открывает широкие перспективы.

Распространение европейского образования и культуры обычно быстро влекло за собой появление людей, профессионально этой культурой занимавшихся. Как мы видели, на Дону этот процесс начался в 1810 г., когда в Харькове был издан ряд книг донских авторов. Для нас сейчас важно, что часть этих книг выходила в университетском

¹⁹ История казака Войска Донского. Т. XI. С. 384–385.

²⁰ Гинзбург 2004: 305.

²¹ Там же: 307.

²² Там же: 312.

издательстве²³, и вообще в приобщении донских казаков к европейской культуре большую роль играл Харьковский университет, в который с 1808 г. донские студенты поступали почти ежегодно²⁴. Однако уже в 1826 г. Александр Иванович Чернышев (1785–1857) в докладе Николаю I сообщил, что среди донских казаков «суждениями обучающихся в университетах» подстрекаются мысли к «самостоятельности их отчизны»²⁵. В 1836 г. Чернышев, ставший военным министром, при полной поддержке императора заявил донскому атаману Максиму Григорьевичу Власову (1767–1848) о важности «патриархальности как главной основы всех стремлений донского начальства»²⁶. В результате в течение правления Николая I европейская культура хотя и распространялась среди донского казачества, но заниматься большей частью ее отраслей профессионально казакам *de facto* было запрещено до старости. В начале 1860-х годов при обсуждении правительственных реформ представители станиц открыто заявили о «нарушении прав ученых и художников, получивших специальное образование», выражавшемся в том, что они наравне с остальными казаками были обязаны нести многолетнюю военную службу²⁷. В результате культуру донской элиты XIX в. можно определить как культуру, в которой все тексты, не связанные с государственной и военной службой, генерировали любители.

Поэтому на Дону было много авторов-любителей, писавших на самые разные темы, и там уцелел обширный пласт любительских текстов XIX в.: пускай большая часть его погибла, но и число сохранившихся текстов исчисляется десятками. Во введении к своей самой известной книге, «Сыр и черви», К. Гинзбург с откровенной иронией написал о тех исследователях, которые:

[В]идели в идеях, верованиях, мировоззренческих установках угнетенных классов всего лишь бессвязную мешанину идей, верований, мировоззренческих установок, выработанных господствующими классами и выработанных иногда в далеком прошлом²⁸.

²³ Багалей 1898: 436, 833.

²⁴ Дело о директоре гимназии и училищ Войска Донского А. Г. Попова // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. 6. Новочеркасск, 1906. С. 183–184.

²⁵ Краснов 1881: С. 47.

²⁶ Volvenko 2015a: 109.

²⁷ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 6 об.

²⁸ Гинзбург 2000: 32.

Исходя из этого, он противопоставил подлинно народную культуру (или, как он ее назвал, «культуру, созданную народом») «культуре, навязанной народу»²⁹. Однако, на наш взгляд, «культура, навязанная народу», то есть формы и результаты рецепции высокой культуры людьми, ее не вполне понимающими в силу образования и социального происхождения, могут быть не менее интересны, чем народная культура.

Именно с подобной точки зрения тексты донских авторов XIX в. являются ценным источником. В них мы можем наглядно увидеть, как происходила рецепция высокой культуры народом: собственно, «учившийся щеголять» в Варшаве А. К. Денисов уже может служить примером подобной рецепции. Элементы высокой культуры, науки, господских развлечений извлекались донскими авторами из прежнего контекста и вносились в свой, но часто с искажениями, так, как они были поняты.

Всякая социальная конфигурация является результатом взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий: плотным переплетением, восстановить которое под силу лишь приближенному наблюдению³⁰.

Попытаемся спроецировать высказывание Гинзбурга на контакты донских казаков с польской культурой в конце XVIII — начале XIX в. и представим их частью сложной социальной конфигурации, заключавшейся в рецепции донскими казаками культур европейских (важнейшей из них, конечно, была русская культура, но, например, у донского историка-самоучки и сектанта Евлампия Никифоровича Кательникова (1774/1775–1852/1855), несмотря на отсутствие какого-либо специального образования, знавшего французский, немецкий и польский языки, в библиотеке были «молит[веник] немецк[ий]», «домнивиль польск[ий]» и «катехизис француз[ский]»³¹). И, реконструируя эти индивидуальные стратегии, интересные сами по себе, мы сможем понять ту социальную конфигурацию, которую они формируют — причем конфигурацию прерывистую и разнородную изначально, а не только вследствие гибели многих источников.

²⁹ Гинзбург 2000: 33–35.

³⁰ Гинзбург 2004: 312.

³¹ Мининков 2012: 221–223.

Семейство Ульяновых

Важнейшей источниковой базой для исследований по истории донской казачьей культуры первой половины XIX в. является фонд «Ульяновы» Государственного архива Ростовской области³². Ульяновы к началу XIX в. были родом так называемого донского чиновничества: они не имели ни наследственного дворянства, ни поместья, однако их мужчины дослуживались до чинов, дававших дворянство личное³³. Серьезного образования они, вероятно, тоже не получили: Иван Самойлович Ульянов, родившийся в 1803 г., как писали его младшие современники, «провел все свое детство и юность на домашних полевых работах: косил сено и растил хлеб, пахал землю, менял стога и прочее»³⁴. Тем не менее, и он, и его отец Самойла Никитич Ульянов были грамотными и вели переписку³⁵. А еще им обоим выпало служить в Царстве Польском³⁶. Отметим, что донские части стояли там с начала XIX в. до Первой мировой войны: так, было определено, что четыре из 20 донских армейских полков мирного времени служили в Варшавском военном округе (до этого власти распускали и созывали донские полки даже в мирное время по мере необходимости, и поэтому число донских казаков в Польше могло сильно варьироваться)³⁷.

Если С. Н. Ульянов служил обычным строевым офицером, то его сын И. С. Ульянов сумел обратить на себя внимание начальства. Он был отправлен в Польшу в 1820 г., вскоре прикомандирован к штабу главнокомандующего польской армией цесаревича Константина Павловича, в 1823 г. получил офицерский чин, а в 1825 г. — перевод в лейб-гвардию³⁸. Сам цесаревич выразил согласие стать крестным отцом первенца И. С. Ульянова Павла³⁹. Опыт штабной службы оказался полезен молодому казаку, и уже с 1830-х годов Иван Самойлович, вернувшись на Дон, вошел в круг высшей войсковой элиты,

³² ГАРО. Ф. 243.

³³ Морозова 2008: 299.

³⁴ Донцы XIX века. Ростов-на-Дону: Б. и., 2003. С. 480.

³⁵ Морозова 2008: 300–302.

³⁶ Морозова 2008: 302.

³⁷ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 55.

³⁸ Донцы XIX века. С. 481.

³⁹ Морозова 2008: 312.

не по богатству или происхождению, но по своему влиянию: он занимал важные должности в местной администрации⁴⁰. Что еще важнее, И. С. Ульянов оказался принят в тесный круг образованных донских казаков, сблизившись с И. И. Красновым⁴¹. В конце жизни, к 1860-м годам, сам И. С. Ульянов стал «маститым краеведом и публицистом» и играл ключевую роль в общественной жизни донского казачества, защищая его привилегии от любых реформ и изменений⁴². Вероятно, именно в связи с активной общественной и литературной деятельностью, а также исходя из личного интереса, Иван Самойлович собирал и хранил самые разные тексты, имевшие отношение к казачеству: от его собственных публицистических статей⁴³ до выписок из работ иностранных авторов⁴⁴, от чужих стихов⁴⁵ до делопроизводственных материалов о постройке Ольгинской дамбы⁴⁶.

Матримониальные практики казаков

Но вернемся к периоду службы отца и сына Ульяновых в Польше. В это время они неоднократно конфликтовали с членами семьи, преимущественно женщинами, оставшимися на Дону. У С. Н. Ульянова случился роман с дамой в Кракове, и уже немолодой казак в связи с этим затягивал поездку домой «на льготу» (период между двумя призывами на службу), предпочитая проводить время с любовницей-полькой⁴⁷. Показательно, что отца уговаривал вернуться домой сын, но при этом даже не пытался обосновать необходимость возвращения чувствами: И. С. Ульянов страдал отца гневом начальства, дурным примером детям и тем, что его отсутствие причиняет «сердечную скорбь и пустоту» всей семье, не упоминая отдельно мать⁴⁸.

Подобное отношение к женщинам, лишённое романтического флера или сентиментальности, было характерно для традиционной культуры донского казачества. В самом основательном исследовании

⁴⁰ Донцы XIX века. С. 481.

⁴¹ Королев 1991: 231.

⁴² Volvenko 2015b: 101–104.

⁴³ ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 223–256.

⁴⁴ Там же. Д. 29. Л. 52–52 об, 61 об–62.

⁴⁵ Там же. Д. 28. Л. 23–24 об.

⁴⁶ Там же. Д. 20. Л. 1–60 об.

⁴⁷ Морозова 2008: 302.

⁴⁸ Морозова 2008: 302.

по этнографии донских казаков XIX в., в «Сведениях о казацких общинах на Дону» М. Н. Харузина, фиксируется сугубо прагматическое отношение к браку как к социальной потребности и способу получения материальной выгоды; ни духовая близость, ни симпатия никакой роли не играет. Один из казаков так безыскусно объяснил исследователю смысл брака: «Без жены честно прожить нельзя: плоть-то не сдержишь, а от греха надо дальше быть и жить по закону»⁴⁹. Отмечали собеседники М. Н. Харузина и то, что «без жены <...> нельзя вести хорошо хозяйство»⁵⁰. Разлука мужа и жены в этом обществе была нормой: часто специально женили совсем молодого казака, чтобы «получить возможно скорее в дом работницу, ибо мужу придется скоро справляться на службу»⁵¹. Естественно, при подобном подходе желательно было подобрать невесту, вступившую в период расцвета физической силы. Порой это вело к комическим ситуациям. М. Н. Харузин описал несколько из них со слов самих казаков, например:

Случалось, что жена коров доит, а ребенок-муж подле нее заснет. <...>. А когда муж вырастет, то жена уже старухой станет; тогда он живет либо с невесткой, либо с соседкой⁵².

Возможно, такие ситуации не были правилом, но вполне очевидно, что индивидуальность невесты для казаков не могла играть заметной роли и тем более не становилась критерием выбора. Если молодой казак не чувствовал к какой-либо девушке «особенного сердечного влечения», то родители могли не только женить его по своей воле, но и выбрать невесту жребием из подходящих кандидатур⁵³.

Когда И. С. Ульянов уже достиг больших чинов и командовал полком в Бессарабии, один из подчиненных ему офицеров хотел жениться на местной девушке; его родственники не были против, но обратились с письмом к командиру полка, желая получить объективную информацию о невесте, а главное — о ее отце; при этом они не скрывали своей корысти: «Ежели он из простых людей и небогатых, то

⁴⁹ Харузин 1885: 101.

⁵⁰ Харузин 1885: 101.

⁵¹ Харузин 1885: 102.

⁵² Харузин 1885: 103.

⁵³ Харузин 1885: 102.

Михайла Климович на такой и здесь может жениться»⁵⁴. Родственники жениха недвусмысленно писали, что дадут согласие на брак, «если будет какая-то выгода Михайле Климовичу»⁵⁵. Как считает О. М. Морозова, и сам И. С. Ульянов в 1824 г. женился по воле своей семьи, а главную роль в заключении брака сыграло наличие у избранницы его родителей личного дворянства и поместья в Тамбовской губернии⁵⁶. Никаких свидетельств духовной близости Ивана Самойловича и его жены Татьяны Ивановны Карасевой нет. Более того, он, собравший множество документов, сохранил только три письма жены, и все — по хозяйственным вопросам⁵⁷.

Тем не менее, уже в 1825 г. И. С. Ульянов стал требовать от матери отпустить его жену в Польшу. Мать, Матрена Семеновна, в полном соответствии с традиционным представлением донских казаков о выгодном браке и гендерных ролях, хотела не только богатую невесту, но и помощницу по хозяйству, поскольку мужчины служили, а ее единственная дочь сама достигла брачного возраста и должна была скоро покинуть семью⁵⁸. Теплых чувств к невестке М. С. Ульянова не испытывала, однако отпустить ее отказывалась⁵⁹. Сын в свою очередь обвинял мать в том, что она нашла не ему жену, а помощницу себе⁶⁰. Только через два года, в 1827 г., женщине позволено было отправиться от свекрови к мужу⁶¹.

Переводы Мицкевича

В более ранней статье в центре анализа находилось творческое наследие И. С. Ульянова, связанное с Польшей⁶², там же отмечалось, что о его контактах с польскими учеными и литераторами ничего не известно, а из значительных польских писателей он переводил только Адама Мицкевича (1798–1855)⁶³. На тот момент нам удалось

⁵⁴ Морозова 2008: 303–304.

⁵⁵ Морозова 2008: 304.

⁵⁶ Морозова 2008: 304.

⁵⁷ Морозова 2008: 306.

⁵⁸ Морозова 2008: 304–305.

⁵⁹ Морозова 2008: 304.

⁶⁰ Морозова 2008: 305.

⁶¹ Морозова 2008: 305.

⁶² Перетятыко 2019: 42–56.

⁶³ Перетятыко 2019: 46, 52–53.

обнаружить только перевод статьи «О критиках и рецензентах варшавских»⁶⁴. Однако, обратившись к изучению комедии И. С. Ульянова «Письмо», мы неожиданно обнаружили, что к нему прилагается 11 стихотворных переводов с общим заглавием «Из А. Мицкевича»⁶⁵. Переводы не датированы, но, судя по почерку, относятся к 1820-м годам — то есть к варшавскому периоду службы И. С. Ульянова. (Его ранний почерк крайне аккуратен и разборчив, в то время как с 1830 годов, когда он стал крупным чиновником на Дону, эти аккуратность и разборчивость исчезают).

В это время молодой офицер демонстрировал явный интерес к поэзии. В 1831 г., находясь в польском плену, он познакомился с хорунжим М. М. Марковым, также равнодушным к сочинительству⁶⁶. Марков, Ульянов и некоторые другие казаки занялись в плену перепиской в поэтической форме, из которой до нас дошли только стихотворные послания неизвестного лица. В одном из них автор описал Ивана Самойловича как создателя множества литературных произведений:

Так ты своею лирою младую
Раз басенкой даришь,
Поешь идиллию; порою —
С Гомером в облаках паришь
На крыльях вымысла святого;
Или, чтоб друга дорогого,
В часы свободные занять,
Послание свое даешь ему читать!
Красавицам — романсы посвящаешь;
На злых — сатирою кидаешь⁶⁷.

Итак, донской офицер, согласно этому довольно неуклюжему отрывку, писал романсы «красавицам». Это хорошо соотносится с тем, что в творчестве Мицкевича его привлекала преимущественно любовная лирика. И. С. Ульянов перевел следующие стихотворения великого польского поэта: 1) «На греческую залу в доме княгини Зинаиды Волконской, в Москве 1827 г.» (*«Na pokój grecki: w domu*

⁶⁴ Перетяцько 2019: 52–53.

⁶⁵ ГАРО. Ф. 243. Д. 28а. Л. 29–39.

⁶⁶ *Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1901. Вып. II. С. 82.*

⁶⁷ ГАРО. Ф. 243. Д. 28. Л. 21 об.

księżnej Zeneidy Wolkońskiej w Moskwie»); 2) «К ***» («Do...»); 3) «Отречение» («*Rezygnacya*»); 4) «Посещение» («*Do D.D. (Wizyta)*»); 5) «Разговор» («*Rozmowa*»); 6) «Стихи в альбом Людовики М., написанные по просьбе нареченного ее, Иг. Ходзки, 12/24 октября 1824 года, в день отъезда автора из Литвы» («*W imionniku Ludwiki Mackiewiczównej*»); 7) «К М. Стихи, написанные в 1823 году» («*Do M... Wiersz napisany w roku 1823*»); 8) «Сон» («*Sen*»); 9) «Другой перевод для припева под гитару под голос оригинала» («*Sen*», принципиально иная попытка перевода: единственный случай, когда И. С. Ульянов пытался сохранить размер подлинника, чтобы петь его, поэтому мы считаем ее отдельно); 10) «Мореплаватель» («*Żeglarz*»); и 11) «Четыре ура» («*Toasty*»)⁶⁸. Первые девять из этих переводов посвящены несчастной любви, недоступности любимой или разлуке с ней.

Особенности перевода

Большинство переводов И. С. Ульянова могут показаться грубым подстрочником, выполнявшимся без всякой рефлексии. При детальном анализе творчества донских авторов-любителей XIX в. вообще есть риск принять спонтанно сложившуюся деталь текста за осознанный художественный прием, а неловкость автора — за глубину мыслей. Так следует ли вообще анализировать переводы И. С. Ульянова из А. Мицкевича, рассматривая их как важный для переводчика контакт культур, а не спонтанный случай?

Благодаря тому, что в нашем распоряжении оказались авторские рукописи с правкой, можно увидеть, что Иван Самойлович серьезно размышлял над своими переводами и вносил в них заметные исправления. Так, хотя большой текст «На греческую залу в доме княгини Зинаиды Волконской, в Москве 1827 г.» представлен беловиком, в него вносились изменения карандашом и, если сравнивать с другими рукописями, почерком И. С. Ульянова, но более позднего времени⁶⁹. В другой прозаической его рукописи польского периода также есть правка карандашом, сделанная схожим почерком, и она датирована самим автором 1844 г.⁷⁰ В стихотворении «К ***» мы видим уже и правку чер-

⁶⁸ ГАРО. Ф. 243. Д. 28. Л. 29–39.

⁶⁹ Там же. Д. 28а. Л. 29–31.

⁷⁰ Там же. Д. 28. Л. 41 об.

нилами тем же почерком, которым написан основной текст, и правку карандашом изменившимся почерком, следовательно, тут исправления вносились переводчиком и в 1820 г., и в 1840 г.⁷¹ Из всех стихов наибольшим изменениям подвергалось стихотворение «Разговор», причем эта правка демонстрирует дифференцированный подход переводчика к разным частям стихотворения: если его третья, последняя строфа сразу получилась у И. С. Ульянова такой, какой он хотел, то первые две строфы содержат столько правок, и чернилами, и карандашом, что можно говорить о двух полноценных вариантах перевода. Привести оригинал Мицкевича и эти варианты нам кажется полезным для демонстрации специфических переводческих практик И. С. Ульянова:

Rozmowa

Kochanko moja! na co nam rozmowa?
 Czemu, chcąc z tobą uczucia podzielać,
 Nie mogę duszy prosto w duszę przelać?
 Za co ją trzeba rozdrabiać na słowa,
 Które nim słuch twój i serce dościgną,
 W ustach wietrzeją, na powietrzu stygną?

Kocham, ach! kocham, po sto razy wołam:
 A ty się smucisz i zaczynasz gniewać,
 Że ja kochania mojego nie zdołam
 Dostyc wymówić, wyrazić, wyśpiewać;
 I jak w letargu, nie widzę sposobu
 Wydać znak życia, bym uniknął grobu.

Strudziłem usta daremnem użyciem:
 Teraz je z twemi chcę stopić ustami,
 I chcę rozmawiać tylko serca biciem,
 I westchnieniami i całowaniami,
 I tak rozmawiać, godziny, dni, lata,
 Do końca świata i po końcu świata.

Разговор (первоначальный вариант. — А. П., М. С.)

О, милая моя! Ни к чему нам потребление слов. Желая делить с тобой чувства, для чего не могу перелить души моей в твою душу. За что ее дробить на слова, которые прежде, нежели достигнут слуха твоего и сердца, ветреют на устах, на воздухе стынут.

⁷¹ ГАРО. Ф. 243. Д. 28а. Л. 31–31 об.

#

Люблю тебя, ах! Стократ твержу: люблю тебя! А ты смущаешься и начинаешь сердиться, что не могу вполне высказать, выразить, воспеть любви моей, а, подобный объятому летаргическим сном, не нахожу возможности обнаружить признак жизни, чтобы избегнуть могилы.

#

Теперь утружденные напрасными словами уста мои хочу слить с твоими устами, хочу беседовать только биением сердца, и вздохами, и поцелуями, и так беседовать часы, дни, годы — до конца света и после конца света.

Разговор (окончательный вариант. — А. П., М. С.)

О, милая моя! Для чего нам прибегать к словам. Для чего, желая делить с тобой чувства, я не могу просто перелить души в душу. На что дробить ее на слова, которые прежде, нежели достигнут слуха твоего и сердца, на устах ветреют, на воздухе стынут.

#

Люблю тебя, ах! Стократ твержу: люблю тебя! А ты смущаешься и начинаешь сердиться, что любви моей не могу вполне высказать, выразить, воспеть, а, подобный объятому летаргическим сном, не нахожу возможности подать знак жизни, чтобы избавиться от могилы.

#

Теперь утружденные напрасными словами уста мои хочу слить с твоими устами, хочу беседовать только биением сердца, и вздохами, и поцелуями, и так беседовать часы, дни, годы — до конца света и после конца света⁷².

Бросается в глаза, что, при относительно точном воспроизведении смысла слов Адама Мицкевича, И. С. Ульянов значительно изменил пунктуацию, убирая вопросы и добавляя восклицания. В переводах он вообще регулярно усиливал экспрессию оригинала. Нам даже удалось обнаружить в другом его стихотворении место, где он изменил прямой смысл начального текста. В стихотворении «К М. Стихи, написанные в 1823 году», есть строки, относящиеся к бывшей возлюбленной лирического героя, читающей книгу, в которой любовники воссоединяются после разлуки: *Zagasisz świecę i pomyślisz sobie: / Czemu nasz romans tak się nie zakończył?* И. С. Ульянов перевел

⁷² ГАРО. Ф. 243. Д. 28а. Л. 33.

эти строки так: «Объятая горестью, ты молвишь: “Для чего историю сердец наших не так кончил жребий!”»⁷³. В данном случае не только несколько элегический тон А. Мицкевича сменился экспрессивным восклицанием, но и место подстрочника занял совершенно иной текст: возлюбленная героя не гасит свечу, но объята горем, а вместо простого слова «роман» используется сентиментальный образ «история сердец наших».

В то же время в приведенном переводе хорошо прослеживается неопытность И. С. Ульянова как поэта, особенно в первоначальном варианте. Так, в первой же строке переводчик заменяет литературное «*roztocha*» на неуместный в любовной лирике канцеляризм «потребление слов», помимо повтора эмоционально насыщенного выражения «конца света» в последней строке («до конца света и после конца света»), в тексте присутствуют и неоправданные повторы, отсутствующие в оригинале.

И. С. Ульянов несомненно совершенствовал свои переводы, видимо, понимал. Его позднейшие правки во многом объяснялись как раз желанием убрать имевшиеся в редакции 1820 г. канцеляризмы и архаизмы. Например, в стихотворении «На греческую залу в доме княгини Зинаиды Волконской, в Москве 1827 г.» карандашом зачеркнуты слова «долженствующие» и «инда», и вместо них написано «что должны были» и «так»⁷⁴. Донской офицер пытался и подбирать слова, более точно, с его точки зрения, передающие польский оригинал. Например, хранящиеся в греческой зале саркофаги первоначально «обращаются в прах», а после исправлений карандашом «низвергаются в прах» (кстати, обратим внимание на очередное усиление экспрессии⁷⁵). Переводчик работал не только со смыслом, но и с порядком слов. Так, как раз при переводе стихотворения «Разговор», пытаясь передать строку «*Nie mogę duszy prosto w duszę przelać*», он трижды менял положение слов «просто» и «перелить»⁷⁶.

Таким образом, хотя уровень И. С. Ульянова, конечно, не соответствовал мастерству польского классика, его переводы никак нельзя считать обычным подстрочником. Переводчик работал и с пунктуацией, и с подбором более точных слов, и даже с их порядком, причем

⁷³ ГАРО. Ф. 243. Д. 28а. Л. 35.

⁷⁴ Там же. Л. 29 об.

⁷⁵ Там же. Л. 29 об.

⁷⁶ Там же. Л. 33.

смысл последней работы нам не вполне ясен. На наш взгляд, переводы И. С. Ульянова даже не лишены определенных художественных достоинств, прежде всего благодаря попыткам максимально точно передать образность оригинала. Однако результат получился весьма своеобразным и откровенно странным: это не дословный подстрочник, но и не полноценный перевод, в нем в итоге нет ни точного воспроизведения оригинала (сильно изменена пунктуация), ни попытки сохранить художественную форму стихов А. Мицкевича.

Образы женщин

Очевидный тематический выбор большинства стихотворений, тщательность их перевода и попытки сохранения авторских образов с усилением экспрессии по сравнению с оригиналом свидетельствуют о том, что содержание переводимых текстов вызывало у И. С. Ульянова эмоциональный отклик. Кроме того, его переводы польской прозы показывают очевидную корреляцию между выбираемыми текстами и взглядами самого переводчика: так, переведенная им статья «О критиках и рецензентах варшавских» А. Мицкевича перекликается с критикой самого И. С. Ульянова в адрес поляков⁷⁷. В другом переводе с польского, из произведения неустановленного автора, поляков хвалили за предпочтение воинствующим правителям правителей созидających, что, в представлении И. С. Ульянова, судя по всему, перекликалось с его идеей о том, что Польша обязана принесть мир русским своим процветанием:

<...> кто в тишине занимается внутренним устройством, распространяет земледелие, возвышает торговлю, вводит науки, производит строения, тот может быть предпочтен тому, который с шумом разрушает и уничтожает <...>⁷⁸

Так какие же образы женщин в лирике Адама Мицкевича привлекли И. С. Ульянова? Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать в форме таблицы.

Как мы видим, все переводы И. С. Ульянова из любовной лирики А. Мицкевича объединены темой недоступности любимой,

⁷⁷ Перетяцько 2019: 52–53.

⁷⁸ Перетяцько 2019: 52–53.

Таблица 1

**Образы женщин в лирике А. Мицкевича,
переведенной И. С. Ульяновым**

Название стихотворения	Положение героини	Отношения лирического героя и героини	Характерная цитата
«На греческую залу...»	Богатая и образованная аристократка	Герой обожает героиню и восхищается ей, она холодна к нему	«Ах, скажу я, что был на полдороге в Рай, с душою полу-восторженной, полу-смущенной, — внимал в полголоса Гэбригам райским и видел полусвет и полу-тьень райскую, и получил, о Боже! лишь полу-спасение!»
«К ***»	Юная девушка	Герой отвергает любовь героини, опасаясь причинить ей вред	«Но мое надгробие и кладбище прошедшего. Вейся, южный плющ, вкруг зеленых тополей, и оставь тернию окружать надгробные памятники»
«Отречение»	Абстрактная возлюбленная	Герой влюблен, героиня отвергает его	«И сердце в нем (отвергнутом влюбленном. — А. П., М. С.) подобно древнему храму, опустошенному непогодами и временем, где божество не хочет обитать, а люди не смеют»
«Посещение»	Светская дама	Герой хочет беседовать с героиней, но ту отвлекают светские визитеры	«Я считаю минуты как преступник, которого ожидает последняя пытка; а ты плетешь ничтожные рассказы о последней вечеринке»
«Разговор»	Абстрактная возлюбленная	Герой хочет высказать свою любовь, героиня сердится на его за неудачи	«Теперь утружденные напрасными словами уста мои хочу слить с твоими устами, хочу беседовать только биением сердца, и вздохами, и поцелуями, и так беседовать часы, дни, годы — до конца света и после конца света»
«Стихи в альбом...»	Невеста друга поэта	Герой одинок, и, чтобы скрасить одиночество, обращается к чужой любимой	«Так заблудившийся путник в Альпийских ущельях заводит песню, чтобы разведелить себя от скуки; и если одинокое сердце не знает петь кому, поет возлюбленной своего друга»
«К М.»	Бывшая возлюбленная поэта	Герой влюблен, героиня отвергает его, но не в силах забыть	«Так на каждом месте и в каждую пору, где я с тобою плакал, где проводил с тобою время — всегда и везде буду с тобою: ибо везде оставил частичку души моей»

Окончание табл. 1

Название стихотворения	Положение героини	Отношения лирического героя и героини	Характерная цитата
«Сон»	Абстрактная возлюбленная	Герой и героиня влюблены друг в друга, но им предстоит разлука	«Прижму уста свои к твоим устам; я не хочу смежать ресниц, когда постигнет меня мрак смерти: пусть усну навеки в восторгах, целя в ланиты и смотря в твои очи» (герой просит героиню отравить его вместо разлуки, и надеется потом воскреснуть по ее воле. — А. П., М. С.)
«Другой перевод...»	Абстрактная возлюбленная	Герой и героиня влюблены друг в друга, но им предстоит разлука	«Уста к устам твоим прильну, ресницы Смежать не стану, когда смерть постигнет: Пускай в восторгах усну я навеки, В уста целуя, смотря в твои очи».

Источник: ГАРО. Ф. 243. Д. 28а. Л. 29–36 об.

проявляющейся в самых разных формах: от разлуки до неспособности лирического героя выразить свою любовь словами, от отсутствия взаимности до невозможности соединиться. Выше мы рассмотрели традиционное для донских казаков отношение к женщинам, браки по расчету, чтобы избежать греха прелюбодеяния, получить помощницу по хозяйству или улучшить свое благосостояние, и показали, что разлука с женой была для казаков нормальным, даже обычным и неизбежным явлением: она повторялась снова и снова, каждый раз, когда мужчина уходил на службу. И на этом фоне выбор И. С. Ульяновым стихотворений о трагичности разлуки и недоступности любимой выглядит особенно необычным. В конце концов, он мог выбрать у того же Мицкевича более жизнерадостные любовные стихи, например, «*Przypomnienie*» или «*Pierwszy raz jam niewolnik...*». Однако донского автора переводов в любовной лирике привлекала исключительно тема несчастной любви, разлуки и недоступности любимой, причем, как видно из приведенного выше примера о работе над одним из стихотворений («Другой перевод для припева под гитару...»), он пел посвященные ей стихи под гитару.

В то же время нельзя не отметить, что в переводах И. С. Ульянова из поэзии А. Мицкевича образ возлюбленной лирического героя никогда не детализировался. Из приведенной таблицы следует, что в четырех переводах из девяти она вообще предстает абстрактной женской фигурой, к которой устремлены эмоции и рассуждения

лирического героя. Но и в оставшихся пяти — возлюбленная обычно только обозначена одной чертой, причем достаточно общей и условной. Так, в стихотворении «К ***» описания героини сводятся к тому, что она «невинное создание», «дитя» и «счастлива», а ее действия ограничены тем, что она любит героя, «смотрит мне в очи» и «вздыхает», чем проявляет «простодушие»⁷⁹. В стихотворении «К М. Стихи, написанные в 1823 году», в котором, на первый взгляд, в единственном из всех, в центре внимания не лирический герой, а его возлюбленная, ее образ сводится к тому, что она «касается рукой арфы», присутствует на балу, читает книгу о влюбленных и грустит по герою⁸⁰. В результате в рассмотренных нами переводах сложно найти какой-либо след конкретных женских характеров, а присутствуют только предельно условные образы романтических возлюбленных, прекрасных и идеальных.

Ключевой чертой возлюбленной становится не какое-то качество, не особенность ее личности, но способность повелевать лирическим героем, влиять на его разум и чувства. В переводе «На греческую залу в доме княгини Зинаиды Волконской, в Москве 1827 г.» героиня описывается как «прелестная путеводительница», способная вознести героя в рай⁸¹. В стихотворении «Сон» герой выражает надежду, что возлюбленная в будущем снизойдет с неба, чтобы пробудить его от смерти⁸². Даже юная героиня стихотворения «К ***» «возжигает в недрах моих преступный пламень»⁸³. Как нам представляется, в выбранных И. С. Ульяновым для перевода стихах А. Мицкевича, как и в казачьей традиционной культуре, оказывается важной не женщина как личность, но женщина как исполнительница определенной гендерной роли, вот только эта роль совершенно иная.

У казаков женщина выступала в роли выгодного социально-го партнера для мужа и его семьи. В стихах А. Мицкевича женщина предстала в роли, характерной для культуры европейского романтизма: желанной для мужчины возлюбленной, занимающей его мысли и чувства и важной даже после разрыва («всегда и везде буду с тобою: ибо везде оставил частицу души моей»). Конкретные черты

⁷⁹ ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28а. Л. 31–31 об.

⁸⁰ Там же. Л. 34–35.

⁸¹ Там же. Л. 30 об–31.

⁸² Там же. Л. 36.

⁸³ Там же. Л. 31 об.

возлюбленной не прописывались, но она безусловно должна привлекать мужчину, причем привлекать именно как любимая, а не социальный партнер, неважно, красотой, умом, обаянием или еще какими-то качествами. В рамках традиционной культуры донского казачества значение личности в матримониальных практиках, как мы видели выше, было весьма низким, вплоть до того, что жена казака выбиралась жребием из подходящих кандидатур. В переводах И. С. Ульянова из Мицкевича, напротив, важность героини для героя приобретает трансцендентальный характер: в единственном стихотворении, которое И. С. Ульянов перевел дважды, причем один раз с сохранением размера, смерть оказывается предпочтительнее разлуки с любимой, и любимая важнее самой этой смерти. Понятно, что такая женщина должна быть уникальна: романтическая любовь становилась важнее выгоды и социального партнерства. Очевидно, подобная гендерная роль женщины оказалась очень привлекательной для И. С. Ульянова, и он переводил раскрывающие ее стихотворения А. Мицкевича снова и снова.

Возможно, индивидуальная стратегия И. С. Ульянова именно в той ее части, которая связана с попыткой уйти от традиционной для казаков гендерной роли женщины, находит параллели в индивидуальных стратегиях некоторых его современников.

Контакт культур

Скоро после сего узнал я от родителей моих, что в казачьем городке Дубовке, при Волге реке стоящем, есть хорошая у одного войскового казачьего чиновника Персидского, довольно богатого, дочь; что она единственная его наследница. И как с большою похвалою мои родители об ней относились, но лично ее не знали, а только по слуху, так разумели и советовали мне ехать и свататься. Таких резонов довольно для того было, чтоб я решился. <...> Я увидел, хотя не все, но что я несчастлив. Жена моя сделалась угрюма и невесела, редко оставяла постель и всегда жаловалась на озноб, как бы признаки лихорадки. Она открылась, что несколько годов страдает одним женщинам свойственною болезнью, которую и теперь она чувствует. Докторов у нас нет, и мне осталось горевать; тем более что она так была упряма, что едва что-либо можно из положения ее переменить. Она не переменялась к лучшему и, по рождению дочери, продолжала быть упрямою, ничем не занималась, кроме дитяти, и то не по-людски; кое-как одевалась, но более лежала и ела, и даже сделалась неупросимою

ехать к близко живущему лекарю. Тогда вспоминал я часто, как надо бы было быть осмотрительно в выборе невесты, но поздно⁸⁴.

Так описывал свою несчастную семейную жизнь А. К. Денисов.

Я опять провел в разговорах с Каролиною приятнейших минут пять, больше неможно было, но ожидаю доброго часа. Премилая девушка! Я не знаю... какое-то удивительное участие сердце мое берет в ней. <...> Она не хороша, при том у нее болит правый глаз, но это забывает в минуту, видишь ум только и ее неоцененное сердце⁸⁵.

А так И. И. Краснов зафиксировал встречу с некрасивой, но умной знакомой в своем петербургском дневнике.

В статье «К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект)» Ю. М. Лотман высказал две важнейшие для наших дальнейших рассуждений мысли. Во-первых, по его мнению, в результате представляющего наибольшую ценность взаимодействия культур происходит не только «передача сообщения», но и «выработка новых сообщений»⁸⁶. Во-вторых, он отрицал детерминированность развития культуры, напротив, указав, что по мере развития культура увеличивает свою «внутреннюю неопределенность, набор возможностей, которые в ходе ее реализации остаются неосуществленными»⁸⁷.

Благодаря смене контекста переводы И. С. Ульянова обретали новые культурные смыслы, отличные от первоначального культурного смысла стихов А. Мицкевича. То, что в оригинале представляло собой гениальное стихотворение на хорошо знакомую польскому читателю тему недоступности любимой, в переводе превращалось в весьма странную с художественной точки зрения прозу о принципиально новой для казачьего читателя возможности иной гендерной роли женщины. Контакт культур продемонстрировал возможность подобных изменений, в то время как вывести идею смены гендерной роли из традиционной казачьей культуры без рецепции извне если и возможно, то значительно сложнее.

В то же время переводы И. С. Ульянова демонстрируют неосуществленную возможность более значительной и очевидной рецепции

⁸⁴ История казака Войска Донского, атамана Андрияна Карповича Денисова. 1763–1841 гг. // Русская старина. 1874. Т. X. С. 29, 31–32.

⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 1 об.

⁸⁶ Лотман 1992: 114.

⁸⁷ Лотман 1992: 119.

донскими казаками элементов польской культуры. Помимо случая А. К. Денисова, отметим, что в другом личном фонде ГАРО, фонде Х. И. Попова, хранится еще одна подборка подстрочных переводов из А. Мицкевича, с И. С. Ульяновым, по-видимому, никак не связанная⁸⁸. Еще любопытнее и значительнее сюжет о том, что в первой книге донского казака по истории донского казачества, «Истории о Донском Войске» А. Г. Попова, предками казаков и русских в соответствии с сарматским этногенетическим мифом Речи Посполитой указывались «Сармато-Скифы», а в использованной автором литературе есть работы польского сторонника этого мифа, С. Богуш-Сестренцевича⁸⁹. Однако польская культура оказалась важна для индивидуальных стратегий лишь второстепенных для донской культуры авторов.

На более же обобщающем уровне мы видим, что «культура, навязанная народу», искаженная выходцами из народа рецепция элементов высокой культуры, может быть следствием их глубинных потребностей, а не результатом бездумного подражания престижным практикам. Вот только сообщение высокой культуры после перевода из одной системы взглядов в другую автором, не имеющим специальной подготовки, рискует поменять смысл и утратить свою привлекательность для читателя.

Список сокращений

ГАРО — Государственный архив Ростовской области
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

Литература

- Багалеи 1898 — *Багалеи Д. И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков: Паровая типография и литография Зильберберг, 1898. Т. I. 1204 с.
- Венков 2021а — *Венков А. В.* Казаки и Первый раздел Польши. Ростов-на-Дону: URSS, 2021. 318 с.
- Венков 2021б — *Венков А. В.* Участие казаков во втором и третьем разделах Польши. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. 328 с.
- Гинзбург 2000 — *Гинзбург К.* Сыр и черви. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.

⁸⁸ ГАРО. Ф. 55. Д. 33.

⁸⁹ Попов 1814: VII–VIII, 117.

- Гинзбург 2004 — *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // *Гинзбург К.* Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. С. 287–320.
- Королев 1991 — *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Росиздат, 1991. 462 с.
- Краснов 1881 — *Краснов Н.И.* Исторические очерки Дона. Борьба Черныше-ва с войсковыми атаманами // Русская речь. 1881. № 8. С. 32–64.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю.М.* К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в 3-х т. Таллин: Alexandria, 1992. Т. I. С. 110–120.
- Мининков 2010 — *Мининков Н.А.* Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // Терминология исторической науки. Историописание / отв. ред. М. С. Бобкова, С. Г. Мереминский. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 266–285.
- Мининков 2012 — *Мининков Н.А.* Библиотека Евлампия Кательникова // Донской временник. Вып. 21. Ростов-на-Дону, 2012. С. 221–223.
- Морозова 2008 — *Морозова О.М.* Ульяновы. Семья донских казаков за столет // Диалог со временем. 2008. № 23. С. 298–318.
- Перетяцько 2019 — *Перетяцько А.Ю.* Польша и поляки глазами донского казака: мемуарное, публицистическое и литературное наследие И. С. Ульянова, офицера штаба великого князя Константина Павловича // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. № 1–2. С. 42–56.
- Попов 1814 — *Попов А.Г.* История о Донском войске. Харьков: Университетская Типография, 1814. Ч. 1. 189 с.
- Попов 1816 — *Попов А.Г.* История о Донском войске. Харьков: Университетская Типография, 1816. Ч. 2. 291 с.
- Станько 2006 — *Станько А.И.* История журналистики Дона и Северного Кавказа (XIX в.). Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2006. 173 с.
- Харузин 1885 — *Харузин М.Н.* Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1885. Вып. 1. 338 с.
- Volvenko 2015a — *Volvenko A.A.* Chebotarev A.P. — “the Grey Cardinal” of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. 15. Is. 2. P. 106–114.
- Volvenko 2015b — *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. 2015. Vol. 14. Is. 2. P. 94–107.

References

- Bagalei, D.I., 1898. *Opyt istorii Khar'kovskago universiteta (po neizdannym materialam)* [The experience of the history of Kharkiv University (based on unpublished materials)], I. Kharkiv: Parovaia tipografiia i litografiia Sielberg, 1204 p. (in Rus.)

- Ginzburg, C., 2000. *Syr i chervi* [The cheese and the worms]. Moscow: ROSSPEN, 272 p. (in Rus.)
- Ginzburg, C., 2004. Mikroistoriia: dve ili tri veshchi, kotorye ia o nei znaiu [Microhistory: two or three things that I know about it]. In: Ginzburg, C. Mify — Emblemy — Simvoly: Morfologiya i istoriia [Myths, Emblems, Clues: Morphology and History]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 272 p. (in Rus.)
- Kharuzin, M.N., 1885. *Svedeniia o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlia obychnogo prava* [Information about the Cossack communities on the Don: materials for the common law], 1. Moscow, 338 p. (in Rus.)
- Korolev, V.N., 1991. *Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh* [Starye Veshki. A narration about the Cossacks]. Rostov-on-Don: Rosizdat, 461 p. (in Rus.)
- Krasnov, N.I., 1881. Istoricheskie ocherki Dona. Bor'ba Chernysheva s voikovymi atamanami [Historical essays of the Don. The struggle of Chernyshev against the Host's Atamans]. *Russkaia rech'* [Russian Speech], 8, pp. 32–64. (in Rus.)
- Lotman, Iu. M., 1992. K postroeniiu teorii vzaimodeistviia kul'tur (semioticheskii aspekt) [To the construction of the theory of the interaction of cultures (semiotic aspect)]. In: Lotman, Iu. M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh* [Featured articles in three volumes], I, Tallinn: Alexandria, pp. 110–120. (in Rus.)
- Mininkov, N.A., 2010. Praktiki istoriipisaniia i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny 19 veka [Practices of history-describing and the genesis of historical science in the culture of the Don in the first half of the nineteenth century]. In: Bobkova, M. S., Mereminsky, S. G., eds. *Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisanie* [Terminology of historical science. History-writing]. Moscow: IVI RAN, pp. 266–285. (in Rus.)
- Mininkov, N. A., 2012. Biblioteka Evlampiia Katel'nikova [The library of Evlampii Katel'nikov]. *Donskoi vremennik* [The Don's chronicle], 21, Rostov-on-Don, pp. 221–223. (in Rus.)
- Morozova, O. M., 2008. Ul'ianovy. Sem'ia donsikh kazakov za sto let [The Ul'ianovs. A Don Cossacks' family over a period of a hundred years]. *Dialog so vrememem* [Dialogue with time], 23, pp. 298–318. (in Rus.)
- Peretiat'ko, A. Iu., 2019. Pol'sha i poliaki glazami donsogo kazaka: memuarное, publitsisticheskoe i literaturnoe nasledie I.S. Ul'ianova, ofitsera shtaba velikogo kniazia Konstantina Pavlovicha [Poland and the Poles in the eyes of a Don Cossack: memoir, political writings and literary legacy of I.S. Ul'ianov, an officer of the Headquarters of the Grand Duke Constantin Pavlovich]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii* [Slavic world in the third millennium], 14, 1–2, pp. 42–56. (in Rus.)
- Popov, A. G., 1814. *Istoriia o Donskom voiske* [The history about the Don Host], 1. Kharkiv: Universitetskaia Tipografiia, 189 p. (in Rus.)
- Popov, A. G., 1814. *Istoriia o Donskom voiske* [The history about the Don Host], 2. Kharkiv: Universitetskaia Tipografiia, 291 p. (in Rus.)

- Stan'ko, A. I., 2006. *Istoriia zhurnalistiki Dona i Severnogo Kavkaza (19 v.)* [The history of the journalism of the Don and the North Caucasus (the nineteenth century)]. Rostov-on-Don: NMTS "Lotos", 173 p. (in Rus.)
- Venkov, A. V., 2021. *Kazaki i Pervyi razdel Pol'shi* [The Cossacks and the first partition of Poland]. Rostov-on-Don: URSS, 318 p. (in Rus.)
- Venkov, A. V., 2021. *Uchastie kazakov vo Vtorom i Tret'em razdelakh Pol'shi* [Participation of the Cossacks in the second and the third partitions of Poland]. Rostov-on-Don: Izd-vo IUNTS RAS, 328 p. (in Rus.)
- Volvenko, A. A., 2015. Chebotarev A. Ps. — "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*, 15, 2, pp. 106–114.
- Volvenko, A. A., 2015. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*, 14, 2, pp. 94–107.

Artem Iu. Peretiat'ko

PhD, Senior Lecturer, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. 344006, ul. Bol'shaia Sadovaia, 105/42.
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Maria A. Selezneva

Undergraduate Student, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Moscow, Russia, 125009, ul. Mokhovaia, 9/1. E-mail: Maria.Selezneva@student.msu.ru

The Image of a Romantic Female-Beloved between Two Cultures: The Attempts at Translating of Adam Mickiewicz' Love Lyrics by Cossack Officer Ivan Ul'ianov

The study of the evolution of the narratives created by the Don Cossacks in the first half of the nineteenth century is a difficult research task because apart from records, only individual texts, often taken out of context, have survived from this time. Nonetheless, research on such topics seems quite promising. The texts of Don authors often clearly demonstrate the mechanism of transformation of the works of high culture of the nineteenth century when interpreted by amateurs. Taking into account the inevitably individual character of such a transformation in each single case, within the framework of a microhistorical approach we have examined a particular variant of such a transformation, that is the translations of Adam Mickiewicz's love lyrics by a Cossack officer, Ivan S. Ulyanov (1803–1874). He was a nineteenth-century Don public figure, major-general, and writer. His extensive legacy, most of which has never been published, includes hitherto unknown prose translations of the Polish poet's lyrics, made in the 1820s. Nine of the eleven poems translated by Ulyanov are lyrical works about the inaccessibility of the beloved or separation from her. At the same time, within the framework of traditional Cossack matrimonial practices, the main form of interaction between the sexes was the marriage contracted by the will and in the interests of the parents and involving long separations between husband and wife due to regular service outings. Deviations from the traditional Cossack understanding of the gender role of women in the late eighteenth and early nineteenth centuries are often found in the texts (including autobiographical ones) of other Don Cossacks who were influenced by European culture. In a similar context, Ulyanov's inept translations demonstrate how the text about Polish culture changed its meaning when transferred to the Cossack environment: poems on the theme of the inaccessible beloved familiar to the Polish reader were translated into prose about the possibility of a different gender role of a woman, a complete novelty for the Cossack reader.

Keywords: Don Cossacks, Poland, microhistory, analysis of narratives, traditional culture, culture of Romanticism, image of the beloved

How to cite: Peretiat'ko, A.Yu., Selezneva, M. A., 2023. Obraz romanticheskoi vozliublennoi mezhdru dvumia kul'turami: popytki perevoda liubovnoi liriki Adama Mitskevicha kazach'im ofitserom Ivanom Ul'ianovym. *Central-European Studies*, 6. pp. 245–272. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.9>.

Ирина Евгеньевна Адельгейм

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. Ленинский
проспект, 32А, 119334. E-mail: adelgejm@yandex.ru

«Человек — это душа, тело и повествователь»: нарративная стратегия Ольги Токарчук

Статья посвящена прозе Ольги Токарчук — одного из крупнейших польских прозаиков конца XX — начала XXI в. Важнейшей константой картины мира является для Токарчук категория телесности/материальности. Логика телесности/материальности на различных уровнях определяет организацию текстов, порождает сквозные мотивные связи, образующие единое смысловое поле. Нарратив телесности/материальности, «согретый» неоднократно высказывавшейся писательницей идеей эмпатического повествования, выступает в роли особого конструкта, с помощью которого, с одной стороны, осваивается реальность окружающего мира, с другой — совершается коммуникация с ним (через потенциального адресата текста). В статье анализируются особенности визуализации телесных практик в прозе Токарчук (представления тела как такового, взаимодействия тел друг с другом и взаимодействия тела с окружающей средой) и непосредственно связанные с телесностью/материальностью значимые элементы структуры повествования: система персонажей (специфика профессий и/или занятий героев; телесность связей между персонажами; специфические значимые персонажи); характер сравнений, акцентирующих телесность; опорные идеи (бренности мира и протеста против нее, непостижимости собственного тела, целостности всей живой материи, гармонии небесного и земного); роль пограничий (тело/дух, тело/одежда, тело/мир, человеческое/нечеловеческое, небесное/земное, свобода/несвобода, живое/мертвое, теплое/холодное, подвижное/неподвижное, изменчивое/неизменное, видимое/невидимое, смертное/бессмертное, нормальное/деформированное, совершенное/ущербное, больное/здоровое, повторяемое/единичное, целое/часть, оригинал/копия, материя/слово и пр.) как эстетической и этической категории, как художественного инструмента и нравственной цели повествования.

Ключевые слова: Ольга Токарчук, нарратив телесности, нарративная стратегия, телесные практики, пограничье, чуткость, эстетическая категория, этическая категория

Цитирование: Адельгейм И. Е. «Человек — это душа, тело и повествователь»: нарративная стратегия Ольги Токарчук // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 273–295. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.10>.

Ольга Токарчук, нобелевский лауреат 2018 г., — одна из весомых, значимых и спасительных для Польши общественных фигур. В данном контексте это важно, поскольку ее художественная система зримо «работает» одновременно на эстетическое и этическое, лишней раз свидетельствуя о том, что нарративная стратегия связывает «имплицитные <...> инстанции автора и потенциального адресата нарративного дискурса»¹.

Важнейшей константой картины мира (которая, в свою очередь, является фундаментом любой нарративной стратегии, определяя «природу событийности в повествуемом мире»² и задавая «масштабы того, что является событием»³) оказывается для Токарчук категория телесности/материальности. Именно ее логика порождает сквозные мотивные связи, образующие единое смысловое поле, это та «стабилизирующая структура»⁴, посредством которой писательница работает с *цельм* человеческого опыта.

I

Описание телесного опыта у Токарчук — не столько проявление принадлежности к чему бы то ни было — среде, стилю жизни, системе ценностей и т. д., но прежде всего переживание телесности как единственного способа существования. Развернутая визуализация телесных практик в творчестве Токарчук касается представления тела как такового, взаимодействия тел друг с другом и взаимодействия тела с окружающей средой.

1. а) Описание тела, выполняющего некие действия: (повседневные, повторяющиеся — готовка и питание, игры, складывание белья, примерка одежды и пр.) или необычные (например, вытаптывание на снегу букв в «Последних историях», утренний ритуал разделения мусора монахинями в «Горе Всех Святых», различные «странные» действия франкистов в «Книгах Якова» и пр.).

¹ Тюпа 2011: 8.

² Тюпа 2018: 20.

³ Лотман 1970: 283.

⁴ Никитин 2006: 6.

б) Описание ощущений тела, находящегося под действием эмоций — протеста⁵, симпатии⁶, радости⁷, гнева⁸, печали⁹, потрясения¹⁰, тоски¹¹, страха¹², религиозного экстаза¹³.

с) Описание тела, преодолевающего некие обстоятельства, что акцентирует физиологическую составляющую действий человека (боль «сближает нас с собственным телом»¹⁴) и подчеркивает материальную составляющую окружающего мира. Это тело, функционирующее в условиях холода¹⁵, жары¹⁶, находящееся в неудобной позе¹⁷ и пр. Это также тело стареющее, в силу возраста требующее к себе внимания: рутинные действия превращаются в препятствия или ритуалы, при помощи которых человек пытается удержать контроль над реальностью — материальностью собственной и окружающего мира¹⁸.

д) Описание телесных ощущений, связанных с неким состоянием: тела еще не проснувшегося¹⁹, страдающего от бессонницы²⁰ или голода²¹, хранящего молчание²², умолкающего²³, находящегося

⁵ *Токарчук О.* Диковинные истории. М.: Эксмо, 2019. С. 217.

⁶ *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2014. S. 552.

⁷ *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2009. S. 47.

⁸ *Ibid.* S. 25, 276, 280 и др.

⁹ *Ibid.* S. 283.

¹⁰ *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 307; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 195; *Tokarczuk O.* Prawiek i inne czasy. Warszawa: W. A. B., 1996. S. 67, 130; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. Wałbrzych: Ruta, 1998. S. 81; *Токарчук О.* Последние истории. М.: Эксмо, 2020. С. 217–218.

¹¹ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 258.

¹² *Ibid.* S. 20, 26, 87.

¹³ *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 607, 655, 668, 684–683, 742–741.

¹⁴ Подорога 1995: 24.

¹⁵ *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 11, 49, 84, 94, 140; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 105, 107; *Токарчук О.* Последние истории. С. 123–124, 140; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 782, 847, 894.

¹⁶ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 166–167; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 85.

¹⁷ *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 562–561.

¹⁸ *Токарчук О.* Последние истории. С. 25, 194; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 59, 61, 64; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 260.

¹⁹ *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 7.

²⁰ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 205.

²¹ *Ibid.* S. 263.

²² *Ibid.* S. 245.

²³ *Ibid.* S. 11.

в состоянии опьянения²⁴, не умеющего преодолеть неподвижность²⁵, бездействующего²⁶, сопротивляющегося действию²⁷ и пр. Болезнь, недомогание также являются состояниями, значимо меняющими ощущения тела, заставляющими прислушиваться к нему и обращать на него внимание окружающих, прикладывать или экономить усилия²⁸. Из необычных телесных практик следует отметить также переживание метаморфозы (превращение одного из персонажей «Дома дневного, дома ночного» в оборотня, «зависание» героини «Книг Якова» между жизнью и смертью).

е) В прозе Токарчук множество изображений умирающего тела — описаний самоубийства и его попыток, смерти от старости, сердечного приступа, инсульта, рака, чумы, на эшафоте, в результате автокатастрофы и т. д. Умирание описывается как продвижение, шаг за шагом, живого тела к смерти²⁹.

2. Экзистенциальная территория «моего тела» включает в себя также тело Другого и восприятие материи окружающего мира, не умея без этого дополнения обозначить собственные границы. Описания соприкосновений тел — испытываемых при этом ощущений и рефлексия над ними — занимают в прозе Токарчук столь же значительное место.

а) Повседневные взаимодействия живых тел — объятия, приветствия, примерка одежды, пребывание в толпе и пр. Проза Токарчук фиксирует внимание на запахах, фактуре кожи, волос, одежды, на тепле или холоде чужого тела, прикосновении различных его частей и вызываемых этими ощущениями ассоциаций и воспоминаний³⁰.

²⁴ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 18–19.

²⁵ *Токарчук О.* Бегуны. М.: Эксмо, 2018. С. 28.

²⁶ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 275.

²⁷ *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 230.

²⁸ *Токарчук О.* Последние истории. С. 123, 243–244; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 250, 254; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 165; *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 101; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 678, 866, 884.

²⁹ *Токарчук О.* Последние истории. С. 25–37; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 95, 109; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 868–867, 857–856; *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 205–207; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 67–64, 584–582.

³⁰ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 9, 82–83, 110, 117, 139, 179, 180, 225, 274; *Токарчук О.* Бегуны. С. 123; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 77, 149, 217, 224, 226; *Tokarczuk O.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 273; *Tokarczuk O.* Anna In w grobowcach świata. Kraków: Znak, 2006. S. 31, 36.

b) Эротические ощущения (новое измерение познания другого, усиление ощущения собственной телесности, взаимодополнение тел, ощущение полноты общения, творчество как сублимация эротических отношений, эротическое и сакральное)³¹.

с) Интеракции, связанные с конфликтами и насилием. Как противостояние тел описываются многие конфликты между героями³². В романе «Веди свой плуг по костям мертвецов» убийство — непосредственное, буквальное насилие над телом оказывается лейтмотивом: с одной стороны, охота, то есть узаконенное убийство, с другой — месть героини охотникам как попытка восстановления нарушенной в человеческом мире справедливости.

d) Описание физиологической реакции на контакты с телом мощным³³, больным (манипуляции врача³⁴, реакции близких³⁵ или служащих³⁶), травмированным³⁷, умирающим³⁸, мертвым³⁹ (феномен смерти осваивается, в частности, через касания мертвого тела, манипуляции с ним — бритье, причесывание, переодевание⁴⁰; в «Последних историях» этот феномен переживается также через пронзительные описания тела умирающего животного и сострадание ему⁴¹, в «Веди свой плуг по костям мертвецов» — через восприя-

³¹ Токарчук О. Последние истории. С. 160, 189, 190–191, 221–222; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 76–77, 80, 163–164, 249, 250, 253, 255, 256; Токарчук О. Бегуны. С. 212, 293, 314; Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 189; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 722, 736–735, 840.

³² Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 58; Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 80, 282, 301.

³³ Токарчук О. Последние истории. С. 25.

³⁴ Токарчук О. Диковинные истории. С. 17, 18–19, 25–27, 220, 248; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 67–64, 136–133, 566–565.

³⁵ Tokarczuk O. Anna In w grobowcach świata. S. 38, 119; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 678–677, 881–880.

³⁶ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 95–96.

³⁷ Токарчук О. Диковинные истории. С. 93, 94, 101, 103; Токарчук О. Последние истории. С. 10–11, 157–158, 160; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 537, 782.

³⁸ Токарчук О. Бегуны. С. 278, 286–287; Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 262–263; Токарчук О. Последние истории. С. 55, 63, 65, 107, 108–111, 262; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 780, 861–859.

³⁹ Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 13, 20, 92, 94; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 13–14; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 232.

⁴⁰ Токарчук О. Последние истории. С. 129, 131, 165, 174, 175, 177, 187; Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 17–21.

⁴¹ Токарчук О. Последние истории. С. 27, 63, 77, 104–105.

тие останков животных⁴²). Изображение мертвого тела — человека и животного — главный мотив «метафизического детектива» Токарчук, отраженный уже в самом названии — цитате из Уильяма Блейка (1757–1827) — «Веди свой плуг по костям мертвецов». Описания многократны и дополняются все новыми подробностями⁴³.

е) К числу специфических телесных практик следует отнести взаимодействия с телом бестелесным (то есть призраком⁴⁴), человеческим телом, ставшим звериным⁴⁵, телом получеловеческим-полурастительным⁴⁶, телом ни живым, ни мертвым⁴⁷, а также оживление мертвого тела и взаимодействие с копией тела или телом, сохраненным от распада, о чем пойдет речь ниже.

3. Среди описаний взаимодействий человеческого тела с окружающей материей (контакты героев с природными явлениями — жарой и теплым морем⁴⁸, снегом⁴⁹, флорой⁵⁰, воздухом⁵¹, живой материей как неким стихийным потоком⁵²) следует особо выделить мотив аллергии — как парадоксальной общности с природой, свидетельства единства живой материи (в «Доме дневном, доме ночном» аллергия названа «жертвой, которую наши тела приносят лугам»⁵³; большое место этот мотив занимает в «Веди свой плуг по костям мертвецов» — от аллергии страдают главные герои⁵⁴; мотив тела, отдаваемого на откуп природе, возникает также в «Последних историях»⁵⁵).

⁴² *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych.* S. 24, 59–60, 123–124, 234–235, 292–293.

⁴³ *Ibid.* S. 13, 17–18, 92–207.

⁴⁴ *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych.* S. 98–99, 134, 240; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny.* S. 13–15, 125; *Tokarczuk O. E. E. Warszawa: PIW, 1997.*

⁴⁵ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny.* S. 206; *Toкарчук О. Диковинные истории.* С. 141–142, 159.

⁴⁶ *Токарчук О. Диковинные истории.* С. 31–32.

⁴⁷ *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe.* S. 287, 558, 578–577, 776.

⁴⁸ *Токарчук О. Последние истории.* С. 201, 233.

⁴⁹ Там же. С. 129, 146, 196.

⁵⁰ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny.* S. 75.

⁵¹ *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych.* S. 56.

⁵² *Токарчук О. Последние истории.* С. 275; *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe.* S. 676.

⁵³ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny.* S. 118.

⁵⁴ *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych.* S. 82, 167, 258.

⁵⁵ *Токарчук О. Последние истории.* С. 207.

II

С телесностью/материальностью связаны значимые детали конструкции прозы Токарчук, прежде всего система персонажей и сравнений.

1. Профессии или занятия персонажей непосредственно связаны с живым или мертвым телом или — шире — материей, с процессом изучения, упорядочения, именованя, описания, разъяснения, создания, сохранения ее. Это те, кто занимается мертвым телом (анатомы и патологоанатомы, изготовители анатомических препаратов, тафоном, регистратор смерти). Те, кто работает с живым телом, поддерживает или восстанавливает гармонию живой материи (врач, массажист, парикмахер, садовник). Те, кто имеет дело со следами чужого тела (горничная, уборщица, продавщица одежды сэконд-хенд). Те, кто занимается установлением связей между разными видами материи, поддержанием равновесия в окружающей среде (ученый, особенно биолог, сторож). Те, кто создает иллюзию материи (создатель компьютерных игр, игрок, фокусник). Те, кто создает новую материю (инженер-строитель, пастижер, алхимик). Тот, кто упорядочивает восприятие материи другими (экскурсовод, учитель, летописец). Тот, кто ищет высший порядок устройства материи, тем или иным образом предсказывает будущее, соответствие небесного земному (исследователь-психолог, создатель тестов, астролог, ясновидец, священнослужитель, пророк, мессия).

Характерна также телесность «конструктивных» связей между персонажами⁵⁶, а также метаморфические герои («Зеленые дети», «*Transfugium*», «Визит», «Дом дневной, дом ночной», «Книги Якова»).

Значимым для прозы Токарчук персонажем являются грибы с их специфическим балансом объектности/субъектности, а также своеобразной лиминальностью (их собирают, готовят, едят — в прозу Токарчук вплетено немало рецептов блюд из грибов⁵⁷, в том числе из мухомора⁵⁸, но одновременно грибы словно бы всегда заключают в себе гипотетическую возможность причинения человеку смерти и момент

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Адельгейм 2018: 465–474.

⁵⁷ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 50–51, 166, 209, 210.*

⁵⁸ *Ibid. S. 127–128, 234–235.*

искушения его⁵⁹), принадлежностью одновременно к растительному, животному, человеческому и некоему высшему, универсальному измерению⁶⁰.

2. Обращает на себя внимание в творчестве Токарчук огромное количество акцентирующих телесность и материальность сравнений, объединяющих мир людской и природный. Антропоморфизируются явления природы, стихии и их восприятие⁶¹, планеты⁶², элементы пейзажа⁶³, флора⁶⁴, артефакты⁶⁵, религиозные категории⁶⁶. Зооморфизируются человеческий взгляд⁶⁷, черты лица⁶⁸, части тела, кожа,⁶⁹ психологическое состояние⁷⁰, предметы⁷¹. Фитоморфизируются люди, их поведение, взаимоотношения⁷². Живая материя опредмечивается, уподобляется мертвой⁷³. В метафорах и сравнениях с ощущениями тела или опредмечивании

⁵⁹ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 122, 127, 166–167, 208–210; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 56.

⁶⁰ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 49, 51–52, 126–127, 208–209,

⁶¹ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 112, 129, 170, 174, 262; *Токарчук О.* Последние истории. С. 249; *Tokarczuk O.* Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 9, 32, 58, 106, 167, 311–312.

⁶² *Токарчук О.* Последние истории. С. 254; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 231.

⁶³ *Токарчук О.* Последние истории. С. 207; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 142, 198; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 159.

⁶⁴ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 49, 96, 208, 209, 272.

⁶⁵ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 108, 141; *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 229–230; *Токарчук О.* Последние истории. С. 11; *Токарчук О.* Номера // Иностранная литература, 2008, № 8 URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/8/pomera.html> (дата обращения: 26.01.2023).

⁶⁶ *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 411.

⁶⁷ *Токарчук О.* Диковинные истории. С. 33; *Токарчук О.* Последние истории. С. 28; *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 203.

⁶⁸ *Токарчук О.* Последние истории. С. 28, 52.

⁶⁹ *Токарчук О.* Последние истории. С. 205, 252; *Tokarczuk O.* Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 19.

⁷⁰ *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 253.

⁷¹ *Ibid.* S. 121, 195, 216, 230.

⁷² *Tokarczuk O.* Dom dzienny, dom nocny. S. 10, 58, 180–182, 229, 274; *Tokarczuk O.* Księgi Jakubowe. S. 435.

⁷³ *Токарчук О.* Последние истории. С. 207, 237; *Tokarczuk O.* Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 272.

воплощается мотив материальности чувств⁷⁴. Следует отметить также телесность снов⁷⁵, видений⁷⁶.

III

Нарратив телесности/материальности определяет ряд опорных идей, объединяющих творчество Токарчук.

1. Стержневым оказывается ощущение брэнности мира и протест против нее⁷⁷. Тема тяги к бессмертию, идея Спасения как буквально-го, физического бессмертия, как награды возникает в «Книгах Якова» в связи с крещением франкистов⁷⁸. В этом же романе фигурирует тело старушки, проглотившей магический амулет — она «умирает и не умирает»⁷⁹, словно бы «зависая» между жизнью и смертью⁸⁰. В двух текстах возникает изображение процесса воскресения, которое описывается как процесс страшный в своей противоестественности⁸¹.

Протест выражается не только в попытках вытеснить из сознания феномен брэнности и смерти⁸², но и в почти маниакальном желании спасти тело от тлена (неслучайно сравнение ампутированной и препарированной ноги с новорожденным⁸³, а также очевидные параллели между описанием и восприятием сосудов с анатомическими препаратами и банок с домашними заготовками⁸⁴). Отсюда избытие в прозе Токарчук направленных на это специфических телесных практик — древних и сугубо современных, — связанных с фетишизацией человеческой телесности, направленных на вечное сохранение

⁷⁴ Токарчук О. Последние истории. С. 85, 172; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 11, 29, 46, 47, 138, 245; Токарчук О. Бегуны. С. 19.

⁷⁵ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 87, 89, 134–135, 178, 264; *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe*. S. 555, 188, 150, 88–87, 74, 71.

⁷⁶ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 265–268; *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe*. S. 683.

⁷⁷ Токарчук О. Бегуны. С. 186.

⁷⁸ *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe*. S. 233, 289, 378–376, 417.

⁷⁹ *Ibid.* S. 771, 855, 558.

⁸⁰ *Ibid.* S. 900, 855, 780–778, 775, 773, 284.

⁸¹ *Tokarczuk O. Anna In w grobowcach świata*. S. 125–127; Токарчук О. Диковинные истории. С. 268–269.

⁸² *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 269.

⁸³ Токарчук О. Бегуны. С. 205.

⁸⁴ Токарчук О. Диковинные истории. С. 50–55; Токарчук О. Бегуны. С. 205–208.

или воспроизведение тела: мумификация, препарирование, копирование, подделка, клонирование и пр.

Своеобразной проекцией, переживанием причастности к тайне бессмертия является поклонение мощам (глава «Святые мощи» в романе «Бегуны»; рассказ «Гора Всех Святых»).

Одним из главных лейтмотивов романа «Бегуны» оказываются «паноптикумы человеческого тела»⁸⁵ — кунсткамеры, анатомические театры, коллекции анатомических препаратов. Это и небольшие зарисовки⁸⁶, рефлексии на тему будущего⁸⁷, и самостоятельные фрагменты, например, история голландского анатома XVII в. Филиппа Ферейна и его ампутированной ноги⁸⁸. Среди подобных развернутых сюжетов — также история экспонатов из коллекции Рюйша, его анатомических композиций, коллекции императора Иосифа I и пр.

Другой иллюзорный способ противостоять энтропии человеческого тела — копирование его. В «Бегунах» не раз встречаются рефлексии о феномене копирования⁸⁹, упоминание или описание коллекций восковых фигур⁹⁰, рассказ о хобби врача, в детстве поклонявшегося идеальной копии человеческого тела, а в зрелом возрасте фотографировавшего девичьи тела и мечтающего «о настоящей коллекции, не фотографической»⁹¹. В «Календаре человеческих празднеств» фигурируют «карты-тела» загадочного бога, на которые после каждого массажа наносятся «мельчайшие изменения»⁹².

Идея клонирования как еще одного способа сопротивления распаду присутствует в произведении «Веди свой плуг по костям мертвецов»⁹³ и подробно развита в полуфантастической реальности «Диковинных историй» («Визит», «Transfugium», «Гора Всех Святых»).

Своеобразное спасение представляет собой реинкарнация при жизни в рассказе «*Transfugium*» — такого рода метаморфоза на символическом уровне преодолевает конечность индивидуального бытия и распада.

⁸⁵ Токарчук О. Бегуны. С. 205.

⁸⁶ Там же. С. 137, 159, 376.

⁸⁷ Там же. С. 289.

⁸⁸ Там же. С. 184.

⁸⁹ Там же. С. 58–59.

⁹⁰ Там же. С. 115–118.

⁹¹ Там же. С. 125, 119, 120–121.

⁹² Токарчук О. Диковинные истории. С. 218.

⁹³ Токарчук О. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 133.

К более повседневным практикам относится сохранение следов тела, желание не стереть их окончательно, ибо плоть и так бrenна: «Я убираюсь не слишком тщательно — возможно, боюсь уничтожить сакральные доказательства бrenности живущих здесь людей»⁹⁴.

2. Идея непостижимости для человека его собственного тела, молчаливого или говорящего недоступным хозяину языком⁹⁵ («Тело есть непостижимая тайна»⁹⁶). Эта идея воплощается в рефлексиях персонажей и повествователей⁹⁷, эпизодах-знаках⁹⁸. Тело замкнуто в своем хрупком совершенстве⁹⁹, хранит внутреннюю тьму¹⁰⁰, а внезапное, «несанкционированное» вскрытие ее повергает человека в ужас¹⁰¹: (не)принадлежащее своему владельцу тело властно над ним¹⁰².

3. Идея целостности всей живой материи — воплощающаяся в фантастических элементах¹⁰³ или в рефлексиях, мироощущении отдельных героев¹⁰⁴. Это мрачное единство живых существ через переживание опыта одиночества¹⁰⁵, хрупкости бытия¹⁰⁶, грядущей смерти¹⁰⁷, через ощущение всеобщей энтропии¹⁰⁸, через трагическое или постапокалиптическое мироощущение¹⁰⁹ и даже парадоксальное

⁹⁴ Токарчук О. Номера.

⁹⁵ *Toкарчук О. Prowadź swój płуг przez kości umarłych*. S. 101–102; Токарчук О. Бегуны. С. 10.

⁹⁶ Токарчук О. Бегуны. С. 200.

⁹⁷ Токарчук О. Бегуны. С. 201; Токарчук О. Последние истории. С. 40–41.

⁹⁸ Токарчук О. Бегуны. С. 261.

⁹⁹ Там же. С. 124.

¹⁰⁰ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 211.

¹⁰¹ Токарчук О. Диковинные истории. С. 103.

¹⁰² *Toкарчук О. Prowadź swój płуг przez kości umarłych*. S. 81–82, 85.

¹⁰³ Токарчук О. Диковинные истории. С. 31–32, 34–35, 41–43; *Toкарчук О. Szafa // Toкарчук О. Szafa*. Wałbrzych: Ruta, 1998. S. 8.

¹⁰⁴ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 100, 180–182, 233; Токарчук О. Последние истории. С. 231; *Toкарчук О. Е. Е. S. 175*; Токарчук О. Диковинные истории. С. 117; Токарчук О. Бегуны. С. 154; Токарчук О. Номера.

¹⁰⁵ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 108.

¹⁰⁶ *Toкарчук О. Prowadź swój płуг przez kości umarłych*. S. 150; Токарчук О. Номера.

¹⁰⁷ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 128–129; Токарчук О. Последние истории. С. 111; *Toкарчук О. Prowadź swój płуг przez kości umarłych*. S. 14.

¹⁰⁸ *Toкарчук О. Prowadź swój płуг przez kości umarłych*. S. 120.

¹⁰⁹ *Toкарчук О. Dom dzienny, dom nocny*. S. 151; Токарчук О. Диковинные истории. С. 205.

единение через поедание одним телом другого¹¹⁰, а также более просветленное ощущение — как видение некоего исполненного эмпатии общего загробного существования¹¹¹. Частью идеи *unus mundus* оказывается единение представителей человеческого рода (чувство братства, сестринства¹¹², телесного единства¹¹³) и единение человека и животных¹¹⁴ (идеи этики экологии). Это присоединение (приятие природой человека¹¹⁵) или данное изначально, порой забытое единство всего и вся — идея, заявленная еще в раннем романе «Правек и другие времена»¹¹⁶. Осуществлением мечты о единении с природой является и мотив реинкарнации¹¹⁷. Своеобразный антигерой — персонаж, вносящий дисгармонию, бессмысленный хаос, существующий в вечном абсурдном конфликте с окружающей средой¹¹⁸. Значимым мотивом оказывается взаимодействие с «телом» Дома, у Токарчук нередко связанном с человеком словно бы единой системой кровотока, меняющегося и растущего вместе со своими обитателями¹¹⁹. Неслучаен мотив материи, покинутой человеком и переживающей своего рода сиротство¹²⁰.

4. Идея упорядоченности, гармонии мировой материи, уравновешенности небесного и земного, стремление к ней как к недостижимой цели¹²¹. Это акцентируют незначительные на первый взгляд детали

¹¹⁰ *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 24, 294; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 169–172.*

¹¹¹ *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 60.*

¹¹² *Токарчук О. Последние истории. С. 91, 100, 133; Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 150*

¹¹³ *Токарчук О. Диковинные истории. С. 75, 89, 90, 239–240.*

¹¹⁴ *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 60, 65–66, 95, 108–109, 122, 123, 129, 130–132, 168, 223–224, 259, 262–263, 282, 294; Токарчук О. Последние истории. С. 168; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 85.*

¹¹⁵ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 59.*

¹¹⁶ *Tokarczuk O. Prawiek i inne czasy. S. 22.*

¹¹⁷ *Токарчук О. Диковинные истории. С. 139, 141–142; Токарчук О. Последние истории. С. 242.*

¹¹⁸ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 199–200; Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 15–16.*

¹¹⁹ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 184, 190–191.*

¹²⁰ *Токарчук О. Бегуны. С. 61–62; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 106, 145; Токарчук О. Последние истории. С. 44, 66, 82–83, 264; Токарчук О. Номера; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 660.*

¹²¹ *Токарчук О. Бегуны. С. 305.*

повседневной жизни¹²², внутреннее тяготение героев к порядку¹²³, «выражающему совершенство движения Вселенной»¹²⁴, профессиональный опыт¹²⁵, игра¹²⁶. Отсюда подробные описания бытовых телесных практик, направленных на упорядочивание окружающей материи¹²⁷. Бытовая гармония предстает спасительной метонимией гармонии всеобщей. В «Книгах Якова» значимое место занимает каббалистическое понятие «тиккун» — процесс исправления мира, потерявшего свою гармонию: «Мир страшен, это верно, но, пожалуй, кое-где его можно сделать хотя бы немного чище»¹²⁸.

Именно это — стремление пережить гармонию небесного и земного — мотивация возникающих у героев и повествователей практически всех произведений Токарчук космогонических, теогонических, описывающих устройство цивилизации и прочих теорий¹²⁹ (отдельное место занимают здесь «Книги Якова» — насыщенное фактографическим материалом повествование о саббатанцах и франкистах, живописное изображение мессианских настроений и теорий XVIII в.).

Неотъемлемым элементом этого поиска высшего порядка является попытка прочитывать знаки, искать приметы, помогающие ориентироваться в скрытой от человека упорядоченности бытия¹³⁰. «Каждая вещь — это знак, и некоторыми из них нельзя пренебречь»¹³¹. В «Веди свой плуг по костям мертвецов» и «Бегунах» фигурирует наиболее

¹²² Tokarczuk O. Szafa. S. 6; Токарчук О. Диковинные истории. С. 218; Токарчук О. Последние истории. С. 131, 195; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 880.

¹²³ Токарчук О. Диковинные истории. С. 154–155; Tokarczuk O. Prowadź swój plуг przez kości umarłych. S. 314.

¹²⁴ Tokarczuk O. Prowadź swój plуг przez kości umarłych. S. 34.

¹²⁵ Токарчук О. Бегуны. С. 150, 186, 196, 198.

¹²⁶ Tokarczuk O. Deus ex // Tokarczuk O. Szafa. Wałbrzych: Ruta, 1998. S. 41; Токарчук О. Диковинные истории. С. 77.

¹²⁷ Токарчук О. Диковинные истории. С. 167–168, 203.

¹²⁸ Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 728.

¹²⁹ Tokarczuk O. Prawiek i inne czasy. S. 81–82, 154, 256; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 34, 273–274; Токарчук О. Диковинные истории. С. 27–28, 31–32, 46; Токарчук О. Последние истории. С. 142; Токарчук О. Бегуны. С. 167, 201, 247; Tokarczuk O. Szafa. S. 7; Tokarczuk O. Prowadź swój plуг przez kości umarłych. S. 51–52; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 721, 541, 91.

¹³⁰ Токарчук О. Последние истории. С. 8–9; Tokarczuk O. Pstrag w migdałach // Tokarczuk O. Moment niedźwiedzia. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2012. S. 126.

¹³¹ Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 214.

буквальное обличье такого знака — указующий перст¹³². Персонажи видят знаки в большом и малом¹³³. В романе «Бегуны» значимое место занимает внезапно случившаяся с одним из героев странная история, которой он пытается найти логическое объяснение — прежде всего, через почти маниакальную интерпретацию «знаков»¹³⁴. Опять-таки особое место занимает историко-психологически-бытовой фон «Книг Якова», неразрывно связанный с пристальным вниманием к всевозможным знакам в «мессианские времена»¹³⁵.

Отсюда идея (не)возможности предсказать будущее¹³⁶, желания человека достичь этого закрытого для него знания и страха перед ним¹³⁷. Герои рефлексировать над проблемой неких поворотных моментов в жизни¹³⁸. Возникает мотив гаданий¹³⁹, это и «приватные» способы прочтения будущего¹⁴⁰, и научные¹⁴¹, и неизбежно возникающая в прозе Токарчук тема астрологии как попытки не просто предсказать будущее, но и объяснить настоящее, соотнести порядок земных дел с небесной гармонией (наиболее разработан этот сюжет в романе «Веди свой плуг по костям мертвецов», являясь важнейшим «мотором» повествования).

IV

Тело — порог, задерживающий в себе внешние воздействия, меняющий свое положение в реакции на них. Это граница жизни, «изменяющаяся в каждое последующее мгновение предыдущий образ

¹³² *Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 21; Токарчук О. Бегуны. С. 252.*

¹³³ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 208, 257–258, 272–273; Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 298, 303, 315; Токарчук О. Бегуны. С. 218.*

¹³⁴ *Токарчук О. Бегуны. С. 319, 322, 326.*

¹³⁵ *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 543, 592–591, 653, 754, 763–762.*

¹³⁶ *Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 311.*

¹³⁷ *Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 506; Токарчук О. Диковинные истории. С. 174.*

¹³⁸ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 240; Tokarczuk O. Prowadź swój plóg przez kości umarłych. S. 71, 75–76, 143, 145–147, 175, 315; Токарчук О. Последние истории. С. 130, 133; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 582.*

¹³⁹ *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 869; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 152–153; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 134–132, 211, 869.*

¹⁴⁰ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 262–263, 276–277; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 592–591.*

¹⁴¹ *Токарчук О. Диковинные истории. С. 171.*

нашего тела», то смещающаяся далеко за его пределы, то сжимающаяся, ускользающая «от себя в глубины Внутреннего»¹⁴². Само человеческое существование является изменчивым пограничем внешнего и внутреннего: «Эта граница — вибрирующая, постоянно меняющая свою линию напряжения, консистенцию, толщину, активность двух сред, совпадающих в ней (Внешнего и Внутреннего), — и есть промежуток жизни, который мы не в силах покинуть пока живем; <...> только здесь мы обретаем полноценное чувство жизни»¹⁴³.

По природе своей неразрывно связанный с границей, порогом нарратив телесности определяет у Токарчук и способ развития этих опорных идей. Оно происходит путем исследования системы взаимосвязанных пограничий.

1. Это прежде всего пограничье внешнего/внутреннего по отношению к телу: взаимоотношения тела и духа при жизни и после смерти¹⁴⁴, осмысление внешней оболочки как препятствия для метафизического опыта¹⁴⁵ или, напротив, его проводника¹⁴⁶, рефлексии, касающиеся женского тела (составляющей его сущность гипотетической наполненности новой жизнью, а также угрозы утери субъектности¹⁴⁷), осознание тела как тюрьмы¹⁴⁸ или как спасения¹⁴⁹, как маскарада¹⁵⁰, как ошибки¹⁵¹.

2. С этим пограничем связаны пограничья тело/одежда (одежда как временная оболочка тела¹⁵², спасительная или подав-

¹⁴² Подорога 1995: 51.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ *Toкарчук О.* Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 17, 22; *Toкарчук О.* Prawiek i inne czasy. S. 26; *Toкарчук О.* Dom dzienny, dom nocny. S. 20–23, 68–69.

¹⁴⁵ *Toкарчук О.* Dom dzienny, dom nocny. S. 162.

¹⁴⁶ *Toкарчук О.* Бегуны. С. 247.

¹⁴⁷ *Toкарчук О.* Dom dzienny, dom nocny. S. 253, 254; *Toкарчук О.* Последние истории. С. 96–98.

¹⁴⁸ *Toкарчук О.* Prawiek i inne czasy. S. 154, 159, 162; *Toкарчук О.* Е. Е. S. 202; *Toкарчук О.* Dom dzienny, dom nocny. S. 20, 173; *Toкарчук О.* Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 81–82.

¹⁴⁹ *Toкарчук О.* Dom dzienny, dom nocny. S. 65.

¹⁵⁰ *Toкарчук О.* Dom dzienny, dom nocny. S. 60, 65, 66, 144; *Toкарчук О.* Последние истории. С. 111, 157–158, 160, 238.

¹⁵¹ *Toкарчук О.* Dom dzienny, dom nocny. S. 64, 74, 77, 78, 80, 83, 159–160.

¹⁵² *Toкарчук О.* Бегуны. С. 258; *Toкарчук О.* Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 11, 49, 84, 259. *Toкарчук О.* Диковинные истории. С. 14.

ляющая¹⁵³, связующая или разделяющая¹⁵⁴, имеющая физическое и социальное измерение; утрата ее ассоциируется со смертью¹⁵⁵ и может вести к смерти¹⁵⁶; способна служить маскарадом, камуфляжем¹⁵⁷; в произведениях «Последние истории» и «Веди свой плуг по костям мертвецов» возникает мотив одевания и переодевания покойника¹⁵⁸; парики¹⁵⁹, грим¹⁶⁰ и татуировка¹⁶¹ осмысляются как нечто среднее между одеждой и имитацией тела, и выполняют подобные функции; на грани внешнего/внутреннего по отношению к телу находится также колтун¹⁶² — прибежище сил то ли внешних, то ли внутренних, то ли физических, то ли потусторонних) и тело/мир (воплощающееся прежде всего в мотиве следов¹⁶³ — реальных следов¹⁶⁴ и мистического переживания присутствия мертвых в мире живых, следования живых по следам умерших¹⁶⁵; но и само тело также обладает памятью о соприкосновении с внешним миром, это своеобразная карта¹⁶⁶; памятью обладают отдельные части тела, ткани — ампутированная и препарированная нога¹⁶⁷, пересаженное

¹⁵³ *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 151–153; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 164, 210–211.*

¹⁵⁴ *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 152; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 229.*

¹⁵⁵ *Tokarczuk O. Anna In w grobowcach świata. S. 25, 27–28.*

¹⁵⁶ *Токарчук О. Диковинные истории. С. 110.*

¹⁵⁷ *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 78–79, 173, 230, 231, 239, 274.*

¹⁵⁸ *Токарчук О. Последние истории. С. 164; Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 17–21.*

¹⁵⁹ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 72, 275.*

¹⁶⁰ *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 153, 173.*

¹⁶¹ *Токарчук О. Бегуны. С. 212.*

¹⁶² *Токарчук О. Диковинные истории. С. 16–17, 33; Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 655.*

¹⁶³ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 9, 52, 52, 77, 80, 83, 109, 110, 229, 274; Токарчук О. Диковинные истории. С. 76, 230, 247; Токарчук О. Бегуны. С. 156–157; Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 256; Токарчук О. Последние истории. С. 178, 188; Tokarczuk O. E. E. S. 78; Токарчук О. Номера.*

¹⁶⁴ *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych. S. 115, 298, 314–315; Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny. S. 106; Токарчук О. Номера.*

¹⁶⁵ *Токарчук О. Бегуны. С. 290; Токарчук О. Последние истории. С. 74.*

¹⁶⁶ *Токарчук О. Диковинные истории. С. 243–244; Токарчук О. Последние истории. С. 110. Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 871.*

¹⁶⁷ *Токарчук О. Бегуны. С. 184.*

сердце¹⁶⁸, волосы в париках¹⁶⁹, кровь донора¹⁷⁰; характерен мотив шрамов¹⁷¹).

3. Логически связано с идеей *unus mundus* и границами дух/тело, внешнее/внутреннее, пограничье человеческое/нечеловеческое в фантастическом, экологическом, мистическом, психологическом измерении и воплощении¹⁷².

4. Пограничье небесное/земное воплощается в многочисленных космогонических и теогонических теориях¹⁷³, играх¹⁷⁴, мотивах взаимоуподобления и взаимозависимости Вселенной и тела¹⁷⁵, астрологических мотивах, о которых шла речь выше, мотивах связи божественного и человеческого¹⁷⁶).

5. В связи с этим неизбежно возникает осмысление пограничья свободы/несвободы человека от высшего порядка¹⁷⁷ — мотивы поведения человека как демиурга, хирурга вселенной, санитара, контролера распределения мировой материи и иллюзорности, опасных последствий или ограниченности такого опыта (компьютерные игры, охота, экзтаназия, научные эксперименты и пр.)¹⁷⁸.

¹⁶⁸ Токарчук О. Диковинные истории. С. 115–116, 128.

¹⁶⁹ Токарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 70.

¹⁷⁰ Ibid. S. 207.

¹⁷¹ Токарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 61, 236–237, 254, 239; Токарчук О. Последние истории. С. 161, 262–263; Токарчук О. Диковинные истории. С. 116.

¹⁷² Токарчук О. Диковинные истории. С. 141–142; Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 18, 15–16, 18, 129, 274, 275, 276–277, 302; Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 90.

¹⁷³ Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 81–82, 154; Токарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 73, 88, 97, 132, 148–149, 194–196, 273–274; Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 254–255; Токарчук О. Бегуны. С. 167, 201; Токарчук О. Диковинные истории. С. 31–32.

¹⁷⁴ Токарчук О. Deus ex. S. 45–46; Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 89.

¹⁷⁵ Токарчук О. Бегуны. С. 173, 177, 205, 271, 369–370, 212; Токарчук О. Последние истории. С. 128. Токарчук О. Dom dzienny, dom nocny. S. 158, 174; Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 34, 175.

¹⁷⁶ Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 51–52, 271; Токарчук О. Последние истории. С. 142; Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 107, 163; Токарчук О. Диковинные истории. С. 248; Токарчук О. Księgi Jakubowe.

¹⁷⁷ Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 135–136, 248, 303, 315; Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 89.

¹⁷⁸ Токарчук О. Deus ex. S. 43, 41–42; Токарчук О. Prowadź swój pług przez kości umarłych. S. 188–189, 279; Токарчук О. Бегуны. С. 280–281, 285; Токарчук О. Prawiek i inne czasy. S. 23.

6. Одним из важнейших пограничий в прозе Токарчук оказывается зыбкая граница между живым/мертвым (а также теплым/холодным, подвижным/неподвижным), исследуемая в детской игре, в процессе траура, переодевания покойника и пр.¹⁷⁹.

7. К этому пограничью примыкают пограничья смертное/бессмертное и изменчивое/неизменное¹⁸⁰, в частности, мотивы старения женского тела¹⁸¹, связывающие это пограничье с пограничем видимое/невидимое¹⁸².

8. В связи с мотивом кунсткамер исследуется пограничье нормы/деформации, совершенного/ущербного¹⁸³. Пограничье большое/здоровое смыкается с границей небесное/земное, а ущербное приоткрывает особые возможности¹⁸⁴.

9. Эта граница связана также с пограничем пограничьями: повторяемое/единичное¹⁸⁵, а также оригинал/копия/подделка¹⁸⁶ (в частности — мотивы клонирования, поклонения телу бога или мощам).

10. Исследуется пограничье целое/часть (сюжеты, связанные с частями тела, их утратой, сохранением, перемещением, изображением, трансплантацией, рассматриванием, использованием и пр.)¹⁸⁷.

11. Одним из характерных для прозы Токарчук мотивов оказывается пограничье подвижное/неподвижное, рефлексия над движением материи и перемещениями в ней человека, сюжеты, связанные с сектой бегунов, паломничествами, оседлостью/кочевьем/

¹⁷⁹ Токарчук О. Последние истории. С. 20, 123, 140, 166, 160–161, 233; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nosny*. S. 129–130; Токарчук О. Диковинные истории. С. 221, 242, 243; *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez gości umarłych*. S. 21.

¹⁸⁰ Токарчук О. Бегуны. С. 186, 372–373; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nosny*. S. 48, 186, 215; Токарчук О. Диковинные истории. С. 206–207.

¹⁸¹ Токарчук О. Последние истории. С. 148, 153.

¹⁸² Токарчук О. Бегуны. С. 284.

¹⁸³ Токарчук О. Бегуны. С. 19, 21–23, 134; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nosny*. S. 34, 120–121, 233.

¹⁸⁴ *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez gości umarłych*. S. 105, 137.

¹⁸⁵ Токарчук О. Бегуны. С. 20; Токарчук О. Диковинные истории. С. 229.

¹⁸⁶ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nosny*. S. 100, 153–154; Токарчук О. Диковинные истории. С. 93, 204, 221–222, 269, 280–281; Токарчук О. Бегуны. С. 58–59, 98–99, 125, 126.

¹⁸⁷ *Tokarczuk O. Prawiek i inne czasy*. S. 41; Токарчук О. Диковинные истории. С. 195, 204; Токарчук О. Последние истории. С. 73–74, 162, 182, 270–271, 281; *Tokarczuk O. Prowadź swój pług przez gości umarłych*. S. 18, 23–24, 47, 133, 191, 234–235, 261, 295–298; *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nosny*. S. 69, 138, 250; Токарчук О. Бегуны. С. 187–197, 199, 205, 251.

туризмом, приручением человеком пространства, властью вещного мира¹⁸⁸.

12. Идея протеста человека против бренности жизни, а также стремление к познанию высшего порядка порождают потребность в исследовании пограничья сохранение/отражение, запечатление/воспроизведение. Это сюжеты, связанные со сбором и передачей информации, музеями, анатомическими атласами, географическими картами и картами звездного неба, их неточностью, а порой избыточностью, противоречием между фрагментарностью человеческого восприятия и тягой к целостности мировосприятия, превращению хаоса перцепции в гармонию идей и систем¹⁸⁹.

13. Это пограничье связано с границей материя/слово и мотивом называния, именованя материи¹⁹⁰.

Ряды и взаимосвязи, конфигурации этих пограничий в прозе Токарчук можно продолжать: мужское/женское, я/мы, разум/безумие, эмпатия/преступление, возмездие/правосудие, сила/бессилие, тайна/очевидность, сон/явь.

Таким образом, «порогообразующий» нарратив телесности/материальности выступает у Токарчук в роли особого конструкта, с помощью которого, с одной стороны, осваивается реальность окружающего мира, с другой — совершается коммуникация с ним (через потенциального адресата текста). Сенсорно ориентированное письмо способствует работе механизмов эмпатии, а категория пограничья оказывается не только инструментом художественного осмысления окружающего мира, силовым полем, обеспечивающим единство всего массива прозы Токарчук, но и своего рода нравственной целью, поскольку также — и эстетически, и этически — неразрывно связана с идеей эмпатии. Идея пограничья — это, в сущности, идея

¹⁸⁸ Токарчук О. Последние истории. С. 253; Токарчук О. Бегуны. С. 258; *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych*. S. 258–259, 310; *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe*. S. 526–524.

¹⁸⁹ Токарчук О. Бегуны. С. 80, 173, 198, 172, 173, 186, 196, 198, 200, 251, 294; Токарчук О. Последние истории. С. 12, 71–72; Токарчук О. Диковинные истории. С. 224.

¹⁹⁰ *Tokarczuk O. Dom dzienny, dom nocny*. S. 68, 168, 173, 174, 176–200, 204, 225–226, 244, 256–257; *Tokarczuk O. Prowadź swój plug przez kości umarłych*. S. 28–30, 48, 151, 213–214, 302; Токарчук О. Последние истории. С. 151–152, 183; Токарчук О. Диковинные истории. С. 56, 229–230; *Tokarczuk O. Księgi Jakubowe*. S. 900, 709, 522–521, 470, 448–447, 444, 413–412, 196, 154, 141.

со-существования людей в пространстве, стремящемся к отсутствию самой идеи границ как того, что непримиримо разделяет.

В книге эссе 2020 г. «Чуткий повествователь» Токарчук указала на опасность одной из болезней нашего времени — буквализма, чреватого нетерпимостью, характерного и для либеральной политкорректности, и для идеологизированного сознания. В основе его — одномерность, изолированность и поверхностность восприятия: глубина и цельность невозможны без учета и понимания контекста и изменчивых взаимосвязей. Спасение — по-прежнему в искусстве и литературе прежде всего. Ольга Токарчук говорит:

В писательстве меня всегда интересовали всевозможные пограничья. Не только граница в физическом или даже политическом смысле... На границе нет ничего черного и белого <...>. Мне кажется, что искусство, по самой своей природе, является пограничной идеей. <...> Оно возникло для того, чтобы создать для человека поле свободы¹⁹¹.

Знаменательно, что в тексте 1996 г. присутствует формула «Человек — это тело»¹⁹², а в тексте 2018 г. — «Человек — это душа, тело и повествователь»¹⁹³. Телу и духу нужен повествователь. Это очередной положительный ответ на полуриторический вопрос другой польской писательницы: зачем нужна художественная форма и откуда берется, разве она служит выживанию? Да. Во всяком случае, она к этому стремится.

В романе «Книги Якова» устами одной из героинь Токарчук определила литературу как «особый вид знаний, совершенство неточных форм»¹⁹⁴. Это эмпатическое переживание множества (и, следовательно, множественности) моделей опыта, искусство со-чувствия, открывания родства, «экс-центрической» перспективы.

¹⁹¹ Olga Tokarczuk: Sztuka ze swej istoty jest idea pograniczną // Zwrot. Polacy w Czechach online. URL: <https://zwrot.cz/2019/10/olga-tokarczuk-sztuka-ze-swej-istoty-jest-idea-pograniczna/#:~:text=%E2%80%93%20W%20pisanium%20zawsze%20interesowa%C5%82o%20mnie,%2C%20m%C4%99%C5%BCczyzn%C4%85%2C%20noc%C4%85%2C%20dnem> (дата обращения: 27.01.2023).

¹⁹² Tokarczuk O. Prawiek i inne czasy. S. 162.

¹⁹³ Tokarczuk O. Czuję narrator. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2020. S. 179.

¹⁹⁴ Tokarczuk O. Księgi Jakubowe. S. 562.

Неслучайно Нобелевская речь и книга эссе Токарчук носят название «Чуткий повествователь». Писательница говорит:

Чуткость наделяет жизнью все, к чему прикасается, позволяет дать всему голос. <...> Она появляется там, где мы внимательно и сосредоточенно заглядываем в другое существо, в то, что не является нашим “я”. <...> Это сознательное <...> соучастие в чужой судьбе. <...> Это глубокое сопереживание другому существу, его хрупкости, неповторимости, его незащитности перед лицом страдания и действия времени. Чуткость подмечает наши связи, сходства и идентичности. Это взгляд, который видит мир как живой, дышащий организм, где все взаимосвязано и взаимозависимо. Литература основана на чуткости по отношению к каждому отличному от нашего быту. Это основной психологический механизм романа. Благодаря этому удивительному инструменту, самому утонченному способу человеческой коммуникации, наш опыт путешествует сквозь время и достигает тех, кто еще не родился, но кто когда-нибудь обратится к тому, что мы написали, нашим рассказам о нас самих и о нашем мире¹⁹⁵.

Литература

- Адельгейм 2018 — *Адельгейм И. Е.* Психология поэтики: Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М.: Индрик, 2018. 648 с.
- Адельгейм 2023 — *Адельгейм И. Е.* «Бесконечно хрупкие, недолговечные, легкоуязвимые...»: Мотивы бренности мира и сопротивления ей в прозе Ольги Токарчук // *Stephanos*. 2023. № 1(57). URL: <http://www.stephanos.ru/izd/2023/2023-57.pdf> (дата обращения: 23.02.2023).
- Лотман 1970 — *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
- Никитин 2006 — *Никитин В. Н.* Онтология телесности. Смыслы, парадоксы, абсурд. М.: Когито-Центр, 2006. 320 с.
- Подорога 1995 — *Подорога В.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992–1994 годов. М.: Ad Marginem, 1995. 170 с.
- Тюпа 2011 — *Тюпа В. И.* Нарративная стратегия романа // *Новый филологический вестник*. 2011. № 3(18). С. 8–24.
- Тюпа 2018 — *Тюпа В. И.* Жанровая природа нарративных стратегий // *Филологический класс*. 2018. № 2(52). С. 19–24.

¹⁹⁵ *Tokarczuk O.* Czuję narrator. S. 287–288.

References

- Adel'geim, I.Je., 2018. *Psikhologiiia poetiki: Autopsikhoterapevticheskie funktsii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoi prozy 1990–2010-kh gg.)*. [Psychology of poetics: Autopsychotherapeutic functions of the art text (on the material of Polish prose of the 1990s–2010s)]. Moscow: Indrik, 648 p. (in Rus.)
- Adel'geim, I.Je., 2023. “Beskonechno khrupkije, nedolgovечnyje, legkouia-zvimyje...”: Motivy brennosti mira i soprotivleniia jei v proze Ol'gi Tokarczuk [“Infinitely fragile, short-lived, vulnerable...” Motives of frailty of the world and human resistance to it in Olga Tokarczuk’s prose]. *Stephanos*, 1 (57). URL: <http://www.stephanos.ru/izd/2023/2023-57.pdf> (accessed: 23.02.2023) (in Rus.).
- Lotman, Iu.M., 1970. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow: Iskusstvo, 384 p. (in Rus.)
- Nikitin, V.N., 2006. *Ontologiiia telesnosti. Smysly, paradoksy, absurd* [Ontology of corporeality. Meanings, paradoxes, absurd]. Moscow: Kogito-Centr, 320 p. (in Rus.)
- Podoroga, V., 1995. *Fenomenologiiia tela. Vvedeniye v filosofskuiu antropologiiu. Materialy lektсионnykh kursov 1992–1994 godov* [Phenomenology of the body. Introduction to philosophical anthropology. 1992–1994 lecture courses]. Moscow: Ad Marginem, 170 p. (in Rus.)
- Tiupa, V.I., 2011. Narrativnaia strategiiia romana [Narrative strategy of the novel]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 3(18), pp. 8–24 (in Rus.).
- Tiupa, V.I., 2018. Zhanrovaia priroda narrativnykh strategii [The genre nature of narrative strategies]. *Filologicheskii klass*, 2(52), pp. 19–24 (in Rus.).

Irina Jevgen'jevna Adel'geim

DSc, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.

E-mail: adelgejm@yandex.ru

“Man is Soul, Body, and Narrator”: Olga Tokarczuk’s Narrative Strategy

The article is devoted to the prose of Olga Tokarczuk, one of the greatest Polish writers of the turn of the twenty-first century. The most important constant of Tokarczuk’s worldview is the category of corporeality/materiality. The logic of corporeality/materiality on different levels determines the organization of texts, generates connections across motives and a common semantic field. The narrative of corporeality/materiality, leveraged by means of the writer’s frequent use of empathetic narrative, acts as a special construct by means of which Tokarczuk explores the reality of the surrounding world, but also communicates with it (through the potential recipient of the text). The article analyses the specificity of Tokarczuk’s visualisation of body practices in her prose (representations of the body, interaction of bodies, interaction of the body with the environment) and significant elements of the narrative structure directly connected with corporeality/materiality: the system of characters, the specificity of comparisons, basic ideas, the role of boundaries as an aesthetic and ethical category, as well as an artistic tool, and the moral purpose of the narrative.

Keywords: Olga Tokarczuk, narrative of corporeality, narrative strategy, body practices, borderland, sensitivity, aesthetic category, ethical category

How to cite: *Adel'geim I.Je.* “Chelovek — eto dusha, telo i povestvovatel”: narativnaia strategiiia Ol'gi Tokarchuk. *Central-European Studies*, 6, pp. 273–295. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.10>.

Татьяна Владимировна Шалаева

Кандидат филологических наук, Институт славяноведения
РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32-А.
E-mail: koulkuk@gmail.com

Славянские феминативные суффиксы в лингвогеографическом представлении

Статья посвящена лингвогеографическому анализу лексем, обозначающих женщин и самок животных, с суффиксами **-ica*, **-ьka/*-ьka*, **-ixa* и **-ynja/*-inja* на материале «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА). Предметом рассмотрения являются сводные карты-схемы, составленные на основе семи его томов лексико-словообразовательной серии. На каждой из них отображается преимущественное распространение форм с одним из этих аффиксов в обоих значениях. В результате их анализа делаются выводы о степени совпадения ареалов названий женщин и самок животных, содержащих один и тот же суффикс. При этом оказывается, что территория максимальной концентрации формантов в данных лексических группах в большинстве случаев совпадает лишь частично, основная же ее часть приходится на разные славянские диалекты. Наиболее яркими примерами территориального размежевания указанных наименований служат следующие: низкая частотность обозначений женщин с суффиксом **-ica* в польском и чешском языках при достаточно многочисленных фиксациях в них названий самок с тем же формантом. В словацком языке, напротив, преобладают формы на **-ica* с семей 'женщина' при низкой концентрации наименований самок. В то время как суффикс **-ьka/*-ьka*, наоборот, в польском и чешском в основном фигурирует в номинациях женщин, а словацкому языку он свойствен также и в названиях самок. Примечательно расхождение в функционировании суффикса **-ica* и между восточными говорами сербского и македонским языком, с одной стороны, и болгарским — с другой: в первой паре он в основном используется в обозначениях женщин, в болгарском языке — в обозначениях самок животных. Однако этот южнославянский ареал объединяет высокая частотность суффикса **-ьka/*-ьka* в обеих лексических группах, которая противопоставляет его хорватскому языку и западным говорам сербского. Тот же формант определяет словообразовательную дифференциацию восточнославянских языков: украинский язык отличается от русского и белорусского высокой концентрацией лексем с суффиксом **-ьka/*-ьka*.

Ключевые слова: славянское словообразование, феминативные суффиксы, названия женщин, названия самок животных, «Общеславянский лингвистический атлас»

Цитирование: Шалаева Т. В. Славянские феминативные суффиксы в лингвогеографическом представлении // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 296–316. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.11>.

Тома лексико-словообразовательной серии «Общеславянско-го лингвистического атласа», как и любой атлас, посвященный словарному составу языка, содержат сведения о лексике, словообразовании и семантике. В частности, словообразовательные карты дают представление о диалектных различиях в словообразовательных средствах при выражении того или иного значения дериватами одного корня¹. Например, том «Личные черты человека»² (ОЛА 12) включает в себя словообразовательные карты, посвященные названиям человека по его физиологическим и поведенческим особенностям: например, человека лысого, слепого, глухого, горбатого, толстого, худого, человека с большой головой, с большими усами или большой бородой, человека, который часто плачет, который любит хвалиться, который лжет, который много спит, который любит вкусно поесть и который любит пить водку. На каждой из этих карт знаками разной формы обозначаются слова, содержащие разные корни, а знаками одной и той же формы, но с разной внутренней заливкой — однокоренные слова с разными суффиксами. Так, на карте «Глухой человек» в производных корня *glux-/glušč*³ имеются такие суффиксы, как *-ъс-*, *-ащ-*, *-ај-*, *-ъј-*, *-ак-*, *-ик-*, *-ък-/ък-*, *-ал-*, *-ел-*, *-ул-*, *-ъл-*, *-ан-*, *-ин-*, *-он-*, *-ун-*, *-ън-/ън-*, *-ар-*, *-ер-*, *-ор-*, *-ур-*, *-ус-*, *-ух-*, *-уш-*, *-ащ-*, *-иш-*, *-ош*⁴.

На основе карт всего тома или нескольких томов атласа можно составить сводные, обобщающие карты. Они позволяют дать более полную картину локализации того или иного аффикса и сопоставить ее с географическим распространением аналогичных формантов. Например, в томе «Личные черты человека» имеются две обобщающие карты, которые посвящены названиям человека по чертам

¹ ОЛА 12: 9.

² ОЛА 12.

³ Материалы ОЛА даются в обобщающей транскрипции, в принятой в атласе для единообразной записи фонетических вариантов одной лексемы.

⁴ ОЛА 12: 87–91.

характера (*nomina agentis* и *nomina attributiva*) и по физическим признакам (*nomina attributiva*)⁵. На первой из них видно яркое противопоставление восточнославянских языков западно- и южнославянским. А именно восточнославянские языки отличает частое использование суффикса **-unъ*: *lǫg-un-ъ*, *vъr-un-ъ*, *xvast-un-ъ*, *bǫlt-un-ъ*, *dryx-un-ъ*, *slъz-un-ъ* и т. д. В то время как для западно- и южнославянских языков в этом значении в основном характерен суффикс **-ъсь*: *lǫž-ъс-ъ*, *xval-ъс-ъ*, *lěn-iv-ъс-ъ*, *strax-ol-iv-ъс-ъ*, *ob-žer-ъс-ъ*, *рѣj-an-ъс-ъ* и др. На карте о названиях лиц по физическим характеристикам суффикс **-ъсь* (*slěp-ъс-ъ*, *gъrb-ъс-ъ*, *kras-av-ъс-ъ*) противопоставлен суффиксу **-akъ* (*lys-ak-ъ*, *tǫlst-ъ=ak-ъ*, *slěp-ak-ъ*), который имеет общеславянское распространение. А локализация суффикса **-ъсь* здесь другая, нежели на предыдущей карте: в данном случае территория его бытования не ограничивается западно- и южнославянскими языками, но расширяется на восток, особенно на украинско-белорусское пограничье. А в южнославянских языках заметна его низкая частотность в болгарском языке по сравнению с употреблением в обозначениях человека по свойствам характера. Таким образом, на этих двух сводных картах мы видим разницу в локализации одного и того же суффикса в зависимости от значения включающего его слова. Следовательно, материалы ОЛА дают не только перечень словообразовательных единиц, бытующих в славянских языках, но и семантическую дифференциацию содержащих их форм, от которой зависит их распределение на карте.

При рассмотрении суффиксов в обозначениях женщин и самок животных были выбраны аффиксы, общие для этих двух лексических групп: **-ica*, **-ъka/*-ьka*, **-ixa* и **-ynja/*-inja*. Некоторые из них уже рассматривались сходным образом: в названиях женщин и самок в славянских литературных языках Т. И. Вендина анализировала употребление суффиксов **-ica*⁶ и **-ъka/*-ьka*⁷; Ю. С. Азарх описывала использование суффиксов **-ica*, **-ъka/*-ьka* и **-ixa* в лексемах с теми

⁵ ОЛА 12: 326–327.

⁶ Вендина 1984: 102–107, 109–117, 119–131, 133; Вендина 1988a: 150; Вендина 1988с: 178.

⁷ Вендина 1985: 46–48; Вендина 1988a: 184–186; Вендина 1988b: 133–136; Вендина 1988с: 174, 179–180; Вендина 1993: 40, 44–45; Вендина 1990: 37–45.

же значениями в истории и диалектах русского языка⁸; в общих чертах их касались А. Вайан⁹ и Ф. Славский¹⁰.

Нужно отметить разницу в количестве материала: обозначениям животных в ОЛА посвящено только два тома — «Животный мир»¹¹ и «Животноводство»¹², а абсолютное большинство остальных касается номинации различных сторон жизни человека: «Сельское хозяйство»¹³, «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»¹⁴, «Профессии и общественная жизнь»¹⁵, «Народные обычаи»¹⁶, «Личные черты человека»¹⁷. Например, обозначения самок животных имеют на таких картах, как «Самка лисы», «Самка медведя», «Собака-самка», «Кошка-самка», «Овца», «Курица», «Самка гуся», «Самка голубя». Обозначения женщин — на картах «Женщина, которая доит коров», «Женщина, которая жнет серпом», «Женщина, которая копает землю», «Женщина, живущая в соседнем доме», «Женщина, которая шьет одежду», «Женщина, которая занимается колдовством», «Женщина, которая хорошо поет (танцует)», «Женщина, которая лжет», «Женщина, которая любит сплетничать» и др. Всего для анализа было задействовано 10 карт о названиях самок животных и 22 карты о названиях женщин. Конечно, в выводах нужно учитывать такое количественное расхождение в объеме сведений, но, тем не менее, эти данные представляются достаточными для некоторых обобщений.

Также важно оговорить, что феминативное значение здесь понимается широко: не только свойственное названиям существ женского пола, образованных от соответствующих «мужских» наименований в парах типа *врач — врачиха, медведь — медведица* (модификационный словообразовательный тип), но и любые отыменные и отглагольные наименования с семой 'женский пол': ср. *молодица, школьница, певица, жница, гадалка, болтушка, слепка* 'курица', *наседка* 'курица,

⁸ Азарх 1979: 177–185; Азарх 1984: 121–122; Азарх 2000: 101–109, 113–115.

⁹ Vaillant 1974: 345–347, 671.

¹⁰ SP I: 73, 94, 98, 139.

¹¹ ОЛА 1.

¹² ОЛА 2.

¹³ ОЛА 4.

¹⁴ ОЛА 6.

¹⁵ ОЛА 8.

¹⁶ ОЛА 10.

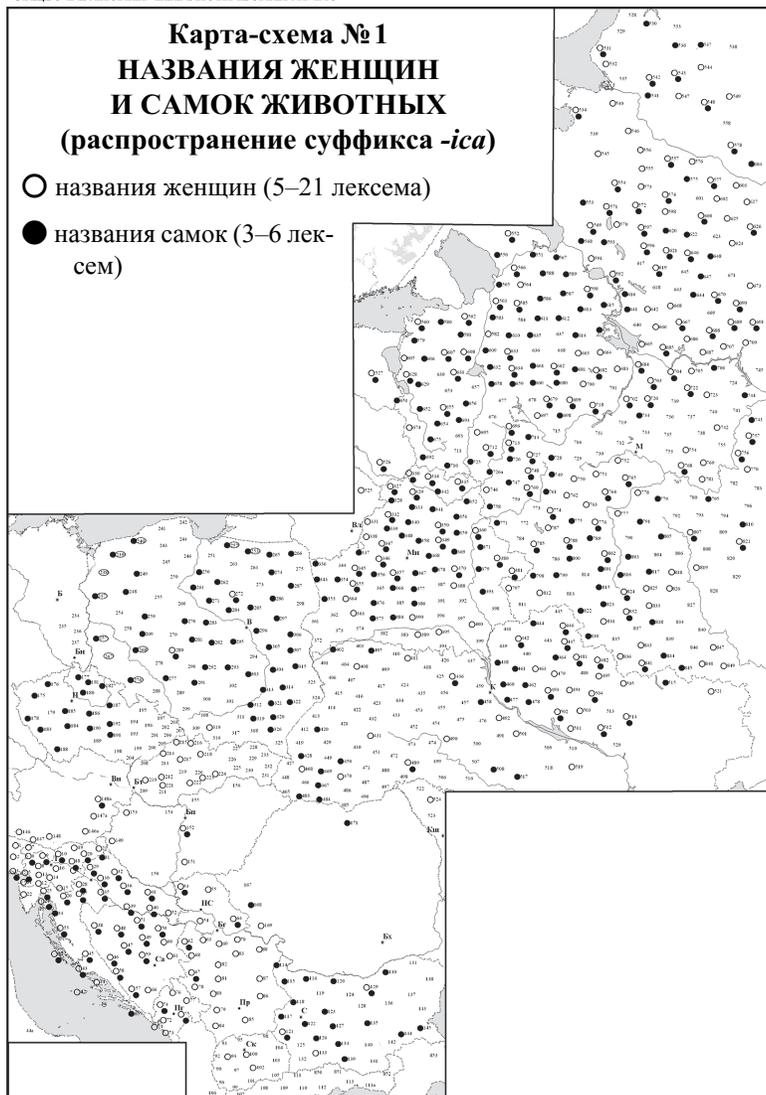
¹⁷ ОЛА 12.

которая высиживает цыплят' (мутационный словообразовательный тип). Многие из них имеют соответствия мужского рода (ср. *молодец, школьник, певец, жнец, болтун*), но не все, что часто объясняется экстралингвистическими причинами (ср. *наседка, доярка*).

Из приведенных суффиксов **-ica*, **-ьka/*-ьka*, **-ixa* и **-ynja/*-inja* наиболее частотными и повсеместно распространенными в обеих лексических группах являются **-ica* и **-ьka/*-ьka*. В число дериватов с суффиксом **-ica* в названиях самок входят, например, следующие: *lis-ic-a* 'самка лисы', *med-ьv-ьd-ic-a* 'самка медведя', *rys-ic-a* 'собака-самка', *kot-ic-a* 'кошка-самка', *kur-ic-a*, *slьp-ic-a* 'курица', *[cyp]-j-ьt-ьn-ic-a* 'курица, которая высиживает яйца', *gьs-ic-a* 'самка гуся', *golьb-ic-a* 'самка голубя', *ov-ьь-ic-a* 'овца' и др. Более подробно их распространение можно охарактеризовать так (см. карту-схему № 1): наибольшее их число (3–6 слов на населенный пункт) приходится на русские говоры, северо-восточные и юго-западные украинские, северные и центральные белорусские говоры, центральные и восточные диалекты польского языка, центральные и западные говоры чешского, а также словенские, хорватские, западные штокавские и западные болгарские диалекты. Наименьшее количество форм с суффиксом **-ica* (1–2 лексемы на населенный пункт или полное отсутствие) характеризует центральные украинские говоры, словацкий язык, пограничные с ним восточные говоры чешского и южные говоры польского, лужицкий язык, восточную часть штокавских диалектов, македонский язык и восточноболгарские говоры.

Наименования женщин с суффиксом **-ica* представляют собой такие формы, как: *зьn-ic-a* 'женщина, которая жнет серпом', *kop-al-ьn-ic-a* 'женщина, которая копает землю', *(komš)-in-ic-a* 'женщина, живущая в соседнем доме', *kroj-ač-ic-a* 'женщина, которая шьет одежду', *(doktor)-ic-a* 'женщина-врач', *иь-i-tel-ьn-ic-a* 'женщина, которая учит в школе', *иь-en-ic-a* 'девочка, которая учится в школе', *za-rьq-ьn-ic-a* 'женщина, имеющая жениха, будущая жена', *mold-ic-a* 'женщина в день свадьбы', *čar-ov-ьn-ic-a* 'женщина, которая занимается колдовством', *(tanc)-ov-ьn-ic-a* 'женщина, которая хорошо танцует', *пě-v-ic-a* 'женщина, которая хорошо поет', *сь-plet-ьn-ic-a* 'женщина, которая любит сплетничать' и т. д. Их количественная дистрибуция выглядит иначе, чем в обозначениях самок (см. карту-схему № 1). Они отличаются высокой частотностью (5–21 лексема на населенный пункт) в восточнославянской части — особенно в русском языке, на основной

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

территории белорусского и в восточных говорах украинского языка, на западе Словакии, и самое большое количество в Южной Славии — в сербском, хорватском, словенском языках и в отдельных диалектах македонского и болгарского. Примечательно, что в сербском, хорватском, словенском максимальное число лексем фиксируется почти во всех населенных пунктах. Контрастируют с ними болгарский, чешский, польский, лужицкий языки, а также восточные говоры словацкого и центральные диалекты украинского, где употребление обозначений женщин на *-ica встречается гораздо меньше.

Если сравнить географическое распределение названий женщин и самок животных с суффиксом *-ica, то общим в них является большое количество дериватов в русском языке, на части белорусской и украинской территории, а кроме того, на западе южнославянского ареала. Низкая их частотность характерна для говоров на востоке Чехии и Словакии, на юго-западе Польши, в центральной части Украины и в лужицком языке.

В материалах ОЛА зафиксированы следующие наименования самок животных с суффиксом *-ьka/*-ька: *lis-ьk-a*, *liš-ьk-a* 'самка лисы', *med-ьv-ěd-ьk-a* 'медведица', *suč-ьk-a* 'собака-самка', *kot-ьk-a* 'кошка-самка', *slěp-ьk-a* 'курица', *kvoč-ьk-a* 'курица, которая высидивает яйца', *gос-ьk-a* 'самка гуся', *golоб-ьk-a* 'самка голубя', *ов-ьч-ьk-a* 'овца' и т. д. Можно заключить, что лидирующее положение по количеству этих форм (4–8 слов на населенный пункт) занимает восток славянского языкового континуума (см. карту-схему № 2), конкретно болгарский и македонский языки, восточные штокавские диалекты, украинский язык, а кроме того, в меньшей мере, белорусские и средне- и южнорусские говоры. Также они концентрируются в западных словацких и восточных чешских диалектах. Наименьшее количество лексем, включающих суффикс *-ьka/*-ька (1–2 формы на населенный пункт или абсолютное отсутствие), отмечено в польском, лужицком языках, в западных чешских и восточных словацких, на основной территории Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины и на севере России.

Обозначения женщин с тем же суффиксом представлены следующими формами: *žьn-ěj-ьk-a* 'женщина, которая жнет серпом', *kop-ač-ьk-a* 'женщина, которая копает землю', *doj-ar-ьk-a* 'женщина, которая доит коров', *sq-sěd-ьk-a* 'женщина, живущая в соседнем доме', *kov-ač-ьk-a* 'жена кузнеца', (*šuster*)-*ьk-a* 'жена сапожника', (*šnajder*)-*ьk-a* 'женщина, которая шьет одежду', (*mьlinar*)-*ьk-a* 'жена мельника',

(*kux*)-*ar-ъk-a* ‘женщина, которая готовит еду’, *pas-t-yr-ъk-a* ‘женщина, которая пасет скот’, *lěk-ar-ъk-a* ‘женщина-врач’, *zn-ax-ar-ъk-a* ‘женщина, которая занимается колдовством’, *jъgr-ač-ъk-a* ‘женщина, которая хорошо танцует’, *sv-pě-v-ač-ъk-a* ‘женщина, которая хорошо поет’, (*čigan*)-*ъk-a* ‘женщина, которая лжет’ и др. Их пространственное распределение заметно отличается от предыдущего ареального сценария (см. карту-схему № 2): они концентрируются (6–25 лексем на населенный пункт) в западнославянских языках, в украинском, белорусском, отдельных говорах русского и болгарском, в восточных штокавских и западных словенских говорах.

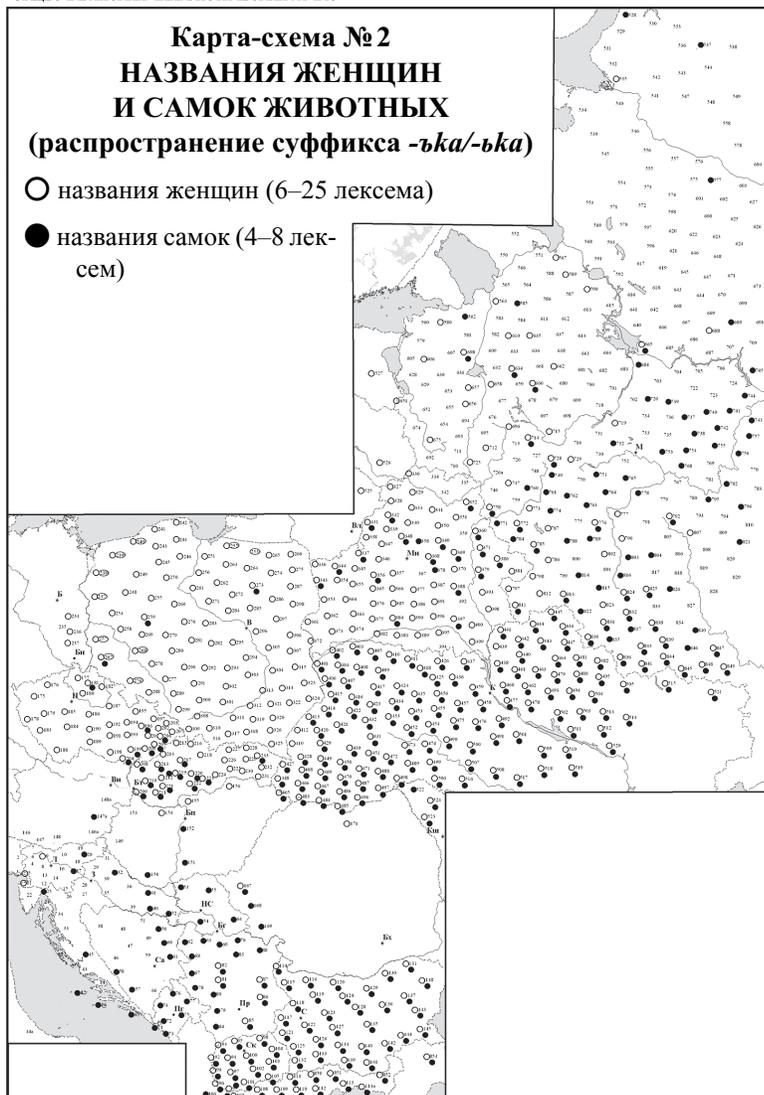
Сопоставление этих двух ареалов говорит о том, что одинаково часто суффикс **-ъka/*-ъka* в наименованиях самок и женщин встречается в болгарском и македонском языках, в восточных штокавских диалектах, в украинском, отчасти в белорусском языках, на западе Словакии и на востоке Чехии. Минимальное количество дериватов с ним фиксируется на севере России, а также на основной территории Хорватии и Боснии и Герцеговины.

Если все же обратиться только к наименованиям женщин с суффиксами **-ica* и **-ъka/*-ъka*, мотивированным профессиями их мужей и образованным исключительно модификационным способом (то есть к феминативам в узком смысле), то их расположение на карте в целом совпадает с ареальной дистрибуцией, представленной выше (см. карту-схему № 3): суффикс **-ica* характерен в основном для западной части южнославянских языков и восточнославянской подгруппы, а суффикс **-ъka/*-ъka* — для восточных южнославянских диалектов, западнославянских языков, а также украинского и белорусского.

Небольшое количество материала на карте-схеме № 3 по сравнению с предыдущими картами объясняется тем, что она составлена на основе лишь четырех карт тома «Профессии и общественная жизнь»: «Жена кузнеца», «Жена сапожника», «Жена портного» и «Жена мельника». Они отражают такие формы, как *kov-ač-ъk-a*, *kov-ač-ic-a*, *kov-ar-ъk-a*, *kov-al-ъk-a*, (*nalbat*)-*ъk-a*, *šbv-ъč-ъk-a*, (*šuster*)-*ic-a*, (*šuster*)-*ъk-a*, (*sapož*)-*ъn-ic-a*, (*kunduradži*)-*j-ъk-a*, *kroj-ač-ic-a*, (*šnajder*)-*ic-a*, (*šnajder*)-*ъk-a*, (*terzi*)-*j-ъk-a*, (*mōlinar*)-*ic-a*, (*mōlinar*)-*ъk-a*, *vod-en-ič-ar-ъk-a*, *mel-ъn-ič-ъk-a* и др.

О суффиксе **-ixa* уже давно известно как о составляющем принадлежность восточнославянских языков и в меньшей мере

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

польского¹⁸. К анализу были привлечены следующие включающие его названия самок: *lis-ix-a* 'самка лисы', *med-ъv-ěd-ix-a* 'самка медведя', *[kut]-ix-a* 'собака-самка', *kot-ix-a* 'кошка-самка', *dět-in-ix-a* 'курица, высиживающая цыплят', *gęs-ix-a* 'самка гуся', *golq̄b-ix-a* 'самка голубя' и т. п. На карте-схеме № 4 видно, что большая их часть относится к северно- и среднерусским говорам, а также западным и восточным белорусским и западным украинским диалектам. Отдельные фиксации имеются в восточной и центральной частях Польши.

Обозначения женщин с суффиксом **-ixa* более-менее равномерно распределены по всей восточнославянской территории (см. карту-схему № 4). Кроме того, заметно, что в наименованиях женщин этот суффикс имеет достаточно широкое распространение в Польше. Примерами подобных обозначений могут служить следующие: *žbn-ъč-ix-a* 'женщина, которая жнет серпом', *kor-ač-ix-a* 'женщина, которая копает землю', *ku-zn-ъč-ix-a* 'жена кузнеца', *šъv-ъč-ix-a* 'жена сапожника', *kraiv-ъč-ix-a* 'жена портного', *pъit-ъn-ix-a* 'женщина, которая шьет одежду', *mel-ъn-ič-ix-a* 'жена мельника', *po-var-ix-a* 'женщина, которая готовит еду', *pas-t-uš-ix-a* 'женщина, которая пасет скот', *vъr-ač-ix-a* 'женщина-врач', *pě-v-ъč-ix-a* 'женщина, которая хорошо поет', *(cigan)-ix-a* 'женщина, которая лжет' и т. д. Примечательно, что последняя форма свойственна исключительно польским диалектам (шп. 248, 258, 270, 280, 291–292, 313), что, вместе с обширным ареалом дериватов с суффиксом **-ixa* в польском языке, опровергает представление о том, что данные формы являются в нем исключительно восточнославянскими заимствованиями¹⁹.

Что касается форм на **-ixa* со значением 'жена кого-либо', то материалы карт «Жена кузнеца», «Жена сапожника», «Жена портного» и «Жена мельника» также демонстрируют совпадение их ареала с тем, который очерчен на карте-схеме № 4: они представлены во всех восточнославянских языках с отдельными фиксациями в польском.

Суффикс **-ynja* / **-inja* отмечается в славянских языках значительно реже, чем другие упомянутые. Так, в материалах томов «Животный мир» и «Животноводство» он встретился только на двух картах (см. карту-схему № 5): в «Самке медведя» в словенских говорах, бытующих на западе Словении и на территории Австрии

¹⁸ SP I: 73; Азарх 1984: 121; Вендина 1990: 8.

¹⁹ Азарх 1984: 121.

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

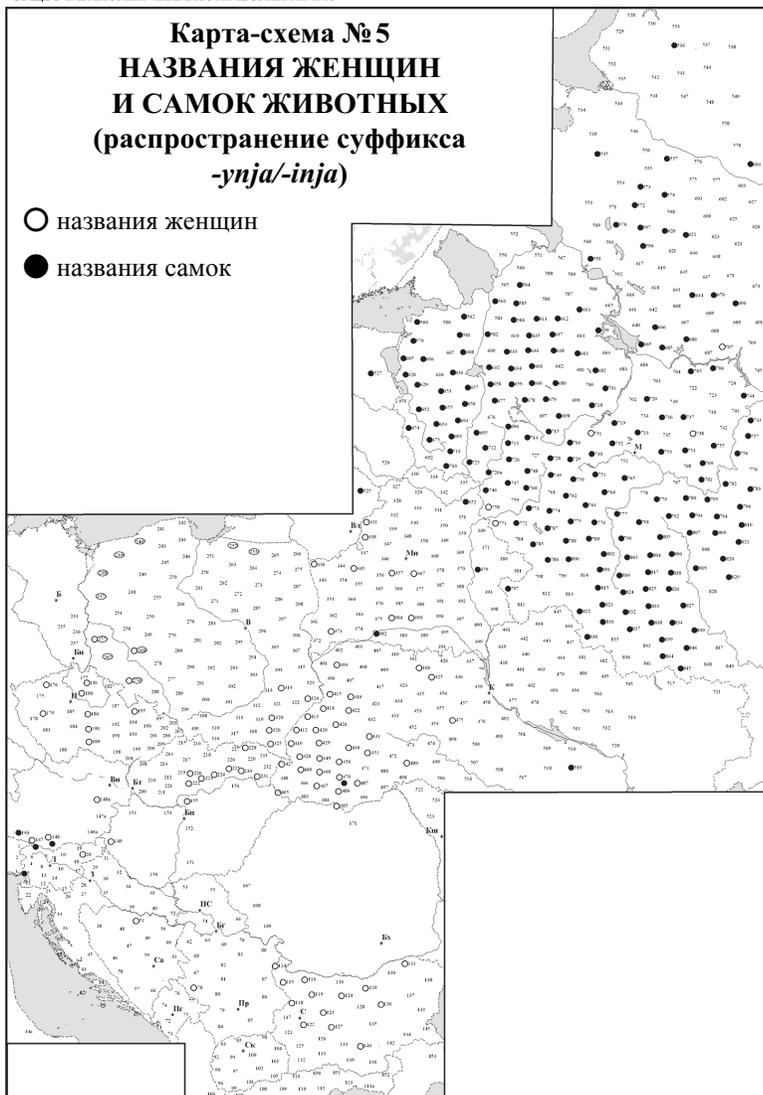
Карта-схема № 4
НАЗВАНИЯ ЖЕНЩИН
И САМОК ЖИВОТНЫХ
 (распространение суффикса *-ixa*)

○ названия женщин

● названия самок

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

(*med-ěv-ěd-yn-j-a*), и в «Самке гуся» (*gqs-yn-j-a*) в восточнославянских языках, преимущественно в русском. В томах, посвященных номинации людей, материала больше, но он также ограничен: в указанных на карте-схеме № 5 населенных пунктах фиксируется от 1 до 4 лексем. К ним относятся: (*komš*)-*in-ěk-yn-j-a* 'женщина, живущая в соседнем доме', *kov-ač-in-j-a* 'жена кузнеца', *krav-ěč-in-j-a* 'женщина, которая шьет одежду', *gospod-yn-j-a* 'женщина, которая готовит еду', *pas-t-ěv-ěk-yn-j-a* 'женщина, которая пасет скот', (*doktor*)-*yn-j-a* 'женщина-врач', (*daskal*)-*ěk-yn-j-a* 'женщина, которая учит в школе', (*džáč*)-*in-j-a* 'девочка, которая учится в школе', *pros-ě=-ak-yn-j-a* 'женщина, которая просит милостыню', *sir-om-ax-yn-j-a* 'бедная женщина', (*köneg*)-*yn-j-a* 'невеста, женщина имеющая жениха, будущая жена', 'женщина в день свадьбы', *vorž-ěk-yn-j-a* 'женщина, которая занимается колдовством', *pě-v-ěk-yn-j-a* 'женщина, которая хорошо поет', *lěž-ěk-yn-j-a* 'женщина, которая лжет', (*muzavir*)-*ěk-yn-j-a* 'женщина, которая любит сплетничать' и др. На карте-схеме № 5 можно видеть, что чаще всего они отмечаются в юго-западных диалектах украинского языка, юго-восточных и юго-западных говорах польского, западных и центральных говорах чешского, восточных диалектах словацкого, северо-западных говорах болгарского языка, а также в отдельных словенских, сербских, белорусских и русских говорах. То есть суффикс **-ynja* / **-inja* используется в названиях и самок, и женщин в словенских каринтийских диалектах в Австрии и в восточнославянских языках.

Таким образом, при сопоставлении ареалов функционирования феминативных суффиксов **-ica*, **-ěka* / **-ěka*, **-ixa*, **-ynja* / **-inja* оказывается, что территория их максимальной концентрации в названиях самок животных и женщин в большинстве случаев совпадает лишь частично, основная же ее часть приходится на разные славянские диалекты. Безусловно, здесь нужно делать оговорку на разницу в объеме материала, но, тем не менее, как представляется, различие в географической дистрибуции соответствует в данном случае различию в значении, которое выражают содержащие аффикс лексемы.

Наиболее яркими примерами территориального размежевания наименований данных лексических групп служат следующие: низкая частотность обозначений женщин с суффиксом **-ica* в польском и чешском языках при достаточно многочисленных фиксациях в них названий самок с тем же формантом. В словацком языке,

напротив, заметно преобладают формы на *-ica с семой 'женщина' при низкой концентрации наименований самок. В то время как суффикс *-ьka/*-ьka, наоборот, в польском и чешском в основном фигурирует в номинациях женщин, а словацкому языку он свойствен также в названиях самок. Примечательно расхождение в функционировании суффикса *-ica и между восточными говорами сербского и македонским языком, с одной стороны, и болгарским — с другой: в первой паре он в основном используется в обозначениях женщин, а в болгарском языке — в обозначениях самок животных. Однако этот южнославянский ареал объединяет высокая частотность суффикса *-ьka/*-ьka в обеих лексических группах, которая противопоставляет его хорватскому языку и западным говорам сербского. Тот же формант определяет словообразовательную дифференциацию восточнославянских языков: украинский язык значительно отличается от русского и белорусского высокой концентрацией лексем с суффиксом *-ьka/*-ьka.

Приведенные лингвогеографические сведения показывают, что синхронно-функциональный подход к анализу материалов ОЛА (помимо преобладающего сравнительно-исторического) применим и к словообразовательным картам. Этот аспект особенно наглядно представлен в фонетических и грамматических томах. Например, он проявляется на картах фонетических, когда реализация того или иного звука зависит от отношения к ударению, консонантному окружению и др., то есть от его позиции в слове, и такое позиционное поведение звука регулярно отражается на его распространении в славянских языках. На картах грамматических показано, как, скажем, падежные флексии существительных и личные окончания глаголов в зависимости от выражаемого грамматического значения по-разному распределены по диалектам. Но, как видно, и на словообразовательном уровне семантика языковой единицы влияет на ее географическую локализацию, поскольку «единство словообразовательных единиц еще не свидетельствует об их семантической и функциональной эквивалентности <...> Сохраняя во многом сам характер словообразовательных отношений, славянские языки по-разному реализовали систему связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи, то есть в процессе исторического развития в их словообразовательных системах также постепенно складывались различия, однако коснулись они не столько инвентарного набора суффиксов <...>, сколько

их использования в каждом славянском языке в отдельности»²⁰. «Эти различия связаны прежде всего с развитием или угасанием у них тех или иных словообразовательных значений, способностью сочетаться с определенным, ограниченным или, наоборот, неограниченным кругом основ, с разной емкостью семантического поля суффиксов, а отсюда — с разной функциональной нагрузкой, с разной употребительностью и т. д.»²¹.

О возможности и необходимости применения материалов ОЛА в области структурной типологии писал С. Б. Бернштейн²², и его идеи развивает Т. И. Вендина²³. Цель представленного здесь небольшого исследования — показать еще один конкретный пример дифференциации славянских диалектов в зависимости от значений лексем, включающих один и тот же словообразовательный формант, на картах ОЛА.

Литература

- Азарх 1979 — Азарх Ю. С. Слова на *-иха* в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1977 / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1979. С. 175–195.
- Азарх 1984 — Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. 246 с.
- Азарх 2000 — Азарх Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 2000. 178 с.
- Бернштейн 2000 — Бернштейн С. Б. Общеславянский лингвистический атлас. Критические заметки // Бернштейн С. Б. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М.: Индрик, 2000. С. 310–326.
- Вендина 1984 — Вендина Т. И. Сходства и различия суффиксов *-ic(a)* и *-nic(a)* в славянских языках // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1981 / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1984. С. 101–138.
- Вендина 1985 — Вендина Т. И. Словообразовательные особенности восточнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1982 / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1985. С. 41–67.

²⁰ Вендина 1990: 5.

²¹ Вендина 1985: 41.

²² Бернштейн 2000: 320–321, 324–325.

²³ Вендина 2003: 6–7; Вендина 2021: 131–133.

- Вендина 1988a — *Вендина Т.И.* К словообразовательным особенностям западнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками) // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования.* 1983 / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1988. С. 179–205.
- Вендина 1988b — *Вендина Т.И.* К словообразовательным особенностям южнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками) // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования.* 1988 / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1988. С. 130–158.
- Вендина 1985c — *Вендина Т.И.* Дифференциация восточнославянских языков по данным словообразования // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования.* 1985–1987 / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1988. С. 168–183.
- Вендина 1990 — *Вендина Т.И.* Дифференциация славянских языков по данным словообразования. М.: Наука, 1990. 168 с.
- Вендина 1993 — *Вендина Т.И.* Еще раз о дифференциации южнославянских языков // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования.* 1988–1990 / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1993. С. 39–51.
- Вендина 2003 — *Вендина Т.И.* *Общеславянский лингвистический атлас как источник реконструкции языка культуры* // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.* 1997–2000 / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 6–21.
- Вендина 2021 — *Вендина Т.И.* Размышления С. Б. Бернштейна по поводу «Общеславянского лингвистического атласа» // *Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С. Б. Бернштейна): Материалы Международной научной конференции, Москва 12–14 октября 2021 г.* / Отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 128–135.
- ОЛА 1 — *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная.* Вып. 1. Животный мир / Гл. ред. Р. И. Аванесов. Москва: Наука, 1988. 188 с.
- ОЛА 2 — *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная.* Вып. 2. Животноводство / Под ред. Я. Басары и др. Warszawa: Warszawska Drukarnia Akcydensowa, 2000. 192 с.
- ОЛА 4 — *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная.* Вып. 4. Сельское хозяйство / Под ред. А. Ференчиковой. Bratislava: VEDA, 2012. 266 с.
- ОЛА 6 — *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная.* Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.: ИРЯ РАН, 2007. 192 с.
- ОЛА 8 — *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная.* Вып. 8. Профессии и общественная жизнь / Под ред. Я. Басары, Я. Сятковского. Варшава, 2003. 192 с.

- ОЛА 10 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10. Народные обычаи / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 276 с.
- ОЛА 12 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 12. Личные черты человека / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 384 с.
- SP — Słownik praszwiański / Pod red. F. Sławskiego. T. 1–8–. Wrocław etc., 1974–2001–.
- Vaillant 1974 — Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974. 809 p.

References

- Avanesov, R. I., ed., 1988. *Obshsheslavianskii lingvisticeskii atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia. Vyp. 1. Zhivotnyi mir*. [Slavic linguistic atlas. Word-formation series. Vol. 1. Animal world]. Moscow: Nauka, 188 p. (in Rus.)
- Azarkh, Iu. S., 1979. Slova na *-uxa* [-*ikha*] v russkom iazyke [Words with *-uxa* [-*ikha*] in the Russian language]. In: R. I. Avanesov, ed. *Obshsheslavianskii lingvisticeskii atlas: Materialy i issledovaniia. 1977*. Moscow: Nauka, pp. 175–195. (in Rus.)
- Azarkh, Iu. S., 1984. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo iazyka* [Noun word-formation and form-formation in the history of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1984, 246 p. (in Rus.)
- Azarkh, Iu. S., 2000. *Russkoie imennoie dialektnoie slovoobrazovanie v lingvogeograficheskom aspekte* [Russian nominal dialect word-formation in linguistic geography aspect]. Moscow: Nauka, 178 p.
- Basara, Ia. etc., 2000. *Obshsheslavianskii lingvisticeskii atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia. Vyp. 2. Zhivotnovodstvo*. [Slavic linguistic atlas. Word-formation series. Vol. 2. Animal-breeding]. Warszawa: Warszawska Drukarnia Akcydensowa, 192 p. (in Rus.)
- Basara, Ia., Siatkovskii, Ia., eds., 2003. *Obshsheslavianskii lingvisticeskii atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia. Vyp. 8. Professii i obshchestvennaia zhizn'*. [Slavic linguistic atlas. Word-formation series. Vol. 8. Professions and public life]. Warszawa: Warszawska Drukarnia Akcydensowa, 192 p. (in Rus.)
- Bernshtein, S. B., 2000. *Obshsheslavianskii lingvisticeskii atlas. Kriticheskie zametki* [Slavic linguistic atlas. Critical notes]. In: S. B. Bernshtein. *Iz problematiki dialektologii i lingvogeografii*. Moscow: Indrik, pp. 310–326. (in Rus.)
- Ferenchikova, A., ed., 2012. *Obshsheslavianskii lingvisticeskii atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia. Vyp. 4. Sel'skoie khoziaistvo*. [Slavic linguistic atlas. Word-formation series. Vol. 4. Agriculture]. Bratislava: VEDA, 266 p. (in Rus.)
- Sławski, F., ed., 1974–2001–. *Słownik praszwiański*: vols. 1–8–. Wrocław etc.: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk.

- Vaillant, A., 1974. *Grammaire comparée des langues slaves, IV. La formation des noms*. Paris: Éditions Klincksieck, 1974, 809 p.
- Vendina, T. I., 1984. Skhodstva i razlichiiia suffiksov -ic(a) i -nic(a) v skavianskikh iazykakh [Similarities and differences of the suffixes -ic(a) and -nic(a) in the Slavic languages]. In: V. V. Ivanov, ed. *Obshsheslavianskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniia. 1981*. Moscow: Nauka, pp. 101–138. (in Rus.)
- Vendina, T. I., 1985. Sloobrazovatel'nyie osobennosti vostochnoslavianskikh iazykov (v sravnenii s drugimi slavianskimi iazykami) [Word-formation peculiarities of the East-Slavic languages (in the comparison with other Slavic languages)]. In: V. V. Ivanov, ed. *Obshsheslavianskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniia. 1982*. Moscow: Nauka, pp. 41–67. (in Rus.)
- Vendina, T. I., 1988a. K slovoobrazovatel'nyim osobennostiam zapadnoslavianskikh iazykov (v sravnenii s drugimi slavianskimi iazykami) [On word-formation peculiarities of the West-Slavic languages (in the comparison with other Slavic languages)]. In: V. V. Ivanov, ed. *Obshsheslavianskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniia. 1983*. Moscow: Nauka, pp. 179–205. (in Rus.)
- Vendina, T. I., 1988b. K slovoobrazovatel'nyim osobennostiam iuzhnonoslavianskikh iazykov (v sravnenii s drugimi slavianskimi iazykami) [On word-formation peculiarities of the South-Slavic languages (in the comparison with other Slavic languages)]. In: V. V. Ivanov, ed. *Obshsheslavianskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniia. 1984*. Moscow: Nauka, pp. 130–158. (in Rus.)
- Vendina, T. I., 1988c. Differentsiatsia vostochnoslavianskikh iazykov po dannym slovoobrazovaniia [East-Slavic language differentiation according to word-formation data]. In: V. V. Ivanov, ed. *Obshsheslavianskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniia. 1985–1987*. Moscow: Nauka, pp. 168–183. (in Rus.)
- Vendina, T. I., 1990. *Differentsiatsia slavianskikh iazykov po dannym slovoobrazovaniia* [East-Slavic language differentiation according to word-formation data]. Moscow: Nauka, 168 p. (in Rus.)
- Vendina, T. I., 1993. Ieshcho raz o differentsiatsii iuzhnonoslavianskikh iazykov [One more time on the South-Slavic differentiation]. In: V. V. Ivanov, ed. *Obshsheslavianskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniia. 1988–1990*. Moscow: Nauka, pp. 39–51. (in Rus.)
- Vendina, T. I., 2003. Obshsheslavianskii lingvisticheskii atlas kak istochnik rekonstruktsii iazyka kul'tury [Slavic linguistic atlas as a source of culture language reconstruction]. In: V. V. Ivanov, ed. *Obshsheslavianskii lingvisticheskii atlas: Materialy i issledovaniia. 1997–2000*. Moscow: Nauka, pp. 6–21. (in Rus.)
- Vendina, T. I., ed., 2007. *Obshsheslavianskii lingvisticheskii atlas. Seria leksiko-slovoobrazovatel'naia. Vyp. 6. Domashnee khoziaistvo i prigotovlenie pishchi*. [Slavic linguistic atlas. Word-formation series. Vol. 6. Home economics and cooking]. Moscow: IRIA RAN, 192 p. (in Rus.)

- Vendina, T. I., ed., 2015. *Obshsheslavianskii lingvisticheskii atlas. Serii leksiko-slovoobrazovatel'naia. Vyp. 10. Narodnyie obychai*. [Slavic linguistic atlas. Word-formation series. Vol. 10. Folk customs]. Moscow, Saint Petersburg: Nestor–Istoriia, 276 p. (in Rus.)
- Vendina, T. I., ed., 2020. *Obshsheslavianskii lingvisticheskii atlas. Serii leksiko-slovoobrazovatel'naia. Vyp. 12. Lichnyie cherty cheloveka* [Slavic linguistic atlas. Word-formation series. Vol. 12. Personal characteristics]. Moscow, Saint Petersburg: Nestor–Istoriia, 384 p. (in Rus.)
- Vendina, T. I., 2021. Razmyshleniia S. B. Bernshteina po povodu “Obshsheslavianskogo lingvisticheskogo atlasa” [S. B. Bernshteyn’s thoughts on “Slavic linguistic atlas”]. In E. S. Uzeneva, ed. *Mezhkul'turnoe i mezhiazykovoe vzaimodeistvie v prostranstve Slavii (k 110-letiiu so dnia rozhdeniia S. B. Bernshteina): Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva 12–14 oktiabria 2021 g.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 128–135.

Shalaeva Tatiana Vladimirovna

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32-A.

E-mail: koulkuk@gmail.com

Slavic Feminative Suffixes in Linguistic Geography Presentation

The article deals with the linguistic geography analysis of the words meaning women and female animals containing the suffixes *-ica, *-ьka/*-ьka, *-ixa and *-ynja /*-inja on the material of “Slavic linguistic atlas”. The research object are schematic maps compiled on the base of its seven volumes of lexical and word-formation series. On each of them the main localization of the forms with one of the affixes in both meanings is given. As a result of their analysis the conclusions about the degree of area matching of words in both meanings is made. It appears that the areas of the highest concentration of the suffixes in both lexical groups in most cases match only partly. Its main part is located in different Slavic languages. The most clear examples of such spatial differentiation are the following: the low frequency of woman designations with the suffix *-ica in Polish and Czech along with quite numerous fixations of female animal names with the same formant. On the contrary, in the Slovak language the forms with *-ica meaning “woman” strongly prevail over female animal names. Whereas, in contrast, the suffix *-ьka/*-ьka in Polish and Czech mostly appears in woman nominations but Slovak largely has it in female animal names as well. It is noteworthy that there is a difference in the suffix *-ica functioning between the Serbian East Shtokavian dialects and Macedonian language on the one hand and Bulgarian on another hand: in the first pair it is mainly used in woman designations in contrast to female animal names in Bulgarian. Although this South Slavic area is united by the high frequency of the suffix *-ьka/*-ьka in both lexical groups. This feature opposes it to Croatian and West Shtokavian dialects of Serbian. The same formant determines word-formation differentiation of the East Slavic languages: Ukrainian differs from Belarusian and Russian by high concentration of words with the suffix *-ьka/*-ьka.

Keywords: Slavic word-formation, feminative suffixes, woman names, female animal names, *Slavic linguistic atlas*

How to cite: Shalaeva, T. V., 2023. Slavianskie feminativnye suffiksy v lingvogeograficheskom predstavlenii. *Central-European Studies*, 6, pp. 296–316.
<https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.11>.

ЧИСТО СИМВОЛИЧЕСКИ?

Кочукова Ольга Викторовна

Кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России и археологии, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия. 410012, ул. Астраханская, 83, корп. 11. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Кочуков Сергей Анатольевич

Доктор исторических наук, главный архивист, Государственный архив Саратовской области, Саратов, Россия. 410012, ул. Кутякова, 15. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

**Феминные этнонациональные персонификации
в австрийской политической карикатуре
периода Великого восточного кризиса
(1875–1878)**

В статье анализируются материалы политической карикатуры, представленной на страницах сатирических журналов Австро-Венгрии периода Великого восточного (Балканского) кризиса 1870-х годов (*Die Bombe, Der Floh, Kikeriki*). Предпринята попытка систематизировать феминные образы австрийской политической карикатуры периода Балканского кризиса. Рассматривается проблема формирования характерных предпочтений австрийской политической карикатуры в распределении вариаций феминных образов в изображениях Австро-Венгерской, Османской, Российской империй и балканских народов и государств. Выделены способы противопоставления феминных и маскулинных символов стран-участников основных событий Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Ключевые слова: Восточный кризис 1875–1878 гг., австрийская политическая карикатура, сатирические журналы, этнонациональные репрезентации

Цитирование: Кочукова О.В., Кочуков С.А. Феминные этнонациональные персонификации в австрийской политической карикатуре периода Великого восточного кризиса (1875–1878) // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 319–335. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.12>.

Символы и аллегории всегда играют большую роль в создании целостной картины мира. А поскольку в эпохи войн политическая картина мира меняется, то возрастает и значение символической

репрезентации главных участников международных конфликтов — наций и государств. Одной из форм воплощения «этнической имажинерии» как совокупности социальных практик восприятия и выражения «инаковости» Другого являются «этнические карикатуры»¹. Специальному исследованию возможностей «этнической карикатуры» в имагологических исследованиях посвящен сборник статей «Образы Другого в этнических карикатурах Центральной и Восточной Европы» под редакцией Д. Демского и К. Баранецкой-Ольшевской, изданный по материалам международной конференции в Варшаве в 2010 г. Составители сборника обоснованно связали специфику жанра визуальной репрезентации наций с политическим дискурсом, государственной идеологией, социальным заказом, традициями сатиры в национальной культуре². Отдельную группу статей в сборнике составили исследования визуальных образов народов Австро-Венгерской монархии. Специфика австрийской национальной сатиры стала предметом изучения в рамках коллективной монографии, подготовленной в Центре австрийских исследований Руанского университета (Франция) и посвященной сатире, пародии и карикатуре в Австрии в период правления императора Франца Иосифа I (1848–1916)³.

Богатую источниковедческую основу для изучения австрийской политической карикатуры представляют материалы сатирических периодических изданий *Die Bombe* («Бомба»), *Der Floh* («Блоха»), *Figaro* («Фигаро»), *Kikeriki* («Петушок»). К истории европейских сатирических журналов XIX в., к их публикациям и визуальным материалам, не раз обращались как зарубежные, так и отечественные исследователи. Применительно к теме данной статьи особый интерес представляют работы Э. Эльмас (Германия)⁴, изучавшей отражение Балканского кризиса 1875–1878 гг. в западноевропейской карикатуре (на материалах английского журнала *Punch* («Панч») и немецкого журнала *Kladderadatsch* («Трах-тарарах»)) и Н. Алкана (Турция)⁵, посвятившего свои исследования отражению образа Османской империи периода правления султана Абдул Хамида II (1876–1909) в западных карикатурах.

¹ Лескинен 2011: 178.

² Demski, Baraniecka-Olszewska 2010: 14.

³ Ravy, Benay 1999.

⁴ Elmas 2016.

⁵ Alkan 2018.

Восточный вопрос сталкивал интересы ведущих европейских держав, Османской империи и балканских народов. Неудивительно, что в создании визуальных образов Балканского кризиса 70-х годов XIX в. широко использовались символические репрезентации наций и государств. Они могли быть зооморфными и антропоморфными, а среди последних различались феминные и маскулинные персонификации наций.

Феминные персонификации наций имели богатые культурные и исторические корни. Это были образы Девы и Матери, которые основывались на особенностях психологического и религиозного восприятия. Как писал один из немецких публицистов еще эпохи Тридцатилетней войны: «Страны изображают в образе женщины, потому что они являются кормилицами и множительницами народов»⁶.

Кроме того, феминные персонификации давали широкое поле для выражения эмоционального отношения к политической позиции той или иной страны или нации. Архетипический образ Девы-мученицы («девы в беде») подчеркивал пассивную, страдательную роль жертвы, ожидающей деятельную помощь и защиту. Дева-воительница, напротив, символизировала, чаще всего, позицию сильной страны, империи, берущей под защиту слабые и обездоленные народы.

В период Великого восточного кризиса политическая карикатура сатирических журналов стала самым настоящим центром информационной войны, сопровождавшей все военные и дипломатические баталии. И почти всегда сюжетные линии карикатуры строились вокруг символических образов наций и государств. В этой «войне карикатур» очень ярко себя проявили австрийские сатирические журналы.

Подобных журналов в Австрии было много, но самыми интересными и популярными, наиболее активно откликнувшимися на события балканского кризиса, стали издания из следующего трио: *Der Floh* — сатирический еженедельник, выходивший в Вене в 1869–1919 гг., *Die Bombe* — венское юмористическое издание, существовавшее с 1871 по 1925 г. и сатирическое издание *Kikeriki*, веселившее австрийских читателей с 1861 по 1933 г. По структуре эти издания различались, но для всех были характерны доступность изложения, полемический накал, и они воспринимались читающей публикой как неплохой «комический театр».

⁶ Цит. по: Лазарева 2014: 31.

Рис. 1. Танец графа Андраши

Геополитическое положение Австро-Венгрии заставляло ее проявлять особую гибкость при решении Балканского вопроса. Империя Габсбургов должна была одновременно уделять внимание угрозе как со стороны Османской империи, так и Российской, и разрабатывать, насколько возможно, дальновидную политику по отношению к южным славянам, на которых делали ставку не только Романовы, но и широкие круги российской общественности. Австро-Венгрия давно играла на Балканском полуострове свою роль: ей приходилось лавировать между славянскими народами и Турцией. Этому и была посвящена карикатура журнала *Die Bombe* «Танец графа Андраши»⁷. Читатели увидели двухголового министра иностранных дел Австро-Венгрии Дюлю Андраши (1823–1890), у которого одна голова обращена в сторону турчанки, другая смотрит на славянскую женщину. Если реверансы в сторону славян объяснимы, так как на территории Австро-Венгрии проживало значительное количество славянского населения, то и поклоны в сторону представителей мусульманского мира были вполне понятны, а все вместе взятое заставляло думать, что империя Габсбургов намеревалась после Русско-турецкой войны, независимо от ее исхода, выторговать себе территориальные приобретения.

Именно феминные репрезентации Турции и славянских народов стали центральными образами австрийской политической карикатуры периода Великого восточного кризиса. Художники использовали при этом две различные смысловые вариации: это либо дева-мученица, либо обольстительница, обманщица. Весьма характерно отличие от российской карикатуры, в которой эти образы были строго разграничены: не могло быть ничего общего между славянкой — балканской

⁷ Die Bombe. 1877. 3 VI: 169.

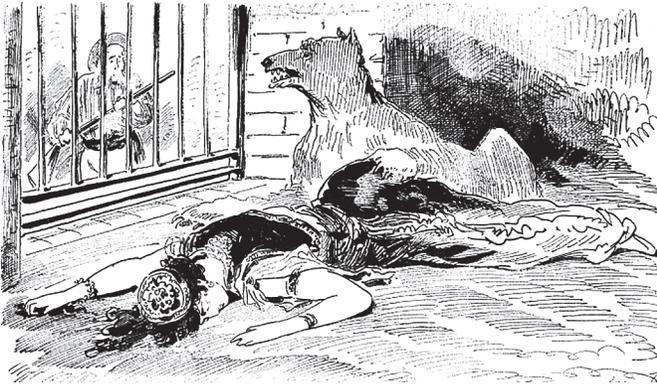

Рис. 2. Медвежья невеста

мученицей и турчанкой — обительницей гарема. Но в австрийской карикатуре обе эти ипостаси (женщина-жертва и женщина-обманщица) в равной степени свойственны и тем, и другим.

Образ женщины-жертвы в отношении к Османской империи встречаем в карикатуре «Медвежья невеста», помещенной в журнале *Die Bombe*⁸. Над распластанной, по всей видимости, убитой турчанкой склонился неизвестной породы зверь, в котором, тем не менее, угадывается русский медведь. Это животное не только прикончило свою жертву, но и собирается ею полакомиться. Причем это все происходит в зверинце, и медведь сидит в клетке. Правда, автор карикатуры не удосужился объяснить, каким образом в клетку попала турчанка, то ли медведь ее затащил через прутья клетки, то ли она сама вызвалась покормить это животное. А заигрывание с хозяином леса известно чего стоит. Интересен еще один персонаж карикатуры — служитель зверинца в образе английского матроса. Его глаза полны ужаса, он до того испуган всем происходящим, что ружье в его руках смотрится совершенно нелепо. Оно ему даже мешает, и медведь совершенно спокойно наблюдает за происходящим вокруг. Присутствие английского персонажа, кроме того, наводит на мысль о возможном содействии Англии заключению столь несчастливого «брака».

Образ обольстительницы и обманщицы представлен в карикатуре «Князь Горчаков и певица-шансонетка». Художник обыгрывает

⁸ Die Bombe. 1876. 22 X: 266.

Рис. 3. Князь Горчаков
и певица-шансонетка

сюжет «соблазнения» славянами российского канцлера Александра Михайловича Горчакова (1798–1883)⁹. Он изображен улыбающимся человеком небольшого роста. Эта гримаса улыбки призвана кого-то обольстить, а кого-то обмануть. На этом и акцентировал внимание австрийский журнал. И нужно сказать, что рисованный Горчаков расположил к себе всех. И пышную в теле славянку, которая вешается канцлеру на грудь, предлагая ему свои ласки. И самого гордого славянина, который на карикатуре играет роль официанта, подносящего Горчакову бутылку шампанского

(последний непременно разопьет ее в кампании прекрасной славянской женщины). По поводу особой любезности Горчакова по отношению к дамам в Австрии даже ходили анекдоты. В действительности его «тонкая» политика объяснялась не чем иным, как надеждами на то, что — хотя разрыв дипломатических отношений между Россией и Турцией произошел и война началась — продлится она, по крайней мере, недолго. Горчаков постоянно отмечал, что русские преисполнены к сербам и болгарам самых добрых чувств¹⁰.

Как оказалось, фигура канцлера Горчакова прижилась на страницах австрийских сатирических журналов достаточно прочно. Характерна в этом отношении карикатура «Новый Дон Жуан»¹¹. На суд читателя представлен рисунок, изображающий сцену из оперы В. Моцарта «Дон Жуан, или Наказанный развратник». Главная роль отдала Горчакову. Именно он должен был сыграть крайне развратного

⁹ Die Bombe. 1877. 29 VII: 233.

¹⁰ Никитин, Конобеев, Косев, Тодоров 1964: 80–82.

¹¹ Die Bombe. 1878. 17 II: 7.

Рис. 4. Новый Дон Жуан

Рис. 5. Иллюстрированная телеграмма

молодого дворянина, который обратил свое любвеобильное желание на сей раз на красавицу турчанку. Но у Дон Жуана-Горчакова есть соперник, и эта роль отведена Д. Андраши, который так же, как и русский канцлер, рвется к турчанке. Однако он не настолько удачлив в амурных делах, да и турчанка уже находится в объятиях Горчакова. Кроме того, не последнюю роль в захвате турецкой пассии играет соперник Андраши канцлер Германии Отто фон Бисмарк (1815–1898), который своим мощным телом закрывает дорогу австрийскому оппоненту. Действительно, Балканский кризис 70-х годов XIX в. Бисмарк рассматривал как повод укрепить позиции новоявленной Германии, государства, рожденного с огромными внешнеполитическими амбициями. Как заявлял сам канцлер: «Мы должны оставаться нейтральными и продолжать греть руки над этим пламенем как можно дольше»¹².

Достаточно интересна карикатура «Иллюстрированная телеграмма»¹³. Помимо раненого Османа Нури-паши, прославившегося упорной обороной крепости Плевна, карикатура буквально наводнена большим количеством колоритных турецких гаремных дам.

¹² Цит. по: Косарев, Косарева 2016: 47.

¹³ Der Floh. 1877. 23 XII: 1.

Рис. 6. Беззаботная Австрия

Наложницы выполняют роль почтовых голубей, переносящих в своих руках сумки с военной корреспонденцией. Именно эти военные сообщения о якобы удовлетворительном состоянии турецких войск под Плевной сыграли негативную роль для турецкой армии.

Здесь следует отметить, что рассмотренные варианты феминных репрезентаций относились к этносам и государствам, которые в рамках дискурса ориентализма воспринимались только в качестве объектов направленного воздействия «великих держав». Совсем другие образы требовались для самопрезентации Австро-Венгрии —

исключительно положительные по своему восприятию. И это были образы Матери и героические персонификации Священной Римской империи.

Ярким примером является карикатура «Беззаботная Австрия»¹⁴ в журнале *Kikeriki*, где Австрия выступает в образе женщины-воительницы как символа империи Габсбургов. Перед ней склоняются представители европейских государств: российский император Александр II в военной форме времен Крымской войны, французский президент Патрис де Мак-Магон в кепи и турецкий султан Абдул Хамид. Все они стоят на коленях перед Священной Римской империей. На голове у австрийской «амазонки» корона германских императоров. Единственный, кто не преклоняется перед Австро-Венгрией, это представитель Германии — Бисмарк, но он предстает в образе плешивого старика, прижавшего руку к сердцу и как бы показывающего, что Германия и империя Габсбургов — это некогда одно государство. Образ своей страны в виде воительницы встречался и в русских

¹⁴ Kikeriki. 1877. 27 IX: 4.

Рис. 7. Расстроенная Австрия

иллюстрированных изданиях, и, конечно, главным образом, в аллегорических гравюрах, а не в карикатурах. Примером могут служить гравюры К. Крыжановского «Русь и славянская неволя» и Михаила Осиповича Микешина (1835–1896) «Россия на пороге Балкан». Россия изображалась в виде Девы-воительницы в военных доспехах, справедливой защитницы веры и славянства¹⁵; щитом прикрывающей православную славянку и ногой попирающей поверженный турецкий полумесяц. Какая существенная разница в этих двух образах воительниц — России-защитницы слабых и обездоленных народов и Австрии-наследницы исторической империи, продолжающей претендовать на европейское господство (даже с учетом авторской иронии австрийского художника, изображавшего сценку из серии «о чем мечтают, когда забывают о реальности...»)!

Особняком в австрийских сатирических изданиях стоит карикатура «Расстроенная Австрия»¹⁶. Это карикатура, составлен-

¹⁵ См.: Лескинен, Яблоков 2020: 128.

¹⁶ Kikeriki. 1878. 24 X: 1.

Рис. 8. Нищие русские

ная из двух изображений. Австро-Венгрия представлена в образе плачущей женщины. Но если по первому рисунку ясно, что империя Габсбургов лишь немного расстроена потерей в 1867 г. Венеции, что стало для нее следствием объединения Италии, то вторая карикатура объясняет причины огромного потока слез, которые льются из глаз женщины-Австрии. Дело в том, что по результатам Берлинского конгресса 1878 г. Австро-Венгрия получила Боснию и Герцеговину, но это абсолютно не компенсировало те террито-

риальные потери, которые Вена понесла в результате объединения Италии. Кроме того, боснийцы как подданные австрийской короны потенциально могли принести больше проблем, чем выгоды.

Вместе с тем, в создании сатирического образа Российской империи австрийские журналы избегали феминных репрезентаций. Предпочтительными оказывались грубые мужские образы, подчеркнута противопоставленные мягким и «цивилизованным» женским. Причем, если возникала необходимость визуализировать такую антитезу, то даже в отношении славян начинали использовать возвышенно-благородные, романтически окрашенные феминные репрезентации Девы. В этом отношении интересна карикатура «Нищие русские», помещенная в журнале *Kikeriki*¹⁷. Славянка в национальном костюме стоит у колодца, а за ней наблюдают два русских солдата в форме времен Крымской войны и с бутылкой водки в кармане. Название карикатуры, по всей видимости, высмеивает желание русских (самих же, по сути, нищих) помочь несчастным балканским славянам. В русской мемуарной литературе присутствует достаточно свидетельств, что русские солдаты были уверены, что славяне, за которых они идут

¹⁷ Kikeriki. 1877. 29 VII: 4.

воевать, несчастны и обездолены, и каково же было их удивление, что эти самые несчастные порой жили намного лучше своих освободителей. Но художник к тому же постарался изобразить лукавый взгляд русских освободителей, намекая на сомнительность их бескорыстных устремлений в отношении «славянской Девы».

Антитеза мужских и женских образов представлена в карикатуре из журнала *Kikeriki* «Русские в гареме»¹⁸. Русский солдат пробрался в султанский гарем. Автору карикатуры удалось сыграть на контрасте. Блестяще обставленное помещение гарема с не менее прекрасными

Рис. 9. Русские в гареме

наложницами султана и шахзаде, и одетый в заплатанный малахай, затянутый кушаком, с бутылкой водки и нагайкой в руках, русский солдат. Комичность ситуации призвана усилить оливковая ветвь — символ мира, которую русский гость гарема засунул себе за кушак. Всем своим видом русский солдат показывает, что теперь он хозяин султанских жен и он несет им мир, а не мщение за войну. Население гарема отвечает своему новому владыке взаимностью. Одалиски смотрят на русского с интересом, приязнью и любопытством, ни о какой враждебности тут и речи нет. По-видимому, «бравый» вид русского воина располагает к себе, да и оливковая ветвь мира все-таки убеждает в благих намерениях нового хозяина гарема.

Противопоставление женского образа грубой мужской силе встречаем и в карикатуре «Казнь Турции»¹⁹. Если Османская империя изображена уже в устоявшемся виде несчастной женщины-жертвы, то Россия представлена на суд читателей не в виде медведя или

¹⁸ Kikeriki. 1877. 31 V: 4.

¹⁹ Kikeriki. 1878. 20 I: 8.

Рис. 10. Казнь Турции

пьяного нахального казака, а в образе, в котором совершенно четко угадывается император Александр II. Чтобы австрийским обывателям было более понятно, русский царь изображен как ландскнехт в широких штанах, в шляпе с длинными перьями, что было характерно для периода Ренессанса. Но главное, что бросается в глаза, это неизменный спутник солдат отечества — цвайхандер, огромный двуручный меч. Именно им русский царь собирается снести голову своей несчастной жертве — Турции. Юмор художника заключается в том, что вся эта

сцена разыгрывается не на поле битвы, а в ходе самой обычной казни. Османская империя прикована к колоде и пассивно ожидает, казалось бы, неминуемую смерть. Но меч в руках русского царя, главным образом, должен устрашать. Время для публикации подобного рисунка было выбрано не случайно. На начало 1878 г. активные боевые действия в рамках Русско-турецкой войны закончились, на повестку дня вставал вопрос о заключении мира, и подобные карикатуры были нацелены на «устрашающее предостережение» всем странам: с вами может случиться то же самое. Именно поэтому среди персонажей карикатуры — стоящий на коленях и умоляющий о пощаде Турции министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши. Но тут же выясняется, что дела ожидающей казни турчанки не так уж и безнадежны, ведь она прикована к деревянной колоде лишь одной рукой, а вторая совершенно свободна и как бы тянется в сторону Андраши, прося у него защиты. В любом случае центральным остается противопоставление мужского образа женскому: Александр II полон решимости, бешеные навывкате глаза, напряженные мускулы на руках, высоко занесенный меч, все это говорит о том, что Россия готова идти до конца.

И тем не менее, в австрийской политической карикатуре, по крайней мере, единожды, встречается и женская персонификация

Российской империи. Но это был отрицательный образ, призванный развить тему inferнального искажения сущности Женщины. В сатирическом журнале *Die Bombe* помещена единственная в своем роде карикатура «Ветер яростной войны», в которой Россия представлена в облике Медузы Горгоны, нарисованной на воздушном змее²⁰. Художник не мог отказаться от сложившихся стереотипов и поместил в руку Медузы неизменную плетку-нагайку, более характерную как атрибут образа казака или калмыка. Намерения мифологического персонажа совершенно ясны, так как в дополнение ко всему на рисунке присутствуют и факел войны, и развевающиеся в виде волос змей, которые готовы жалить всех и каждого, ведь один взгляд Горгоны несет смерть. Впрочем, в сюжете карикатуры чудовище является лишь орудием в руках, вернее, в дуновении, канцлера Горчакова, который подгоняет воздушный змей, на котором нарисована Медуза Горгона, туда, куда захочет.

В результате перед читателем стоит своеобразная задача: решить, кто же более опасен, «нарисованная» в общественном мнении иррациональная «русская угроза» (чем и является, в сущности, Медуза Горгона) или же непредсказуемая, но вполне прагматичная дипломатия Российской империи.

В целом репрезентация балканских событий в зеркале европейской сатиры в значительной степени зависела от дискурса ориентализма. Этот дискурс заставлял видеть в балканских славянах скорее объекты направленного внимания «великих держав», нежели самостоятельные субъекты исторического процесса. Но в то же самое время в стереотипном представлении европейского общественного мнения принадлежность главных участников военного

Рис. 11. Ветер яростной войны

²⁰ Die Bombe. 1876. 24 IX: 233.

противостояния — России и Турции — к «истинно-цивилизированным» обществам также подвергалась сомнению. Турция, Россия и славяне в «кривом зеркале» западноевропейской карикатуры зачастую изображались в виде персонажей подчеркнуто «неевропейских», «восточных». Цивилизационно-принижающий дискурс, как правило, в равной мере распространялся на Турцию, Россию и балканские народы и государства; способы их изображения в карикатурах предполагали «изъятие» из семьи истинно европейских, цивилизованных обществ. Таким образом, феминные репрезентации наций в «этнических карикатурах» австрийских сатирических журналов периода Восточного кризиса 1875–1878 гг. четко различались в направлении изображения этносов и государств, которые рассматривались в рамках дискурса ориентализма (женщина-жертва, женщина-обманщица и оболстительница) и в направлении самопрезентации Австро-Венгрии (образы Матери и героические персонификации Священной Римской империи). В то же время в создании сатирического образа Российской империи австрийские журналы избегали феминных представлений; исключением стал единожды использованный образ Медузы Горгоны, призванный развить тему inferнального искажения сущности Женщины, которое проявляется в агрессивной политике государства, вступающего в войну.

Кроме того, большинство западных сатирических изданий в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. сразу же заняло крайне удобную позицию «наблюдателя» в большом международном конфликте — наблюдателя, который всегда имеет возможность подметить слабые стороны его участников и наносить «оружием смеха» удары по тому или иному направлению, в соответствии с собственными интересами. Австрийский «наблюдатель» в «этнических карикатурах» эпохи (в сравнении с английским, французским или немецким) выглядел самым заинтересованным, имеющим жизненно важные интересы на Балканах, и потому умеющим мастерски играть сложные партии в «европейском концерте».

Литература

Косарев, Косарева 2016 — *Косарев С.И., Косарева И.В.* Балканский кризис (1875–1878) в отражении немецкой периодической печати // Вестник Брянского госуниверситета. 2016. № 4. С. 47–50.

- Лазарева 2014 — *Лазарева А. В.* Немецкие национальные символы и аллегории в эпоху Тридцатилетней войны (1618–1648) // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 1. С. 23–33.
- Лескинен, Яблоков (ред.) 2020 — Люди, львы, орлы, куропатки... Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе / под ред. М. В. Лескинен, Е. А. Яблокова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. 308 с.
- Лескинен 2011 — *Лескинен М. В.* Рец. на: Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe. Warsaw, 2010 // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 178.
- Никитин, Конобеев, Косев, Тодоров (ред.) 1964 — Освобождение Болгарии от турецкого ига. В 3 т. М.: Наука, 1964. Т. 2. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период Русско-турецкой войны 1877–1878 / Под ред. С. А. Никитина, В. Д. Конобеева, Д. К. Косева, Г. Д. Тодорова. 648 с.
- Alkan 2018 — *Alkan N.* Karikatürlerle Sultan II Abdülhamid. *Istanbul*: Kronik Kitap, 2018. 304 p.
- Demski, Baraniecka-Olszewska (eds) 2010 — Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe / ed. by D. Demski, K. Baraniecka-Olszewska. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 2010. 400 p.
- Elmas 2016 — *Elmas E.* Die Balkankrise von 1875 bis 1878 im Spiegel osmanischer und westlicher Karikaturen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016. 407 p.
- Ravy, Benay (eds) 1999 — Satire, parodie, pamphlet, caricature en Autriche à l'époque de François-Joseph (1848–1914) / éd. par Ravy G. Benay J. Rouen: Univ. de Rouen, Centre d'Études et de Recherches Autrichiennes, 1999. 255 p.

References

- Alkan, N., 2018. *Karikatürlerle Sultan II Abdülhamid*. Istanbul: Kronik Kitap, 304 p.
- Demski, D., Baraniecka-Olszewska, K., eds, 2010. *Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe*. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 400 p.
- Elmas, E., 2016. *Die Balkankrise von 1875 bis 1878 im Spiegel osmanischer und westlicher Karikaturen*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 407 p.
- Kosarev, S., Kosareva, I., 2016. Balkanskij krizis (1875–1878) v otrazhenii nemeckej periodicheskoj pečati [The Balkan crisis (1875–1878) in the reflection of the German periodical press]. *Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta*, 4, pp. 47–50. (in Rus.)

- Lazareva, A. V., 2014. Nemeckie nacional'nye simvol'y i allegorii v epohu Tridcatiletnej vojny (1618–1648) [German national symbols and allegories in the era of the Thirty Years' War (1618–1648)]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 1, pp. 23–33. (in Rus.)
- Leskinen, M. V., Yablokov, E. A., eds, 2020. *Lyudi, l'vy, orly, kuropatki... Antropomorfnye i zoomorfnye reprezentacii nacij i gosudarstv v slavyanskom kul'turnom diskurse* [People, lions, eagles, partridges... Anthropomorphic and zoomorphic representations of nations and states in the Slavic cultural discourse]. Moscow: Institut slavyanovedeniya, 308 p. (in Rus.)
- Nikitin, S. A., Konobeev, V. D., Kosev, D. K., Todorov, G. D., eds, 1964. *Osvobozhdenie Bolgarii ot tureckogo iga. Bor'ba za nacional'noe osvobozhdenie Bolgarii v period Russko-tureckoj vojny 1877–1878* [The liberation of Bulgaria from the Turkish yoke. The struggle for the national liberation of Bulgaria during the Russian-Turkish war of 1877–1878]. Moscow: Nauka, 648 p. (in Rus.)
- Ravy, G., Benay, J., eds, 1999. *Satire, parodie, pamphlet, caricature en Autriche à l'époque de François-Joseph (1848–1914)*. Rouen: Univ. de Rouen, Centre d'Études et de Recherches Autrichiennes, 255 p.

Olga V. Kochukova

PhD, Assistant Professor, Department of History and Archaeology, Institute of History and International Relations, Saratov State University named after Nikolai Tshernyshevsky, Saratov, Russia. 410012, ul. Astrakhanskaia, 83/11. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Sergey A. Kochukov

DSc, Chief Archivist, State Archive of the Saratov Region, Saratov, Russia. 410012, ul. Kutikova, 15.
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Female Ethno-National Personifications in the Austrian Political Caricature of the Period of the Great Eastern Crisis (1875–1878)

This paper is devoted to the gender aspect of ethno-national representations in political cartoons. The content of the study is formed by the materials of the political cartoon presented on the pages of the satirical magazines of Austria-Hungary during the Great Eastern (Balkan) crisis of the 1870 s. (*Die Bombe*, *Der Floh*, and *Kikeriki*). An attempt is made to systematize the feminine images of the Austrian political caricature during the Balkan crisis. Among them stand out: images of the Virgin Martyr (feminine passive-suffering personifications of the Balkan peoples and states along with the Ottoman Empire); feminine images of Austria (national representations of the country in the image of the Mother and heroized personifications of the Holy Roman Empire); images that are the personification of the theme of female deceit / “seduction” in politics and various variations of the harem theme in relation to the Ottoman Empire; feminine personifications of the infernal distortion of the Woman’s essence (war in the guise of the Gorgon Medusa, etc.). Such problems are considered as the formation of characteristic preferences of the Austrian political caricature in the distribution of variations of feminine images in relation to the image of the Austro-Hungarian, Ottoman, Russian empires and the Balkan peoples and states; ways of opposing feminine and masculine symbols of the countries participating in the main events of the Eastern Crisis of 1875–1878. The methodology of the research is based on “deciphering” the figurative and metaphorical way of constructing feminine ethno-national representations based on references to mythology and national history within the framework of imagology approaches, along with identifying the historical context of the international politics of the “great powers” in the Balkan region in the 1870 s.

Key words: Eastern Crisis of 1875–1878, Austrian political caricature, satirical magazines, ethno-national representations

How to cite: Kochukova, O. V., Kochukov, S. A., 2023. Feminnye etnonatsional'nye personifikatsii v avstriiskoi politicheskoi karikature perioda Velikogo vostochnogo krizisa (1875–1878). *Central-European Studies*. 2023, 6, pp. 319–335. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.12>.

Борис Сергеевич Новосельцев

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: bnovoseltsev@gmail.com

Тонкости дипломатического протокола. Подготовка визитов в Югославию Яноша Кадара в 1973 и 1977 гг.

Ко времени визитов в СФРЮ генерального секретаря ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Яноша Кадара в 1973 и 1977 г. в Югославию были организованы уже десятки поездок на высшем уровне, и сам Тито посетил множество стран. Алгоритмы деятельности югославских протокольных служб к тому времени в основном устоялись, поэтому организацию поездок венгерского лидера можно рассматривать как типичную задачу. В фокусе внимания исследования оказались некоторые нюансы работы югославских протокольных служб, связанные с решением таких вопросов, как определение формы поездки; статуса участников переговоров; места приема и проживания гостей; церемониала организации торжественной встречи или проводов; порядка рассадки за столом; меню торжественных обедов и ужинов; концертной программы. Тема символического значения подарков в дипломатии, рассмотрена в работе на основе теории о даре Марселя Мосса. В конечном итоге усилиями протокольных служб создавался такой официально-торжественный фон, на котором особенно контрастно выделялось обаяние харизматичного югославского президента, а это, в свою очередь, порождало благоприятную почву для непротокольной дипломатии — достижения личных, неофициальных договоренностей.

Ключевые слова: история XX в., Югославия, международные отношения, дипломатия, Тито, Кадар, дипломатический протокол, обмен подарками

Благодарности: Автор выражает признательность А. К. Криворотову за рекомендации и критические замечания при работе над статьей.

Цитирование: Новосельцев Б. С. Тонкости дипломатического протокола. Подготовка визитов в Югославию Яноша Кадара в 1973 и 1977 гг. // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 336–360. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.13>.

По словам Василия Осиповича Ключевского (1841–1911), «крупный успех составляется из множества предусмотренных и обдуманных мелочей»¹. Несомненные достижения послевоенной югославской дипломатии — ведущая роль страны в Движении неприсоединения, относительно независимое положение от сверхдержав, теплые отношения со странами третьего мира — объясняются рядом причин. Среди них не последнее место занимает магия обаяния и харизмы Йосипа Броза Тито (1892–1980). Ему удалось превратить общение во время многочисленных зарубежных поездок или приемов иностранных гостей в важный инструмент, позволявший успешно добиваться расположения, развеивать сомнения и убеждать в своей правоте собеседников, гостей или партнеров по переговорам. Дипломатический опыт, приобретенный некоторыми европейскими и североамериканскими политиками во время Второй мировой войны, подтверждал, что важнейшие мировые проблемы могут и должны решаться в ходе встреч и переговоров на высшем уровне². Среди таких сторонников личной дипломатии можно с уверенностью назвать британского премьер-министра Уинстона Черчилля (1874–1965) и Тито.

В этой связи важно изучить работу по подготовке визитов в СФРЮ генерального секретаря ЦК ВСРП Яноша Кадара в 1973 и 1977 г. К тому времени в Югославию были организованы уже десятки поездок на высшем уровне, и сам Тито посетил множество стран. Алгоритмы деятельности югославских протокольных служб, относившихся к Союзному секретариату иностранных дел (ССИД) и Союзному исполнительному вече (СИВ), в основном устоялись, прием иностранных гостей был поставлен «на поток». Поэтому подготовку визитов Яноша Кадара (1912–1989), лидера дружественной социалистической страны, можно рассматривать как типовую задачу для подобных мероприятий, и на этом материале попытаться сделать выводы о том, как осуществлялась деятельность югославских протокольных служб в рассматриваемый период.

В работе были использованы неопубликованные источники, хранящиеся в фонде 837 — Кабинет Президента Республики — Архива Югославии³. В нем, в частности, отложились документы, отражаю-

¹ Ключевский 1990: 393.

² Петровић 2002: 194.

³ АЈ. Ф. 837. КРР.

щие подготовку и осуществление визитов Тито за рубеж и приемов иностранных высоких гостей в СФРЮ. Среди них — информация о подготовке и согласовании поездок, которая содержится, в том числе, и в документах, происходящих от протокольных служб, например, служб приема делегаций, общественного питания и оформления помещений СИБ; секретаря Президента Республики; профильных управлений ССИД. Большая часть этих справок писалась для ознакомления и согласования лично Тито, некоторые из них он завизировал, поставив букву «Т.» на полях.

Следовательно, югославский лидер уделял внимание таким деталям организации, как формат поездки; уровень участников переговоров; определение места приема и размещения гостей; церемониал организации торжественной встречи или проводов; распределение прибывших участников встречи по машинам; меню торжественного обеда или ужина; рассадка гостей за столом; памятные подарки и сувениры. Тито и югославская дипломатия придавали этикету не меньшее значение, чем любой европейский королевский двор⁴.

Стоит отметить, что термин «дипломатический протокол» сочетает понятия «церемониал» и «этикет», а также формальные компоненты, которые относятся к практике дипломатии, но при этом не являются ее существенными составляющими. Можно сказать, что протокол кодифицирует и применяет на практике правила церемониала⁵. Он играет скорее декоративную или внешнюю по отношению к содержанию переговоров роль, но при организации встреч на высшем уровне содействие общению и достижению взаимопонимания сторон часто превращается в ключевую задачу. За счет этого происходит выстраивание внешней среды, предсказуемой, благоприятной и необходимой для достижения договоренностей. Особенно такие формальные, регулирующие функции протокола востребованы при организации встречи сторон, находящихся в натянутых, холодных или даже враждебных отношениях друг с другом: это позволяет упростить их вербальную и невербальную коммуникацию. А отклонение от протокола, напротив, часто означает проявление неформальных доверительных отношений. Также важной задачей является уточнение статуса дипломатических работников и организация

⁴ Петровић 2002: 193.

⁵ Gherasim 2019: 359; 367.

контактов представителей сторон в соответствии с их местом в дипломатической, государственной или партийной иерархической системе. Среди самых распространенных случаев протокольных мероприятий можно назвать: официальное принятие или вручение верительных грамот; визиты по прибытии или завершении дипломатической миссии; обмен письмами; дипломатические приемы; передача сувениров; прощальные обеды⁶. Организация визитов на высшем уровне является апогеем деятельности любой протокольной службы.

Отправной точкой здесь обычно бывает решение политического или партийно-государственного руководства страны и последующая активизация дипломатических работников, в первую очередь, сотрудников посольств и центрального аппарата внешнеполитического ведомства, направленная на зондирование почвы относительно самой возможности, сроков и характера поездки.

Среди руководителей социалистических стран во второй половине 1950-х — 1960-е годы существовала практика частых контактов на высшем уровне, что позволяло им оперативно согласовывать позиции по важнейшим международным вопросам. В условиях разворачивавшегося советско-китайского конфликта такая двусторонняя форма коммуникации казалась эффективнее, чем проведение многосторонних совещаний или съездов. Для югославов, не раз подвергавшихся критике на таких форумах (Совещаниях Коминформа в 1948 и 1949 г.⁷; Совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 г.)⁸, подобный формат консультаций был тем более предпочтительным. Однако в 1968 г. в результате ввода войск пяти стран Варшавского договора на территорию Чехословакии, против чего решительно возражала Югославия, и последовавшего за этим очередного, уже третьего по счету советско-югославского конфликта⁹, традиция регулярных встреч между руководителями Югославии и социалистических стран была нарушена.

Видимо, венгерское руководство стремилось добиться корреляции своих контактов с представителями СФРЮ с развитием советско-югославских отношений. После 1967 г. обмен визитами, прежде

⁶ Gherasim 2019: 364–365.

⁷ См., например: Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1998. 800 с.

⁸ Стыкалин 2015.

⁹ См., например: Новосельцев 2018.

происходивший ежегодно (в 1963, 1965, 1966 г. Янош Кадар приезжал в Югославию, а в 1962, 1964 и дважды в 1967 г. поездки в Венгрию совершал Тито) прервался вплоть до 1973 г.

После такого перерыва обе стороны уделяли особое внимание дипломатической подготовке визита в Югославию Я. Кадара летом 1973 г. Естественно, он был итогом активизации отношений двух стран в последние годы: проводились встречи руководителей правительств, поездка югославской парламентской делегации, многочисленные рабочие встречи министров, обмен делегациями общественных организаций, представителей республик и краев, развивалось межпартийное сотрудничество. Югославская сторона неоднократно приглашала Кадара посетить СФРЮ¹⁰, например, в феврале 1971 г. на переговорах между С. Доланцем¹¹ и З. Комочином¹². Наконец, после некоторого колебания, сами венгры проявили инициативу по вопросу организации поездки, что стало следствием их позитивной оценки развития отношений между Белградом и Москвой.

26 марта 1973 г. посол в Белграде Е. Тот посетил отдел международных отношений и связей Президиума СКЮ и прозондировал почву относительно визита, поинтересовался графиком и планами президента Тито. Он предупредил, что в срок 7–10 дней запросит встречу с одним из членов Исполнительного бюро Президиума СКЮ, чтобы сообщить о предложении по конкретным срокам. 12 апреля Тот получил ответ на инициативу венгерской стороны. Начальник отдела Игнац Голоб дал понять, что Тито согласен на встречу и что югославы ожидают от венгров предложения по срокам предстоящей поездки. Он сообщил о предполагаемых мероприятиях с участием Тито: 16 апреля — визит В. Брандта, 23 апреля — Сабор СФРЮ, 4 мая — визит Эдварда Герека (1913–2001). Венгерский посол ответил, что пока не получал никаких инструкций из Будапешта. Подчеркнув, что это его личное мнение, он обозначил, что там, по видимости, сочли конец

¹⁰ AJ. KPR. I-3-a/72-23. Mađarska. Poseta sekretara CK MSRP Janoša Kudara. 10–13.07.1973. Informativni materijal. Informacija o jugoslovensko-mađarskim odnosima povodom posete prvog sekretara CK MSRP Janoša Kudara Jugoslaviji 10. do 13. VI. 1973 / Pov. br. 422539. 19.06.1973.

¹¹ Стане Доланц (1925–1999) — югославский политический деятель, секретарь Исполнительного бюро Президиума ЦК СКЮ (1970–1979 гг.), союзный секретарь внутренних дел СФРЮ (1982–1984 гг.).

¹² Золтан Комочин (1923–1974) — венгерский политический деятель, журналист, секретарь по иностранным делам ЦК ВСРП (1965–1974 гг.).

апреля слишком близким сроком для организации визита и посчитали, что рабочий календарь Тито в это время переполнен. В дальнейшем разговоре Тот упрекнул югославов в отсутствии заинтересованности в подготовке визита. Голоб, разумеется, поспорил с такой точкой зрения¹³.

По всей видимости, выпад Е. Тота возымел действие: далее, судя по всему, последовало письмо, в котором югославской стороной обозначались конкретные сроки предстоящей поездки, однако этот документ обнаружить не удалось. Так или иначе, 1 мая 1973 г. югославского посла в Будапеште Жигу Водушека¹⁴ принял Янош Кадар. После взаимных поздравлений с Днем солидарности трудящихся венгерский лидер заявил, что его в целом устраивают предложенные даты и место визита. Далее он отметил, что хотел бы определить характер будущей поездки, подчеркнув, что хотя это и является второстепенным вопросом, но все же повлияет и на сам визит, и на протокол. Кадар высказался за минимум официальных мероприятий, заметив, что никогда не путешествует с протокольным сопровождением, и выразил желание, чтобы визит был и дружеским, и официальным¹⁵. Предложение венгерской стороны организовать «непротокольную и дружескую встречу» с товарищем Президентом «на несколько дней в Югославии» еще раз было отражено в письме Тито, переданном в конце мая венгерским посолом в Белграде. Тито дал согласие, а югославская служба по внешнеполитическим делам предложила организовать встречу на Бриони 10–12 июля 1973 г.¹⁶

Вопрос формата визита является одним из принципиальных, существенно влияющих на протокол приема главы государства. Например, известно, что во время визита Тито в Великобританию в 1953 г. (первая его международная поездка такого уровня) формат имел важное значение для югославской стороны и согласовывался довольно долго. Поездка носила частный характер, так как королева

¹³ AJ. KPR. I-3-a/72-23. Mađarska. Poseta sekretara CK MSRP Janoša Kadara. 10–13.07.1973. Priprema posete. Zabeleška o razgovoru načelnika odeljenja za međunarodne odnose i veze Predsedništva SKJ I. GOLOBA sa ambasadorom NR Mađjarske u Beogradu E. TOTИ-om 13. aprila 1973. godine

¹⁴ Жига Водушек (1913–2014) — югославский дипломат, юрист, посол в Иране (1965–1969 гг.) и Венгрии (1971–1975 гг.).

¹⁵ AJ. KPR. I-3-a/72-23. Mađarska. Poseta sekretara CK MSRP Janoša Kadara. 10–13.07.1973. Priprema posete. Ambasada SFRJ Bpesta. Broj 279. 1.5.1973. Za SSIP.

¹⁶ Ibid. Služba za spoljnopolitička pitanja. Beleška.

Елизавета II (1952–2022 гг.) еще не короновалась, и потому назвать визит официальным было нельзя. Выходом из ситуации стала формулировка Э. Идена¹⁷ — поездка частного характера, но почести Тито оказывались как главе государства¹⁸ и личному гостю королевы. Визит организовали с максимально возможной помпой. Для югославов принципиально было подчеркнуть значимость события и максимальную степень уважения Тито и народу Югославии¹⁹.

В дальнейшем такой дипломатический гламур стал отличительной особенностью визитов Тито за рубеж и приемов иностранных гостей, в том числе и представителей дружественных государств, и не только по причине желания утвердить высокий статус Югославии и ее лидера. Правильнее объяснить это пристрастием Тито к роскоши, что неоднократно отмечалось его биографами²⁰. Впрочем, все шло на пользу дела: такие «представительские расходы» окупались успехами на переговорах.

И все же то, что было нормой для югославов, не всегда разделялось противоположной стороной, отсюда порой возникали курьезные сюжеты. Например, при подготовке поездки Кадара югославская протокольная служба, уважая пожелания венгров, очень своеобразно восприняла просьбу сократить протокольные формальности: решив оказать Кадару наивысшие почести в рамках зафиксированного характера визита²¹, но сократив при этом церемониал приема и сопровождения гостей. Минимально допустимый уровень торжественного официоза, на который согласились югославы, предполагал, что:

- на аэродроме Пулы при встрече была построена чета, а не батальон почетного караула, с поднятием флага и исполнением гимна, но без оружейного салюта;
- товарищ Президент встречал гостя на пристани на Бриони, а не на аэродроме Пулы;

¹⁷ Энтони Иден (1897–1977) — британский государственный деятель, дипломат, член консервативной партии, министр иностранных дел (1951–1955 гг.), премьер-министр Великобритании (1955–1957 гг.).

¹⁸ В соответствии с новой Конституцией Югославии, принятой в январе 1953 г.

¹⁹ Петровић 2002: 184–185.

²⁰ См., например: Пирьевец 2019; Уэст 1997; Симић 2009; Adamović 2001.

²¹ AJ. KPR. I-3-a/72-23. Mađarska. Poseta sekretara CK MSRP Janoša Kadara. 10–13.07.1973. Priprema posete. Program posete Janoša Kadara, I sekretara Mađarske socijalistička radničke partije i supruge Jugoslavije od 10 do 13. jula. 1973.

– Социалистический союз Пулы организовал выход граждан на улицы и приветствие гостя, но приветственное объявление не было выпущено;

– флаги были установлены на аэродроме в Пуле, при въезде в город и на пристани на Бриони²².

В качестве отдельного вопроса при подготовке визитов согласовывался состав делегации и круг сопровождающих лиц. Подчеркивая неофициально-дружеский характер поездки, венгерская сторона сообщила, что сопровождать Я. Кадара будут только четыре человека (заместитель начальника по международным связям ЦК ВСРП, начальник управления Министерства иностранных дел, генерал службы безопасности и личный секретарь)²³. В записке от 21 июня ССИД попросили Тито и Йованку Броз (1924–2013) пригласить вместе с товарищем Кадаром и супругу, которая обычно крайне редко сопровождала его в поездках. Югославы надеялись, что этот куртуазный жест будет высоко оценен венгерской стороной²⁴. Для супруги Кадара была разработана специальная культурная программа на 11 июля: прогулка по острову, экскурсия по Пуле и посещение магазинов²⁵. Возможно, это приглашение и было оценено по достоинству, но на Бриони Кадар прибыл все же один.

Что касается поездки в 1977 г., то в архивах не отложились документы, свидетельствующие о ее длительной подготовке. В апреле 1974 г. Тито побывал с ответным визитом в Венгрии. График практически ежегодных встреч на высшем уровне был восстановлен. В югославо-венгерских отношениях этого периода отсутствовали острые противоречия, осложнявшие подготовку переговоров первых лиц. Вероятно, вопрос о визите Кадара в Югославию обсуждался во время отдыха в Дубровнике Пала Лошонци²⁶ в первой половине июля 1977 г.²⁷, а точные сроки (с 22 по 24 сентября 1977 г.) были установлены 1 августа после разговора начальника I Управления ССИД

²² AJ. KPR. I-3-a/72-23.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid. Beleška 21.06.1973.

²⁵ Ibid. Predlog posebnog programa za drugaricu Janošnu Kadar. 06.07.1973.

²⁶ Пал Лошонци (1919–2005) – венгерский политический деятель, председатель Президиума Венгерской Народной Республики (1967–1987 гг.).

²⁷ AJ. KPR. I-3-a/72-26. Mađarska. Poseta prvog sekretara MSRP Janoša Kudara. 22–24.09.1977. Priprema posete. Zabeleška o razgovoru sa ambasadorom N. R. Mađarske Josef Halasom. 11.07.1977.

Миливое Загайича с поверенным в делах венгерского посольства Шандором Дьерке²⁸.

Судя по сохранившейся программе дружеской поездки, отпечатанной в форме брошюры с оттесненным золотом югославским гербом на обложке, основным ее содержанием должна была стать охота, которой планировалось посвятить несколько часов 22 и 23 сентября²⁹. На этот раз ССИД не поднимал вопроса о приглашении в Югославию супруги товарища Кадара, зато количество членов венгерской делегации увеличилось вдвое, до восьми человек, включая секретаря по иностранным делам ЦК ВСРП Андраша Генеша³⁰, помощника начальника международного отделения ЦК ВСРП и в будущем премьер-министра Венгрии Дюлу Хорна³¹, посла Венгрии в Югославии Йожефа Халаса, переводчика, двух офицеров службы безопасности.

Венгерская делегация добиралась до места назначения на автомобилях, путь из Будапешта до Тиквеша, где проходила встреча, длиною примерно 260 км, занимал около трех часов. На территории СФРЮ в пограничном пункте Кнежево гости пересели в югославские машины. В архиве сохранилась схема их рассадки. Колонна состояла из семи автомобилей, пронумерованных от 1 до 6 и автомобиля *P* (в нем ехали шеф протокола Президиума ЦК СКЮ Радослав Пандурович, венгерский переводчик Иштван Сврака и капитан Ласло Мате, тоже с венгерской стороны). Яношу Кадару было предложено занять место в машине 1, вместе со Стане Доланцем и советником посольства СФРЮ в Венгрии Боривое Црвеничем³². В других автомобилях соблюдался тот же принцип: гости и хозяева встречи располагались вперемешку.

Во время организации поездок высоких гостей всегда актуален вопрос размещения их делегации, и особенно первых лиц. Например,

²⁸ АЈ. КРР. I-3-a/72-26. Zabeleška o razgovoru Milivoja Zagaica, savetnika – v.d. načelnika I uprave sa Sandor Gyorke-om, otpravnikom poslova ambasada NR Madjarske. 01.08.1977.

²⁹ Ibid. Program prijateljske posete prvog sekretara Centralnog komiteta Mađarske socijalističke radničke partije druga Janoša Kadara SFRJ.

³⁰ Андраш Генеш (1923–1997) — венгерский политик, дипломат, заместитель министра иностранных дел (1970–1971 гг.), посол в ГДР (1974–1975 гг.), секретарь по иностранным делам в ЦК ВСРП (1975–1982 гг.).

³¹ Дюла Хорн (1932–2013) — венгерский политик, министр иностранных дел Венгрии (1989–1990 гг.), премьер-министр Венгрии (1994–1998 гг.).

³² АЈ. КРР. I-3-a/72-26. Mađarska. Poseta prvog sekretara MSRP Janoša Kadara. 22–24.09.1977. Priprema posete. Kolona automobile od Kneževa do Tikveša.

во время визита Тито в Великобританию в 1953 г. большой проблемой для принимающей стороны стало то, что югославы отказались разместиться в отеле в центре Лондона и потребовали предоставить огороженную виллу за городом с большим внутренним пространством. Английские протокольные службы не сумели найти подходящую, поэтому пришлось арендовать частную резиденцию — *White House Lodge*³³. И в своих последующих поездках Тито предпочитал останавливаться на виллах, например, во время III Конференции неприсоединившихся стран в Лусаке в 1970 г.³⁴

У себя в стране он не испытывал затруднений: Тито мог принимать гостей в любой из нескольких десятков резиденций по всей территории Югославии, самыми известными и, пожалуй, самыми любимыми из которых были знаменитые Брионские острова в Адриатическом море рядом с побережьем Хорватии. В 1973 г. венгерских гостей разместили на вилле Брионка, а переговоры проходили на Ванге, небольшом островке с уединенной виллой из стекла и бетона, скрытой от глаз зарослями бамбука. Внутри она была обставлена мебелью в стиле минимализм, а на ее белых стенах висело несколько работ Пабло Пикассо³⁵. При необходимости югославы готовы были впечатлять гостей не только шиком, но и чувством стиля. Ключевые протокольные мероприятия, торжественные ужины — приветственный и прощальный — были организованы 10 и 12 июля на Белой вилле, архитектурные достоинства которой в свое время высоко оценил Н. С. Хрущев³⁶, а 11 июля на Брионке ужин в честь Тито дал Кадар, таким образом, с точки зрения протокола, выступивший в роли хозяина вечера³⁷.

Встреча 1977 г. была организована в охотничьем замке Тиквеш. Он тоже находится на территории нынешней Хорватии, в Баранье, в районе национального парка Копачки-Рит, к северо-востоку

³³ Петровић 2002: 187.

³⁴ См. АЖ. КРР. I-4-a. Zambija — Lusaka. III KNZ. Priprema posete.

³⁵ Dosje "Titove vile": Neotkriveni detalji, mračne tajne i neizvjesna budućnost 11 rezidencija u Hrvatskoj // Tportal. URL <https://www.tportal.hr/vijesti/clanak/dosje-titove-vile-neotkriveni-detalji-mracne-tajne-i-neizvjesna-buducnost-11-rezidencija-u-hrvatskoj-foto-20180520> (дата обращения: 03.09.2022).

³⁶ Vlahović 1998: S. 47.

³⁷ АЖ. КРР. I-3-a/72-23. Mađarska. Poseta sekretara CK MSRP Janoša Kadara. 10–13.07.1973. Priprema posete. Program posete Janoša Kadara, I sekretara Mađarske socijalistička radničke partije i supruge Jugoslavije od 10 do 13. jula. 1973.

от Осиека. Здесь еще в XIX в. построили охотничью усадьбу для эрцгерцога Фридриха Габсбурга (1856–1936), а в 1930-е годы по заказу королевской династии Карагеоргиевичей началось возведение виллы, которой впоследствии пользовался и Тито. Резиденция серьезно пострадала во время войны 1990-х годов, но в последние годы восстанавливается³⁸. В 1952 г. в соответствии с решением правительства ФНРЮ в этом районе создали охотничье лесное хозяйство *Jelen*, а в 1960 г. — Оперативно-научный институт, в котором работали высококвалифицированные научные сотрудники и егеря, изучавшие популяцию оленей, динамику ее развития, питание, болезни животных, их плодовитость и т. д. Институт издавал периодическое издание и снимал научно-популярные фильмы³⁹.

Авторитет Тито, страстного охотника, стал главной причиной номенклатурного увлечения охотой в Югославии. Это был не просто спорт, способ времяпрепровождения или соревнование в меткости, но модой и вопросом, связанным с установлением партийной иерархии чиновников. Многие другие вожди социалистических стран разделяли это увлечение. Так, постоянно сопровождавший Тито на охоте директор хозяйства *Jelen* Данило Тодорович характеризовал Кадара как «настоящего охотника», сравнив его с югославским лидером⁴⁰, — возможно, это была высшая похвала из его уст. В подтверждение он привел байку о том, что Кадар после неудачной охоты договорился со своим венгерским егерем, чтобы тот сообщил ему, когда олень снова появится в охотничьем уголке. Через несколько дней это произошло, и егерь связался с кабинетом венгерского руководителя. Ему ответили, что товарищ Кадар занят: у него важные заседания следующие несколько дней. Егерь возразил: «Заседания можно и отложить, а вот появится ли такой олень позже — большой вопрос». И Кадар принял во внимание этот совет⁴¹.

Тесное неформальное общение во время охоты сближало участников действия и позволяло им обмениваться мнениями не под запись. Очевидно, Тито этим пользовался: охота давала как минимум не меньшие возможности для достижения взаимопонимания и выработки компромиссных позиций, чем банкеты или гала-приемы.

³⁸ Dosje "Titove vile".

³⁹ Todorović 2011: 23–24.

⁴⁰ Todorović 2011: 172.

⁴¹ Todorović 2011: 172.

Первый опыт участия в подобных мероприятиях на высшем уровне югославские вожди, очевидно, получили в СССР в 1930-е годы и во время Второй мировой войны. На советских приемах совмещались русские и европейские традиции обслуживания: с одной стороны, перед каждым приглашенным ставились предназначенные для него тарелки с закусками и бутылки с напитками. С другой стороны, возле стола дежурили официанты в белой униформе с блюдами горячих и холодных закусок, которые они подавали участникам⁴². Соответственно, гостям предоставлялся выбор — отведать блюда и напитки самостоятельно (как это принято в России) или прибегнуть к помощи кельнеров (в соответствии с европейской традицией).

Обычное меню включало в себя набор из двух-трех закусок, первое, горячие мясные и рыбные блюда, а также десерт⁴³, приготовленные по рецептам французской, русской и грузинской кухни. Подача напитков предполагала крепкий алкоголь под закуски (водка, коньяк, зубровка, перцовка). Особенно запомнилась иностранным гостям крепостью, экзотичностью и ярким вкусом рябина на коньяке⁴⁴. Под супы шли вина, иногда крепленые. Шампанское подавалось весь прием, в том числе с десертами. Богатство и роскошь приемов в тяжелые годы войны имели важную символическую и коммуникативную функцию: репрезентовать сталинскую власть и «убедить западных гостей, что дела у нас не так уж и плохи»⁴⁵. Очевидно, их масштаб и роскошь производили определенное впечатление на лидеров югославских партизан. Милован Джилас (1911–1995) и Владимир Дедиер (1914–1990) оставили в дневниках довольно подробные описания еще и неофициальных обедов и ужинов в сталинском ближнем кругу, дававшихся в Кремле или на даче советского вождя, в которых они участвовали 5 июня 1944 г., 11 апреля 1945 г. (после подписания «Договора о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между Советским Союзом и Югославией»), 13 января 1948 г. Атмосфера сталинских застолий производила на югославов гнетущее впечатление⁴⁶.

⁴² *Birse A.* *Memoirs of an Interpreter.* London: Coward-McCann, 1967. P. 145.

⁴³ Небезин 2014: 156.

⁴⁴ *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М.: Международные отношения, 1987. С. 629.

⁴⁵ *Бережков В.* Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993. С. 235–236.

⁴⁶ Джилас 1992: 60–65, 80–85, 108–116; Dedijs 1953: 287–289, 383–386, 415–421.

Банкеты у Тито в чем-то могли совпадать с ними по формату или организации, но разительно отличались по идейному содержанию и коммуникативным задачам.

Протокол при Тито всегда подразумевал обильные завтраки и обеды⁴⁷, а его личное присутствие гарантировало комфорт и приятное времяпрепровождение, даже если политические отношения сторон были напряженными⁴⁸. Гастрономию можно назвать важным средством дипломатической стратегии, ведь совместные приемы пищи были нацелены на создание той благоприятной атмосферы, в которой достигаются ключевые договоренности. Югославский лидер давно понял, что его харизма работает не только на пленумах и митингах, она чрезвычайно эффективна за обеденным столом. Хорошие обеды всегда были сродни драматическим постановкам, в которых важнейшую роль играли двое: повар, как режиссер, и Тито, как главный актер. Его очарование за столом было, прежде всего, связано с тем, что он получал огромное удовольствие от еды и напитков, которому предавался страстно. Это удовольствие не было нужды разыгрывать, оно непосредственно отражало жизнелюбие, которым Тито пленял окружающих в такие моменты⁴⁹.

Такая банкетная дипломатия, разумеется, не была ноу-хау югославов. Еда и алкогольные напитки — наиболее характерные символы межкультурной коммуникации, особенно в невербальной сфере. Знаковые и коммуникативные функции продуктов питания и напитков изучаются в рамках специальной области знания — гастики или гастрософии⁵⁰.

Подготовке застолий, судя по количеству архивных документов, уделялось большое значение. Служба приема делегаций СИБ за месяц готовила варианты меню. В 1977 г. ответственными за это были кулинарный консультант Лилиан Габриэл и шеф-повар белградского ресторана *Metropol* Иван Микович. Никола Линта — руководитель Службы общественного питания — составлял списки работников кухни, барменов и официантов. Служба оформления помещений

⁴⁷ Для дипломатических приемов чаще всего организуются завтраки (англ. *lunch*) — в середине дня и обеды (англ. *dinner*) — вечером. Ужин — очень редкий формат мероприятия, проводится обычно после 22:00.

⁴⁸ Drušević 2005: 10.

⁴⁹ Drušević 2005: 10.

⁵⁰ Невежин 2014: 149–150.

занималась цветочной декорацией⁵¹. Также особой заботой протокола было составление схем рассадки гостей за столом. Многие из подобных документов, особенно предложения по меню, завизированы подписью Тито.

В соответствии с международной практикой, приемы принято разделять на дневные и вечерние⁵², так что в архивах не отложились документы, связанные, например, с подачей завтраков высоким гостям. Не предполагалось и организации разговоров за чашечкой кофе: здесь, очевидно, балканским традициям пришлось уступить место глобализму международного протокола.

Приемы в честь венгерской делегации в 1973 и 1977 г. не были многочисленными. В первом случае это объясняется, прежде всего, позицией Я. Кадара, а во втором — еще и дружеским форматом поездки на охоту. Так что на торжественных обедах и ужинах все гости были размещены за одним большим столом. Рассадку производили, основываясь на соблюдении признанного служебного или общественно-политического положения гостей⁵³. Югославы, в соответствии со стандартной европейской практикой дипломатического протокола, придерживались «правила правой руки», согласно которому самое почетное место находится справа от хозяина. Сохранились схемы размещения на торжественный ужин 22 сентября 1977 г. (на 26 человек) и обед 23 сентября (на 16 человек). Участники банкетов располагались по каждой из сторон стола, но в торце — по одному (на торжественном ужине — по два) человека. Лучшие места — посередине, чтобы иметь возможность пообщаться со всеми участниками банкета, были отведены для Тито и Кадара, которые сидели друг напротив друга. Оба раза по правую руку от Тито располагался венгерский секретарь по иностранным делам Андраш Генеш, а от Кадара — член Президиума СФРЮ Стеван Дороньский⁵⁴ — вторые по статусу лица за столом. Места для хозяев и гостей были определены вперемежку. О банкете 22 сентября сохранились воспоминания уже упоминавшегося выше директора хозяйства *Jelen* Д. Тодоровича. По его

⁵¹ AJ. KPR. I-3-a/72-26. Madarska. Poseta prvog sekretara MSRP Janoša Kadara. 22–24.09.1977. Beleška. 15.09.1977.

⁵² Невежин 2014: 151–152.

⁵³ Лядов 2004: 124.

⁵⁴ Стеван Дороньский (1919–1981) — югославский политический деятель, член Президиума СФРЮ (с 1974 г.), председатель Президиума СКЮ (1979–1980 гг.).

словам, ужин прошел в приятной обстановке: весь вечер речь шла об охоте. Было заметно, что Тито с симпатией относится к Кадару⁵⁵.

Участникам застолья разносила блюда и наливала напитки команда официантов — в этом смысле югославы следовали не русской, а европейской банкетной традиции. Для обслуживания встреч на Бриони в 1973 г. (сразу после Я. Кадара в гости к Тито должны были приехать румыны во главе с Николае Чаушеску (1918–1989)) служба протокола предложила шефа Чозо Мартина и повара Обрена Драгутиновича из отеля *Jugoslavija*. Также на кухне работали два кондитера (местные — из Ловрена и Опатии) и восемь официантов (тоже из отеля *Jugoslavija* или клуба СИВ)⁵⁶. На встрече 1977 г. были задействованы повар (в том числе шеф), официанты, кондитер из персонала СИВ. Учитывая частоту дипломатических мероприятий, логично было создать специальную постоянно действующую службу, которая обслуживала бы протокольные, официальные и торжественные мероприятия югославского руководства. В случае, если персонала СИВ не хватало для организации приема, в помощь приглашались официанты, повара и кондитеры из лучших столичных ресторанов. Например, в Тикеш были вызваны белградские повара Ивица Микович из отеля *Metropol* и Радолюб Стоянович из отеля *Palast*, а также официанты Йован Граховац, Милутин Илич и Миломир Палич (из отеля *Jugoslavija*). В документах особо отмечено, что Йован Граховац имел опыт обслуживания президента в резиденции и может обслуживать главного гостя (то есть Кадара), если не будет принято другого решения⁵⁷.

Характерно, что в списке официантов указаны только мужские фамилии. В Сербии до недавнего времени профессия кельнера считалась исключительно мужской. Особенно если речь шла о дорогом ресторане или о торжественных случаях.

Меню застолий, видимо, отражало гастрономические пристрастия самого Тито. Его основой была сытная балканская (сербская и хорватская, особенно родная для Тито — загорская) кухня, отличающаяся

⁵⁵ Todorović 2011: 175.

⁵⁶ AJ. I-3-a/72-23. Mađarska. Poseta sekretara CK MSRP Janoša Kadara. 10–13.07.1973. Priprema posete. Predlog ugostiteljskoga osoblja koje bi radilo na Brionima za posetu druga Janoša Kadara i supruge kao i za posetu druga Nikolae Čaušeskua i supruge. 07.07.1973.

⁵⁷ Ibid. Poseta prvog sekretara MSRP Janoša Kadara. 22–24.09.1977. Priprema posete. Spisak osoblja koja će raditi prilikom posete druga Kadara u Belju.

обилием мучных и мясных блюд. Вместе с тем гостям в обязательном порядке предлагались блюда из адриатической рыбы или морепродукты, несколько закусок, легкие супы, овощные салаты, кулинарные шедевры русской, французской и итальянской кухни. Таким образом, участники банкета могли сделать выбор между экзотическими для них и иногда немного тяжелыми национальными югославскими угощениями или более привычными и легкими европейскими блюдами.

Так, например, в архиве сохранились отпечатанные типографским способом на плотном картоне золотыми буквами карточки обеденного меню 11 июля 1973 г. на вилле Ванга. Названия блюд были написаны на французском языке, явно не для удобства: Кадара сложно было назвать полиглотом, да и Тито хоть и читал по-французски⁵⁸, понимал его слабо. В этот день участникам встречи были поданы:

- Устрицы
- Дыня с вяленой ветчиной по-истрийски
- Адриатическая рыба на гриле
- Баранина на вертеле
- Салат
- Штрудель с грибами
- Белые и красные вина из Ванги⁵⁹

Меню более торжественного и продолжительного прощального ужина на Белой вилле 12 июля включало в себя:

- Икру из Кладово с блинами
- Консоле мадрилен (крепкий бульон из мяса или птицы, приправленный томатами с добавлением сельдерея. — *Б.Н.*)
- Загорские штрукли с гратеном (популярное хорватское блюдо с сыром и яйцами, которое при подаче поливается сливочным маслом, сметаной, сливками или соусом. — *Б.Н.*)
- Адриатическую рыбу под соусом голландез
- Котлеты из птицы по-киевски
- Салат
- Вина: *Burgundac* из Кутьево (белое сухое вино из Хорватии. — *Б.Н.*); *Barbera* из Випавы (красное вино из Словении. — *Б.Н.*); *Duc de Slovenie*⁶⁰ (белое полусладкое игристое вино из Словении. — *Б.Н.*).

⁵⁸ Уэст 1997: С. 312.

⁵⁹ АЈ. КРР. I-3-a/72-23. Mađarska. Poseta sekretara СК MSRP Janoša Kadara. 10-13.07.1973. Priprema posete.

⁶⁰ Ibidem.

Интересно, что предложенные варианты меню, подготовленные Службой гостеприимства СИБ, предусматривали еще и десерты: ореховое парфе, кассату, но в основном мороженое, учитывая летнее время визита. Однако в итоговом варианте десертов не оказалось.

Во время поездки в Югославию в 1977 г. венгерскую делегацию ожидало более основательное и сытное меню: осенняя охота больше способствует аппетиту, чем переговоры в разгар лета на берегу моря. Меню на сербохорватском и венгерском языках (на этот раз не по-французски), отпечатанное прихотливым шрифтом на плотной бумаге с оттесненным золотом гербом Югославии, сулило на обед 23 сентября:

- Национальные закуски (пршут из говядины и баранины, сыр, каймак, бельские локальные деликатесы)
- Окуней по-мельничьи (вареная рыба, подается с гарниром из отварной картошки. — *Б. Н.*)
- Мусаку из цветной капусты с мозгами
- Корейку из оленины и ягненка на гриле
- Салат из сезонных овощей
- Спаржу в панировке
- Фруктовый пудинг
- Вина: Карловацкий рислинг, *Burgundac* из Кутьево, *Duc de Slovenie*⁶¹.

На ужин 23 сентября венгров угощали:

- Белым куриным мясом и заливным из окуня
- Венгерским супом гуляш
- Турнедо “Россини”
- Овощным салатом
- Спаржей под соусом винегрет
- Блинчиками в винном соусе
- Винами: *Grasevina* (белое), *Vranac* (красное), *Duc de Slovenie*⁶².

Обращает на себя внимание отсутствие иностранных вин во всех представленных вариантах меню. Для руководителей Югославии, страны Средиземноморского региона, как и для почти любого государства, производящего свои спиртные напитки, угощать гостей собственными

⁶¹ АЖ. КРР. I-3-a/72-26. Mađarska. Poseta prvog sekretara MSRP Janoša Kadara. 22–24.09.1977. Priprema posete

⁶² Ibidem.

винами было вопросом национальной винодельческой гордости. Традиции и культура балканского виноделия в социалистический период пришли в упадок, количественные показатели порой преобладали над качеством продукции. Однако на некоторых виноградниках в Хорватии, Словении и Македонии, в небольшом объеме, продолжали и в эту эпоху производить вполне качественные вина. Это можно сказать и о словенском игристом *Duc de Slovenie*, которое на всех приемах разливалось вместо шампанского. И о хорватском *Burgundac* из Кутьево, которое и сейчас котируется любителями хорватских вин.

Дипломатический протокол, за исключением обедов и ужинов у Сталина, обычно не предполагает подачу крепких алкогольных напитков во время банкетов. Хотя югославам и было чем угостить своих высоких гостей, да и сам Тито время от времени не отказывал себе в удовольствии выпить порцию-другую крепкого алкоголя. Дегустация югославской ракии или импортных виски и коньяка, по всей видимости, происходила в заключительной части приема, уже после окончания обеда и в другом зале.

На это указывают и списки подарков, вручавшихся всем членам заграничной делегации, включая водителей и офицеров службы безопасности: ко многим из них прилагалась коллекция из нескольких бутылок крепкого алкоголя в специальной коробке: виноградной ракии *Lozovača* или сливовой *Manastirska*, виньяка (югославский вариант коньяка), стомаклии (крепкая настойка на травах) — от четырех бутылок для капитана службы безопасности и переводчика до 20 для шефа делегации⁶³.

Затрагивая тему значения подарков в дипломатии, стоит вспомнить классический «Очерк о даре» Марселя Мосса (1872–1950), отметившего, с одной стороны, добровольность подарков, но, с другой, необходимость подносить дары, и отвечать на них встречными⁶⁴. В дипломатии со времен архаических обществ в этом смысле мало что изменилось. В даре содержится некая внутренняя сила, дающая дарителю власть над одариваемым и обязывающая его ко встречному дару⁶⁵. При этом встречные обязательства не определены по времени, размеру и самому своему существу, что подталкивает одаряемого

⁶³ Ibid. Beleška u vezi sa poklonima za druga Janoša Kadara. 13.09.1977.

⁶⁴ Мосс 2016: С. 136.

⁶⁵ Альтхоф, Штольберг-Рилинген [sic!] 2016: С. 12.

к благодарности в широком смысле этого слова. Таким образом, отдельный акт дарения всегда оказывается незавершенным, что способствует установлению устойчивых связей между участниками транзакции⁶⁶. Кроме того, стремление превзойти других в щедрости дара является способом выстраивания иерархии сторон: тот, кто может больше отдать, обязывает других в большей степени, и потому оказывается могущественнее. А тот, кто принимает больше, чем отдает, унижает себя и тем самым оказывается во власти дарителя⁶⁷.

Символические действия, такие как вручение подарков или совместное принятие пищи, имплицитно влияли на стороны, подталкивая их к проявлению миролюбия или демонстрации дружеских намерений. Важно, что такая форма дипломатии эффективна вне зависимости от границ, разделяющих народы и культуры⁶⁸. В этом можно найти объяснение одинаковой успешности дипломатии Тито как в Европе, так и в Африке, на Западе и на Востоке.

В Архиве Югославии сохранился список подарков от Тито членам венгерской делегации во время встречи 1977 г. Этот документ иллюстрирует такую важную регулирующую функцию протокола, как ранжирование гостей и оказание им знаков внимания в соответствии с их иерархическим положением. В нем указана точная стоимость каждого подарка в югославских динарах, что, очевидно, было необходимо для материальной и финансовой отчетности. Благодаря этому можно судить о ценности вручаемых сувениров, как в абсолютном денежном выражении, так и в сравнении с другими представителями делегации.

В качестве подарка самому Кадару Тито было предложено выбрать один из двух вариантов: скульптуру Фране Кршинича «Партизан на страже» 65 см высотой или персидский ковер «Кирман» 300×410 см, изготовленный в Скопье. В обоих случаях дополнением к сувениру служил набор из 20 бутылок крепкого алкоголя. Тито предпочел второй вариант, стоимостью около 17 300 динаров, обведя его синими чернилами и поставив свой автограф⁶⁹. Чуть позже, видимо, подумав, что этого подарка недостаточно, он принял решение

⁶⁶ Альтхоф, Штольберг-Рилинген [sic!] 2016: С. 13.

⁶⁷ Альтхоф, Штольберг-Рилинген [sic!] 2016: С. 13.

⁶⁸ Альтхоф, Штольберг-Рилинген [sic!] 2016: С. 16.

⁶⁹ AJ. KPR. I-3-a/72-26. Mađarska. Poseta prvog sekretara MSRP Janoša Kadara. 22–24.09.1977 // Priprema posete // Spisak pokolna druga Predsednika datih J, Kadaru i članovima pratnje prilikom boravka u Tikvešu od. 13–16 septembra. 1977.

вручить венгерскому лидеру еще и золотую табакерку весом 160 г⁷⁰ за 24 тыс. динаров. Таким образом, общая стоимость сувениров, без учета ракии, составила около 41 тыс. динаров, что в 1977 г. примерно соответствовало средней заработной плате за год в Сербии — 48 696 динаров⁷¹. Для сравнения: Андраш Генеш, определяемый югославскими протокольными службами как второй человек в делегации, получил серебряную настольную коробочку размером 20×15 см с золотым рельефом за 11 тыс. динаров и 20 бутылок ракии, а Дьюле Хорну и послу Йозефу Халасу достались одинаковые серебряные настольные портсигары 18×9 см с факсимиле за 3300 динаров и по восемь бутылок ракии. Тоже портсигар, чуть больший по размеру (19×10 см) и почти в два раза дороже (5600 динаров), был вручен генерал-майору Ференцу Шебештьену. Переводчик и капитан службы безопасности получили кожаные папки (стоимостью около 700 динаров) и по четыре бутылки ракии, а майор службы сопровождения и два водителя — электробритву и транзисторы «Матадор», чуть дороже по цене (700–800 динаров), но ракии им не досталось⁷².

В итоге сложно сомневаться, что поездки в Югославию пришили по душе участникам венгерской делегации, равно как и многим другим гостям Тито. Комфортное размещение на виллах в самых живописных местах Югославии, вкусная еда, охота или купание в Адриатическом море — все это подталкивало их к тому, чтобы волей-неволей проникнуться чуть большей симпатией к гостеприимным хозяевам. Усилиями протокольных служб в этом смысле создавался такой официально-торжественный фон, на котором особенно контрастно выделялось обаяние харизматичного югославского президента, что, в свою очередь, порождало благоприятную почву для непротокольной дипломатии — достижения личных, неофициальных договоренностей. Политические результаты этих встреч более очевидно проявились в ходе визита Я. Кадара 1973 г. Они состояли

⁷⁰ AJ. KPR. I-3-a/72-26. Beleška.

⁷¹ Prosečne godišnje zarade u Republici Srbije od 1970. godine // Republički fond za pezijsko i invalidsko osiguranje URL:<https://www.pio.rs/images/dokumenta/statistike/2019/GODISNJE%20ZARADE%20OD%201970.G-2018%20lat.pdf> (дата обращения: 14.12.2022).

⁷² AJ. KPR. I-3-a/72-26. Mađarska. Poseta prvog sekretara MSRP Janoša Kudara. 22–24.09.1977. Priprema posete. Spisak pokolna druga Predsednika datih J, Kadaru i članovima pratnje prilikom boravka u Tikvešu od. 13–16 septembra. 1977.

в возобновлении прервавшейся после 1968 г. практики почти ежегодных обменов визитами первых лиц Венгрии и Югославии. Неофициальная поездка венгерского лидера на охоту в 1977 г. в этом смысле была более рутинным проявлением возобновившейся традиции, существовавшей, кстати, и в отношениях СФРЮ с другими близкими ей социалистическими странами (СССР, Румыния).

Список сокращений

ВСРП — Венгерская социалистическая рабочая партия
СИБ — Союзное исполнительное вече Югославии
ССИД — Союзный секретариат иностранных дел Югославии
СФРЮ — Социалистическая федеративная республика Югославия
ФНРЮ — Федеративная народная республика Югославия
АЈ — Архив Југославије, Београд

Литература

- Альтхоф, Штольберг-Рилинген [sic!] 2016 — *Альтхоф Г., Штольберг-Рилинген Б.* [sic!] Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени // На языке даров: правила семантической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / отв. ред. Г. Альтхоф и М. А. Бойцов. М.: РОССПЭН. 2016. 263 с.
- Джилас 1992 — *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М.: Новости. 1992. 553 с.
- Ключевский 1990 — *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль. 1990. Т. 9. Материалы разных лет. 525 с.
- Лядов 2004 — *Лядов П. Ф.* История российского протокола. М.: Международные отношения. 2004. 274 с.
- Молочков 1977 — *Молочков Ф. Ф.* Дипломатический протокол и дипломатическая практика. М.: Международные отношения. 1977. 248 с.
- Мосс 2016 — *Мосс М.* Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ. 2011. 416 с.
- Невежин 2011 — *Невежин В. А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлёвские приёмы 1930-х — 1940-х гг. М.: Новый хронограф. 2011. 560 с.
- Невежин 2014 — *Невежин В. А.* Еда и алкогольные напитки на дипломатических приемах в Кремле (1941–1945 гг.) // *Codrul Cosminului*. 2014. Т. 20. № 1. С. 149–166.
- Новосельцев 2015 — *Новосельцев Б. С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М.: Институт славяноведения РАН. 2015. 352 с.

- Новосельцев 2018 — *Новосельцев Б. С.* Советско-югославские отношения в конце 1968 — 1969 году // Славяноведение. 2018. №3. С. 43–51.
- Петровић 2002 — *Петровић В.* Школа бонтона. Идеолошки узроци протоколарних и организационих проблема у припреми посете Јосипа Броза Великој Британији 1953. године // Годишњак за друштвену историју. 2002. № 1–3.
- Пиръевец 2019 — *Пиръевец Й.* Тито и товарици / пер. со словенск. М.; СПб.: Нестор-История. 2019. 632 с.
- Симић 2009 — *Симић П.* Тито — тајна века. Београд: Службени гласник. 2009. 360 с.
- Стыкалин 2015 — *Стыкалин А. С.* «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Югославский «ревизионизм» в советской прессе конца 1950-х // Мир истории. Электронный журнал. 2015. №1. URL: http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-stykalin.htm#_ednref4 (дата обращения: 18.11.2022).
- Торкунов, Панов 2022 — Протокол и этикет в дипломатической деятельности зарубежных стран / под ред. Торкунова А. В., Панова А. Н. М.: Аспект Пресс, 2022. 280 с.
- Уэст 1997 — *Уэст Р.* Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск: Русич. 1997. 512 с.
- Adamović 2001 — *Adamović M.* Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito i pokušaji atentata. Beograd: NIDDA. 2001. 346 s.
- Dedijer 1953 — *Dedijer V.* Josip Broz Tito. Prilozi za biografiju. Beograd: Kultura, 1953. 518 s.
- Drulović 2005 — *Drulović A.* Titov kuvar. Beograd: Laguna, 2005. 253 s.
- Gherasim 2019 — *Gherasim C. G.* Fundamentals of Diplomatic Protocol // Studia Universitates Babes-Bolyai. Studia Europaea. 2019/2. P. 359–373.
- Todorović 2011 — *Todorović D.* Tito — lov — politica (Tito u lovu, lov u politici). Drugo izmenjeno i dopunjeno izdanje. Beograd: Службени гласник, 2011. 196 s.
- Vlahović 1998 — *Vlahović V.* Strogo pov.: neobjavljeni rukopis Veljka Vlahovića: 1955–1958. Beograd: Stručna knjiga, 1998. 223 s.

References

- Al'thof, G., Shtol'berg-Rilingen [sic!], B., 2016. Iazyk darov. Logika i semantika obmena darami v Evrope do nachala Novogo vremeni [The language of gifts. Logic and semantics of the exchange of gifts in Europe before the beginning of the New Age]. In: Al'thof, G., Boitsov, M. A., eds. *Na yazyke darov: pravila semanticheskoy kommunikacii v Evrope. 1000–1700 gg.* [In the language of gifts: the rules of semantic communication in Europe. 1000–1700]. Moscow: ROSSPEN, 263 p. (in Rus.)

- Adamović, M., 2001. *Brozovi strahovi. Kako je čuvan Tito i pokušaji atentata*. Beograd: NIDDA, 346 p. (in Serb.).
- Dedijer, V., 1953. *Josip Broz Tito. Prilozi za biografiju*. Beograd: Kultura, 518 p.
- Drulović, A., 2005. *Titov kuvar*. Beograd: Laguna, 253 p.
- Dzhilas, M., 1992. *Litso totalitarizma* [The face of totalitarianism]. Moscow: Novosti, 553 p. (in Rus.).
- Gherasim, C. G., 2019. *Fundamentals of diplomatic protocol*. In *Studia Universitates Babes-Bolyai. Studia Europaea*, 2, pp. 359–373.
- Kliuchevskii, V. O., 1990. *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 volumes], 9, *Materialy raznykh let* [Materials from different years]. Moscow: Mysl, 525 p. (in Rus.)
- Liadov, P. F., 2004. *Istoriia Rossiiskogo protokola* [The history of the Russian protocol]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 274 p. (in Rus.)
- Molochkov, F. F., 1977. *Diplomaticeskii protokol i diplomaticheskaia praktika*. [The diplomatic protocol and diplomatic practice]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 248 p. (in Rus.)
- Moss, M., 2016. Opyt o dare. Forma i osnovanie obmena v arhaicheskikh obshchestvakh [An essay on gift. The form and the basis of exchange in archaic societies]. In: Moss, M., *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po social'noj antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow: KDU, 416 p. (in Rus.)
- Nevezhin, V. A., 2011. *Zastolya Iosifa Stalina* [Feasts of Joseph Stalin, 1, *Bol'shie kremleskie priemy 1930-kh – 1940-kh gg.* [Big Kremlin receptions of the 1930s and 1940s]. Moscow: Novyj hronograf, 560 p. (in Rus.)
- Nevezhin, V. A., 2014. Eda i alkohol'nye napitki na diplomaticeskikh priemah v Kremle (1941–1945 gg.) [Food and alcoholic drinks at diplomatic receptions in the Kremlin (1941–1945)]. *Codrul Cosminului*, 20, 1, pp. 149–166. (in Rus.)
- Novosel'tsev, B. S., 2015. *Vneshnyaya politika Yugoslavii (1961–1968 gody)* [Foreign policy of Yugoslavia (1961–1968)]. Moscow: Institut slavyanovedeniya 352 p. (in Rus.)
- Novosel'tsev, B. S., 2018. Sovetsko-yugoslavskie otnosheniya v konce 1968–1969 godu [Soviet-Yugoslav relations in the late 1968 and 1969]. *Slavyanovedenie*, 3, pp. 43–51. (in Rus.)
- Petrović, V., 2002. Shkola bontona. Ideoloshki uzroci protokolarnih i organizacionih problema u pripremi posete Josipa Broza Velikoj Britaniji 1953. rodine. *Godishnjak za drushtvenu istoriju*, 1–3, pp. 179–195.
- Pir'avec, J., 2019. *Tito i tovarishchi* [Tito and comrades]. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-History, 632 p. (in Rus.).
- Simić, P., 2009. *Tito – tajna veka*. Beograd: Sluzhbeni glasnik, 360 p. (in Serb.).
- Stykalin, A. S., 2015. “Nasha kritika ne dolzhna vylit'sia v kriklivuyu perepal'ku”. Iugoslavskii “revizionizm” v sovetskoj presse kontsa 1950-kh [“Our criticism should not result in a shouting match”. Yugoslav “revisionism” in

- the Soviet press of the late 1950s]. *Mir istorii. Elektronnyj zhurnal*, 1, URL: http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-stykalin.htm#_ednref4 (accessed: 18.11.2022). (in Rus.)
- Todorović, D., 2011. *Tito – lov – politica (Tito u lovu, lov u politici)*. Drugo izmenjeno i dopunjeno izdanje. Beograd: Sluzhbeni glasnik, 196 p.
- Torkunov, A. V., Panov, A. N., eds, 2022. *Protokol i etiket v diplomatskoj deyatelnosti zarubezhnyh stran* [Protocol and etiquette in the diplomatic activity of foreign countries]. Moscow: Aspekt Press, 280 p. (in Rus.).
- Vlahović, V., 1998. *Strogo pov.: neobjavljeni rukopis Veljka Vlahovića: 1955–1958*. Beograd: Stručna knjiga, 223 p.
- West, R., 1997. *Josip Broz Tito. Vlast' sily* [Josip Broz Tito. The power of strength]. Smolensk: Rusich, 512 p. (in Rus.).

Boris S. Novoseltsev

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: bnovoseltsev@yandex.ru

The Intricacies of Diplomatic Protocol. Preparations for János Kádár's Visits to Yugoslavia in 1973 and 1977

By the time János Kádár – the Secretary General of the Central Committee of the Hungarian Socialist Workers' Party – visited the Socialist Federal Republic of Yugoslavia in 1973 and 1977, dozens of top-level trips had already been organised to that country. Tito himself had also visited many countries abroad. Inasmuch as the algorithms of the activity of the Yugoslav protocol service staff of that period were basically settled, the organization of the Hungarian leader's journeys can be considered as a typical task. This study is focused on some nuances of the duties of the Yugoslav protocol service staff, such as determining the form of the visit, the status of negotiators, places of reception and accommodation of the guests, organization of solemn greeting and farewell procedures, seating arrangements, compiling festive menus for gala lunches and dinners, drafting concert programmes, or selecting memorable gifts and souvenirs. The author applies the gift theory by Marcel Mauss to examine the symbolic value of gifts in diplomacy. Eventually, the efforts of the protocol services created a formal and ceremonial background against which the charm of the charismatic Yugoslav president stood out in stark contrast, and this, in turn, created a favourable ground for non-protocol diplomacy, concluding personal, unofficial agreements.

Keywords: history of the twentieth century, Yugoslavia, international relations, diplomacy, Tito, Kadar, diplomatic protocol, gifts exchange

Acknowledgements: The author would like to thank Andrei K. Krivorotov for his recommendations and critical comments during the work on the article.

How to cite: Novoseltsev, B. S., 2023. Tonkosti diplomatsicheskogo protokola. Podgotovka vizitov v Jugoslaviiu Ianosha Kadara v 1973 i 1977 gg. *Central-European Studies*, 6, pp. 336–360. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.13>.

**БИОГРАФИЯ
И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ**

Сергей Георгиевич Яковенко

Кандидат исторических наук, независимый исследователь.
Москва, Россия. E-mail: syakovenko@mail.ru

Павел Пирлинг (1840–1922): его работы и архив

Павел Осипович Пирлинг (1840–1922) — российский историк, член Общества Иисуса, известен как автор фундаментального пятитомного труда «Россия и Св. престол», опубликованного на французском языке в 1896–1912 гг. в Париже. Эту большую работу он написал на основе коллекций российских и зарубежных (прежде всего — итальянских) архивов. Значительную часть документов П. Пирлинг собрал в результате собственных исследований и переписки, которую он вел с архивами и коллегами-историками. Существенное количество собранных документов П. Пирлинг издал — либо в виде отдельных публикаций, либо в качестве приложений к своим исследованиям. Многие документы он процитировал в своих работах. Большое количество материалов сохранилось в его личном архиве. Первоначально он хранился в составе Славянской библиотеки в Париже (*Bibliothèque slave de Paris*), которую историк возглавлял с 1877 по 1922 г. В 1901 г. в связи с ужесточением французского законодательства по отношению к религиозным объединениям большую часть библиотеки пришлось перевезти в Брюссель. В 1908 г. туда же с остальными книгами переехал сам П. Пирлинг, где и провел остаток жизни. В 1923 г. Славянскую библиотеку вновь перевезли в Париж, а в 1982 г. ее и архив библиотеки разместили в Центре русских исследований в Медоне (*Le Centre d'études russes de Meudon*), в пригороде французской столицы. В 2002 г. это обширное собрание, и в том числе личный архив П. Пирлинга, разделили на две большие части: документы, относящиеся к истории ордена, личные фонды его членов были переданы в Архив французской провинции Общества Иисуса (*Archives françaises de la Compagnie de Jésus*) в Ванве, другая часть оказалась в составе библиотеки им. Дидро в Лионе (*Bibliothèque Diderot de Lyon*). Обширное собрание П. Пирлинга дает возможность изучить его семейную и профессиональную переписку (с историками, архивами, издательствами); получить представление о его деятельности в качестве священника, члена Общества Иисуса, исследователя; ознакомиться с коллекциями документов, которые он тщательно собирал для своих работ и в которых отражены все сюжеты и темы его исследований. На основании документов у нас есть возможность более отчетливо прояснить важные детали биографии П. Пирлинга, более отчетливо представить его личность и научные достижения — крупного исследователя отношений между Россией и Папским престолом, библиофила, слависта.

Ключевые слова: Общество Инсуса, Славянская библиотека, русские католики XIX в., И. С. Гагарин, И. М. Мартынов, А. Поссевино, В. С. Соловьев, Е. Ф. Шмурло

Благодарности: Написание статьи стало возможным благодаря гранту, полученному в 2015 г. от Фонда *Max Weber Stiftung: Max Weber Foundation. Gerald D. Feldman travel grant.*

Цитирование: Яковенко С. Г. Павел Пирлинг (1840–1922): его работы и архив // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 363–407. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.14>.

Введение

Павел Осипович Пирлинг (1840–1922) известен специалистам и тем, кто интересуется русской историей, прежде всего как автор фундаментального труда об отношениях между Россией и Святым престолом со второй половины XV в. до начала XIX в.¹

Быть первым и сказать новое слово относительно предмета исследования всегда трудно. Ввести в оборот большое количество новых документов и материалов — задача не менее сложная. П. Пирлингу удалось успешно решить обе эти трудные задачи и предоставить в распоряжение исследователей и читающей публики цельную историю отношений между Россией и католическим Римом на протяжении более трех с половиной столетий.

Новаторская работа П. Пирлинга представляла собой первое обобщающее исследование на эту тему и была основана на большом количестве собранных им непосредственно архивных материалов как русских, так и, прежде всего, иностранных, особенно итальянских: Венецианский государственный архив (*Archivio di Stato di Venezia*), Ватиканский архив (*Archivio Apostolico Vaticano*), Архив конгрегации Пропаганды веры (*Archivio storico de Propaganda Fide*). Историк также вел обширную переписку с архивами и отдельными учеными по поводу получения копий документов.

Использование огромного массива новых данных позволило Пирлингу написать большой труд и создать тем самым прочную

¹ *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Études diplomatiques. Paris: Librairie Plon — Nourrit, 1896. Vol. I. 514 p.; 1897. Vol. II. 416 p.; 1901. Vol. III. 496 p.; 1907. Vol. IV. 316 p.; 1912. Vol. V. 590 p.

фактологическую основу для последующего изучения истории отношений между Россией и Святым престолом. Поскольку труд охватывает период с середины XV в. до начала XIX в., в его поле зрения находились многие ключевые события русской истории этого периода. Среди них следует отметить брак Ивана III и Софьи Палеолог², сыгравший важную роль в усилении контактов Русского государства с Италией; обмен посольствами между Римской курией и Василием III в первой трети XVI в.³; миссия в Московию представителя Папского престола Антонио Поссевино (1581–1582)⁴, которая стала важным прецедентом в отношениях между Римом и Москвой, оставив по себе большое количество документов⁵; события Смутного времени, связанные с личностью Лжедмитрия I (1604–1606 гг.)⁶; деятельность в России Юрия Крижанича (1659–1676)⁷, появление католической миссии в Москве (1684–1689 гг.)⁸ и др.

Подробное изложение событий в первом томе большого труда П. Пирлинг начал с Флорентийского собора 1439–1442 гг. Ко второму изданию первого тома⁹ он написал пространное предисловие, в котором рассказал о том, как представляли в Риме условия

² *Pierling P.* La Russie et l'Orient. Mariage d'un Tsar au Vatican. Ivan III et Sophie Paléologue. Paris: Hachette, 1891. 228 p.; *Пирлинг П.* Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и Софья Палеолог. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1892. 232 с.

³ *Пирлинг П.* Россия и Восток.

⁴ *Pierling P.* Un nonce du Pape en Moscovie préliminaires de la trêve de 1582. Paris: E. Leroux, 1884. 219 p.; [*Pierling P.*] Un arbitrage pontifical au XVIe siècle entre la Pologne et la Russie / par M. Lerpigny. Bruxelles; Paris (s.d.). 290 p.

⁵ *Pierling P.* Antonii Possevini Missio Moscovitica. Parisii: Apud Ernestum Leroux, 1882. 120 p.; *Pierling P.* Listy kardynała de Come do p. Antoniego Possewina T. J. wyjęte z Archiwum Watykańskiego // *Przegląd Powszechny*. 1884. T. I. № 1, 2, 3; T. II. № 4, 5, 6; *Pierling P.* Bathory et Possevino. Documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves. Paris: E. Leroux, 1887. 259 p.

⁶ *Pierling P.* Lettre de Dmitri dit le Faux à Clément VIII. Avec quatre facsimiles en phototypie. A. Picard et fils, 1898. 6 p. *Пирлинг П.* Из смутного времени. Статьи и заметки. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1902. 269 с.; *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. М.: Сфинкс, 1911. 504 с.

⁷ *Pierling P.* Un protagoniste du panslavisme au XVII siècle, mémoire inédit de Jouri Krjjanitch // *Revue des Questions Historiques*. 1896. Trentième Année. Nouvelle Séries. T. 15. P. 186–200 (AFCJ BS Pi 3); *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Vol. IV.

⁸ См. об этом: Florovski 1941.

⁹ *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Études diplomatiques (1417–1580). 2-e éd. Paris, 1906. Vol. I.

религиозного и политического объединения с Москвой в предшествующий период. Таким образом хронологические рамки его исследования, хотя и в виде сравнительно небольшого очерка, были расширены¹⁰.

В обширной переписке П. Пирлинга с историками и архивами важное место занимают контакты с русскими коллегами. Он посылал им свои исследования, получал их работы, обращался с личными и официальными запросами и просьбами в русские архивы. В числе корреспондентов Пирлинга были известные историки того времени (русские и зарубежные) — Николай Платонович Барсуков (1838–1906)¹¹, Сергей Алексеевич Белокуров (1863–1918)¹², Василий Алексеевич Бильбасов (1837–1904)¹³, Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929)¹⁴, Федор Францевич Вержбовский (1853–1923), Дмитрий Иванович Иловайский (1852–1920)¹⁵, Юзеф Коженёвский (1857–1924)¹⁶, Николай Петрович Лихачев (1862–1936), Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936), Сергей Федорович Платонов (1860–1933), Александр Львович Погодин (1872–1947), Станислав Пташицкий (1853–1933), Владимир Васильевич Стасов (1824–1906), Федор Иванович Успенский (1845–1928), Георгий Васильевич Форстен (1857–1910)¹⁷, Дмитрий Владимирович Цветаев (1852–1920), Евгений Францевич Шмурло (1853–1934)¹⁸, Дмитрий Иванович Яворницкий (1855–1940).

Работы П. Пирлинга были хорошо известны в России. Они публиковались в периодической печати (журнал «Русская старина») и в виде сборников статей¹⁹. Интерес читающей публики вызвали так-

¹⁰ Предисловие к русскому изданию полностью совпадает с французским оригиналом. См.: *Пирлинг П.* Россия и папский престол. М.: Печатня А. Л. Будо, 1912. Кн. 1. Русские и Флорентийский собор. 452 с.

¹¹ AFCJ BS Pi 11.

¹² Ibidem.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem. А. Бодуэн де Куртенэ послал П. Пирлингу заметку о языковой стороне оригинала польского письма Дмитрия Самозванца папе Клименту VIII от 24 апреля 1604 г., в котором, по его мнению, видны следы московского, великорусского влияния.

¹⁵ AFCJ BS Pi 13.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ AFCJ BS Pi 1, 12.

¹⁹ См., например: *Пирлинг П.* Из смутного времени; *Пирлинг П.* Posseviniana // Исторические статьи и заметки. СПб.: Я. Башмаков и К°, 1913. 192 с.

же его отдельные исследования. В 1912 г. первый том главного труда П. Пирлинга «Россия и папский престол» был опубликован в переводе на русский язык²⁰. Вероятно, дальнейшей работе в этом направлении помешала начавшаяся в 1914 г. мировая война.

Павлу Пирлингу было посвящено несколько работ. Это небольшие статьи в энциклопедических изданиях²¹ и отдельные специальные исследования²². В целом они дают хорошее представление об основных вехах его биографии, о главных работах и о том вкладе, который он внес в изучение вопроса отношений между Россией и Святым престолом.

В то же время личный архив историка, его обширная переписка дают возможность более полно представить факты биографии крупного ученого-историка, библиофила, не только лучше познакомиться с тем, что он писал, но и обратить внимание на то, как он собирал и обрабатывал материал, превращал его в тексты книг, статей, публикаций документов, как многочисленные факты превращались в цельное стройное повествование.

И. С. Гагарин — создатель Славянской библиотеки в Париже

Научное творческое Павла Пирлинга самым тесным образом связано со Славянской библиотекой²³, основанной в 1855 г. в Париже русским иезуитом, князем Иваном Сергеевичем Гагариным (1814–1882)²⁴. Пирлинг написал о нем специальную работу которая была готова к 1913 г. В октябре и ноябре 1913 г. Пирлинг обратился в издательство *Plon-Nourrit*, публиковавшее большинство его работ, с предложением напечатать книгу о Гагарине. В ответе, полученном от издательства 27 февраля 1914 г., говорилось:

Мы с большим вниманием прочитали исследование, которое вы посвятили Ивану Гагарину и которым любезно поделились с нами.

²⁰ Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн. 1.

²¹ Краткие биографические сведения о П. Пирлинге см.: Rouët de Journel 1952.

²² См.: Rouët de Journel 1922a; Schmourlo 1922; Jakovenko 2002; Яковенко 2003; Яковенко 2005.

²³ О Славянской библиотеке и ее истории см.: Maître 2011.

²⁴ См.: AFCJ BS Ga; Пирлинг П. Гагарин И. С. // Русский биографический словарь. М., 1914. Т. 4. С. 69–74; Pierling P. Le Prince Gagarine et ses amis. 1814–1882. Paris: Editions Beauchesne, 1996. 224 p. (AFCJ BS Pi 4: ms); см. также: Marichal 2004.

Жизнь и деятельность Ивана Гагарина являются примером жизни высокоодаренного человека и заслуживают того, чтобы быть известными общественности. К сожалению, «Отдельные листы», собранные после смерти отца Гагарина Славянской библиотекой Брюсселя, которые вы предлагаете опубликовать, кажутся нам слишком разрозненными, слишком разобщенными, чтобы составить том, который будет раскуплен. С учетом коммерческих рисков, которые мы предвидим, мы не можем решиться на эту публикацию. Однако, если вы намереваетесь взять на себя расходы, мы готовы оценить затраты, которые повлекут за собой печать вашей рукописи²⁵.

Однако рукопись, находившаяся в собрании Славянской библиотеки, дождалась выхода в свет несколько десятилетий и была напечатана лишь в 1996 г. сначала на французском, а затем в переводе на русский язык²⁶. В предисловии к ней о. Фр. Руло писал:

[Н]апоминание о Гагарине и его друзьях <...> весьма отличается от простой галереи более или менее живописных портретов: это напоминание о российской политической альтернативе <...>. В Византийской традиции Россия не найдет пути к демократии; следовательно, она должна обратиться к Западу, к тому, что есть лучшего в его традиции. Когда-то Гагарин предсказал, что Россия должна будет встать перед выбором: или католичество, или революция. Сегодня нужно сказать скромнее: без согласия с западным миром, с католической традицией, либеральное решение в России невозможно или неосуществимо²⁷.

В результате долгих размышлений И. С. Гагарин пришел к выводу:

Россия, в отличие от всех европейских стран, не была сформирована и воспитана католической Церковью. Ей недоставало того, чтобы пройти эту великую школу, из которой вышла современная цивилизация²⁸.

²⁵ AFCJ BS Pi 6.

²⁶ AFCJ BS Pi 4: ms.

²⁷ *Пирлинг П.* Князь Гагарин и его друзья / пер. с франц. А. Ковалю; предисловие Фр. Руло // Символ. 2001. № 44. С. 10.

²⁸ Там же. С. 83. О духовных поисках, которые привели его к принятию католицизма, И. С. Гагарин рассказал в своих записках. См.: *Гагарин И.* Дневник. Записки о моей жизни. Переписка / пер. с фр. и коммент. Р. Темпеста. М.: Языки русской культуры, 1996. 352 с.

И. С. Гагарин принял католицизм в 1842 г., затем в 1843 г. вступил в новициат Общества Иисуса в Ахеоланской обители и оставался там до сентября 1845 г.²⁹ П. Пирлинг писал о его решении:

[П]римирение Востока с Западом стало тем идеалом, которому он посвятил все свои силы. Несмотря на соображения исторические и этнографические, формула Гагарина ничуть не отличалась от формулы Флорентийского Собора: единство в вере, разнообразие в обрядах³⁰.

К И. С. Гагарину присоединились Иван Матвеевич Мартынов (1821–1894)³¹ и Евгений Петрович Балабин (1815–1895)³², которые тоже приняли католицизм и вступили в Общество Иисуса. Эта небольшая группа русских католиков-иезуитов стремилась реализовать идею церковного объединения, которая выходила за церковные и религиозные границы, но являлась выражением споров о путях развития России, идеи сближения России с Европой — идеи, которая начала активно обсуждаться в русской общественной мысли первой трети XIX в. в письмах Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856), работах славянофилов и западников.

Например, в 1840 г. один из видных представителей славянофильства Юрий Федорович Самарин (1819–1876) писал И. С. Гагарину:

Запад ничем не может быть нам полезен, это несомненно; <...> позовьте России жить своей жизнью, ибо жизнь эта исполнена силы;

²⁹ Пирлинг П. Князь Гагарин и его друзья. С. 61.

³⁰ Там же. С. 15. Ср. слова И. С. Гагарина, сказанные им в 1857 г.: «Самая заветная моя мечта, самое горячее мое желание — увидеть, что Русская Церковь примирилась со Святым Престолом, но не путем поглощения латинской Церковью, а путем единения на основании, некогда установленном во Флоренции». Цит. по: Гагарин И. С. О преподавании богословия в Русской Церкви // Символ. 1994. № 32. С. 10. Оригинал см.: *Gagarine I. De l'enseignement de la théologie dans l'Eglise russe*. Paris: Julien, Lanier et Cie, 1856. P. 2–3.

³¹ См. о нем: Юдин, Яковенко 2007. Библиографию работ И. М. Мартынова см.: Sommervogel 1900: 645–652. Он активно сотрудничал с болландистами. В числе наиболее важных трудов: *Martinov J. Annus Ecclesiasticus Graeco-Slavicus, editus anno millenario sanctorum Cyrilli et Methodii, Slaviae gentis Apostolorum*. Bruxellis: Henrici Goemaere, 1863. 388 р., изданный в серии *Acta Sanctorum*.

³² AFCJ BS P1 7-1. Е. Балабин — П. Пирлингу. 2 августа 1857 г. «Напишите, как ваше имя и отчество. Мое имя и отчество Евгений Петрович. <...> О. Мартынов Иван Матвеевич. Русские между собою должны знать имя и отчество друг друга».

Россия — это юный цветок, который склонится к Западу или повернется на Восток³³.

В 1855 г. Гагарин изложил генералу ордена иезуитов Ж. П. Беку план действий для преодоления церковного раскола. Он считал необходимым воспитывать схоластиков Общества Иисуса для предстоящей миссионерской деятельности среди самых разных славянских народов. Важнейшая идея его замысла заключалась в том, что вся деятельность должна быть ориентирована не только на Россию, но и на другие страны с тем, чтобы славяне-католики способствовали обращению православных славян³⁴. В течение жизни И. С. Гагарин активно действовал в избранном направлении, публикуя статьи, книги, полемизируя с противниками захватившей его идеи³⁵. В числе его работ — публикации по истории Общества Иисуса в России³⁶.

Важнейшим элементом плана И. С. Гагарина стала организация Библиотеки святых Кирилла и Мефодия — апостолов славян³⁷. Она открылась в 1855 г. в Париже, ее основу составила книжная коллекция самого Гагарина: на некоторых книгах сохранились записи их владельца³⁸. Славянская библиотека, известная также как Музей святых Кирилла и Мефодия³⁹, постепенно превратилась в одно из лучших русских зарубежных книжных собраний.

В 1856 г. И. С. Гагарин написал статью *La Russie sera-t-elle catholique?* («Будет ли Россия католической?») ⁴⁰, которую И. М. Мартынов перевел на русский язык под заглавием «О примирении Русской Церкви с Римскою». С 1857 г. он начал издавать журнал *Études de Théologie, de Philosophie et d'Histoire* («Исследования по богословию,

³³ Пирлинг П. Князь Гагарин и его друзья. С. 65.

³⁴ Rouët de Journel M.-J. 1922: 617.

³⁵ Библиографию работ И. С. Гагарина см: Sommervogel 1892: 1089–1095.

³⁶ *Gagarin J.* Les Jésuites de Russie 1772–1785. La Compagnie de Jésus conservée en Russie après suppression de 1772. Récit d'un Jésuite de la Russie-Blanche. Paris: Victor Palmé, 1872; Den Haag: Mouton, 1971. 211 p.

³⁷ Rouët de Journel 1922a: 619–620.

³⁸ Сморгунова 2001. Например, на титуле книги «Камень веры» Стефана Яворского находится автограф «Князь Ивань Сер. Гагарин» и подпись с росчерком (Опис. Кн. No 14) (Там же: 183).

³⁹ Museum Slavicum S. S. Cyrilli et Methodii. На многих документах архива Славянской библиотеки стоит соответствующая печать.

⁴⁰ *Gagarine J.* La Russie sera-t-elle catholique? Paris: Charles Duniol Librairie, 1856; *Гагарин И. С.* О примирении Русской Церкви с Римскою. 1859 / пер. на рус. яз.: И. М. Мартынова // Символ. 1982. № 8. С. 207–243.

философии и истории»), тематически посвященный преимущественно проблемам России. По мнению И. С. Гагарина, публикуемые в нем труды должны были способствовать знакомству Запада с православным миром и примирению Церквей. Журнал постепенно превратился в печатный орган Общества Иисуса.

В 1877 г. к небольшому сообществу русских католиков-иезуитов присоединился П. Пирлинг. С этого времени и до смерти в 1922 г. он был хранителем книжной коллекции Славянской библиотеки, активно собирал документы, которые и составили часть ее архивного собрания.

Католическая семья Пирлингов — члены Общества Иисуса

Павел Пирлинг родился в 1840 г. в Санкт-Петербурге в католической семье выходцев из Баварии. Его предки переселились в Россию в середине XVIII в. и с конца столетия были тесно связаны с Обществом Иисуса, которое по решению Екатерины II продолжало работу на территории Российской империи, несмотря на буллу папы Клементя XIV *Dominus ac Redemptor* («Господь и Спаситель», 1773), предписывавшую распустить орден и закрыть его коллегии⁴¹.

Семья Пирлингов была также тесно связана с храмом Св. Екатерины в Санкт-Петербурге, — важным центром деятельности католической общины Российской империи, прадед Андрей Пирлинг был одним из его фундаторов⁴². Известно, что у его сына Павла было четверо детей — три сына, Иосиф, Андрей и Яков, и дочь Лили⁴³. Двое из них — Андрей (1782–1841) и Яков (1784–1870) вступили в Общество Иисуса, соответственно в 1803 и 1804 г. Андрей Пирлинг-младший после того, как был рукоположен в сан священника, отправился с миссией в Одессу, затем служил в Галиции, на Буковине и в Инсбруке⁴⁴.

Яков Пирлинг исполнял обязанности ректора иезуитских коллегий в Тернополе, Линце и Инсбруке, был провинциалом Галицкой (1831–1838), Австрийско-Галицкой (1843–1846), Австрийской (1846–1848) провинций, затем — ассистентом генерала ордена для

⁴¹ См.: Инглот (ред.) 2006; Яковенко 1991.

⁴² См.: BDL BS RU 12: 1–2 (Markiewicz J.).

⁴³ В замужестве — Л. Круциньская; см. о ней: BDL BS RU 12: 3.

⁴⁴ Ibid. P. 4.

Германии (1850–1870), а после кончины генерала в течение трех месяцев (май–июль 1853 г.) генеральным викарием Общества Иисуса⁴⁵.

У третьего сына Павла Пирлинга — Иосифа тоже было трое сыновей: Иосиф, Андрей и Павел⁴⁶. Двое из них — Павел и Иосиф стали иезуитами. Отец Павла Пирлинга рано овдовел и в возрасте 48 лет (1858 г.) решил посвятить себя служению Церкви: тоже вступил в Общество Иисуса, последовав примеру сыновей. В ноябре 1858 г. Я. Пирлинг сообщил П. Пирлингу, что попросил аудиенции у Папы римского с тем, чтобы представить ему отца в церковном облачении. Во время встречи Папа сказал: «Семья Пирлингов — это полностью церковная семья»⁴⁷.

В письмах к сестре Лили (декабрь 1858 г.) Яков рассказывал о семье племянника Иосифа:

Он приехал сюда (в Рим. — С.Я.) во французскую семинарию, чтобы пройти двухгодичный курс богословия для подготовки к священству, которое он надеется получить по окончании курса. Он носит церковную одежду, которая ему очень идет. <...> Павел, самый младший из трех сыновей нашего племянника Иосифа, только что завершил два года новициата. 8-го числа этого месяца он принес обеты, и поэтому этот день был прекраснее праздника непорочного зачатия⁴⁸

В июне 1860 г. после двухлетнего курса богословия в Римской коллегии И. Пирлинг был рукоположен в сан священника и затем:

[О]тправился в Каринтию, где находились два его сына-иезуита: Иосиф и Павел. Именно там отец хотел отслужить свою первую мессу, на которой вместе с ним присутствовали бы двое его сыновей⁴⁹.

После пребывания в различных резиденциях Общества Иисуса, Иосиф исполнял в Париже обязанности помощника генерального прокуратора, затем его направили в Версаль, чтобы он в качестве настоятеля открыл новую резиденцию, где его сподвижниками

⁴⁵ BDL BS RU 12. P. 4–5. Подробнее о нем см.: De pio obitu R. P. Jacobi Pierling Presbyteri Societatis Jesu et Assistentis Germaniae. Litterae ad R. P. Caesarem Crespelle Praepositum provinciae Belgicae. Bruxellis: Typis Francisci Vromant, 1870. 16 p.

⁴⁶ Ibid. P. 3 (Markiewicz J.).

⁴⁷ Я. Пирлинг — П. Пирлингу, Рим, 30 ноября 1858 г. AFCJ BS Pi 1-4.

⁴⁸ Я. Пирлинг — Л. Пирлинг, Рим, 29 декабря 1858 г. AFCJ BS Pi 1-4.

⁴⁹ Я. Пирлинг — Л. Пирлинг, Рим, 2 апреля 1861 г. AFCJ BS Pi 1-4.

были «соотечественники, принадлежавшие к знатым семьям империи» — оо. И. Гагарин, И. Мартынов, Е. Балабин⁵⁰. Таким образом, отец Павла Пирлинга тоже принимал участие в том общем деле, которым занимались русские иезуиты, возглавляя небольшую русскую резиденцию в Версале⁵¹.

Павел Пирлинг — учеба, контакты с русскими-иезуитами

Для Павла — сына Иосифа Пирлинга — все связанное с католической культурой и Обществом Иисуса было совершенно органично. В отличие от И. С. Гагарина, И. М. Мартынова и Е. П. Балабина, ему не нужно было решать вопрос о переходе в католичество — уже при рождении он был крещен по католическому обряду⁵².

В 1856 г. после окончания гимназии в Санкт-Петербурге Павел сразу же вступил в новициат Общества Иисуса, что стало уже семейной традицией. В свидетельстве об окончании гимназии говорилось, что он продемонстрировал отличные успехи в Законе Божиим, в латинском, немецком и французском языках⁵³. Разумеется, это было не случайно и указывало на предпочтения молодого П. Пирлинга.

Из Санкт-Петербурга он в том же 1856 г. отправился для дальнейшего продолжения образования в Баумгартенберг (Австрийская провинция Общества Иисуса), затем изучал философию в Пожони/Пресбурге (1860–1862), богословие в Григорианском университете в Риме (1862–1864) и Инсбруке (1866–1869). В связи с этим вряд ли корректно говорить об эмиграции: он уехал за границу, чтобы продолжить образование в католических учебных заведениях, оставаясь при этом российским подданным. Об этом говорят сохранившиеся в его фонде документы — заграничный паспорт 1903 г. и удостоверение личности 1915 г.⁵⁴

Я. Пирлинг находился в постоянной переписке с внучатым племянником (*petit neveu*) с момента его вступления в новициат, всячески

⁵⁰ Bulletin religieux du diocèse de Versailles // 1870. 14 VIII. № 7 P. 15–16.

⁵¹ Ibidem.

⁵² AFCJ BS Pi 1: Éléments biographiques, papiers officiels, diplômes (Запись 23 сентября 1856 г. Выписка из книги о крещении, совершенном священником ордена доминиканцев 20 мая 1840 г.).

⁵³ AFCJ BS Pi 1.

⁵⁴ Ibidem.

поддерживал, приветствовал сделанный им выбор⁵⁵. В связи с опасениями Павла забыть русский язык дед посоветовал ему обратиться за помощью к И. С. Гагарину:

Что касается опасности, о которой вы говорили отцу (то есть Иосифу Пирлингу. — *С.Я.*) — забыть русский язык из-за отсутствия книг, то при условии, что о. Ректор сочтет это верным, обратитесь к о. Гагарину, (подч. мною. — *С.Я.*), который сможет лучше, чем остальные из нас, указать вам и найти какое-нибудь русское произведение, чтение которого совместимо с требованиями послушничества⁵⁶.

Яков Пирлинг возлагал на Павла большие надежды. В апреле 1861 г. он написал о нем сестре Лили:

Павел — младший из братьев, он — на пятом году своей религиозной жизни. Ему 21 год, он читает курс философии в нашей коллегии в Пресбурге в Венгрии. Если Бог даст ему жизнь и здоровье, этот многообещающий молодой человек благодаря своим талантам, качествам сердца и души сможет стать избранным и изысканным орудием в руках Провидения во славу Божию⁵⁷.

Когда Я. Пирлинг писал о жизни и здоровье Павла, это была не просто фигура речи. За несколько месяцев до этого умер его старший брат — Иосиф, а сам Павел тоже был не очень здоров: в связи с заболеванием сердца врачи рекомендовали для него «полнейший отдых: как физический, так и интеллектуальный»⁵⁸.

Это не останавливало занятий П. Пирлинга, и в 1865 г. Я. Пирлинг написал племяннику в Карлсбург:

Я считаю, что исторические науки являются одним из ваших любимых занятий, поэтому знания и идеи этого превосходного учителя (монс. Фик. — *С.Я.*) принесут вам еще большую пользу⁵⁹.

Племянник вполне оправдал ожидания, став выдающимся историком.

⁵⁵ AFCJ BS Pi 1-4: В письмах он обращается к нему «дорогой племянник и брат во И.Х.».

⁵⁶ Я. Пирлинг — П. Пирлингу, Рим, 21 апреля 1857 г., цит по: AFCJ BS Pi 1-4.

⁵⁷ Я. Пирлинг — Л. Пирлинг, Рим, 2 апреля 1861 г. AFCJ BS Pi 1-4.

⁵⁸ AFCJ BS Pi 1. 3 октября 1864 г.

⁵⁹ Я. Пирлинг — П. Пирлингу, Рим, 14 мая 1865 г. AFCJ BS Pi 1-4.

Старший брат Павла Пирлинга также вступил в Общество Иисуса (вероятно, в 1857 г.)⁶⁰, и братья вместе проходили новициат. В сентябре 1859 г. Яков Пирлинг сообщил сестре Лили:

У двух маленьких иезуитов (то есть Иосифа и Павла. — С.Я.) дела идут хорошо во всех отношениях. Они счастливы в своем призвании. Настоятели сообщают нам самые утешительные свидетельства об их хорошем поведении и религиозном духе, который оживляет их, а также об успехах Павла в его занятиях риторикой⁶¹.

О старшем брате Павла Пирлинга⁶² осталось мало свидетельств, а П. Пирлинг продолжил учебу и в 1869 г. был рукоположен в сан священника⁶³. 10 июня 1869 г. Я. Пирлинг писал племяннику, что тот будет служить первую мессу накануне праздника Св. сердца Девы Марии (29 августа) с отцом — Иосифом и с ним — дядей отца Яковом⁶⁴.

В 1870 г. П. Пирлинг провел еще один год в Линце, а в 1871–1876 гг. исполнял обязанности секретаря Генеральной курии Общества Иисуса в Риме, но его стремление заниматься историческими исследованиями оставалось неизменным.

П. Пирлингу было известно о существовании группы русских католиков-иезуитов уже вскоре после его вступления в Общество Иисуса. По меньшей мере, с 1857 г. он был с ними в контакте, о чем говорят сохранившиеся в его личном архиве письма⁶⁵.

В августе 1857 г. Е. П. Балабин писал П. Пирлингу:

⁶⁰ AFCJ BS Pi 1–4. Рим, 25 августа 1859 г.: *Charissimi in Christo Fratibus Josephi et Paulo Pierling Scholastici S.J.*

⁶¹ Я. Пирлинг — Л. Пирлинг, Рим, 22 сентября 1859 г. AFCJ BS Pi 1–4.

⁶² 22 декабря 1860 г. (Я. Пирлинг — Л. Пирлинг, Рим, 2 апреля 1861 г., см.: AFCJ BS Pi 1).

Е. П. Балабин — П. Пирлингу, Вальс-пре-ле-Пюи (?), 15 января 1861 г.: «Мы только что собирались писать к Вам, отец Мартынов и я, как мы получили от о. Гагарина ваше письмо о кончине вашего родного брата Иосифа. Это несчастье тронуло меня глубоко. Мне больно и за вас, и за нас, т[о] е[сть] за оставшихся на земле. Я понимаю, что Отец ваш должен чувствовать и сколь велико его горе!». AFCJ BS Pi 7-1.

⁶³ AFCJ BS Pi 1. 25 июля 1869 г.

⁶⁴ Я. Пирлинг — П. Пирлингу, Рим, 10 июня 1869 г. AFCJ BS Pi 1–4.

⁶⁵ AFCJ BS Pi 7-1. Документы И. С. Гагарина находятся в другом фонде (AFCJ BS Ga).

Наше стадо не многочисленно. Вот нас четверо теперь русских в Обществе Иисуса⁶⁶; и все четверо имеют неизреченное счастье принести Богу ежедневно бескровную жертву за собственные наши прегрешения, за грехи мира, и за присоединение России к средоточию единства; вы же, любезный брат, пятый; ибо вы принадлежите России как по рождению вашему, так и по воспитанию. <...> Надо вам знать, где мы и что мы делаем. О. Гагарин с О. Мартыновым занимаются в Париже печатанием разных статей о России и для России на французском и на русском языках, вскоре выйдет русский перевод сочинения О. Гагарина *La Russie sera-t-elle catholique?* <...> Я вас никогда не видел, но душа моя и сердце вас знают; вы мне теперь близки как может быть близок возлюбленный брат, готовящийся идти за нами, когда настанет время, по одному и тому же пути, в рядах сей славной, сей победоносной, сей оклеветанной Иисусовой Дружины, которую вы возлюбите с каждым годом более и более по мере того, как вы глуже будете вдыхать в себя божественный дух ее оживляющий⁶⁷.

К письму Е. П. Балабина было приложено письмо Ю. К. Астромова, который, правда, не задержался надолго в этом небольшом сообществе.

Вопрос русского языка, очевидно, стоял достаточно остро в среде постоянно живущих за границей русских иезуитов. Во всяком случае, в следующем — 1858 г. Е. П. Балабин в письме П. Пирлингу написал:

Занимаетесь ли вы родным языком? (подч. мною. — *С.Я.*). И если занимаетесь, то как: часто ли или нет; каждый ли день или как придется! Я напишу об этом Отцу Генералу и всенижайше испрошу его благословения насчет маленького проекта, который вертится в моей голове <...> насчет русского языка. Жаль только, что нас так мало числом (я не говорю достоинством)⁶⁸

Опасения Е. П. Балабина оказались напрасными — Павел Пирлинг в течение всей жизни продолжал говорить и писать по-русски.

В фонде П. Пирлинга⁶⁹ переписка с Е. П. Балабиным достаточно отчетливо делится на две части: конец 1850-х — конец 1860-х и конец

⁶⁶ Ю. К. Астромов, Е. П. Балабин, И. С. Гагарин, И. М. Мартынов.

⁶⁷ Е. П. Балабин — П. Пирлингу, Вальс-пре-ле-Пюи, 2 августа 1857 г. AFCJ BS Pi 7-1.

⁶⁸ Е. П. Балабин — П. Пирлингу, Вальс-пре-ле-Пюи, 15 октября 1858 г. AFCJ BS Pi 7-1.

⁶⁹ AFCJ BS Pi 7-1.

1880-х — начало 1890-х годов. Вероятно, после переезда П. Пирлинга в Париж (1876 г.) она прекратилась и возобновилась, когда Е. П. Балабин уехал в Каир (он жил там в Коллегии Святого семейства). В первой части довольно много общих рассуждений (о призвании, служении делу веры и пр.). Во второй части затрагиваются более практичные конкретные вопросы. Довольно много места занимают сообщения Е. П. Балабина о его обзорах, статьях, которые он писал для католического журнала *La Civiltà Cattolica* («Католическая цивилизация»). В конце жизни он почти ослеп и уже не мог ни читать, ни писать. Очевидно, последнее самостоятельно написанное им письмо относится к 8 сентября 1893 г.

П. Пирлинг находился также в постоянной переписке с И. М. Мартыновым до того, как переехал в Париж и непосредственно присоединился к работе в Славянской библиотеке. Они были достаточно близки по роду занятий — И. М. Мартынов изучал различные исторические проблемы.

В декабре 1875 г. И. М. Мартынов написал П. Пирлингу:

Вы, конечно, уже знаете, что мы потеряли кн. Голицына. Потеря значительная для малого стада русского, хотя покойный и не был большим деятелем по части католического служения. <...> Работ у меня оказывается столько, что не знаю, как с ними справиться. <...> Впрочем, я <...> надеюсь, что с Божьею помощью и Вашими молитвами, все устроится к лучшему и здоровье мое от работ не пострадает. О. Гагарин опять в постели; вот эта болезнь уже гораздо серьезнее моей. Вы видите, что преемники нашего дела становятся более и более необходимыми. Кроме того, никого другого не вижу и не желаю. Замечание об о. Балабине справедливо; тем более нужно заменить его другим⁷⁰.

Таким образом, тесное сотрудничество с русскими иезуитами диктовалось и их потребностями, и интересами самого П. Пирлинга. В 1877 г. он получил разрешение присоединиться к ним в Париже с тем чтобы полностью посвятить себя историческим исследованиям, но в 1879 г. Конгрегация Пропаганды веры поручила ему отправиться с миссией в Болгарию⁷¹. Поскольку П. Пирлинг писал общую

⁷⁰ И. М. Мартынов — П. Пирлингу, Париж, 31 декабря 1875 г. AFCJ BS Pi 7-1.

⁷¹ AFCJ BS Pi 1. Префект Конгрегации кардинал Симеони писал в связи с этим: «как мне кажется, никто лучше него не сможет выполнить столь деликатное поручение, как в силу знания языков, так и других достоинств, которые я увидел в нем».

историю отношений между Россией и Святым престолом с середины XV в. до начала XIX в. с опорой на документы, для решения этой задачи он подбирал соответствующие коллекции и некоторые важные документы публиковал в качестве приложений к своим исследованиям.

Важным рубежом в отношениях между православной и католической Церквами являются события середины XV в. — заседания Флорентийского собора (1439 г.), на котором было подписано соглашение о церковной унии. Именно с этого периода П. Пирлинг начал изложение⁷², а в его коллекции подобраны соответствующие документы и по этой теме⁷³, и по более позднему периоду — по всему XVI в.⁷⁴

Антонио Поссевино — член Общества Иисуса, католический миссионер и дипломат

Все попытки со стороны Святого престола вовлечь Московию в орбиту своей политики и своих интересов в течение всего этого периода не приносили успеха. Ситуация существенно изменилась, когда Иван Грозный сам обратился к папе Григорию XIII с просьбой, чтобы тот выступил в роли посредника в переговорах о мире между Россией и Польшей. Для решения этой задачи в Московию в 1581 г. был отправлен представитель Святого престола, иезуит А. Поссевино. О его деятельности в целом на Востоке Европы и посреднической миссии при переговорах в Московии сохранилось большое количество документов, которые были известны только частично⁷⁵.

Благодаря тому, что в 1881 г. Ватиканский архив стал доступен для исследователей⁷⁶, у П. Пирлинга появилась возможность пользоваться материалами этого обширного собрания. Наиболее ценные документы, содержащие информацию о дипломатических миссиях А. Поссевино на Север и Восток Европы в конце 70-х — 80-е годы XVI в., находятся именно в фондах Польской и Германской

⁷² См.: *Пирлинг П.* Россия и папский престол. Кн. 1.

⁷³ BDL BS Pi 4, 10. Митрополит Исидор, письмо Сиксту IV, Софья Палеолог.

⁷⁴ BDL BS Pi 12. Н. Шомберг, З. Феррери, П. Чентурионе, Г. Шлите, Дж. Фр. Канобио, Дж. Джиральди, В. Портико, Р. Кленке.

⁷⁵ Некоторые из них опубликовал А. Поссевино в книге *Moscovia*.

⁷⁶ Яковенко 2000.

нунциатур Ватиканского архива. Коллекция П. Пирлинга во многом пополнялась из этих фондов⁷⁷.

Большое количество источников в коллекции П. Пирлинга представляют собой копии донесений А. Поссевино: его переписка с Государственным секретарем Римской курии кардиналом Комо (Толомео Галли)⁷⁸ из фонда Германской нунциатуры Ватиканского архива (1577–1580 гг.⁷⁹ и 1584 г.⁸⁰), а также его ответы А. Поссевино (1576–1579 гг.)⁸¹. Здесь же сохранились материалы о дипломатической миссии А. Поссевино в Московию⁸².

Материалы об отношениях Святого престола со славянским Востоком были также взяты П. Пирлингом из Венецианского архива и изданы в большом сборнике документов⁸³.

Особенно активно П. Пирлинг развернул исследования в 80-е – 90-е гг. XIX в. Именно в это время появилось наибольшее количество его публикаций, возрос его авторитет, а имя стало широко известно в среде коллег и всех интересовавшихся русской историей⁸⁴.

Большое количество материалов, сохранившихся в архиве Павла Пирлинга и отражающих различные стороны многогранной деятельности А. Поссевино, дают основание предполагать, что он собирался писать новую биографию папского дипломата⁸⁵. В пользу этого предположения может свидетельствовать и сохранившийся в коллекции П. Пирлинга перечень документов личного архива Поссевино, который тот начал приводить в порядок в 1604 г. в Венеции, куда отправился из Польши после смерти короля Стефана Батория в декабре 1586 г.⁸⁶ К сожалению, существенная часть этого большого документального собрания не сохранилась, но можно составить представление

⁷⁷ См.: AFCJ BS Pi 26, 28.

⁷⁸ AFCJ BS Pi 26.

⁷⁹ AFCJ BS Pi. 24: AAV. Segr. Stato. Germania 92.

⁸⁰ Ibid. Germania 95.

⁸¹ Ibid. Germania 92.

⁸² AAV. Segr. Stato. Germania 13, 92, 93, 94, 95; Polonia 15A, 15B, 15C и др.

⁸³ *Pierling P. Bathory et Possevino.*

⁸⁴ Яковенко 2000.

⁸⁵ Она уже была написана на французском языке, а потом издана в переводе на итальянский язык. См.: *Dorigny J. La vie du père Antoine Possevin de la Compagnie de Jésus.* Paris: Jean Muzier, 1712. 541 p.; *Dorigny G. Vita del p. Antonio Possevino della Compagnia di Gesù.* Venezia: Remondini, 1759. P. I. 384 p.; P. II. 208 p.

⁸⁶ AFCJ BS Pi. 24; *Пирлинг П. Posseviniana.* С. 9 (примеч.): *Catalogus manuscritorum quae extant apud P. Antonium Possevinum, Societatis Iesu.*

о нем на основании каталога, созданного Поссевино⁸⁷. Впечатляет объем материалов, которые он собрал в своем архиве. Пирлинг сообщил об этой коллекции в статье, опираясь на копии, полученные из архива иезуитов, который в то время находился в Экзатене (Голландия)⁸⁸.

Разумеется, Пирлинг хорошо знал о существовании этого собрания. Очевидно, он сам в нем не работал, но собрал большое количество фотокопий и документов этого архива⁸⁹. Среди них — сочинение А. Поссевино о том, как следует развивать папские семинарии, находящиеся в ведении Общества Иисуса⁹⁰, его предложения о реформе, необходимой для того, чтобы «поддержать христианскую Церковь» (*De iuvanda Ecclesia Christiana*)⁹¹, несколько документов, вероятно, из числа привезенных А. Поссевино из Московии⁹².

О намерениях Павла Пирлинга говорят и тщательно подобранные материалы, которые можно в целом обозначить как *Posseviniana*⁹³, и упоминания об этом в письмах его коллег⁹⁴. В отчете о работе в Риме в 1904–1905 гг. Е. Ф. Шмурло, по поручению Императорской

⁸⁷ «Составленный Поссевино архивный каталог дошел до нас, но <...> какая невзгода постигла архив Поссевино, и как он улетучился, не известно. Особенно потеряла русская, историческая часть» (цит. по: *Пирлинг П. Posseviniana*. С. 8–9). Копию каталога см.: AFCJ BS Pi 24. Небольшая часть «русских» документов попала в коллекцию П. Пирлинга. См. недавнюю публикацию одного из них в кн.: Ерусалимский (ред.) 2023: 506–507 (№ 21. Иван IV — А. Поссевино. 29 июля 1581 г. [BS Pi 27, карт. 27, № 51]).

⁸⁸ Burrus 1954: 160; Danieluk 2007. В Экзатене (Голландия) иезуиты в 1893 г. спрятали часть документов архива ордена, поскольку полагали, что документам может грозить опасность со стороны итальянских властей. Архив находился там до 1927 г., когда иезуиты перевезли его в Валькенбург (также в Голландии). Летом 1939 г. в связи с новой опасностью — на этот раз со стороны нацистов, документы вернули в Рим и разместили в новом здании Генеральной курии ордена, где он находится и в настоящее время.

⁸⁹ AFCJ BS Pi 27.

⁹⁰ Origine, Progresso, Mezzo per la Continuazione et modi per propagare il frutto dei Seminarj instituiti dalla Sta Sede Apli^{ca} sotto la cura della Compag^a di Giesu.

⁹¹ Некоторые документы были опубликованы ранее во втором томе биографии А. Поссевино, см.: *Dorigny G. Vita del p. Antonio Possevino*. P. 2. P. 38–44.

⁹² AFCJ BS Pi 27.

⁹³ AACJ BS Pi 24–28.

⁹⁴ Е. Шмурло — П. Пирлингу, Рим, 24 октября 1910 г.: «По окончании 5-го тома, продолжайте свой труд изданием переписки Поссевино, тем более что пересмотр его корреспонденции, наверно, вызовет и новое исследование. А кому же иному была бы по силам эта работа, как не Вам?». AFCJ BS Pi 12.

академии наук собиравший документы для «поссевиновского» сборника⁹⁵, писал:

Поссевином заняты в настоящее время не один я: от. Пирлинг готовит издание его обширной переписки; один финляндский историк (Э. Бьодэ. — *С. Я.*) собирает материалы по истории деятельности Поссевина в Швеции и притом, насколько мне известно, по программе широкой, значительно выходящей за пределы Скандинавского полуострова⁹⁶.

Подготовкой к публикации материалов переписки папских нунциев в Польше (конец XVI в.) и относящихся к этой теме документов об А. Поссевино занимались также польские историки⁹⁷. Возможно, именно поэтому П. Пирлинг отказался от своего замысла. Задача, которую он решал — общий очерк истории дипломатических отношений России и Святого престола на протяжении более трех столетий — требовала очень больших усилий.

Свой замысел написать новую биографию А. Поссевино, издать более полный вариант его переписки П. Пирлинг не осуществил. Он подробно описал прежде всего деятельность А. Поссевино на Востоке Европы (в Московии и Речи Посполитой) в 1581–1587 гг. При этом в его личном архиве сохранилось еще очень большое количество источников⁹⁸. Это либо отдельные копии, либо хорошо подобранные коллекции⁹⁹. Он собрал подробные подготовительные материалы по этой теме и аккуратно описал в специальных рабочих заметках¹⁰⁰.

Многие документы из архива П. Пирлинга были опубликованы ранее, многие он использовал впервые. Они легли в основу его последующих исследований и публикаций¹⁰¹. Интерес представляет

⁹⁵ См.: Яковенко 2015.

⁹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. (Канцелярия Президиума АН СССР). Оп. 1. Д. 24/1898. Л. 30.

⁹⁷ Нунциатуры Дж. А. Калигари и А. Болоньетти. См.: MPV. Cracoviae: Sumptibus Academiae Polonae Litterarum et Scientiarum, 1915. Т. IV. A. Caligarii nuntii apost. in Polonia epistolas et acta 1578–1581 / ed. Ludwig Boratyński. 920 p.; MPV. Cracoviae: Polska Akademia Umiejętności, 1923–1933. T.V. Series nuntiaturae Polonae continet Alberti Bolognetti nuntii apostolici in Polonia epistolarum et actorum partem Iaa. 1581–1585 / ed. E. Kuntze. 748 p.

⁹⁸ Например: AFCJ BS Pi 24, 25, 26, 27, 28; BSL Pi 15 (1579–1586 гг.).

⁹⁹ Например: AFCJ BS Pi 25: 40 писем А. Поссевино за 1577–1578 гг.

¹⁰⁰ См.: BDL BS Pi 15.

¹⁰¹ Например: AFCJ BS Pi 26:

также переписка, которую он вел в связи с изучением деятельности Поссевино¹⁰². В настоящее время письма миссионера и дипломата хорошо описаны и доступны как в Ватиканском архиве¹⁰³, так и в Архиве Общества Иисуса¹⁰⁴.

П. Пирлинг обратил также исследовательское внимание на события конца XVI в., связанные с военными планами Стефана Батория (1584 г.), миссией в Москву А. Комуловича (1595 и 1597 гг.)¹⁰⁵ и особенно — с личностью Лжедмитрия.

Дмитрий — самозванец или законный представитель царской династии?

Павел Пирлинг подробно описал материалы итальянских архивов, относящиеся к этой загадочной персоне, и написал несколько специальных работ. Данная тема оставалась одной из центральных в его исследованиях — ею он заявил о себе как ученый, продолжал заниматься в течение нескольких десятков лет¹⁰⁶. Особое внимание П. Пирлинг уделил отношениям между А. Поссевино и Лжедмитрием¹⁰⁷. Рабочие материалы по Лжедмитрию были собраны им в большой книге — *De Demetrio*¹⁰⁸ («О Дмитрии»).

Свои находки, наблюдения П. Пирлинг сначала публиковал в виде статей, но поскольку ставил перед собой более масштабную задачу — прочертить общую канву дипломатических отношений между Россией и Святым престолом — все опубликованные ранее работы он объединил в отдельные тома большого труда *La Russie et le Saint-Siège*. Наиболее подробно ученый остановился на периоде конца XVI и начале XVII в. Соответственно, и материалов по этому времени более всего в его коллекции.

Некоторые итоги исследований о Лжедмитрии, его взаимоотношениях с представителями католической Церкви: Папой римским

¹⁰² Например: AFCJ BS Pi 25: переписка с Э. Бьодэ.

¹⁰³ AAV. Segr. Stato. Germania, 13, 92–95; Polonia, 15A–15C.

¹⁰⁴ ARSI. Opp. NN. 313–339.

¹⁰⁵ *Pierling P. Novi izvori o L. Komuloviću // Starine JAZU. Zagreb, 1884. Knj. 16. S. 210–251.*

¹⁰⁶ См.: BDL BS Pi 9, 13, 14.

¹⁰⁷ См. AFCJ BS Pi 22: рукопись работ *Dmitri dit le Faux* и *Possevino et Dmitri dit le Faux*. См.: *Pierling P. Dmitri dit le Faux et Possevino. Paris: Hachette BNF, 1914. 20 p.*

¹⁰⁸ См.: *Ibid.* 15.

Павлом V, папским нунцием в Польше К. Рангони, генералом ордена иезуитов К. Аквавивой, провинциалом ордена в Польше Д. Стривери и его рядовыми членами А. Поссевино, Г. Савицким, Н. Чировским, А. Лавицким П. Пирлинг издал в отдельной работе. В ней же он поместил список документов — переписку иезуитов за 1604–1609 гг., касающуюся Лжедмитрия¹⁰⁹.

Продолжая упорно работать в избранном направлении, П. Пирлинг готовил к публикации следующие тома. В его собрании широко представлены документы по периоду XVII–XVIII вв. Они связаны с посольством А. Вимина в Москву и на Украину (1650–1653 гг.)¹¹⁰, миссией в Москву Ю. Крижанича (1641 г.)¹¹¹, посольством в Рим П. Менезия (1673 г.)¹¹², миссией иезуитов в Россию в конце XVII — начале XVIII в.¹¹³, посольством Шереметева в Рим (1698 г.)¹¹⁴, пребыванием Петра I в Париже¹¹⁵. Эти и ряд других важных сюжетов составили содержание четвертого тома его большого труда¹¹⁶.

В центре внимания последующего изложения находилось положение католиков и униатов в России при Екатерине II, Павле I и Александре I. Причем положение иезуитов в православном государстве было достаточно неожиданным: Екатерина II позволила им, как уже упоминалось выше, сохранить свои коллегии на территории, которая вошла в состав Российской империи после раздела Речи Посполитой, при Павле I появилась даже иллюзорная надежда на подписание церковной унии¹¹⁷, а относительно императора Александра I П. Пирлинг высказал предположение, что тот мог умереть католиком¹¹⁸.

¹⁰⁹ *Pierling P.* Dmitri le Faux et les Jésuites. Publications de la Bibliothèque Slave de Bruxelles. Avec deux fac-similés en phototypie. Paris: Librairie Alphonse Picard et fils. 1913. 20 p.

¹¹⁰ См.: BDL BS Pi. 8.

¹¹¹ Ibid.

¹¹² Ibid. P. 11.

¹¹³ Ibid. P. 5.

¹¹⁴ Ibid. P. 7.

¹¹⁵ Об этом сюжете П. Пирлинг рассказал ранее в работе: *Pierling P.* La Sorbonne et la Russie (1717–1747). Paris: E. Leroux, 1882. 178 p.

¹¹⁶ *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. T. IV.

¹¹⁷ См.: Rouët de Journal 1959.

¹¹⁸ См.: AFCJ BS Pi 3: Brochures: *Pierling P.* Problème d'histoire: l'empereur Alexandre Ier: est-il mort catholique? // Correspondant. 1901. II 25. P. 796–805.

В. С. Соловьев — русский философ, сторонник идеи церковного единства

Занимаясь историческими исследованиями, тщательным подбором исторических документов, П. Пирлинг, как и члены небольшого сообщества русских иезуитов в Париже¹¹⁹, одной из главных задач своей деятельности считал объединение двух Церквей. Не случайно в числе его корреспондентов, наряду с известными русскими историками, был философ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900)¹²⁰.

В 1883–1886 гг. В. С. Соловьев активно публиковал работы, посвященные теме церковного объединения, в различных периодических изданиях, за что подвергался критике со стороны православных авторов и цензурным ограничениям. Отвечая на эти несправедливые обвинения, В. С. Соловьев писал:

Желая полного и плодотворного соединения обеих церквей ради общественного блага России и всего христианского мира, я никогда и никого не убеждал переходить из восточной церкви в западную, а, напротив, имел случай решительно отговаривать иных от такого намерения, ибо всякое личное “обращение” (равно как и внешнюю унию) считаю не только ненужным, но и вредным для вселенского дела, хотя, конечно, не могу бросать камня в “обращающихся” по искреннему, если и ошибочному убеждению¹²¹.

Статьи В. С. Соловьева привлекли к себе внимание хорватского епископа Йосипа Юрая Штросмайера (1815–1905)¹²², и он обратился к канонику Франьо Рачкому (1828–1894) с просьбой доставлять ему

¹¹⁹ В него входили И. Гагарин, И. Мартынов, Е. Балабин.

¹²⁰ Их переписку — 22 письма за 1887–1890 гг. — см.: AFCJ. BS Pi 8. *Lettres de Soloviev à Pierling*. Публикацию переписки см.: *Соловьев В. С. Письма* / под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: Тип. товарищества «Общественная Польза», 1911. Т. 3. С. 138–166; *Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 12 т. Доп. книга. Письма и приложение* / [под ред. Э. Л. Радлова]. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1970. С. 266–271.

¹²¹ *Соловьев В. С. Письмо в редакцию [газеты «Новое время»] // Соловьев В. С. Соч. в двух томах / сост., подгот. текста и примеч. Н. В. Котрелева, К. Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. С. 203.*

¹²² См. о нем: *Dictionnaire de Théologie Catholique contenant l'exposé des doctrines de la théologie catholique, leurs preuves et leur histoire / commencé sous la direction de A. Vacant et al. Paris: Letouzey et Ané, 1941. Т. XIV. 2. Scholarios — Szczaniecki. Col. 2630–2635. О его отношении к церковной унии, сформулированном в пастырских посланиях 1881 и 1882 гг., см.: Ibid. Col. 2631–2633.*

работы русского автора. В 1884 г. во время приезда Рачкого в Россию состоялось его встреча с В. С. Соловьевым, и в 1885 г. философ получил от епископа приглашение посетить Загреб и Дьяково для личного знакомства¹²³. Летом следующего года Владимир Сергеевич побывал в гостях у Штросмайера и после этого составил обширный документ, в котором изложил условия объединения Церквей и отметил важную роль видного прелата в экуменическом движении: «Вы использовали Свой гений и Свое замечательное красноречие, чтобы служить божественному делу воссоединения Церквей»¹²⁴. Конечно, деятельность В. С. Соловьева, направленная на объединение Церквей, не могла не обратить на себя внимание, и не только в России.

В начале 1887 г. П. Пирлинг обратился к философу, передавая просьбу французского экономиста Антуана Леруа-Больё (1842–1912), готовившего к публикации третий том большого труда и планировавшего полностью посвятить его истории религии и церкви в России¹²⁵. В ответ на письмо Пирлинга с предложением написать работу, в которой была бы изложена его «религиозная система», В. Соловьев сообщил, что готов сделать это, поскольку такое предложение открывало для него возможность в условиях цензурных гонений и отсутствия возможности «обращаться к собственно русской публике, <...> поделиться своими мыслями с образованною публикою всего света»¹²⁶. В эту работу на французском языке он предполагал

¹²³ Соловьев В. С. Письма / под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: Тип. товарищества «Общественная Польза», 1908. Т. 1. С. 164.

¹²⁴ Появление этого небольшого сочинения было связано с тем, что В. С. Соловьев вступил в открытую дискуссию с православными оппонентами. Полемика приобрела широкий характер, слухи о ней распространились в среде католической иерархии и привели к появлению ряда работ (См.: Serraz 1919: 355), в том числе и сочинения Соловьева, напечатанного в Загребе тиражом десять экземпляров и адресованного епископу Штросмайеру: *Soloviev V. Quelques considérations sur la réunion des Églises. Lettre à son excellence Monseigneur J. G. Strossmayer, Evêque de Bosnie et Sirmium, Administrateur Apostolique de la Serbie, Conseiller intime d'État de S. M. A. etc. etc. 29 septembre 1886. P. 3. — AFCJ BS Pi 8. 14 p. (imprimée)*. О взглядах В. С. Соловьева и Й. Ю. Штросмайера на церковную унию см.: Чуркина 1993: 143–148. Ср.: Соловьев В. С. Догматическое развитие Церкви в связи с вопросом о соединении Церквей. М.: Университетская типография (М. Катков), 1886. 87 с.

¹²⁵ Опубликован в: *Leroy-Beaulieu A. L'Empire des Tsars et les Russes. Paris: Hachette, 1889. Vol. III. La religion. 671 p.*

¹²⁶ В. С. Соловьев — П. Пирлингу, 31 января 1887 г. BS Pi 8; Соловьев В. С. Письма. III. 1911: 138.

включить «по возможности краткое и полное изложение тех понятий о религии и церкви, которые составляют <...> принципиальную основу для дела соединения церквей»¹²⁷.

В связи с подготовкой труда В. С. Соловьев, в свою очередь, написал, что ему потребуются авторитетные замечания П. Пирлинга и И. Мартынова:

Что касается до политических обстоятельств, то оставляя неприкосновенным принципиальное содержание моего сочинения (защиту папской власти во всем объеме против притязаний национализма и покушений государственного абсолютизма) я всегда готов изменить и совершенно переделать форму и тон моей полемики по Вашим указаниям и соответственно новым видам церковной политики (например, при возможности сближения Св. Престола с русским правительством и т. п.). Но сделать необходимые для этого изменения в первой части моей книжки (вторая находится вне политики) я не могу иначе как переговоривши с компетентным лицом, то есть прежде всего с Вами и о. Мартыновым.¹²⁸ (подч. мною. — С. Я.).

В. С. Соловьев остался православным, но при этом отстаивал в сочинениях идею Вселенской Церкви, то есть ту самую идею, над осуществлением которой в течение нескольких десятилетий в практическом плане активно трудились русские иезуиты в Париже. В одном из писем И. Мартынову он написал:

Я восстаю против *местной иерархии* во имя вселенского *предания*, и я ли не православный? Взгляд на папу как на наместника Петрова и верховного учителя вселенской церкви есть несомненно взгляд древнейший, освященный вселенскими соборами, на которых председательствовали римские легаты, и сохраненный в наших богослужебных книгах¹²⁹. (курсив мой. — С. Я.)

¹²⁷ Соловьев В. С. Письма. III. 1911: 138. Первоначальный замысел написать сравнительно небольшую статью объемом в 4–5 печатных листа изменился. В. С. Соловьев изложил взгляды в большом труде, который он писал в течение двух лет в имении Леруа-Больё в Вирюфле и завершил в 1888 г. *Soloviev V. La Russie et l'Eglise Universelle*. Paris: Albert Savine, 1889. 318 p.

¹²⁸ Там же. С. 270.

¹²⁹ Там же. С. 273.

Славянская библиотека — крупнейшая славистическая коллекция в Европе

Институция несколько раз вынужденно меняла место расположения и адрес, в том числе и в связи с ограничениями в законодательстве, которые принимались французским правительством по отношению к религиозным организациям. Очевидно, поэтому в августе 1878 г. П. Пирлинг составил небольшую заметку, в которой обозначил предназначение Славянской библиотеки (или Славянского музея), и отправил ее своему давнему другу В. А. Бильбасову¹³⁰. Он указал две основные задачи этой институции:

1) Знакомить иностранцев с Россией <...>; 2) ввести в славянское общество новый элемент примирения на основании свободы совести. Славянский вопрос далеко не решен, в некоторых отношениях даже не затронут. Во многих славянских сердцах глубоко таится национальный партикуляризм и даже национальная вражда. Официальные угрозы и насильственные меры бессильны против духовных стремлений, Славянский музей обращается к самосознанию и к убеждениям каждого, он принимает настоящее положение славян как “совершенное событие”, забывает прошедшее и стремится к примирению всех славянских тенденций под одним условием, чтобы не было насильства против совести кого-либо¹³¹.

В газете «Голос», которую редактировал В. А. Бильбасов, в номере за 6 (18) июля 1880 г. был опубликован дополненный текст заметки П. Пирлинга. Ее перевели на французский язык и издали в Париже небольшой брошюрой¹³².

В 1880 г. благодаря друзьям Славянскую библиотеку удалось разместить в новом месте в Париже, но в 1901 г. ее ожидало новое испытание — в связи с принятием во Франции антиклерикального закона П. М. Вальдека-Руссо, призванного ограничить деятельность религиозных организаций, П. Пирлингу пришлось решать сложный вопрос о том, где разместить книги и архив. Оставить их в Париже уже не представлялось возможным, он вступил в переговоры

¹³⁰ AFCJ BS Pi 11.

¹³¹ Ibidem.

¹³² *Pierling P. Les Jésuites Russes et le Musée Slave. Paris, 1880.*

с бельгийскими болландистами¹³³ и договорился с ними, что они примут Славянскую библиотеку под свой кров. При этом было оговорено, что Парижская провинция Общества Иисуса сохранит по отношению к Библиотеке право собственности и, когда пожелает, сможет вернуть ее обратно¹³⁴.

По договоренности с бельгийскими болландистами большую часть Библиотеки перевезли в Брюссель в 1901 г. Сам П. Пирлинг с остатками книг оставался в Париже. Когда в 1905 г. построили новое более просторное здание резиденции болландистов, туда в соответствии с прежней договоренностью перевезли и Славянскую библиотеку. В соответствии с пожеланием П. Пирлинга читальный зал, прилегающий к библиотеке болландистов, был оборудован соответствующей мебелью.

Поскольку ситуация во Франции была не слишком благоприятной для дальнейшей работы, в 1908 г. П. Пирлинг принял окончательное решение покинуть Париж. Несколько ящиков книг и рукописей он отправил в Брюссель, куда переселился сам и провел там последние годы жизни. Судя по всему, ученый чувствовал себя в Брюсселе настолько комфортно, что высказывал пожелание чтобы Библиотека и далее оставалась в распоряжении болландистов¹³⁵.

У П. Пирлинга появились молодые коллеги: в 1911 г. с ним начал активно сотрудничать М.-Ж. Руэ де Журнель, выучивший русский язык и помогавший историку в покупке, подборе книг, в составлении коллекции Славянской библиотеки¹³⁶, а также Станислав Тышкевич (1887–1962). Андрей Пирлинг написал брату в марте 1913 г., что очень рад этому: «У тебя есть такая хорошая помощь, это поможет продолжить твое дело»¹³⁷.

После смерти Павла Пирлинга руководители Французской провинции Общества Иисуса решили, что наступило время потребовать возвращения Славянской библиотеки в Париж. В результате

¹³³ *Болландисты* — католическая конгрегация (преимущественно ученые-иезуиты), занимающаяся собиранием, сочинением и изданием житий святых и манускриптов. Получили название по имени одного из основателей Жана Болланда (1596–1665).

¹³⁴ Rouët de Journal 1922: 646.

¹³⁵ Rouët de Journal 1922: 647; Coudenys 2004: 111.

¹³⁶ Их обширную и подробную переписку за 1911–1914 гг. см.: AFCJ BS Pi 7.

¹³⁷ А. Пирлинг — П. Пирлингу, Седлец, 12 марта 1914 г. AFCJ BS Pi 1-5 (Correspondance familiale).

сложных переговоров о том, каким образом можно разделить ее, в начале 1923 г. преемник Пирлинга Мари-Жозеф Руэ де Журнель (1880–1974) прибыл в Брюссель и увез основную часть коллекции, оставив только то, что могло понадобиться болландистам для продолжения их работы по восточной агиографии¹³⁸.

Несмотря на договоренность о делении Библиотеки между брюссельскими болландистами и парижскими иезуитами, споры о ее окончательной принадлежности продолжались вплоть до объединения с библиотекой Интерната Святого Георгия в Медоне в 1982 г. Это учебное заведение было создано в Константинополе в апреле 1921 г. для обучения детей эмигрантов, вынужденных бежать из России после окончания Гражданской войны.

В связи с изменениями политической жизни Турции Интернату в марте 1923 г. пришлось переехать в Бельгию (Намюр), затем, в 1940 г. — сначала в Париж, а в 1946 г. постоянным местом его пребывания стал пригород Парижа — Медон¹³⁹.

Для решения важнейшей задачи — изучение русского языка — Интернат нуждался в соответствующей литературе. Систематическое формирование фондов библиотеки и картотеки началось в конце 1950-х годов¹⁴⁰. В 1972 г. Интернат получил официальное название *Centre d'Etudes Russes* («Центр русских исследований»). Таким образом, его деятельность существенно расширилась — она не ограничивалась лишь изучением языка: была построена часовня и открыта иконописная мастерская.

В связи с произошедшими переменами потребовалось изменить способ комплектации библиотеки. К началу 1990-х годов книжное собрание Центра увеличилось до 35 тыс. томов, не считая периодических изданий. Кроме этого, был осуществлен ряд новых издательских инициатив. В 1979 г. началась публикация журнала «Символ», который являлся официальным изданием Славянской библиотеки¹⁴¹.

В 1982 г. Славянская библиотека переехала из Парижа в Медон и ее фонды — по преимуществу исторические и богословские — объединили с фондами Центра — по преимуществу литературными и лингвистическими. Таким образом, Славянская библиотека

¹³⁸ Coudenys 2004: 113.

¹³⁹ Elens, Rouleau 1992: 7–27.

¹⁴⁰ Ibid. P. 20.

¹⁴¹ Ibid. P. 29–32.

существенно увеличилась и расширилась. Наряду с книжным собранием в ее составе находились архивные материалы — биографические документы, отражающие жизнь и деятельность ее создателей и хранителей — И. С. Гагарина, И. М. Мартынова, П. Пирлинга, М.-Ж. Руэ де Журнеля¹⁴², собранные ими коллекции¹⁴³.

В Медоне книжное и архивное собрание Славянской библиотеки находилось до 2002 г., когда было принято решение о закрытии «Центра русских исследований» и расформировании его коллекции. Книги и часть архивных материалов были переданы в библиотеку им. Дидро в Лионе¹⁴⁴. Личные и архивные документы основателей и хранителей Славянской библиотеки стали частью Архива Французской провинции Общества Иисуса¹⁴⁵.

Архивное собрание П. Пирлинга также разделили между Архивом французской провинции Общества Иисуса (*Archives françaises de la Compagnie de Jésus. Vanves: Bibliothèque Slave. P. Pierling = AFCJ BS Pi*) и библиотекой им. Дидро в Лионе (*Bibliothèque Diderot de Lyon: Bibliothèque Slave — Archives. Fonds: Pierling = BDL BS Pi*). Книжный фонд Славянской библиотеки составил важную часть — основу ее славистической коллекции. Таким образом, одна часть архива П. Пирлинга оказалась в Париже, другая в Лионе.

Личные фонды отцов-основателей хранятся теперь в архиве Общества Иисуса в Ванве, а с различными рабочими документами их коллекций (брошюры, оттиски, рукописи, вырезки из прессы и пр.) можно познакомиться в Библиотеке им. Дидро¹⁴⁶.

Библиотека Императорской академии наук в Риме

Славянская библиотека в лице ее хранителя П. Пирлинга находилась в постоянном контакте с различными учеными и научными сообществами, обменивалась с ними книгами и документами. Особо следует упомянуть о большом книжном собрании, созданном

¹⁴² AFCJ BS Ga (Archives Gagarin); BS Ma (Jean Martinov [1821–1894]); BS Pi (Paul Pierling [(1840–1922)] (appartenait à la province d'Autriche); Marie-Joseph Rouët de Journal (1880–1974).

¹⁴³ AFCJ BS Pi; BDL BS Pi.

¹⁴⁴ Maître 2011; BDL BS Pi.

¹⁴⁵ AFCJ BS Ga, BS Pi.

¹⁴⁶ Maître 2011.

по инициативе Императорской академии наук. Эта библиотека начала формироваться в связи с учреждением в Риме в 1903 г. должности ученого корреспондента Академии наук¹⁴⁷. Она должна была обслуживать нужды как самого ученого корреспондента, так и приезжающих для работы в итальянских архивах российских исследователей. Библиотека по преимуществу комплектовалась из изданий «справочного характера или непосредственно относящихся к тем вопросам, разработкой которых был занят Ученый корреспондент»¹⁴⁸. Разумеется, ее собрание было самым непосредственным образом связано с тематикой Славянской библиотеки, с сюжетами исследований самого П. Пирлинга.

С 1909 г. Академия наук ежегодно выделяла дополнительные средства на пополнение коллекции и аренду отдельного помещения для библиотеки в Риме¹⁴⁹. В 1911 г. от П. Пирлинга из Брюсселя, где в то время находилась Славянская библиотека,

поступило в Библиотеку ученого корреспондента свыше 40 сочинений, написанных или изданных как им самим, так и его сочленами по ордену Иисуса, покойными оо. Гагариным и Мартыновым. Дар этот представляет ценный материал по истории Русского католицизма, преимущественно во второй половине прошлого столетия, и выделяется сравнительной полнотой в подборе относящихся сюда данных, а также библиографической редкостью входящих в коллекцию сочинений. К концу 1913 года библиотека насчитывала в своем составе 2167 названий, из коих некоторые представляют собою, каждое в отдельности, многие десятки и даже сотни томов¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Протоколы И.-Ф.О. АН, 1903. § 103. О создании русской Библиотеки в Риме и порядке ее формирования (30 апреля 1903 г.).

¹⁴⁸ Императорская Академия наук: 1889–1914. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Ч. 1. С. 623–631. Автором, несомненно, является Е. Ф. Шмурло. Статья с некоторыми изменениями воспроизводит машинописный черновик с его правкой. См.: ГАРФ. Ф. 5965. Е. Ф. Шмурло. Оп. 1. Д. 234. Л. 1–8.

¹⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24/1898. Л. 74. Протоколы И.-Ф.О. АН, 1909. § 224. О выделении дополнительных средств на пополнение и содержание Библиотеки Ученого корреспондента в Риме (16 сентября 1909 г.); Там же. Л. 75. Протоколы И.-Ф.О. АН, 1909. § 262. О деньгах для найма помещения под Библиотеку Ученого корреспондента (30 сентября 1909 г.).

¹⁵⁰ Императорская Академия наук. С. 623–631. В отчете за 1910–1911 гг. Е. Ф. Шмурло отмечал, что «в течение отчетного года был составлен каталог Библиотеки на отдельных карточках, хронологически и систематически, с внесением всего имеющегося на лицо книжного материала в особую инвентарную книгу. <...> В настоящее

Постепенно, приблизительно в течение двух десятилетий, усилиями Е. Ф. Шмурло, все это время исполнявшего обязанности ученого корреспондента в Риме, сложилось большое специализированное собрание. О его составе можно судить на основании краткого описания, которое содержится в статье об ученом корреспонденте в Риме¹⁵¹, но прежде всего — на основании сохранившегося каталога¹⁵².

В 1924 г. в связи с упразднением должности ученого корреспондента встал вопрос и о судьбе библиотеки. Была достигнута договоренность о ее передаче сроком на десять лет Институту Восточной Европы (*Istituto per l'Europa Orientale*) в Риме¹⁵³, где она оставалась до 1939 г.¹⁵⁴ Затем состоялась передача 7658 томов (25 ящиков)¹⁵⁵ из ее фонда в Библиотеку Академии наук¹⁵⁶. Поскольку в академической библиотеке не хранятся отдельные коллекции, библиотека ученого корреспондента была распределена по различным фондам и как целое прекратила существование.

Архив П. Пирлинга

Выстраивая общую канву истории отношений между Россией и Святым престолом, Павел Пирлинг формировал коллекции документов, а затем к 1920 г. составил общую опись архива Славянской

время под книгами находится 18 шкафов большого размера» (Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Пг.: Типография Императорской академии наук, 1915. Т. III. Вып. 2. С. 183).

¹⁵¹ Императорская академия наук. 1917. С. 623–631.

¹⁵² ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 612. б/д.; Ф. 5965. Оп. 1. Д. 613 (продолжение). б/д.; СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24/1898. Л. 25–25 об. В письме 17 марта 1905 г. сообщалось о том, что Историко-филологическое Отделение «высказало желательность получения для библиотечного каталога Академии копии библиотеки ученого корреспондента Отделения в Риме, а равно, по мере пополнения его в будущем, и соответственных списков книг» (Л. 25).

¹⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 342. Л. 34: архивная выписка от 07 февраля 1939 г. (И.-Ф. О. РАН. Протокол заседания 23 апреля 1924 г. § 150). СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24/1898. Л. 164. Ответ Академии наук от 8 мая 1924 г. на письмо Е. Ф. Шмурло от 4 апреля 1924 г.

¹⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 7. Д. 293. Л. 128–129. Переписка по поводу перевозки библиотеки.

¹⁵⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1а. 1938 г. Д. 180. Л. 27, 33, 34 (В. Г. Бухерт).

¹⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1939 г.). Д. 38. 16 л.: 7 февраля 1939 г. — 13 февраля 1940 г. (переписка по поводу передачи Библиотеки бывшего Ученого корреспондента в Риме в БАН).

библиотеки¹⁵⁷. Ее последующее перемещение привело к изменениям в расположении документов и в настоящее время приходится просматривать эти коллекции, чтобы найти нужный материал. Особенно это относится к документам в Библиотеке им. Дидро в Лионе. Частично о том, что собой представляет собрание документов П. Пирлинга, было сказано выше.

В самом общем виде собрание документов П. Пирлинга может быть разделено на несколько больших частей¹⁵⁸:

I. Личные биографические данные

- Личные документы
- Переписка с членами семьи
- Иосиф Пирлинг (отец)
- Яков Пирлинг (дядя отца)

II. Профессиональные, служебные материалы

- Миссия в Болгарию (1879 г.)
- Славянская библиотека

III. Опубликованные: статьи, брошюры и рукописи готовых работ

- Г. Грубер (опубликован в 1999 г.)
- И. С. Гагарин (опубликован в 1996 г.)

IIIa. Рукописи или их фрагменты

- Письма Поссевино и Комо
- Лжедмитрий: исследования и результаты; Лжедмитрий и Александр Рангони
- Россия и Св. престол, предисловие (различные варианты)
- Русские в Риме
- Католицизм в России 200 с.
- Фрагменты рукописи (Польша в конце XVIII в.)

IV. Переписка¹⁵⁹

- с членами Общества Иисуса: Е. Балабин, И. Мартынов, М.-Ж. Руэ де Журнель
- с В. С. Соловьевым
- с княгиней Л. Зайн-Витгенштейн
- с Великим князем Николаем Михайловичем, с дипломатами
- с архивистами и библиотеками

¹⁵⁷ Цимбаева 1995: 87.

¹⁵⁸ Данный список представляет собой лишь общее беглое перечисление материалов, которые находятся в двух коллекциях — в Ванве и в Лионе.

¹⁵⁹ Вся переписка — в Архиве иезуитов в Ванве.

- с издательствами
- с коллегами-историками, общая переписка¹⁶⁰
- рабочая корреспонденция (не классифицированная)
 - V. Коллекции документов¹⁶¹
- Исидор (1439 г.)
- Софья Палеолог
- Н. Шенберг, З. Феррери, П. Чентурионе (1513–1518 гг.)
- Г. Шлитте, Дж. Фр. Канобио, Дж. Джиральди, В. Портико, Р. Кленке (1547–1580 гг.)
- А. Поссевино (1580–1604 гг.)¹⁶²
- Переписка А. Поссевино и кардинала Комо (1577–1580 гг.), (1584 г.) копии, рукописи
- А. Поссевино — копии документов (1579–1582 гг.)
- А. Поссевино — копии документов (1586–1589 гг.)
- Инвентарь архива Поссевино в Экзатене (фото)
- А. Поссевино — копии (фото) хорошо классифицированных документов
- Баторий и Поссевино (опубликованный сборник документов)
- переписка П. Пирлинга в связи с подготовкой сборника к публикации
- А. Комулович (1595–1597 гг.)
- Дмитрий (1603–1609 гг.) — копии документов
- А. Лавицкий. Дневник Московской миссии (1605 г.) (фото, рукопись)
- Н. Чировский. О Московской миссии (1605 г.) (фото)¹⁶³
- А. Вими́на (1650–1663 гг.)
- Ю. Крижанич (1641 г.)
- П. Менезий (1672–1673 гг.)
- П. Лигарид (1668–1723 гг.)
- К. Вота (1684 г.)
- Биография Г. Грубера. Копии документов

¹⁶⁰ Пять картонов — корреспонденция расположена по алфавиту.

¹⁶¹ Коллекции с разной степенью полноты отражают указанную тему или фигуру.

¹⁶² Наибольшее количество этих документов находится в Архиве иезуитов (Ванв).

¹⁶³ Там же.

Заключение

Интересным и важным свидетельством контактов Императорской академии наук с П. Пирлингом, высокой оценкой его научной деятельности является обращение к нему в 1902 г. академика А. С. Лаппо-Данилевского с предложением принять участие в одном из намечавшихся к публикации академических изданий (*Varia spectantia ad Moscoviam*), а в связи с проектом учреждения в Риме должности ученого корреспондента Императорской академии наук Пирлинг рассматривался в качестве возможной кандидатуры. Конечно, это не было случайностью. 18 февраля 1901 г. В. А. Бильбасов написал П. Пирлингу:

Часто вижу в[еликого] к[нязя] Николая Михайловича (историк. — *С.Я.*) и всякий раз заходит речь о Вас — он не читал первых двух томов (*La Russie et le Saint-Siège*. — *С.Я.*), но третий (том о Лжедмитрии. — *С.Я.*) его с ума свел. Он от него в восторге¹⁶⁴.

Весной 1903 г. В. А. Бильбасов отправил Пирлингу еще два письма. 24 февраля 1903 г. он написал:

Академия Наук определила иметь в Риме специального представителя для отыскания и описывания всех документов (преимущественно на греческом и латинском языках), касающихся Русской истории. Все дело уже одобрено, даже жалованье в 6000 руб. назначено <...>, я назвал Вас. Н. Ф. Дубровин (с 1893 г. ученый секретарь Академии наук. — *С.Я.*) пришел в ужас: не русский подданный и иезуитского ордена член! Мне легко было убедить его, что наука не знает ни вероисповедных отличий, ни племенных, ни полицейских. Членами Академии состоят не одни русско-подданные и православные. В конце концов он согласился переговорить о Вас с президентом, в[еликим] к[нязем] Константином Константиновичем (президент Императорской академии наук. — *С.Я.*), не ожидая даже ответа Вашего на это мое письмо. Прежде, чем отвечать, — подумайте хорошенько и обсудите всесторонне. Пред Вами открывается дальний путь и Вы, более чем кто-либо, в состоянии пройти его с честью и принести русской науке обильные плоды. Не торопитесь сказать нет, как бы задача не казалась трудна¹⁶⁵.

¹⁶⁴ AFCJ BS Pi 11.

¹⁶⁵ BS Pi 11.

Наконец, в письме 19 марта 1903 г. говорилось:

Только что полученная Ваша *carte-lettre* (почтовая карточка) крайне порадовала меня — значит Вы скоро пожелаете к нам. Ваше откладывание, признаюсь, меня огорчило, и вот почему: В[еликий] к[нязь] Николай Михайлович говорил государю императору о Вашем приезде в Петербург, причем упомянув, что Вы единственный ученый посланник (так в тексте. — С.Я.) в Риме, на которого Академия Наук может надежно положиться. Это было за завтраком, причем императрица Александра Федоровна изъявила желание видеть и беседовать с Вами. Теперь оборотная сторона медали. Н. Ф. Дубровин целый час обсуждал с в[еликим] к[нязем] К[онстантином] К[онстантиновичем], как президентом (Академии наук. — С.Я.), о моем предложении. Результат: президент не видит препятствия ни в Вашем подданстве (они не знали еще тогда, что Вы русский подданный (подч. мною. — С.Я.), ни в принадлежности к Обществу Иисуса, но не может примириться с тем, что Вы католик! Каковы головы, а?¹⁶⁶

Тем не менее заседание Историко-филологического отделения Императорской академии наук, которое состоялось 12 марта 1903 г., приняло единогласное решение об избрании на должность ученого корреспондента в Риме Е. Ф. Шмурло, который исполнял возложенные на него обязанности вплоть до упразднения должности в 1924 г. В связи с этим более понятным становится содержание письма, которое он написал Пирлингу при отъезде из Санкт-Петербурга 2 ноября 1903 г.:

Да, я еду в Рим и получил уже назначение. Передо мной открывается новая, хотя отчасти уже и знакомая деятельность; охотно берусь за нее, но не скрываю трудности своего положения и отнюдь не ободряюсь собственными силами. Вот когда особенно понадобятся мне Ваши добрые советы и указания, потому что кто же иной, как не Вы, мог бы быть лучшим истолкователем русско-итальянских отношений в их прошлом, кто мог бы лучше руководить в работах в Ватиканском архиве по истории сношений Св. Престола с Россией? <...> Живо вспоминаю я, как 10 лет тому назад, собственно, Вы ввели меня в Ватикан и облегчили мою работу, познакомив с отц[ом] Эрле¹⁶⁷, который и до сих пор не отказывает мне в своем внимании.

¹⁶⁶ BS Pi 11.

¹⁶⁷ О. Франц Эрле (1845–1934) — в 1895–1914 гг. префект Ватиканской библиотеки.

Искренно сожалею, что по дороге в Рим (я еду туда сегодня) не могу заехать в Париж, чтоб взять от Вас благословения на предстоящий мне новый труд, я вынужден лишь письменно просить об этом. Не примите, глубокоуважаемый отец Павел, слов моих за простую фразу: я искренно говорю то, что думаю. Ваше благословение пастыря, Ваш жизненный опыт да послужит мне нравственной поддержкой и да облегчат мне выполнение моей далеко не легкой миссии, где цели знания и науки должны, в интересах исторической правды, идти рука об руку с должным уважением к Церкви, — тем уважением, которого — увы! — так мало в наш “просвещенный” век. К тому же повсюду господствующее стремление национализировать Церковь сплошь и рядом мешает нам видеть универсальность той Церкви, великую творческую работу которой придется мне наблюдать теперь уже не издалека, а вблизи. Свои ватиканские работы придется мне построить, конечно, иначе, чем я их вел до сих пор: некоторое понятие о них даст Вам инструкция, выработанная Академией (не без моего личного участия)¹⁶⁸, экземпляр коей я пришло Вам уже из Рима. Моя новая должность носит название: “Ученый корреспондент в Риме при историко-филологическом отделении Император[ской] Академии Наук”. Ученый не совсем скромная и во всяком случае архаическая форма для выражения соответствующего понятия. Недаром здешние французы затрудняются передать ее по-французски. Целая коллегия преподавателей франц[узского] языка обсуждала этот вопрос и решила так перевести: “*Correspondent erudit a Rome de l’Academie Imperiale des Sciences de St. Petersbourg*”. Что слова: “при историко-филологич[еском] отделении” остались не переведенными, это я понимаю: для иностранца это деталь излишняя и только бы осложнила. Но вот *erudit* вызывает возражение не только моего малокомпетентного уха, но и литературно-образованных французов: *Erudit* они заменяют словом *lettré*, но тоже не с уверенностью. Не происходит ли это от того, что хотят близко к подлиннику перевести то, что, по существу, не переводимо? Не следует ли совсем отказаться от понятия ученый и заменить его чем-либо в роде *permanent*¹⁶⁹ и т.п.? Разрешением этого маленького затруднения (по адресу: *Rome, poste restante, E. Schmourlo*) Вы много меня обяжете.

Сразу же по приезде в Рим (3 января 1903 г.) Е. Ф. Шмурло вновь написал Пирлингу:

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 615. Положение об обязанностях и службе Ученого корреспондента Историко-филологического отделения Императорской академии наук в Риме.

¹⁶⁹ *Permanent* — постоянный (франц.).

Только на днях начали приходить мои вещи и потому только сегодня могу я послать Вам инструкцию, про которую упоминал в прошлый раз. По приезде в Рим меня ожидало Ваше письмо с тем теплым напутствием, которое мне так ценно и которое я всегда сохранию, как выражение доброго Вашего ко мне расположения. Пока еще устраиваюсь, ориентируюсь, свожу знакомства; настоящая работа начнется не раньше, вероятно, как после Нового года. *Délegué à Rome de l'Ac[ademie] Imp[eriale] des Sciences de St. Pet.* — так я и объявил себя, согласно Вашему любезному указанию. Можно ли надеяться, что когда-нибудь мы увидимся с Вами в Риме? Теперь этого хотелось бы более чем когда¹⁷⁰.

Вероятно, назначение П. Пирлинга не состоялось именно потому, что он был католиком.

В течение всей жизни он продолжал исполнять обязанности священника. Проживая во Франции, находился в церковной юрисдикции Могилевской архиепархии, от имени которой подтверждались его пастырские полномочия¹⁷¹. Парижский архиепископ предоставил ему право исповедовать и читать проповеди в период Адвента и Великого поста¹⁷². В качестве священника и профессора Общества Иисуса он получил право совершать таинство причастия (1872 г., 1873 г., 1880 г.)¹⁷³.

С самого начала научных занятий П. Пирлинг находился в кругу своих собратьев — русских католиков-иезуитов, которые стремились к объединению Церквей. Эта идея вполне укладывалась в русло папской политики по отношению к славянам¹⁷⁴ и отражала настроения в среде русских интеллектуалов, задумывавшихся о путях развития своей родины¹⁷⁵.

П. Пирлинг был католическим исследователем, священником, членом Общества Иисуса (иезуитом). Разумеется, это не могло не наложить отпечаток на все его творчество: основные цели его деятельности не вызывают сомнений. Они заключались в том, чтобы

¹⁷⁰ Bibliothèque Slave de Paris. 15, rue Porto-Riche F92190 Meudon (письма Шмурло Пирлингу от 2 ноября 1903 г. и 3 января 1904 г. были получены от о. Франсуа Руло без указания их точного местонахождения в фондах Славянской библиотеки).

¹⁷¹ AFCJ BS Pi 1. 1903 г., 1904 г., 1907 г.

¹⁷² Ibidem.

¹⁷³ Ibidem.

¹⁷⁴ Славянская Энциклика папы Льва XIII *Grande Munus* (1880).

¹⁷⁵ П. Я. Чаадаев.

подчеркнуть не только противоречия, разделяющие две Церкви: католическую и православную, но и обратить внимание на давние контакты между ними, между западными и восточными государствами-соседами: Польшей и Россией и пр.

В связи с этим Е. Ф. Шмурло, много лет проработавший в итальянских архивах и библиотеках, справедливо написал о П. Пирлинге: «[Е]сли когда-нибудь будет достигнуто сближение католической и православной Церквей, то в этом будет большая заслуга исследователей, подобных П. Пирлингу»¹⁷⁶.

При этом П. Пирлинг был и остался ученым-историком, поэтому характеристика, данная ему немецким историком Э. Винтером, представляется слишком прямолинейной:

Книга Д. Толстого о католицизме в России заставила П. Пирлинга, русского выходца из немцев, писавшего по-французски, более основательно заняться этой темой. <...> В основанной князем Гагариным “Славянской библиотеке” Пирлинг нашел всю относящуюся к этой теме литературу и источники, необходимые для его грандиозного замысла. <...> Пирлинг в приложении к своим многочисленным работам опубликовал множество документов, которые имеют большую ценность, хотя и специально подобраны им с целью апологии папства (подч. мною. — С.Я.). То же самое можно сказать о публикации источников, напечатанных иезуитом М.-Ж. Руэ де Журнель по настоятельной просьбе Пирлинга, преемником которого на посту хранителя рукописных сокровищ “Славянской библиотеки” в Париже он был¹⁷⁷.

В творчестве П. Пирлинг счастливо сочетал хороший слог и использование большого количества новых документов. Некоторые из них он публиковал в приложениях к работам¹⁷⁸. Важное значение

¹⁷⁶ Schmourlo 1922: 317.

¹⁷⁷ Винтер 1964: 23, 30.

¹⁷⁸ *Pierling P. Rome et Démétrius*. P. 156–218 (публикация большой подборки — 56 документов из архива князей Боргезе) (см.: *Pierling P. 1890: 1*); *Pierling P. Rome et Moscou (1547–1579)*. Paris: Hachette Bnf, 1883. P. 137–161 (документы из нескольких фондов Ватиканского архива); *Pierling P. Un nonce du Pape en Moscovie*. P. 143–214 (документы Ватиканского архива — Фонд Германской нунциатуры: Germania 93, Венецианского архива и др); *Pierling P. L’Italie et la Russie au XVIe siècle. Voyage de Paoletto Centurione a Moscou. Dmitri Guerassimov a Rome. Gian Francesco Citus a Moscou*. Paris: E. Leroux, 1892. P. 105–127 (несколько документов); *Pierling P. Un arbitrage pontifical au XVIe siècle*. P. 153–267 (документы Ватиканского архива из фонда Германской

для последующих исследователей темы, изучению которой посвятил себя ученый, стало открытие в 1881 г. Ватиканского архива¹⁷⁹.

Собранная им коллекция документов сама стала своего рода «филиалом» многих архивов, а книжные собрания создавали условия для дальнейшей плодотворной работы по изучению вопросов истории отношений между Россией и католической Европой. Благодаря трудам П. Пирлинга в исследовательский обиход были введены многие материалы Германской и Польской нунциатур Ватиканского архива¹⁸⁰. Его избрали членом-корреспондентом Краковской академии наук (1894 г.), доктором *honoris causa* Юрьевского университета (1902 г.), а Славянская библиотека, хранителем которой он оставался, пользовалась заслуженным интересом и уважением среди историков-славистов. Продолжателями научного исследования отношений между Россией и Святым престолом стали автор большого двухтомного труда Адриен Буду¹⁸¹ и М.-Ж. Руэ де Журнель, который подготовил большую публикацию документов «русской нунциатуры»¹⁸² и написал несколько важных работ¹⁸³.

нунциатуры [Germania 93]); *Pierling P.* Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou, 1582–1587. Paris: E. Leroux, 1885. P. 105–179 (документы Германской нунциатуры Ватиканского архива — Germania 13, 93, 94, Svetia 95, Laisse Theiner Венецианского архива и др.); *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Vol. I. 2-e éd. P. 435–439; *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Vol. II. P. 383–393 (Ватиканский архив — Germania 95, два документа из личной коллекции П. Пирлинга); *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Vol. III. P. 431–450 (Ватиканский архив — фонд Borghese); *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège. Vol. IV. P. 407–433 (документы Ватиканского архива, коллекции П. Пирлинга, Французского министерства иностранных дел в Париже, Московского главного архива — РГАДА, Государственного архива в Симанкас (Испания)).

¹⁷⁹ Яковенко С. Г. 2000.

¹⁸⁰ AAV. Segr. Stato. Polonia 15A, 15B, 15C; Germania 13, 92, 93.

¹⁸¹ *Boudou A. S. J.* Le Saint-Siège et la Russie. Leurs relations diplomatiques au XIXe siècle. Paris: Plon-Nourrit, 1922. Vol. I. 1814–1847. 580 p.; Paris: Plon-Nourrit, 1925. Vol. II. 1848–1883. 566 p.

¹⁸² *Rouët de Journal M.-J.* Nonciatures de Russie d'après les documents authentiques. Rome: Impr. polyglotte vaticane, 1922. Vol. 1. Nonciature d'Archetti, 1783–1784. 751 p.; 1943. Vol. 2. Nonciature de Litta, 1797–1799. 452 p.; 1952. Vol. 3. Nonciature d'Arezzo, 1802–1806. 1ère partie, 1802–1804. 469 p.; 1927. Vol. 4. Nonciature d'Arezzo, 1802–1806. 1ère partie, 1802–1804. 506 p.; 1957. Vol. 5. Intérim de Benvenuti (1799–1803).

¹⁸³ Rouët de Journal 1922a; Rouët de Journal 1922b.

Список сокращений

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
AAV. Segr. Stato — Archivio Apostolico Vaticano. Segreteria di Stato
AAV. Segr. Stato. Germania — Nunziatura di Germania
AAV. Segr. Stato. Polonia — Nunziatura di Polonia
AFCJ — Archives françaises de la Compagnie de Jésus. Paris (Vanves)
ARSI — Archivum Romanum Societatis Iesu. Romae
BDL Pi — Bibliothèque Diderot de Lyon. Paul Pierling
BSL Pi Russica — Bibliothèque Slave de Lyon. Fonds Pierling
BS Pi — Bibliothèque Slave. Paul Pierling (Vanves)
ENS-LSH — École Normale Supérieure (Lyon)
JAZU — Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti
MPV — Monumenta Poloniae Vaticana
ms — Manuscripts
OCP — Orientalia Christiana Periodica
Opp. NN. — Opera Nostrorum
S. I. / S. J. — Societas Iesu

Список исторических географических названий

- Аграм — ныне Загреб в Хорватии
Дерпт — см. *Юрьев*
Пресбург — ныне Братислава в Словакии
Седлец — ныне Седльце в Польше
Юрьев — ныне Тарту в Эстонии

Литература

- Винтер 1964 — *Винтер Э.* Папство и царизм. М.: Прогресс, 1964. 536 с.
Ерусалимский (ред.) 2023 — Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584) / под общ. ред. К. Ю. Ерусалимского; отв. ред. тома: С. В. Полехов, В. В. Рыбаков, А. В. Толстиков, С. Г. Яковенко. СПб.: Наука, 2023. 647 с.
Инглот (ред.) 2006 — Россия и иезуиты 1772–1820 / отв. ред. М. Инглот. М.: Наука, 2006. 340 с.
Сморгунова 2001 — *Сморгунова Е.* О русских кириллических редкостях Славянской Библиотеки в Медоне // Символ. 2001. № 44. С. 181–197.
Успенский 1884 — *Успенский Ф. И.* Сношения Рима с Москвой. (Разбор трудов по русской истории о. Павла Пирлинга) // Журнал Министерства

- Народного Просвещения. 1884. Ч. ССXXXIV. № 8. Отд. 2. С. 368–412; № 10. С. 316–340.
- Успенский 1885 — *Успенский Ф.И.* Сношения Рима с Москвой. (Разбор трудов по русской истории о Павла Пирлинга) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1885. Ч. ССXL. № 8. Отд. 2. С. 290–325.
- Цимбаева 1995 — *Цимбаева Е.Н.* Архив Славянской библиотеки Парижа (опыт описания) // Вестник Московского университета. 1995. Сер. 8. История. № 6. С. 86–94.
- Чуркина 1993 — *Чуркина И.В.* В. С. Соловьев и Й. Ю. Штроссмайер об объединении церквей // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 143–148.
- Шмурло 1900 — *Шмурло Е. Ф.* Об учреждении Русской исторической комиссии в Риме. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1900. 11 с.
- Щепкин 1901 — *Щепкин Е.Н.* Политика папского престола в Смутное время (разбор книги Р. Pierling, S.J. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques. Paris, 1897–1901. Т. 1–2) // Летописи Историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете. IX. Византийско-славянское отделение (бывшее византийское). Одесса, 1901. С. 341–372.
- Юдин, Яковенко 2007 — *Юдин А., Яковенко С. И.М.* Мартынов // Католическая энциклопедия. М.: Научная книга; Издательство францисканцев, 2007. Т. 3. Стб. 223–226.
- Яковенко 1991 — *Яковенко С.Г.* Иезуиты в России. «Записки по истории Общества Иисуса в царствование Екатерины II» // Европейский альманах. М., 1991. С. 154–171.
- Яковенко 2015 — *Яковенко С.Г.* Е. Ф. Шмурло и его незавершенный проект: «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией» // *Ars Historica*. Сборник в честь Олега Федоровича Кудрявцева / сост. и отв. ред. А. К. Гладков. М.; СПб.: ЦНИ Принт, 2015. С. 530–551.
- Яковенко 2000 — *Яковенко С.Г.* Материалы Ватиканского архива о связях России и папства (изучение и характеристика) // Церковь в истории России / отв. ред. Е. В. Белякова. М., 2000. Сб. 4. С. 176–196.
- Яковенко 2003 — *Яковенко С.Г.* Павел Пирлинг (1840–1922), Евгений Шмурло (1853–1934) и их исследования по истории отношений между Россией и Святым Престолом (XV–XIX вв.) // Россия и Ватикан в конце XIX — первой трети XX века: материалы коллоквиума, состоявшегося в Москве 23–24 июня 1998 г. / под ред. Е. С. Токаревой. СПб.: Алетейя, 2003. С. 148–157.
- Яковенко 2005 — *Яковенко С.Г.* О. Павел Пирлинг и его работы по истории взаимоотношений России и папства // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. С. 367–378.

- Burrus 1954 — *Burrus E.J. SJ Monumenta Historica Societatis Jesu* (1894–1954) // *Woodstock Letters*. 1954. Vol. LXXXIII. № 2. P. 158–168.
- Coudenys 2004 — *Coudenys W.* On disappearing libraries: The Bibliothèque slave de Paris // *Solanus: International Journal for Russian and East European Bibliographic*. 2004. Vol. XVIII. P. 108–119.
- Danieluk 2007 — *Danieluk R. SJ. Zasób i organizacja Archiwum Kurii Generalnej Jezuitów w Rzymie*. Referat wygłoszony podczas V Powszechnego Zjazdu Archiwistów Polskich, Olsztyn (Poland), 6–7 September 2007. URL: <https://sites.google.com/site/skargaproject/home/research-guide/arsi/Intro> (дата обращения: 20.09.2023).
- Elsens, Rouleau 1992 — *Elsens A., Rouleau F.* Histoire de Saint-Georges. De Constantinople à Meudon. 1921–1991 // *Plamias*. 1992 (Juin). № 84. P. 7–34.
- Florovski 1941 — Florovski A. *Čeští jezuité na Rusi: jesuité české provincie a slovenský východ*. Praha: Vyšehrad, 1941. 468 s.
- Jakovenko 2002 — *Jakovenko S.* Pavel Pierling (1840–1922), Evghenij Smurlo (1854–1934) e le loro ricerche sulla storia dei rapporti tra la Russia e la Santa Sede (secoli XV–XIX) // *Santa Sede e Russia da Leone XIII a Pio XI. Città del Vaticano: Libreria editrice vaticana*, 2002. P. 33–42.
- Maître 2011 — *Maître A.* “La construction des fonds slaves d’hier à aujourd’hui”, journée d’étude Une bibliothèque russe en France, ENS de Lyon, le 23 novembre 2010. [en ligne]. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lsh.fr/spip.php?article338> (дата обращения: 20.09.2023).
- Marichal 2004 — *Marichal R.* Ivan Sergeevič Gagarin, fondateur de la Bibliothèque slave // *Colloque Les premières rencontres de l’Institut européen Est-Ouest / coordination scientifique S. Martin*. Lyon: ENS LSH, 2004. P. 17–38.
- Rouët de Journal 1922a. — *Rouët de Journal M.-J.* L’Oeuvre des SS. Cyrille et Methode et la Bibliothèque Slave // *Lettres de Jersey*. 1922. Vol. 36. P. 613–648.
- Rouët de Journal 1922b — *Rouët de Journal M.-J.* La compagnie de Jésus en Russie. Un collège des Jésuites à Saint-Pétersbourg, 1800–1816. Paris: Perrin, 1922. 400 p.
- Rouët de Journal 1952 — *Rouët de Journal M.-J. P. Pierling* // *Enciclopedia Cattolica*. Città del Vaticano. 1952. Vol. IX. Col. 1382–1383.
- Rouët de Journal 1959 — *Rouët de Journal M.J.* Paul Ier de Russie et l’union des Églises // *Revue d’histoire Ecclésiastique*. Louvain, 1959. T. 54 (Jan 1). P. 838–863.
- Schmourlo 1922 — *Schmourlo E.* Il R. P. Pierling e i suoi lavori storici su la Russia // *La Civiltà Cattolica*. 1922. Vol. 2. P. 316–327.
- Serraz L. 1919 — *Serraz L.* Un ouvrier Russe de l’Union des Églises: Vladimir Soloviev (1853–1900) (suite) // *Revue des études byzantines*. 1919. T. 115. P. 342–363.
- Sommervogel 1892 — *Sommervogel C.* Bibliothèque de la Compagnie de Jésus. Bruxelles: Oscar Schepens; Paris: Alphonse Picard, 1892. T. III. Desjacques-Gzowski. Col. 1984 Sp.

Sommervogel 1900 — *Sommervogel C. Bibliothèque de la Compagnie de Jésus*. Bruxelles: Oscar Schepens; Paris: Alphonse Picard, 1900. T. IX. Supplément: Casalicchio — Zweisig. Anonymes, pseudonymes. Index géographique des autres et des domiciles. 1810 Sp.

References

- Burrus, E.J. SJ, 1954. Monumenta Historica Societatis Jesu (1894–1954). *Woodstock Letters*, LXXXIII, 2, pp. 158–168.
- Chiurkina, I.V., 1993. V.S. Soloviev i J.G. Strossmayer ob ob'jedenenii Tserkvei [V.S. Soloviev and J.G. Strossmayer about the Unity of the Churches]. *Voprosy Istorii*, 6, pp. 143–148. (in Rus.)
- Coudenys, W., 2004. On disappearing libraries: The Bibliothèque slave de Paris. *Solanus: International Journal for Russian and East European Bibliographic*, XVIII, pp. 108–119.
- Danieluk, R. SJ 2007. *Zasób i organizacja Archiwum Kurii Generalnej Jezuitów w Rzymie. Referat wygłoszony podczas V Powszechnego Zjazdu Archiwistów Polskich, Olsztyn (Poland), 6–7 September 2007*. URL: <https://sites.google.com/site/skargaproject/home/research-guide/arsi/Intro> (accessed: 20.09.2023).
- Elens, A., Rouleau, F., 1992. Histoire de Saint-Georges. De Constantinople à Meudon. 1921–1991. *Plamia*, 84, pp. 7–34.
- Erusalimskii, K.Iu., Polekhov., S.Iu., Rybakov, V.V. Tolstikov, A.V., Jakovenko, S.G., eds. 2023. *Diplomaticheskaia perepiska Ivana Groznogo (1533–1584)* [Diplomatic correspondence of Ivan the Terrible (1533–1584)], I/1, *Sviashchennaia Rimskaia imperiia i evropeiskie strany* [The Holy Roman Empire and European countries], St. Petersburg: Nauka, 647 p. (in Rus.)
- Florovski, A., 1941. *Čeští jezuité na Rusi: jesuité české provincie a slovanský východ*. Praha: Vyšehrad, 468 s.
- Inglot, M., ed. *Rossii i iezuity 1772–1820* [Russia and the Jesuits, 1772–1820]. Moscow: Nauka, 340 p. (in Rus.)
- Jakovenko, S.G., 1991. Iezuity v Rossii. “Zapiski po istorii Obshchestva Iisusa v tsarstvovanii Iekateriny II” [Jesuits in Russia. “Memories on the history of the Society of Jesus in the reign of Catherine II”]. *Evropeiskii al'manakh*. Moscow: Nauka, pp. 154–171. (in Rus.)
- Jakovenko, S.G., 2000. Materialy Vatikanskogho arkhiva o sviaziakh Rossii i papstva (izuchenije i kharakteristika) [Materials of the Vatican Archive on the communication between Russia and papacy]. In: Beliakova, E.V., ed. *Tserkov' v istorii Rossii* [Church in history of Russia], 4. Moscow, pp. 176–196. (in Rus.)
- Jakovenko, S., 2002. Pavel Pierling (1840–1922), Evghenij Smurlo (1854–1934) e le loro ricerche sulla storia dei rapporti tra la Russia e la Santa Sede (secoli

- XV–XIX). In: *Santa Sede e Russia da Leone XIII a Pio XI*. Città del Vaticano: Libreria editrice vaticana, pp. 33–42.
- Jakovenko, S. G., 2003. Pavel Pierling (1840–1922), Evghenii Schmourlo (1853–1934) i ikh issledovaniia po istorii otnoshenii mezhdru Rossiei i Sviatym Pres-tolom (15–19 vv.) [Pavel Pierling (1840–1922), Evghenii Schmourlo and their research on the history of relations between Russia and the Holy See (from the fifteenth to the nineteenth centuries)]. In: Tokareva, E. S., ed. *Rossi-ja i Vatikan v kontse 19 – pervoi polovine 20 vieka: materialy kollokviuma, sos-toiavshegosia v Moskve 23–24 iunija 1998 g.* [Russia and Vatican from the late nineteenth to the early twentieth centuries: proceedings of the colloquium organised in Moscow on 23 and 24 June 1998]. Saint Petersburg: Aleteia, pp. 148–157. (in Rus.)
- Jakovenko, S. G., 2005. O. Pavel Pierling i jego raboty po istorii vzaimootnoshe-nii Rossii i papstva [Pavel Pierling and his works on the history of relations between Russia and papacy]. In: Sakharov, A. N., ed. *Ot Drevnei Rusi k no-voi Rossii. Iubileinyi sbornik, posviashchennyi chlenu-korrespondentu RAN Ja. N. Schapovu* [From Ancient Rus' to new Russia. Jubilee collection of articles dedicated to corresponding member of the Russian Academy of Sciences Ja. N. Shchapov]. Moscow: Palomnicheskii tsentr Moskovskogo Patriarkhata, pp. 367–378. (in Rus.)
- Jakovenko, S. G., 2015. E. F. Schmourlo i iego nezavershennyi project: “Pamiatniki kul’turnykh i diplomaticheskikh snoshenii Rossii s Italiei” [E. F. Schmourlo and his unfinished project: “Monuments of cultural and diplomatic relations of Russia with Italy”]. In: Gladkov, A. K., ed. *Ars Historica. Collection of ar-ticles in honour to Oleg Fedorovich Kudriavtsev*. Moscow-Saint Petersburg, pp. 530–551. (in Rus.)
- Judin, A., Jakovenko, S., 2007. I. M. Martynov. In: *Katolicheskaia entsiklope-diia*, 3. Moscow: Nauchnaia kniga; Izdatel’stvo frantsiskantsev, col. 223–226. (in Rus.)
- Maître, A., 2011. “*La construction des fonds slaves d’hier à aujourd’hui*”, *ournée d’étude Une bibliothèque russe en France, ENS de Lyon, le 23 novembre 2010*. [en ligne]. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lsh.fr/spip.php?article338> (ac-cessed: 20.09.2023).
- Marichal, R., 2004. Ivan Sergeevič Gagarin, fondateur de la Bibliothèque slave. In: Martin, S. ed. *Colloque Les premières rencontres de l’Institut européen Est-Ouest*. Lyon: ENS LSH, pp. 17–38.
- Rouët de Journal, M.-J., 1922. L’Oeuvre des SS. Cyrille et Methode et la Biblio-thèque Slave. *Lettres de Jersey*, 36, pp. 613–648.
- Rouët de Journal, M.-J., 1922. *La compagnie de Jésus en Russie. Un collège des Jé-suites à Saint-Pétersbourg. 1800–1816*. Paris : Perrin, 1922. 400 p.
- Rouët de Journal, M.-J., 1952. P. Pierling. In: *Enciclopedia Cattolica*, IX. Città del Vaticano, col. 1382–1383.

- Rouët de Journal, M.-J., 1959. Paul Ier de Russie et l'union des Églises. *Revue d'histoire Ecclésiastique*, 54 (Jan 1), pp. 838–863.
- Schmourlo, E. F., 1900. *Ob Uchreždeniji Russkoj istoricheskoi komissiji v Rimie* [On the establishment of the Russian Historical Commission in Rome]. Moscow: A. I. Snegireva, 11 p. (In Rus.)
- Schmourlo, E., 1922. Il R. P. Pierling e i suoi lavori storici su la Russia. *La Civiltà Cattolica*, 2, pp. 316–327.
- Serraz, L., 1919. Un ouvrier Russe de l'Union des Églises : Vladimir Soloviev (1853–1900) (suite). *Revue des études byzantines*, 115, pp. 342–363.
- Shchepkin, E. N., 1901. Politika papskogo prestola v Smutnoje vremia (razbor knighi P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques. 1897–1901. T. 1–2). [Politics of the Holy See in the time of Trouble (an analysis of the book of P. Pierling. “La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques”. 1897–1901. T. 1–2)]. *Letopisi Istoriko-filologicheskogo obshchestva pri imp. Novorossiiskom universitete. IX. Vizantiisko-slavianskoe otdelenie (byvshee vizantiiskoe)* [Annals of the Historical and Philological Society at the Imp. University of Novorossiysk. IX. Byzantine-Slavonic Department (formerly Byzantine)]. Odessa, pp. 341–372. (In Rus.)
- Smorgunova, E., 2001. O russkikh kirillicheskikh redkostiakh Slavianskoj biblioteki v Medonie [About Russian Cyrillic rarities of the Slavonic library in Meudon]. *Simvol*, 44, pp. 181–197 (In Rus.)
- Sommervogel, C., 1892. *Bibliothèque de la Compagnie de Jésus*, III, *Desjacques-Gzowski*. Bruxelles: Oscar Schepens; Paris: Alphonse Picard, 1984 col.
- Sommervogel, C., 1900. *Bibliothèque de la Compagnie de Jésus*, IX, *Supplément: Casalicchio—Zweisig. Anonymes, pseudonymes. Index géographique des autres et des domiciles*. Bruxelles: Oscar Schepens; Paris: Alphonse Picard, 1810 col.
- Tsymbajeva, E. N., 1995. Arkhiv Slavianskoj biblioteki Parizha (opyt opisaniia) [The Archive of the Slavic Library in Paris (an experience in description)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, Series 8 History, 6, pp. 86–94. (In Rus.)
- Uspiensky, F. I., 1884. Snosheniia Rima s Moskvoi. (Razbor trudov po russkoj istoriji o. Pavla Pirlinga [Relations of Rome with Moscow (analysis of f. Pavel Pierling's works on Russian history)]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveschenija* [Magazine of the Ministry of Public Education], 234, 8(2), pp. 368–412; 235, 10, pp. 316–340 (in Rus.)
- Uspiensky, F. I., 1885. Snosheniia Rima s Moskvoi. (Razbor trudov po russkoj istoriji o. Pavla Pirlinga [Relations of Rome with Moscow (analysis of f. Pavel Pierling's works on Russian history)]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveschenija* [Magazine of the Ministry of Public Education], 240, 8(2), pp. 290–325. (In Rus.)
- Winter, E., 1964. *Papstvo i tsarizm* [Papacy and tsarism]. Moscow: Progress, 536 p. (In Rus.)

Serguei G. Jakovenko

PhD, independent researcher, E-mail: syakovenko@mail.ru

Pavel Pierling (1840–1922), his Works and his Archive

Pavel Pierling, a Russian historian and member of the Society of Jesus, is the author of the fundamental five-volume work *La Russie et le Saint-Siège*, published in French in Paris from 1896–1912. He wrote this great work based on collections of Russian and European (primarily Italian) archives. Pierling gathered a significant part of these documents in the process of his own research and correspondence conducted with the archives and fellow historians. The historian published a substantial number of collected documents, either in the form of separate publications or as appendices to his research and cites from many of these in his works. At the same time, a lot of material was preserved in his personal archive. It was originally stored as part of the Slavic Library in Paris (*Bibliothèque slave de Paris*), which he presided over from 1877 to 1922. In 1901, due to the tightening of French legislation in relation to religious associations, most of the library had to be transported to Brussels. In 1905, it was moved again to new, more spacious premises. In 1908, Pierling arrived from Paris with the remainder of his books and spent the rest of his life here. In 1923, the Slavic Library was again transported to Paris, until it was moved to a suburb of Paris in 1982, together with the library's archive, in *Le Centre d'études russes de Meudon*. In 2002, this extensive collection, including Pavel Pierling's personal archive, was divided into two larger parts: documents related to the history of the Society and the personal funds of its members were transferred to the *Archives françaises de la Compagnie de Jésus* in Vanves, while the rest ended up as part of the *Bibliothèque Diderot de Lyon*. The extensive collection of Pavel Pierling makes it possible, firstly, to get acquainted with his large private and professional correspondence networks; secondly, to get an idea of his activities as a priest, member of the Society of Jesus, and researcher; and thirdly, to get acquainted with the collections of documents that he had been carefully collecting for his work and which reflect all the subjects and topics of his research. Based on this, one can identify important details of his biography and comprehend the personal and scholarly achievements of this bibliophile, Slavist, and major researcher of the relations between Russia and the Holy See.

Keywords: Society of Jesus, Slavic Library, Russian Catholics of the nineteenth century, Ivan S. Gagarin, Ivan M. Martynov, Antonio Possevino, Vladimir S. Soloviev, Evgenii F. Schmourlo

Acknowledgements: This article was made possible by a scholarship received in 2015 from the *Max Weber Stiftung: Max Weber Foundation. Gerald D. Feldman travel grant.*

How to cite: Jakovenko, S. G., 2023. Pavel Pierling (1840–1922), ego raboty i arkhiv. *Central-European Studies*, 6, pp. 363–407. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.14>.

РЕЦЕНЗИИ

Александр Александрович Силкин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

После войны: «вирулентные» национализмы и травмы коллективной памяти в Центрально-Восточной Европе

**Рец. на: Nationalisms in Action: The Great War and its Aftermath
in East-Central Europe / eds L. Szarka, A. Pók. Komárom: J. Selye
University, 2023. 269 p.**

Сборник статей под редакцией венгерских историков Л. Сарки и А. Пока посвящен последствиям Первой мировой войны для народов Центрально-Восточной Европы, усилиям национальных меньшинств по достижению собственных целей при поддержке этнически родственных государств, анонсированным этими меньшинствами стратегиям национального строительства. Избегая поисков ответа на вопрос о персональной и коллективной ответственности за последствия глобального вооруженного конфликта, авторы конкретно-исторических статей сборника дополняют новыми ценными подробностями историю стран и народов региона периода мировых войн.

Ключевые слова: распад Австро-Венгрии, национальные меньшинства, историография

Цитирование: Силкин А.А. После войны: «вирулентные» национализмы и травмы коллективной памяти в Центрально-Восточной Европе. Рец. на: Nationalisms in Action: The Great War and Its Aftermath in East-Central Europe / eds L. Szarka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, 2023. 269 p. // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 411–428. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.15>.

Англоязычная книга «Национализм в действии: Великая война и ее последствия в Центрально-Восточной Европе» — плод усилий девяти венгерских историков и одного британского. В отсутствие введения (и заключения) замысел и концепция труда разъясняются в первой главе, написанной Ласло Саркой — одним из двух ответственных редакторов. По его словам, общей целью авторы видели

«анализ региональной специфики Первой мировой войны (далее — ПМВ) и ее последствий в Центральной и Юго-Восточной Европе (далее — ЦЮВЕ)»¹. При этом уточняется, что «издание посвящено Австро-Венгерской двуединой монархии, особенно ее транслейтанской части, то есть многоэтничному Венгерскому королевству»². Остановимся более подробно на двух носящих программный характер вводных статьях ответственных редакторов и обозначим основные сюжеты конкретно-исторических исследований авторов сборника.

Анонсируется следующая проблематика: «роль великих держав в формировании национализмов военного времени в регионе»; усилия «национальных меньшинств по достижению собственных целей при поддержке родственных государств»; артикулируемые этими меньшинствами «стратегии национального строительства и их изменения, обусловленные ходом войны»³. Что касается межвоенного периода, по словам Л. Сарки, рассмотрены:

как преобразования военного времени, оказавшие формирующее воздействие на социумы и политику в Восточной и Центральной Европе, так и более поздние <...> исторические интерпретации этих процессов. Особое внимание уделяется тому, как великие державы влияли на государственное строительство в Восточной и Центральной Европе, и какую динамику национализмы военного времени придали этому процессу⁴.

Все перечисленное, однако, предворяется неизбежным для любой работы о Первой мировой войне объяснением ее причин:

Конфликт, постепенно принявший глобальные масштабы, был предвосхищен изменчивостью политических и военных отношений в Европе в начале XX в. Борьба великих держав за позиции в Европе, Азии и Африке обострила напряженность, накопившуюся между двумя системами союзов. Отношения между Центральными державами и Антантой стали чрезвычайно хрупкими после 1908 г. <...>, и эта нестабильность усугубилась кризисом в Марокко и последующими Балканскими войнами. Балканские кризисы еще больше стимулировали и без того растущие националистические

¹ Szarka 2023a: 9.

² Szarka 2023a: 10.

³ Szarka 2023a: 10.

⁴ Szarka 2023a: 18.

и сепаратистские движения в многоэтничных империях ЦЮВЕ, где широкие слои общественного мнения и политиков были встревожены вызовами, исходящими от национальных меньшинств⁵.

Обтекаемые формулировки отражают понятное стремление автора уклониться от политизированной полемики о виновниках произошедшего. Коротко оговорившись, что «империя Габсбургов сыграла ключевую роль в развязывании войны»⁶, Л. Сарка аргументировал актуальность выбранной темы:

Мало сомнений в том, что национальные движения и национализмы сыграли решающую роль в истории ЦЮВЕ в XX в. В истории, которая началась с мирных договоров, положивших конец ПМВ, и закончилась в результате распада СССР, Югославии и Чехословакии⁷.

О том, какова эта роль, можно судить по эпитетам, которыми «приправлен» объект исследования: «национализмы, агрессивные по своей природе»; «банальные эндемические национализмы, переродившиеся в вирулентные, насильственные национализмы»; «национализмы, нацеленные на национальное строительство, радикализировавшиеся в течение нескольких военных месяцев до такой крайней степени, что их не без основания можно называть воинствующими национализмами»⁸. Кто являлся носителем оных? Автор посчитал, что не титульные нации Австро-Венгерской и прочих распавшихся в результате ПМВ империй. Имеются в виду народы, построившие государственность на их руинах, о чем свидетельствуют как вышеприведенные цитаты, так и «классическая дефиниция национализма, которой придерживаются авторы»⁹. А именно: «Национализм нацелен на создание национальных государств. И если эта цель не достигается, происходят трагедии».

Оценивая вышеприведенные утверждения, выразим частичное несогласие с ними. При всей несомненной «вирулентности» национализмов сербского, хорватского, словацкого, румынского и так далее едва ли они сыграли решающую роль в произошедшем в ЦЮВЕ в эпоху мировых войн. Будучи по большей части объектами, а не

⁵ Szarka 2023a: 9.

⁶ Szarka 2023a: 12.

⁷ Szarka 2023a: 11.

⁸ Автор различает понятия *war nationalism* и *war-time nationalism*.

⁹ Szarka 2023a: 10–11.

субъектами европейской *grande politique*, народы, обретшие государственность после ПМВ, оставались заложниками стратегии и тактики великих держав — главных виновников «трагедий» в регионе.

Еще одно «введение», написанное вторым ответственным редактором Атилиой Поком, озаглавлено «Основные направления интерпретации Первой мировой войны». Читателю предложен краткий обзор трех этапов изучения ПМВ мировой историографией с 1920-х годов до настоящего времени. Автору следует отдать должное — столь сложный и неоднозначный научный феномен представлен читателю в лаконичной и доступной форме, что позволяет составить адекватное представление о нем даже тем, кто знаком с проблемой лишь в общих чертах. Хотя некоторые моменты вызывают недоумение. Например, справедливо указано, что наиболее выдающимся по своему влиянию достижением второго поколения исследователей стала книга Фрица Фишера (1908–1999) «Рывок к мировому господству»¹⁰. При этом «еще одной влиятельной персоной поколения» назван Арно Майер (род. в 1926 г.) — автор нескольких книг по международным отношениям и, что представляется автору не менее значимым, семистраничного «известного эссе»¹¹, опубликованного в 1967 г. В нем в качестве приоритетной причины конфликта названы не внешнеполитические амбиции правящих кругов государств-разжигателей войны, а их внутривосточные соображения. Наряду с этим не лишенным смысла предположением А. Пока высоко оценивает описание Майером принципов «пацифистской и рациональной дипломатии», к сожалению, отвергнутой после ПМВ западными державами¹². Зачинателями оной названы Вудро Вильсон и Владимир Ленин с его «Декретом о мире». Не то удивительно, что американский интеллигент — самопровозглашенный «левый диссидент-марксист» — считал Ульянова-Ленина пацифистом, а то, что этот популярный в 1990-е годы в кругах, далеких от профессионального сообщества историков, тезис может сегодня рассматриваться в качестве вклада в изучение ПМВ, сопоставимым с фишеровским.

Пок констатировал, что советская/российская историография «не учитывается в большинстве историографических обзоров»¹³.

¹⁰ Pók 2023: 24.

¹¹ Pók 2023: 25.

¹² Mayer 1967.

¹³ Pók 2023: 29.

Причину этого автор увидел в преимущественном внимании российского общества к трагедии Второй мировой войны, унесшей десятки миллионов жизней советских граждан, на фоне которой интерес к ПМВ можно назвать умеренным. Российскому читателю нет необходимости объяснять, что это не так, что изучение ПМВ имеет в России давнюю традицию, причем война рассматривается не только в российском, но и во всемирно-историческом контексте. Но до тех пор, пока незнание русского языка будет «техническим» оправданием игнорирования одной из значимых национальных историографий, историки будут обречены на цитирование растиражированных международной журналистикой выступлений президента Российской Федерации¹⁴.

Взявшись за неподъемную задачу описания тенденций и интерпретаций ПМВ, Пок заранее парировал возможные вопросы заявлением: «Я лишь хотел, чтобы этот историографический обзор был своего рода обязательным упражнением, прежде чем <...> поднять некоторые насущные и актуальные проблемы»¹⁵. Таковыми ему видятся особенности сегодняшней исторической памяти и исторической политики в ЦЮВЕ. А именно, отколовшиеся в свое время от Венгерского королевства народы — носители тех самых воинствующих национализмов — видят друг в друге не столько добрых соседей, сколько бывших военных противников.

Что может противопоставить этому историческая наука (*science*)? «У нашей дисциплины — важнейшая обязанность способствовать развитию взаимной эмпатии, потому что разрешение конфликтов начинается с понимания противоположной точки зрения»¹⁶, — ответил автор, делясь с читателем опытом своих усилий на этом поприще. В качестве организатора науки (*science organizer*) он участвовал в проведении известной конференции, приуроченной к 100-летию начала ПМВ и состоявшейся в 2014 г. в Сараево:

Я все еще с какой-то искренней наивностью надеялся, что столетняя годовщина послужит уникальным и чрезвычайно символичным моментом. Если мы должным образом вспомним и отметим лето 1914 г., наука и политика могут в унисон послать сигнал общественному

¹⁴ Pók 2023: 30.

¹⁵ Pók 2023: 30.

¹⁶ Pók 2023: 21.

мнению нашей страны, нашего региона и нашего континента, что есть шанс, что однажды мы преодолеем травмы XX в.¹⁷

Увы, мероприятие вместо примирения зафиксировало неизменные разногласия между историками — представителями стран-победительниц и стран/народов, недовольных итогами ПМВ: «Травмы, связанные со 100-летием начала Первой мировой войны, по-прежнему формируют настоящее <...> в нашем регионе с драматической силой, как это происходит с памятью о Второй мировой войне»¹⁸.

Автор, к его чести, смотрит в будущее с оптимизмом: «Позвольте мне закончить текст менее научной (*scientific thought*), но более гуманной мыслью: будем реалистами — потребуем невозможно!»¹⁹. Трудно не присоединиться к призыву всеобщего примирения. Но с двумя оговорками. Во-первых, пение в унисон с политикой не на пользу «нашей дисциплине». Во-вторых, если история есть наука (*science*), то едва ли правомерно вменять ей в «обязанность» развитие чьей-либо эмпатии. Мы же не ожидаем этого от других наук — физики, микробиологии и т. п.

Глава «Центрально-восточноевропейские национальности и внешняя политика Франции в годы Первой мировой войны», написанная Густавом Д. Кечкешем, делится на две части. Первая проследит эволюцию отношения французских правящих кругов в целом и *Quai d'Orsay* в частности к дилемме сохранения или раздела Австро-Венгрии в 1914–1918 гг.:

Парадигма внешней политики Франции <...> претерпела радикальную трансформацию в ходе ПМВ. Если поначалу внешнеполитическое ведомство Франции не поддерживало усилия национальностей региона <...> по обретению независимости, то с 1916 г. французское правительство стало проявлять к ним все больший интерес, особенно, к полякам и чехам. Это изменение было вызвано, главным образом, новыми вызовами на театре военных действий, а не давлением со стороны чешских политиков-эмигрантов, чрезвычайно активных французских славистов и общественного мнения. Инструментализация Центральными державами национального вопроса в военных целях, а также растущий дефицит солдат <...> поставили в повестку дня вопрос об использовании чешских военнопленных и поляков.

¹⁷ Pók 2023: 21, 34.

¹⁸ Pók 2023: 33.

¹⁹ Pók 2023: 38.

Их военное значение укрепляло политические позиции польских и чешских эмигрантов во Франции. <...> Фактором, который больше всего повлиял на политику Франции, стал выход из войны ее российского союзника. <...> Вот почему Парижу пришлось искать другой противовес, который находился бы в тылу Германии. <...> Решение виделось в создании дружественных Франции национальных государств, из чего логически вытекала программа ликвидации монархии²⁰.

Вторая часть текста представляет собой «более глубокое объяснение подспудных причин трансформации французской внешней политики» в отношении ЦЮВЕ. Речь идет о «двух конкурировавших концепциях: принципе права наций на самоопределение и представлении о необходимости сохранения Европейского концерта, основанного на равновесии пяти великих держав. Странников первой концепции называли “прогрессистами”, а второй — “консерваторами”»²¹.

В статье Марка Корнуолла «Освобождение из тюрьмы народов? Выход и ожидания во время распада Австро-Венгрии» проверяется состоятельность «мифа» о том, что государство в последние годы существования одинаково воспринималось населявшими его славянскими народами как «царство террора». «Очевидно, именно это угнетение обрекло монархию Габсбургов на гибель. Ее жители стремились покинуть темницу. В конце концов, с помощью друзей извне Бастилию удалось взять приступом, и они добились своего освобождения»²², — британский автор продемонстрировал, что подобное представление, одним из приверженцев которого был Роберт Уильям Сетон-Уотсон (1879–1951), упрощает реальную картину того, как чехи, словенцы, хорваты, сербы и прочие покидали тонущий корабль. Перечисленные народы накануне и в ходе ПМВ испытывали разные «противоречивые ожидания» в отношении империи, изучение которых «помогает понять динамику выхода (*exit*)» из нее в 1918 г. Корнуолл показал разницу между «чешским политическим руководством, которое к 1918 г. казалось наименее двусмысленным, наиболее решительным в своей антигабсбургской позиции»²³, и югославянами, «исход которых был гораздо менее предсказуем и зависел

²⁰ Kecskés 2023: 52.

²¹ Kecskés 2023: 54.

²² Cornwall 2023: 64.

²³ Cornwall 2023: 79.

от постепенного отказа от любого жизнеспособного варианта будущего, связанного с Габсбургами»²⁴. Имея в виду эти «региональные траектории», не следует, впрочем, забывать, что «реальное слияние движений на выход, приведшее к окончательному распаду, произошло только в октябре 1918 г.»²⁵.

В заключение автор напомнил, что метафора «тюрьмы народов» пережила Австро-Венгрию:

В государствах-наследниках ее взяли на вооружение не только победители для аргументации своего освободительного нарратива, но и многие, кто испытывал *déjà vu*, как будто ущербное правовое государство Габсбургов все еще существовало. С самого начала некоторые национальные лидеры, такие как Андрей Глинка или Степан Радич, отказывали Чехословакии и Югославии в легитимности, поскольку те не оправдали их ожиданий и представлений об автономии или освобождении²⁶.

Статья М. Корнуолла ценна тем, что она, помимо опровержения мифов, расширила представления узких специалистов-страноведов об общем контексте происходившего в судьбоносные моменты истории ЦЮВЕ. В то же время кое-где склонность автора к широким обобщениям его подводит. А именно, натянутой кажется аналогия между драмой «выхода» славянских народов из Австро-Венгрии и «травмами, понесенными Соединенным королевством в связи с брекзитом»²⁷.

В статье Арпада Хорняка «Британская политика на Балканах и проблема сербских территориальных уступок. 1914–1915» рассмотрены дипломатические усилия Лондона, а также Парижа и Петербурга по принуждению Сербии к отказу от доставшейся ей по итогам Балканских войн Македонии в пользу Болгарии, дабы та встала на сторону Антанты. По замыслу *Foreign Office*, Сербия, приносящая территориальную жертву во имя общей победы, должна была довольствоваться обещаниями присоединения к ней после войны Боснии и Герцеговины, некоторых отрезков Адриатического побережья и прочих земель Австро-Венгрии, населенных югославянами. С ходом переговоров между сербским правительством и союзниками,

²⁴ Cornwall 2023: 76.

²⁵ Cornwall 2023: 81.

²⁶ Cornwall 2023: 83.

²⁷ Cornwall 2023: 64.

которые, как известно, закончились безрезультатно, отечественный читатель знаком благодаря работам А.Л. Шемякина (1960–2018), опиравшегося на российские документы²⁸. Ценность статьи венгерского коллеги состоит в том, что она вводит в оборот материалы британских архивов (*The National Archives, Foreign Office*) и поэтому делает наши представления об известной проблеме более широкими и объективными.

Статья Барны Абрахама «От союза к союзу: Трансильвания в процессе румынского национального и государственного строительства в период с 1867 по 1918 г.», по словам автора, «направлена на то, чтобы выйти за рамки монолитного и идеологического повествования, которое стало крайне политизированным в прошлом столетии, а также выявить альтернативы, которые были актуальны в свое время, но которым в наши дни уделяется меньше внимания»²⁹. Текст разделен на следующие параграфы: «Румынское национальное движение и венгерское национальное государство»; «Представление о единстве румын, живущих по обе стороны Карпат», «Вечная Трансильвания: Идея автономной румынской национальной территории в Восточном регионе Венгрии»; «Проблема Трансильвании в годы Великой войны».

Кристиан Чаплар-Дегович задачу исследования «Сербия, албанский вопрос и проблема международного мира накануне Великой войны» определил как воссоздание «образа Сербии» в «опубликованных источниках Антанты»³⁰, в которых представлены взаимоотношения великих держав во время Балканских войн и Албанского кризиса 1913 г. Образ получился весьма воинственный. А именно, в 1912 г. Сербия, не знавшая меры в территориальных притязаниях, вместе с союзниками нарушила хрупкий *status quo* на Балканах, перечеркнув многолетние усилия по «урегулированию Восточного вопроса» (*management of the Eastern Question*). По словам автора, «великие державы, имевшие свои интересы на полуострове, были вынуждены реагировать, что не могло не сказаться на взаимоотношениях их союзов»³¹. Речь идет, разумеется, об Австро-Венгрии, «не стремившейся, на самом деле, к территориальной экспансии и не возражавшей

²⁸ Шемякин 2011: 175.

²⁹ Ábrahám 2023: 111.

³⁰ Csaplár-Degovics 2023: 136.

³¹ Csaplár-Degovics 2023: 138.

против таковой со стороны Сербии, которой она единственно отказывала в выходе на Адриатику»³².

Что касается взаимоотношений Вены и Берлина, с одной стороны, и Антанты, с другой, то они (известно, по чьей вине) стали «непоправимо дисфункциональными». Распознав «системные дефекты» Европейского концерта, Сербия не преминула ими воспользоваться. И с того момента, как произошло ее «сближение с Антантой (*the Rapprochement of the Entente and Serbia*) <...> до начала мировой войны оставалось всего несколько мгновений»³³. Другими словами, «Сербия тоже активно способствовала развязыванию Первой мировой войны (но не была единственной <...> ответственной за нее!)»³⁴.

Подобное видение предыстории ПМВ и тезис об ответственности Сербии за ее начало (не эксклюзивной, но ничуть не меньшей, чем у великих держав-разжигателей войны) получили распространение в историографии задолго до публикации рецензируемого труда. Свежее обоснование не выглядит вполне убедительным, так как его дискредитируют некоторые аргументы, несостоятельность которых продемонстрирована сто лет назад. В частности, в качестве неотъемлемой черты «образа Сербии» преподносятся «злодеяния» (*atrocities*) ее армии в Косово и Метохии, столь ужасные, что они отвратили Вену от идеи прийти к компромиссу с Белградом: «Сербские солдаты, вошедшие в Призрен, зверски пытали местного консула Австро-Венгрии, чеха Оскара Прохаску. Не исключено, что несчастный дипломат был кастрирован своими мучителями»³⁵. Правда в том, что О. Прохаску (1876–1945) никто не пытал, и его — живого и здорового — обнаружил в Скопле другой австрийский консул, Эдлен. Остается непонятным, по какой причине К. Чаплар-Дегович оказался задним числом вовлеченным в «дело Прохаски» (*Prohaska Affair*)³⁶. Ее суть раскрыл в мемуарах российский дипломат в Белграде В. Н. Штрандтман:

Насколько Сербии приходилось считаться со всякими злостными интригами, не говоря о чисто военных и политических задачах,

³² Csaplár-Degovics 2023: 142.

³³ Csaplár-Degovics 2023: 158.

³⁴ Csaplár-Degovics 2023: 137.

³⁵ Csaplár-Degovics 2023: 148.

³⁶ Mörsdorf 2022.

порождаемых враждебной Австро-Венгрией, показывает инцидент, изобретенный в Вене, в связи с застигнутым сербами в Призрене австро-венгерским консулом Прохаской. В ноябре месяце в Белграде распространился слух, что сербы не только предали этого консула истязаниям, но, быть может, и убили его <...>. Этот инцидент чуть не довел Вену до предъявления ультиматума Сербии, и только возвращение Прохаски в Австрию и личное его заявление о том, что никаким не только истязаниям, но и лишениям он не подвергался, дало возможность придать случившееся забвению. До разбора инцидента положение казалось критическим³⁷.

«Пусть поляки знают, чего они могут ожидать от нас...». Польский вопрос сквозь призму венгерской элиты, 1914–1919» — статья Миклоша Митровича реконструировала позицию венгерского истеблишмента по польскому вопросу, помещая ее в контекст взаимоотношений Австро-Венгрии и Германии, а также общего хода ПМВ. Автор проследил различия в подходах правительственных кабинетов и парламентской оппозиции. Первые «поддерживали польские усилия по обретению независимости до тех пор, пока те не затрагивали дуалистическую систему»³⁸. Имеется в виду «австро-польский субдуалистический сценарий». Оппозиционные деятели высказывались в пользу триалистического решения и даже создания объединенного и независимого польского государства. Ни один из вариантов, предлагавшихся Веней или Будапештом, не устраивал Германию, которая настаивала на формировании подконтрольного Берлину польского «буферного государства». Содержание работы превосходит рамки, оговоренные в заголовке, и читатель получает адекватное представление о политике и планах Центральных держав в отношении собственных польских земель, а также Царства Польского.

Статья Эникэ Дярмати «Федерализм в Австро-Венгрии во время Великой войны» представляет собой обзор проектов федерализации империи довоенного времени и военных лет — официальных и неофициальных, сформулированных австрийскими, венгерскими, югославянскими, румынскими государственными, общественными и политическими деятелями. Первыми упоминаются концепции Адольфа Фишхофа и Теодора Фукса по преобразованию Австро-Венгрии

³⁷ Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания. М.: Книжница; Русский путь, 2014. С. 185.

³⁸ Mitrovits 2023: 178.

в «монархическую Швейцарию» (1869, 1914). В последнюю очередь — предложения Карла I Габсбурга (1916–1918 г.), высказанные его представителями в ходе тайных переговоров с Антантой в 1917 г., и императорский манифест от 16 октября 1918 г., в котором говорилось о планах преобразования австрийской части монархии.

Отдельное внимание уделено стороннему восприятию идеи реформы дуализма во время ПМВ — отношению к этим проектам британских, французских, американских правящих и общественных кругов, а также руководителей чешских и югославянских эмигрантских организаций, которые выступали категорически против сохранения монархии Габсбургов в какой бы то ни было форме.

С другой стороны, «федерализм, триализм и квадрилизм — все это также не было популярно среди тех, кто влиял на австрийское и венгерское общественное мнение»³⁹. Наряду с этим обстоятельством, автор назвал и иные причины, по которым планы федерализации империи так и не позволили «свернуть с тупиковой улицы войны». А именно:

[О]тветственные лица, принимавшие политические и военные решения в Антанте и Центральных державах, рассматривали мир на основе консенсуса как своего рода банкротство или политическое самоубийство. В атмосфере растущего разочарования предпочтительной целью, на которой настаивало, прежде всего, военное руководство, стало достижение окончательной победы. Вот почему приоритет отдавался достижению военных целей, а не тому, чтобы превращать <...> федералистские концепции в политические планы действий. Великая война, наконец, закончилась военной победой Антанты. Следовательно, для обеспечения центральноевропейского баланса сил была создана не федеративная Австро-Венгрия, а суверенные и независимые государства, образованные народами монархии, хотя эта гарантия оказалась недолговечной⁴⁰.

Тамаш Ревес в работе «Между революционными концепциями и имперскими традициями. Военная политика новых революционных правительств Австрии и Венгрии в 1918 году» вынес на суд читателя сравнительный анализ усилий «революционных правительств» в Вене и Будапеште сначала по демобилизации военнослужащих

³⁹ Gyarmati 2023: 201.

⁴⁰ Gyarmati 2023: 202.

распавшейся империи Габсбургов, а затем — по организации новых республиканских вооруженных сил. Автор оппонирует «мощной межвоенной мифологии правых кругов»: «Хотя это неоднократно утверждалось в мемуарной литературе, военную политику новых республиканских правительств вряд ли можно охарактеризовать как неблагодарную и антимилиитаристскую»⁴¹.

Статья Л. Сарки «Национальное развитие и политика в отношении меньшинств в многоэтнических государствах Центрально-Восточной Европы» созвучна написанному им же «Введению» о пагубном воздействии национализмов стран ЦЮВЕ, особенно тех, которые возникли на землях, некогда принадлежавших Австрии и Венгрии. Во втором тексте проанонсирован

анализ аргументов, которыми <...> в 1920-е годы страны региона с фундаментально многоэтнической структурой подкрепляли свою самоидентификацию как национальных государств; как они пытались подогнать под прокрустово ложе искусственной однородной политической нации те титульные нации (*majority nations*), которые хоть и были в родстве друг с другом, но стремились к автономной национальной жизни; и в какой степени они гарантировали права этнических меньшинств⁴².

Ответ на первый и одновременно второй вопрос гласит, что «национализм государственного строительства», исповедуемый создателями таких «искусственных» и многонациональных конструкций, как Югославия и Чехословакия, опирался на «требования национального самоопределения и национального суверенитета». Что касается третьего, то последние несколько страниц посвящены описанию «наказания», которому победители подвергли Венгрию и Австрию в нарушение всех декларируемых принципов. Оно состояло в отторжении от них земель с венгерским и немецким большинством»⁴³, в «демаркации границ, которые игнорировали этнические реалии», а также в «постоянном ограничении и нарушении прав» меньшинств.

По мнению Чабы Катона, — автора последней статьи в сборнике, озаглавленной «Источники повседневной жизни во время войны: дневники и мемуары в исследованиях о Первой мировой

⁴¹ Révész 2023: 214, 225.

⁴² Szarka 2023 II: 229.

⁴³ Katona 2023: 248–249.

войне», — в последние годы «общий акцент» в изучении ПМВ сместился от военно-дипломатической и политико-экономической проблематики в сторону «социокультурных аспектов, допускающих более широкую трактовку»⁴⁴. Преимущество нового подхода видится в том, что он «способен выйти за рамки канонизированных нарративов национальных историографий, неумолимо противопоставляемых друг другу из-за неизменного положения победителей и проигравших»⁴⁵. «Будни на поле боя и в тылу, опыт и впечатления “человека с улицы”, попавшего в водоворот войны»; «радикальные трансформации семейных отношений и женщины как отдельная тема»; «случайные любовные отношения во время войны» — обо всем этом поведают «дневники и воспоминания — повествования о повседневной жизни и человеческих судьбах, в которых необъятное целое отражается, как в зеркале»⁴⁶.

В заключение подчеркнем, что рецензируемый сборник представляет собой значимый научный вклад в изучение Первой мировой войны. Большая часть статей, хоть и не разоблачает «вирулентный» национализм и не пробуждает взаимную «эмпатию» в той мере, как это анонсировалось ответственными редакторами, расширяет наши представления о широком спектре конкретных исторических проблем, то есть полностью соответствует ожиданиям от коллективного сборника трудов.

Список сокращений

ПМВ — Первая мировая война

ЦЮВЕ — Центральная и Юго-Восточная Европа

Литература

Шемякин 2011 — *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. С. 175–216.

Ábrahám 2023 — *Ábrahám B.* From union to union: Transylvania in the Romanian nation- and state-building process between 1867 and 1918 // Nationalisms

⁴⁴ Katona 2023: 251.

⁴⁵ Katona 2023: 257.

⁴⁶ Katona 2023: 258.

- in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe / eds L. Szárka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, 2023. P. 111–135.
- Cornwall 2023 — *Cornwall M.* Escaping a prison of peoples? Exits and expectations at the end of Austria-Hungary // Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe / eds L. Szárka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, 2023. P. 62–83.
- Csaplár-Degovics 2023 — *Csaplár-Degovics K.* Serbia, the Albanian question and the issue of international peace on the eve of the Great War // Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe / eds L. Szárka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, 2023. P. 136–158.
- Gyarmati 2023 — *Gyarmati E.* Federalism in Austria-Hungary during the Great War // Nationalisms in Action: The Great War and Its Aftermath in East-Central Europe. Komárom: J. Selye University, 2023. P. 180–204.
- Hornýák 2023 — *Hornýák Á.* The British Balkans policy and the question of Serbian territorial concessions, 1914–1915 // Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe / eds L. Szárka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, 2023. P. 84–110.
- Katona 2023 — *Katona Cs.* The sources of everyday life during the war: Diaries and memoirs in research on the First World War // Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe / eds L. Szárka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, 2023. P. 251–268.
- Kecskés 2023 — *Kecskés D. G.* East-Central European nationalities and French foreign policy during the First World War // Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe / eds L. Szárka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, 2023. P. 41–61.
- Mayer 1967 — *Mayer A. J.* The domestic causes of the First World War // The responsibility of power: Historical essays in honor of Hajo Holborn / ed. by L. Krieger, F. Stern. Garden City (NY): Doubleday and Company, 1967. P. 286–293.
- Mitrovits 2023 — *Mitrovits M.* “Let the Polish know what they can expect of us...” The Polish question through the prism of the Hungarian élite, 1914–1918 // Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe / eds L. Szárka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, 2023. P. 159–179.
- Mörsdorf 2022 — *Mörsdorf S.* The Prochaska affair revisited: Towards a reevaluation of Austria-Hungary’s Balkan consul // The Hungarian Historical Review. 2022. Vol. 11. № 2. P. 305–328.
- Pók 2023 — *Pók A.* The principal trends in the interpretation of the First World War // Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe / eds L. Szárka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, J. Selye University, 2023. P. 20–40.
- Révész 2023 — *Révész T.* Between revolutionary concepts and imperial traditions. Military policies of the new revolutionary governments of Austria and

- Hungary in 1918 // Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe / eds L. Szárka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, 2023. P. 205–227.
- Szarka 2023a – Szarka L. The Great War in East-Central Europe: Nationalisms, empires and long-term consequences // Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe / eds L. Szárka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, 2023. P. 9–19.
- Szarka 2023b – Szarka L. National development and minority policies in the multiethnic states of East-Central Europe // Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe / eds L. Szárka, A. Pók. Komárom: J. Selye University, 2023. P. 228–250.

References

- Ábrahám, B., 2023. From union to union: Transylvania in the Romanian nation- and state-building process between 1867 and 1918. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom: J. Selye University, pp. 111–135.
- Cornwall, M., 2023. Escaping a prison of peoples? Exits and expectations at the end of Austria-Hungary. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom, pp. 62–83.
- Csaplár-Degovics, K., 2023. Serbia, the Albanian question and the issue of international peace on the eve of the Great War. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom: J. Selye University, pp. 136–158.
- Gyarmati, E., 2023. Federalism in Austria–Hungary during the Great War. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom: J. Selye University, pp. 180–204.
- Hornyák, Á., 2023. The British Balkans policy and the question of Serbian territorial concessions, 1914–1915. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom: J. Selye University, pp. 84–110.
- Katona, Cs., 2023. The sources of everyday life during the war: Diaries and memoirs in research on the First World War. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom: J. Selye University, pp. 251–268.
- Kecskés, D., 2023. East-Central European nationalities and French foreign policy during the First World War. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom: J. Selye University, pp. 41–61.

- Mayer, A.J., 1967. The domestic causes of the First World War. In: Krieger, L., Stern, F., eds. *The responsibility of power: Historical essays in honor of Hajo Holborn*. Garden City (NY): Doubleday and Company, pp. 286–293.
- Mitrovits, M., 2023. “Let the Polish know what they can expect of us...” The Polish question through the prism of the Hungarian élite, 1914–1918. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom, pp. 159–179.
- Mörsdorf, S., 2022. The Prochaska affair revisited: Towards a reevaluation of Austria-Hungary’s Balkan consul. *The Hungarian Historical Review*, 11, 2, pp. 305–328.
- Pók, A., 2023. The principal trends in the interpretation of the First World War. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom: J. Selye University, pp. 20–40.
- Révész, T., 2023. Between revolutionary concepts and imperial traditions. Military policies of the new revolutionary governments of Austria and Hungary in 1918. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom: J. Selye University, pp. 205–227.
- Shemiakin, A. L., 2011. Pervaia mirovaia voina. Rozhdenie Iugoslavii [The First World War. The Birth of Yugoslavia]. In: Nikiforov, K.V., ed. *Iugoslaviia v 20 veke: Ocherki politicheskoi istorii* [Yugoslavia in the twentieth century: essays on political history]. Moscow: Indrik, pp. 175–216. (in Rus.)
- Szarka, L., 2023. The Great War in East-Central Europe: Nationalisms, empires and long-term consequences. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom: J. Selye University, pp. 9–19.
- Szarka, L., 2023. National development and minority policies in the multiethnic states of East-Central Europe. In: Szárka, L., Pók, A., eds. *Nationalisms in action: The Great War and its aftermath in East-Central Europe*. Komárom: J. Selye University, pp. 228–250.

Alexander A. Silkin

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

After the War: “Virulent” Nationalisms and Collective Memory Traumas in East-Central-Europe

**Rez. on: Szarka, L., Pók, A., eds, 2023. Nationalisms in Action:
The Great War and its Aftermath in East-Central Europe.
Komárom: J. Selye University, 269 p.**

The collection of articles edited by Hungarian historians László Szárka and Attila Pók focuses on the consequences of the First World War for the peoples of East-Central Europe, the efforts of national minorities to achieve their own goals with the support of ethnically related states, and the nation-building strategies announced by these minorities. Avoiding the search for an answer to the question of personal and collective responsibility for the consequences of the global armed conflict, the authors of the specific-historical articles of the collection add new valuable details to the history of the countries and peoples of the region in the period of the world wars.

Keywords: dissolution of Austria-Hungary, national minorities, historiography

How to cite: Silkin, A. A., 2023. After the war: “Virulent” nationalisms and collective memory traumas in East-Central-Europe. Rez. on: Szarka, L., Pók, A., eds. 2023. Nationalisms in Action: The Great War and its Aftermath in East-Central Europe. Komárom: J. Selye University, 269 p. *Central-European Studies*, 6, pp. 411–428. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.15>.

Научное издание

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2023
Выпуск 6

Главн. ред. *О. В. Хаванова*
Корректор *Л. М. Лемешева, Г. В. Засыпкина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки и логотипа *П. К. Донской*

Подписано в печать 25.12.2023. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 27
Тираж 500 экз. Заказ № 3110

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86